

331

П 12 п

К. А. ПАЖИТНОВ
профессор Петроградского университета

Воскресенский
Библиотечный

323
101
✓

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ

Том I.

Период крепостного труда

1584.

СЛОЖИ

1584

Шиб. 400

Издательство „БЫЛОЕ“
ПЕТРОГРАД
1925.

Учебно-Практическая
Школа-Типография
имени тов. Алексева
Красная, 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предметом настоящей работы является изучение положения рабочего класса в России, взятого в его историческом развитии. Начало возникновения у нас крупной промышленности, основанной на разделении труда и применении более или менее сложных средств и орудий производства, относится приблизительно к середине XVII века; с этого же момента стал складываться и численно расти тот особый класс, который раньше именовался работными или мастеровскими людьми и рабочими чинами, а впоследствии получил название промышленного пролетариата. Изучение его положения было начато мною еще в 1904—1905 г.г. под впечатлением событий надвигающейся революции—в книге, носящей то же самое заглавие, как и теперь; но собранный в ней материал относился лишь к периоду после падения крепостного права. Новая революция, выдвинувшая целый ряд острых проблем, побудила меня вновь вернуться к этой теме; но чем более я вдумывался в нее, тем более становилось очевидным, что правильное понимание настоящего требует знания отдаленного прошлого и что поэтому работу необходимо начать с самого начала, т. е. с момента возникновения крупной промышленности.

На протяжении двухсот пятидесяти слишком лет своего существования рабочему классу пришлось испытать ряд коренных изменений в своем положении, соответствующих трем основным периодам его исторического развития. Первый—охватывает промежуток времени от начала возникновения крупной промышленности до падения крепостного права; это—период господства принудительного труда, когда рабочий класс формировался путем приписки государственных крестьян, покупкой в собственность, или из рекрутских наборов, а внутренние отношения между работниками, с одной стороны, и фабрично-заводской администрацией—с другой—определялись всецело односторонним распоряжением господина к своему подчиненному, наложившим свою тяжелую печать на все отношения между рабочим и предпринимателем.

Второй простирается от 1861 до 1905 г.; это—период свободного договора в условиях полицейско-бюрократического строя. Рабочий избавился от гнета беспрекословного повиновения воле предпринимателя и получил драгоценное право распоряжения своим трудом; но неблагоприятные общие условия экономической и политической жизни помешали ему использовать надлежащим образом это право и изменить сколько-нибудь заметно свое положение к лучшему.

Наконец, третий начавшись с 1905 г., продолжался до 1917 г., это — период революционной борьбы за достижение более высокого уровня жизни путем изменения общих условий существования рабочего класса.

С чисто логической точки зрения второй и третий периоды в истории рабочего вопроса, установленные мною выше, не являются вполне самостоятельными и цельными, а только как бы подразделениями одного основного периода, именно — периода свободного труда в противоположность предшествующему периоду, характеризующемуся началом принудительности. Но практические соображения большего удобства, как в изложении материала, так и в усвоении его, побуждают рассматривать их, как самостоятельные и обособленные периоды.

Настоящий выпуск посвящается исключительно первому периоду крепостного труда, который чрезвычайно скудно освещен в нашей литературе. Огромная масса материалов лежала нетронутой в наших архивах, скрывавших свои сокровища от лиц, интересовавшихся „запретным“ вопросом. Часть этих материалов, находящаяся в архивах б. Министерства внутренних дел, III-го Отделения собственной его величества канцелярии и Государственного Совета, использованы мною; другие же архивы (в том числе такие, как архив мануфактур-коллегии, министерства финансов и др.) находятся, к сожалению, в таком состоянии, которое делает невозможным пользование ими. Не питая надежды на скорое восстановление их, я решаюсь выпустить книгу в ее настоящем виде, — тем более, что, кроме архивных, имеется еще очень много других материалов по данному вопросу, которые до сих пор не подвергались систематической разработке. Считаю долгом при этом выразить свою признательность Г. Ф. Лаппо, А. А. Шилову и А. В. Шебалову, благодаря содействию которых, несмотря на трудности, мне удалось извлечь из мрака неизвестности не мало ценных для освещения вопроса данных.

Петроград, 10 ноября 1922 г.

Автор.

ГЛАВА I.

Очерк развития крупной промышленности.

Из всех отраслей промышленности горное дело раньше других приняло форму крупного производства и получило у нас распространение. Производство железа было известно в России уже с глубокой древности. Есть основание думать, что наиболее раннее развитие оно получило в нынешней Новгородской губернии около города Устюжны-Железнопольской. „Здесь на пространстве около 60 верст по всем направлениям леса и теперь покрыты полузаросшими угольными разработками, а открытые места покрыты шлаком от бывших плавильных печей“. Весьма рано производство железа встречается также в Олонецкой губ. и в окрестностях бывшего города Деилова недалеко от Тулы. И здесь, и там железо добывалось непосредственно из руды в сыродутных горнах или в мало отличавшихся от них домницах, каковой способ вообще господствовал у нас до самого XVII века. Производство носило характер мелкого, ремесленного, и ни одного крупного завода не было ¹⁾.

Дальнейшее развитие железодельной промышленности и появление крупных заводов было связано с ростом потребности правительства в средствах государственной обороны. Для удовлетворения этой потребности московское правительство уже в конце XV века при содействии иностранных мастеров (Аристотель Фиоравенти, Павел Дебосис и др.) принялось за отливку орудий, как бронзовых, так и чугунных; для литья пушек в Москве был основан особый арсенал, называвшийся „пушечной избой“. Так как, однако, у нас не было доменных печей и не добывалось собственного чугуна, то приходилось отливать чугунные орудия из привозного чугуна. Но и по отношению к железу потребность не покрывалась внутренним производством, так что еще в конце XVI века к нам привозилось за весьма высокую цену шведское железо.

По мере роста военных задач и усовершенствования военной техники вопрос о создании собственных чугуноплавильных и железодельных заводов становился всё более насущным. В 1569 г. Иваном Грозным была дана привилегия англичанам на постройку чугуноплавильного завода в Сольвычегодском уезде (Вологодской губ.), но эта попытка окончилась неудачей.

¹⁾ И. Герман. Историческое начертание горного производства. 1810 г.—Справочная книжка для русских горных людей. Год первый и второй (1862-1863 г. г.).—В. Ден. Каменноугольная и металлургическая промышленность России. 1907.

После Смутного времени, при Михаиле Федоровиче были открыты заводы в Соликамске, Костроме, Владимире и Туле, при чем выписывались из Саксонии горные мастера, ружейники и рудокопы.

Готовясь ко второй войне с Польшей, правительство предприняло в 1630 г. переустройство армии и ввело регулярный строй по иностранному образцу. Оружие и снаряды выписывались из-за границы, из Швеции и Голландии; но это было и дорого, и хлопотливо. Пришлось поэтому подумать о развитии собственного производства. В 1626 г. был разрешен свободный въезд в Россию английскому инженеру Бульмерру, который „своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую и серебряную и медную и дорогое камень и места также знает достаточно“. В 1634 г. в Саксонию и Брауншвейг были посланы специальные люди нанимать медноплавильных мастеров с обещанием, что „им меди будет делать в Московском государстве много“; значит, успели найти обильные залежи. Нашлись и заводчики из иностранных капиталистов. В 1632 г. голландский купец Андрей Виниус с товарищами получил концессию на устройство вододействующих заводов близ Тулы для выделки чугуна и железа, обязавшись приготовить для казны по удешевленным ценам пушки, ядра, ружейные стволы и всякое железо. В 1644 г. другой компании иноземцев, с гамбургским купцом Марселисом во главе, была дана двадцатилетняя концессия на устройство железоделательных заводов по рекам Ваге, Шексне, Костроме и в других местах на таких же условиях. В самой Москве в конце царствования Михаила на реке Неглинной был устроен завод, на котором иноземные мастера отливали большое количество пушек и колоколов. Заводчикам вменялось в обязанность учить русских людей, отданных им на выучку, всякому заводскому делу и никакого мастерства от них не скрывать. В 1670 г. в Калужской губ. на р. Истни был основан Истинский завод, а в 1674 г.—еще два чугуноплавильных и железоделательных заводов в Олонецкой губ. (Устьрецкий и Кедрозерский). К концу XVII в. общее число железоделательных заводов составляло уже 10. Все они работали почти исключительно на нужды государства и только в очень слабой степени—для вольной продажи. С этого времени центром железоделательной промышленности становится уже Урал. Впервые железная руда была найдена здесь еще в 1628 г. и тогда же на р. Нице был основан для ее разработки Ницинский завод (1631 г.); но он скоро пришел в упадок и в 1640 г. лежал уже в развалинах. Последующее его возрождение начинается уже вместе с преобразовательной деятельностью Петра.

Горные заводы при нем образовали четыре крупных группы или округа: Тульский, Олонецкий, Петербургский и Уральский. В первых двух горное дело было заведено еще раньше, но затем пришло в упадок. Петр поднял его и поставил на ноги: построены были железные заводы казенные и частные кузнецами Баташевым и Никитой Демидовым, а потом в Туле возник казенный оружейный завод, снабжавший оружием всю армию, с обширным арсеналом и слободами оружейных мастеров и кузнецов. Олонецкие заводы в 1701 г. пришлось взять в казну, так как в частных руках они шли плохо. В 1703 г.

на берегу Онежского озера построен был чугунолитейный и железодельный завод, ставший основанием г. Петрозаводска. Вслед за тем возникло несколько железных и медных заводов, казенных и частных, в Повенце и других местах края. Особенно широко развернулось горное дело в нынешней Пермской губ.; в этом отношении Урал можно назвать открытием Петра. Еще до первой поездки за границу он велел разведать всякие руды на Урале. Вернувшись с большим количеством нанятых горных инженеров и мастеров и ободренный благоприятными поисками и опытами, которые показали, что руда дает чистого доброкачественного железа почти половину своего веса, Петр построил в 1699 г. на р. Невье в Верхо-Турском уезде железные заводы, переданные через три года Демидову с обязательством ставить артиллерийские припасы, сколько понадобится. Вслед за Невьянским возникло на Урале много других казенных и частных заводов, которые образовали обширный горнозаводский округ. Управление им было сосредоточено в г. Екатеринбург, построенном на р. Исете управителем горных заводов Геннином. К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе находилось 9 казенных и 12 частных заводов—железных и медных, из которых пять принадлежали Демидову.

Производство железа к этому времени выросло до 4, а по некоторым источникам — даже до $6\frac{1}{2}$ милл. пудов в год, так что страна могла не только обходиться без шведского железа, но даже вывозила его за границу. Меди добывалось около 200,000 пуд. в год.

Такая минеральная добыча дала возможность Петру вооружить и флот, и полевую артиллерию огнестрельным оружием из русских материалов и русской выделки. После него осталось более 16 тыс. пушек, не считая флотских.

С целью развития частной предприимчивости в горном деле в 1719 г. была издана так называемая берг-привилегия, которой учреждалась особая коллегия для заведывания горным делом и устанавливался новый у нас принцип горной свободы. „Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственной, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы“.

При преемниках Петра уральская горная промышленность продолжала развиваться не менее интенсивно: в царствование Анны Ивановны было выстроено 12, при Елизавете — 30 и Екатерине II — 24 заводов. Всего к 1796 г. их насчитывалось 83. При этом скоро выяснилось, однако, что казенные заводы, несмотря на даровой труд, дают убыток. Поэтому к концу царствования Анны Ивановны было решено передать их в частные руки. Действительно, напр., Демидов на своих заводах производил вдвое более железа, хотя к его заводам было приписано четверо менее крестьян, чем к казенным, где их было до 25.000 душ. Однако, не все вели дело так, как Демидов. Многие из новых владельцев прославились только скандальным хищничеством, и некоторые заводы вновь вернулись за долги в казну.

Несмотря на это, всё же железодельная промышленность продолжала расти, и к 1782 г. выплавка чугуна на всех заводах России, по расчетам

Шторха, составляла $7\frac{1}{2}$ — 8 мил. п., т. е. значительно более, чем в Англии, Франции, Пруссии и Америке. Вывоз железа за границу также увеличивался и в конце XVIII века доходил иногда до 4 милл. пуд., при чем в числе всех вывозимых товаров железо занимало второе место, уступая только пеньке. Но затем положение дела резко изменяется. Вывоз железа начинает падать: так, в 1793 — 95 г.г. он составлял в среднем 2906 тыс. пуд. в год., в 1800-04 г.г. — 2120, 1821-30 г.г. — 1300, 1831-40 г.г. — 1362, 1841-50 г.г. — 788 и в 1851-60 г.г. только 747 тыс. пуд. Внутреннее производство, правда, увеличивалось, но очень слабо, не поспевая за ростом населения и успехами промышленности в других странах.

Выплавка чугуна за период от начала XIX столетия до конца тридцатых годов держалась на цифре около 10 милл. пуд. В сороковых годах она поднялась до 11,75 и в пятидесятых — до 15,25 милл. п. Между тем Англия, где в 1796 г. выплавлялось 8 милл. п. чугуна, т. е. столько же, сколько у нас, увеличила свое производство за данный промежуток времени в тридцать раз, доведя его в 1860 г. до 242 милл. пуд. Чем же объясняется эта перемена?

Прежде железоделательное и чугунолитейное дело производилось на древесном топливе. Однако, не везде леса находились в таком изобилии, чтобы массовое истребление их могло производиться беспрепятственно. В Англии уже во второй половине XVI века стала запрещаться рубка леса для целей железного производства, и последнее пришло в упадок. Этого затруднения не было в таких богатых лесом странах, как Россия или Швеция.

Естественно поэтому, что они обогнали другие государства в отношении выработки чугуна и железа. Но в 1735 г. А. Дерби был открыт способ выплавки чугуна на коксе, а в 1784 г. Г. Корт изобрел способ получать железо путем плавления чугуна в так называемых пламенных печах, допускающих применение любого горючего материала (пудлингование). Получив благодаря этому возможность использовать свои огромные минеральные богатства, Англия быстро поставила свою железную промышленность на первое место, вводя всё новые и новые усовершенствования в технику. Между тем на Урале в течение всего девятнадцатого века древесное топливо продолжало играть преобладающую роль, и техника развивалась чрезвычайно медленно. Доменные печи даже в 60-х годах, т. е. первое время после освободительной реформы, были старой конструкции; нагретое дутье, требующее почти в три раза меньше топлива при плавке чугуна, чем холодное, не применялось почти нигде; паровых машин не было, и заводы действовали обычно водяной силой. Пудлингование железа стало распространяться лишь с конца сороковых и начала пятидесятых годов; паровой молот оставался неизвестным и т. д.

При прежних условиях техники изобилие лесов выдвигало Урал на первое место, при новых же — он должен был отступить на задний план. Огромным тормазом в деле развития нашей промышленности служила также принудительная организация труда.

Весь процесс выплавки железа, начиная с рубки леса для доменных печей, перевозки материалов, добычи руды и кончая литьем чугунных и железных

изделий, исполнялся почти исключительно подневольным трудом приписных или крепостных крестьян. Будучи обязанными содержать всех приписанных к заводам рабочих с их семьями, предприниматели естественно старались использовать так или иначе их рабочую силу; поэтому сплошь и рядом людьми исполнялись здесь такие работы, которые на Западе давно уже перешли к машинам. Но крепостное право не только задерживало введение и распространение технических усовершенствований; оно отражалось и на крайне низком уровне интенсивности труда. „Крепостной человек, — писал Котляревский, — верит в то, что помещик обязан его кормить и вследствие этого он получает даровой хлеб, а за производимую работу — ничтожную плату.... За эту ничтожную плату есть ли какаянибудь цель трудиться, и вот под влиянием этого убеждения большая часть рабочих не привыкает к труду, не рассчитывает на него как на средство к жизни, не старается изучить какого-нибудь ремесла“¹⁾. В своей известной „Записке о крепостном состоянии в России“, относящейся к 1841 г., А. Заблоцкий-Десятовский указывал, что в то время, как у нас выплавка чугуна составляет 144 пуда на одного рабочего в год, в Англии она равняется 312½ пуд., и в этом справедливо усматривал одну из главных причин дороговизны нашего железа сравнительно с иностранным²⁾.

Но хотя и очень медленно, всё же металлургическая промышленность продолжала развиваться: в 1859 г., по данным комиссии для пересмотра горного устава, находилось в действии в общей сложности 224 завода,³⁾ из коих 185 было частных и 39 казенных. Выплавка чугуна за этот год выражалась в цифре 16.545.941 п. (в том числе на казенных заводах — 2.103.866 п.), железа — 12.158.083 и меди 319.839 пудов.

Размер наших металлургических предприятий был очень значителен, — в среднем на каждое из них приходилось около 1000 человек. Объясняется это не только слабым применением машин, но и тем еще, что производство велось на древесном топливе, которое требовало большого количества рабочих рук.

Второе место после железнорудной промышленности занимала, по количеству занятых в ней рабочих, добыча золота. Открытие его у нас относится к 1724 г., но добывание началось лишь в 1752 г. и долгое время составляло монополию казны. Лишь в 1812 г. впервые были разрешены поиски золота горнозаводчикам на Урале в их собственных дачах.

Ходатайства частных лиц о разрешении искать золото на казенных землях Сибири не удовлетворялись, и лишь в 1826 г. нескольким купцам удалось получить разрешение отыскивать золотоносные руды и пески в Вятской и Тобольской губ. в казенных дачах, не принадлежащих горным заводам. Затем началась выдача подобных же разрешений и по всей Сибири. Положением 1838 г. о частной золотопромышленности разрешалось потомственным и личным дворянам, почетным гражданам и купцам 1-ой гильдии производство

¹⁾ По поводу введения вольного труда на заводах. — „Горный Журнал“ 1863, № 1.

²⁾ Граф П. Д. Кислев и его время. 1882, т. IV.

золотого промысла в Западной и Восточной Сибири, за исключением Забайкальского края, Алтайского горного округа и киргизских земель.

Первое время, когда добыча золота составляла монополию казны, промышленность развивалась очень туго: с 1752 по 1813 г. было добыто всего 430 пудов или в среднем по семи пудов в год. С 1814 по 1820 г. разработка золотых россыпей на Урале, где до сих пор сосредоточивался новый промысел, дала уже 124 пуда, а с 1821 по 1830 г.—около 2000 пуд. С этого времени центр тяжести золотопромышленности переносится в Сибирь. В 1828 г. купец Попов открыл важные месторождения золота в Томской губ. по р. Бирикулю и Кие, а в следующем году компания Рязанова, Казанцева и Баландина нашла в той же губернии необыкновенно богатый своей золотоносностью Кундустуольский ключ. В 1830 г. было открыто золото в Киргизской степи, а также в Красноярском и Минусинском округах. В 1842 г. была открыта северная система золотых промыслов Енисейского округа и вскоре после этого началась частная добыча золота в Верхнеудинском и Олекминском округах. Развитие производства за этот период выражается в следующих цифрах ¹⁾.

Добыто золота по всей России (в пудах):

1821 — 30 г.г.	2107
1831 — 40 г.г.	4328
1841 — 50 г.г.	13464
1851 — 60 г.г.	15695

При этом, на уральских казенных промыслах было добыто в 1860 г. 107 пуд. 28 ф., на частных—211 п. 8 ф., кабинетом его вел-ва—106 п. 31 ф. и на сибирских частных промыслах—1031 п. 27 ф.

По количеству занятых рук первое место принадлежало Восточной Сибири, где в 1860 г. числилось 27.824 рабочих; затем шел Урал с 11.088 рабочими и на третьем месте стояла Западная Сибирь—3.045 челов.

Вследствие целого ряда условий наша золотопромышленность сразу же приняла форму крупных предприятий. В сороковых годах на один прииск в Сибири приходилось от 56 до 192 рабочих, в пятидесятых—средним число 131 и в шестидесятых—67 челов. Общее число приисков составляло для Сибири в 1850 г. 207, в 1855 г.—234 и в 1860 г.—367. На Урале их было в 1860 г. 171; следовательно, на один прииск приходилось в среднем 65 рабочих.

Следующее место по своему значению занимает добыча соли, принадлежавшая к числу стариннейших наших промыслов. Первое солепромысловое заведение Строгановых, начатое с 1564 г., находилось на берегу Камы при устье р. Яйвы. В том же году были заведены солеварни на р. Пыскорне, а затем в 1586 г. на р. Чусовой и Яйве. Поваренная соль встречается у нас в виде каменной соли, самосадочной или озерной и, наконец, рассолов

¹⁾ Статистический временник Российской Империи. 1866 г.;—В. Семевский. Рабочие на Сибирских золотых промыслах, т. I. 1898 г.;—Новый энциклопед. словарь, т. XVIII.

в ключах, из коих получается посредством выварки. Во всех этих трех видах она встречается почти в неисчерпаемых количествах, но наши промышленники отдавали предпочтение второму: в 1860 г. на долю самосадочной приходилось 62,5%, выварной—32,5% и каменной—5% общего количества добычи. Последняя же составляла в 1852 г. 20.879.992 пуда, в 1855 г. — 31.557.557 и в 1860 г. — 26.660.202 пуда.

Самосадочной соли одним рабочим в лето добывалось в среднем от 1000 до 1500 пудов. Поэтому общее количество занятых на соляных промыслах рабочих можно принять в цифре около 20.000 человек. Главным центром добычи каменной соли служили Кульпинские копи (Эриванск. губ.) и Илецкая Защита (Оренбургск. губ.), а самосадочной— Крымские и Астраханские озера; из солеваренных заводов крупнейшими были: Иркутский, Сереговский (Вологодск. губ.), Славянские (Харьковск. губ.) и др.

Что касается каменного угля, то добыча его в рассматриваемый период не получила сколько-нибудь значительного развития и находилась в зародышевом состоянии. Правда, Петр Великий обратил свое внимание на это полезное ископаемое, заметив, что „сей минерал если не нам, то внукам нашим будет весьма полезен“, и по его распоряжению на берега Северного Донца был командирован вызванный из Англии мастер Никсон с четырьмя помощниками. Однако, дальше проб дело не пошло; горное производство обходилось всецело древесным топливом, и только в начале XIX века разработка каменного угля была поставлена на более прочное основание. В середине сороковых годов добыча его составляла около 1½ миллиона пудов, а в 1860 г. повысилась до 7.288.887 пуд., из коих шесть миллионов приходилось на Донецкий бассейн.

Обращаясь теперь к обрабатывающей промышленности, нужно заметить, что первые попытки заведения крупного производства также относятся к очень отдаленному времени. Так, уже при Иване Грозном была сделана попытка устроить мельницу для изготовления бумаги, но она оказалась неудачной. В 1634 г. при Михаиле Федоровиче иностранному мастеру Коэту разрешено было „заводить и делать скляночное дело“ — отсюда возник Духанинский стекольный завод. В царствование Алексея Михайловича упоминается уже о существовании целого ряда предприятий нового типа. В Москве была устроена бумажная, суконная, полотняная и шелковая фабрика, завод венецианского стекла и хлебная мельница с выдачей правительственных субсидий как иноземцам (Тарбет и Сведен), так и русским промышленникам. В 1666 г. возник казенный завод для выделки сафьяна, а затем в селе Измайловском построен стекольный завод.

Имеются сведения о значительном распространении кожевенного промысла в половине XVII века. Лучшие юфтяные заводы находились в районах позднейших Казанской, Нижегородской, Ярославской, Костромской, Новгородской и Псковской губ. Упоминается также о салотопенных, мыловаренных и кирпичных заводах.

Само собой разумеется, что при организации новых производств приходилось в техническом отношении обращаться за помощью к иностранцам;

что же касается средств, то они давались как казной, так и местными промышленниками, составившими более или менее значительные капиталы в торговых операциях. За исключением разве кожевенных, салотопенных и тому подобных предприятий, выросших из народных промыслов и имевших незначительные размеры, эти попытки насаждения новой формы производства долгое время оставались разрозненными и худосочными и только со времени Петра Великого в истории нашей промышленности начинается новая эра.

При возвращении его из-за границы в 1698 г. с ним наехали в Россию всевозможные художники, мастера и ремесленники, которых он пригласил на свою службу; в одном Амстердаме были наняты до тысячи разных мастеров и ремесленников. В 1702 г. по Германии был опубликован особый манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. Пленившись шпалерной гобеленовой фабрикой в Париже, он задумал устроить такую же в Петербурге, и в 1716 г. были выписаны четыре мастера во главе с архитектором Леброном с жалованием в 5000 р. при казенной квартире и с правом выехать через пять лет из России со всем имуществом беспошлинно. Приглашаемым мастерам ставилось неперемное условие „учить русских людей без всякой [скрытности и прилежно“; кроме того, по всем главным промышленным городам Европы были разосланы десятки русских учеников, за обучение которых платились большие деньги.

Основатели фабрик и заводов освобождались от государственных и городских служб и иных повинностей, иногда даже с сыновьями и братьями, приказчиками, мастерами и учениками; они могли известное количество лет беспошлинно продавать свои товары и покупать материалы, получали безвозвратно пособия и беспроцентные ссуды. Мануфактур-коллегии поручено было особенно прилежно следить за компанейскими фабриками, в случае упадка наискорейше расследовать причину и, если она оказывалась в недостатке оборотных средств, тотчас „чинить капиталом вспоможение“. Промышленные предприятия ограждались от иноземной конкуренции запретительными пошлинами, которые возвышались по мере роста внутреннего производства, так что достигали стоимости привозного товара, если выработка его на русских фабриках равнялась заграничному привозу. Так как при бедности капиталов и слабости инициативы частная промышленность не поспевала обслуживать нужды государственной власти, увлеченной непрерывными преобразованиями, то широкое распространение получило участие самой казны. Петр обыкновенно строил нужные ему фабрику или завод на казенный счет и потом на льготных условиях сдавал их или даже навязывал частным предпринимателям. Так, в 1712 г. велено было завести казной суконные фабрики и отдать торговым людям, собрав компанию, а „буде волею не похотят, хоть в неволю, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласково им в том деле промышленять было“. Нигде в Европе — не только в Англии или Голландии, но даже в Пруссии или Франции, промышленная деятельность казны не была столь обширной и разносторонней, как у нас в России. Не все начинания Петра

оказались успешными. Шпалерную мануфактуру, напр., завели, мастерам платили большие деньги, но им пришлось сидеть без дела, так как в России не было пригодной шерсти. Предписывая в 1712 г. ряд мер к развитию суконного производства, Петр высказал уверенность, что через пять лет можно будет уже „не покупать мундиру заморского“; но и до самого конца его царствования достигнуть этого оказалось невозможным. Но в общем всё же ему удалось разбудить промышленную предприимчивость в стране и поставить дело на новые рельсы, по которым оно стало подвигаться потом уже в силу внутренней инерции.

Посошков в своей книге „О скудости и богатстве“, относящейся к 1724 г., даже выражает уверенность, что мы можем обойтись без иноземных товаров, а иноземцам без наших и десять лет не прожить. Действительно, некоторые производства не только удовлетворяли внутренний спрос, но и снабжали заграничные рынки, напр., железом, парусиной. Петр оставил после себя 233 фабрики и завода по самым разнообразным отраслям промышленности. На первом месте стояли здесь производства, связанные с военным делом — полотняное, парусинное, суконное, канатное.

В течение почти пятидесяти лет после Петра фабричная промышленность находилась под строгой опекой администрации и, вместе с тем, носила монопольный характер. Без разрешения Мануфактур-коллегии никто не мог заводить никаких фабрик и производить выработку товаров под опасением их конфискации. Эта опека стесняла развитие промышленности, а монополии убивали дух предприимчивости.

В 1736 г. Коммерц-коллегии поручено было обстоятельно рассмотреть, в совершенной ли исправности содержатся фабрики или кто под этим именем хочет избавиться от служб, постоя и пр. После этого освидетельствования оказалось, что многие лица содержат фабрики только для вида, и в 1744 г. „за неразмножением фабрик и за худым мастерством сделанных на тех фабриках товаров“ было закрыто 44 предприятия. Это обстоятельство способствовало усилению новых взглядов, отстаивавших принцип свободы труда, и в 1775 г. привилегии мануфактур были отменены, и всякий мог заводить фабрики, не требуя ни от кого разрешения. Введение явочного порядка оказало благотворное действие, и в 1776 г. было зарегистрировано уже 478 фабрик и заводов ¹⁾.

Что касается таможенной политики, то Новоторговым уставом 1667 г. по отношению к внешней торговле была допущена почти полная свобода: по религиозно-нравственным соображениям запрещался табак, из финансовых побуждений облагались высокими пошлинами вино и сахар, но все прочие

¹⁾ Семенов. Изучение российской внешней торговли и промышленности. 1858 г. I—III.—Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и в настоящем. 1893 г.; Ключевский. Курс русской истории, ч. IV.—Кулишер. Очерки истории русской промышленности. 1922 г.—Москва в ее прошлом [и настоящем]. Часть третья.—Д. Деятельная. Фабрики и заводы в царствование Петра Великого. 1917 г.

привозные товары оплачивались незначительной пошлиной в 5%¹⁾. При Петре I иностранный привоз также не встречал затруднений; были запрещены или облагались высокими пошлинами лишь следующие товары: некоторые шелковые изделия, краска бакан и иглы. Только в 1723 г., прядя к убеждению после путешествия по стране, что мануфактуры плохо подвигаются вперед и что иностранная конкуренция сказывается довольно сильно, Петр издал указ, отличающийся резко протекционистским духом. Тарифом 1724 г. были введены очень высокие пошлины, достигающие 75% ad valorem, на те продукты, которые производились в достаточном количестве в России, как, напр., скатерти, салфетки, парусина, шелковая парча, тафта, ленты, крахмал, поташ, купорос, очищенный воск, железо не в деле, иглы и т. п.; шерстяные ткани, кроме сукон, на которые была установлена незначительная пошлина 4—6%, выделанные кожи, писчебумажные товары, оружие — подвергались обложению в размере 25%.

Новый шаг в развитии протекционистской идеи представляет собою тариф 1757 г., которым на сырые продукты и на материалы, служащие для мануфактур, были наложены невысокие ввозные пошлины, на фабричные же и заводские изделия — гораздо более значительные, смотря по тому, насколько было развито в стране производство этих товаров.

В общем в нем не было пошлин ниже 12% со стоимости, большая же часть привозных товаров при обложении, не преследующем протекционистских целей, облагалась 30—33%; многие — 60 или 80%, а на некоторые — пошлина превышала их стоимость. Однако, введение этого тарифа сопровождалось усиленным развитием контрабанды к большому ущербу для казны. С воцарением Екатерины II был издан манифест, уничтожающий все частные монополии в области торговли и мануфактур, а в 1766 г. появляется новый тариф, которым на большинство привозных товаров назначались более низкие пошлины — в 12, 20 и 30%. Дальнейшая политика Екатерины была направлена к отмене всяких стеснений и регламентаций в области экономической деятельности и проведению принципа свободы труда в духе учения физиократов. Тариф 1782 г. освободил многие из привозных товаров от пошлин; сырые продукты облагались только в размере 2%, норма обложения большинства других статей равнялась 10% и только немногие уплачивали 30 или 40%. В 1797 г. был издан новый тариф, который стремился ограничить или даже совсем прекратить привоз целого ряда заграничных товаров. Но при вступлении на престол Александра первым его шагом была отмена указов Павла, направленных к этому запрещению. Однако, при всех своих фритредерских симпатиях, соответствовавших взглядам господствовавшего дворянства, которое естественно склонно было усматривать в земледелии главное назначение России, он должен был примкнуть к континентальной системе и издать в 1811 г. строго запретительный тариф. Через пять лет последовало некоторое смягчение его, и целый ряд важных товаров (бумажные, шерстяные ткани средней

¹⁾ К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. 1886 г.

доброты, сукна, большая часть шелковых тканей и пр.), которые раньше запрещались к привозу, теперь были допущены к привозу со сравнительно умеренной пошлиной от 15 до 35% со стоимости. В 1819 г. был издан новый либеральный тариф, устранивший совершенно запретительные статьи и сильно понизивший пошлины на прочие товары. Но он продержался недолго: заводчики и фабриканты, представлявшие теперь уже солидную реальную силу, сумели быстро добиться его отмены, и в 1822 г. Россия вернулась к прежней строго покровительственной системе, которая продержалась до конца пятидесятых годов.

Общее развитие фабрично-заводской промышленности от Петра до конца крепостной эпохи представляется в следующем виде.

Г о д ы	Число фабрик и заводов	Число рабочих	Сумма производства в рублях
1725 г.	233		
1765 „	262	37.862	5.000.000
1776 „	478	50.543	10.000.000
1804 „	2423		
1815 „	4189		
1825 „	5261		
1830 „	5450		
1840 „	6863		
1850 „	9848	517.679	166.016.996

В течение долгого времени предприятия крупной промышленности были связаны с нуждами государства (суконные, полотняные, писчебумажные фабрики) или высших классов, но затем всё большую и большую роль стали играть предприятия, удовлетворяющие потребности более широких слоев населения; сюда относятся, напр., кожевенное, ситцевое, печатное, канатное и другие производства.

Местом сосредоточения нашей фабрично-заводской промышленности к концу рассматриваемого периода служили нижеследующие районы: 1) центральный с губерниями — Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Харьковской, Курской и Черниговской, 2) Северо-Западный с Петербургской, Эстляндской и Лифляндской губ., 3) Западный с Царством Польским и Гродненской губ., 4) Юго-Западный, куда входят Киевская, Херсонская и Подольская губ. и 5) Восточный с Пермской губ.

Что же касается всего севера, юго-востока и Белорусского края, то там обрабатывающая промышленность в форме крупного производства была развита крайне слабо.

Наиболее интенсивно промышленность была развита в Московской губ. По данным Департамента мануфактур в ней находилось в 1846 г. 1249 фабрик и заводов с 114.454 рабочими; за нею следовали — Владимирская губ. с 327 предприятиями и 83.421 рабоч., Пермская — 352 заведения с 37.654 рабоч., Тульская — 172 и 22.984, Петербургская — 264 и 21.751, Костромская — 72 и 181.78, Калужская — 125 и 17.463, Оренбургская — 185 и 16.026, Тамбовская — 190 и 13.479, Киевская — 183 и 12.090, Курская — 265 и 11.161 и Харьковская — 160 предприятий с 10.742 рабочими¹⁾.

Среди городских поселений совершенно исключительное место по развитию фабрично-заводской промышленности занимала Москва. Рост ее принял такие размеры, что в 1848 г. генерал-губернатор Закревский выступил с проектом воспрещения устройства новых фабрик и заводов, чтобы не допустить дальнейшего скопления „бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие“. Несмотря на противодействие предпринимателей, встретивших себе поддержку в министерстве финансов, соответствующий закон был в следующем году издан. По мнению М. И. Туган-Барановского, он остался „мертвой буквой“, но это — вовсе не так. По справке м-ва внутренних дел, в конце 1839 г. в Москве насчитывалось 58.366 фабрично-заводских рабочих, а через десять лет — только 36.889 человек, и затем долгое время эта цифра оставалась почти неизменной: в 1864 г. количество фабрик и заводов в Москве определялось в 550 с 38.525 рабочих. Между тем в Петербурге число фабрик и заводов увеличилось с 299 в 1846 г. до 377 в 1863 г., а количество рабочих за это время — с 11.620 до 21.865 челов. Отсюда же видно, что еще в конце сороковых годов Петербург далеко уступал первопрестольной столице в отношении развития фабрично-заводской промышленности, занимая в $3\frac{1}{2}$ раза меньше рабочих рук. „Всемирно известно, — читаем мы в официальном журнале м-ва финансов за 1857 г., — что Петербург не может быть назван мануфактурным городом. Главная его задача — посредство в заграничной торговле, а промышленность его заводов по большей части вызвана насущными местными потребностями и нуждами его многочисленных заведений“. Только с проведением Николаевской, а затем и других железных дорог, его роль, как фабрично-заводского центра, стала быстро возрастать.

ГЛАВА II.

Состав и численность рабочего населения.

К моменту ликвидации крепостного права в составе горнозаводского населения нашим законом различались следующие группы: 1) нижние и рабочие чины, 2) приписные крестьяне, 3) вечно отданные мастеровые, 4) не-

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1848, № 5; — Военно-Статистическ. Сборник, вып. IV. 1871.

временные работники, 5) крепостные люди и крестьяне и 6) вольнонаемные¹⁾. Но некоторые из этих групп можно объединить между собой, и тогда деление примет более простую и наглядную форму. Вечно отданные мастеровые и непременные работники (п. 3 и 4), состоящие при частных заводах, очень немногим отличались от рабочих чинов казенных заводов, а эти последние вместе с приписными крестьянами произошли из государственных крестьян. Таким образом, горнозаводское рабочее население, с точки зрения его юридического положения, которое соответственным образом отражалось и на его материальном быту, можно разделить на три основных категории: 1) государственное, включая сюда лиц, принадлежащих кабинету его величества, 2) частновладельческое или крепостное, и 3) вольнонаемное.

Разница между ними заключается в следующем. Положение рабочего населения первой группы регулировалось нормами публичного права, тогда как условия труда крепостных зависели от усмотрения их владельцев; что же касается третьей группы, то ее положение определялось соглашением сторон, т.-е. договором найма.

Не все вольнонаемные были, правда, вполне свободными людьми — значительная часть их состояла из помещичьих крестьян, отпущенных на оброк; но всё же и они заключали договор с заводоуправлением лично от себя. Указом 14 июля 1827 г. запрещалось помещикам отдавать своих людей на горные работы по условиям, заключенным от их (помещиков) лица.

Своеобразное положение казенного горнозаводского населения наглядно выражается также в том факте, что оно приравнялось к военным служащим и подлежало военному суду за общеуголовные преступления, между тем как рабочие частных заводов в тех же самых случаях предавались уголовному суду по гражданскому ведомству²⁾.

Первая группа является наиболее значительной, и большая часть материалов относится именно к ней.

В ее составе необходимо различать две категории: 1) приписные крестьяне и 2) нижние и рабочие чины или заводские рабочие в собственном смысле слова. Связь первых с жизнью заводов была довольно слабая; они имели самостоятельное хозяйство в своей деревне и оставались, действительно, крестьянами. Вторые, наоборот, представляют собою постоянных рабочих; они живут на территории заводов и связаны с ними тесными узами.

Откуда и как произошли эти основные группы горнозаводского населения, — вот вопрос, который подлежит теперь нашему изучению.

Горнозаводская промышленность в рассматриваемый период сосредоточивалась, главным образом, в четырех районах или округах: 1) Замосковном, 2) Олонецком, 3) Уральском и 4) Алтайском. Образование этих горнозаводских районов относится к периоду от половины XVII до половины XVIII века. В указанное время крестьяне, жившие на землях помещиков, были уже при-

¹⁾ Свод законов, изд. 1857 г. Т. VII. Устав горный.

²⁾ См. ст. 860 и 872 Горного Положения 1806 г.

креплены к ним и потеряли право свободного распоряжения своей личностью и своим трудом. Это был факт огромного значения в народно-хозяйственной жизни и он естественно наложил свою печать на те отношения, которые предстояло установить в нарождающейся крупной промышленности. Конечно, можно было необходимые для нее рабочие руки найти путем вольного найма как государственных, так и помещичьих крестьян, отпускаемых на отхожие промыслы, и в отдельных случаях это действительно имело место. Но земледельческое население, тяготясь тяжелым и непривычным трудом на рудниках и заводах, неохотно шло туда. Привлекать же его путем улучшения условий производства и усовершенствованием быта рабочих не приходило на ум правительственным и промышленным кругам, так как шло в разрез с установившимися у них понятиями и навыками. Идя по линии наименьшего сопротивления, правительство решило поэтому прибегнуть к принудительному труду путем приписки государственных крестьян к заводам и промыслам.

Так, по челобитью иностранца Виниуса, к его тульским заводам была приписана в 1633 г. Соломенская дворцовая волость в 250 дворов с крестьянами (347 душ) и всеми угодиями. Точно также Марселису и Акеме была дана в 1657 г. Вышегородская волость с крестьянами, в которых значилось 170 дворов, для работы на Угоцком заводе в 90 верстах от Москвы. При Петре с развитием горного дела приписка государственных крестьян к заводам получала широкое развитие, и в 1719 г. числилось уже приписанных к казенным и частным заводам 31.383 души. Инструкцией, данной Татищеву в 1734 г. при назначении его главным начальником всех горных заводов на Урале и в Сибири, предписывалось объявить, что, если кто захочет завести железные заводы, то будет дано из государственных крестьян ко всякой доменной печи от 100 до 150 дворов, а к каждому молоту—до 30 дворов с обязательством бездомночно платить за тех крестьян все подати и накладные сборы, а за работы зачитать им по плакату, т.-е. по указу 13 янв. 1724 г., которым был определен размер поденного вознаграждения, при чем каждая домна должна выплавлять в год не менее определенного количества чугуна. В том же году разрешено было приписывать казенных крестьян и к частным медным заводам—по 50 дворов или по 200 душ м. п. на каждую тысячу пудов выплавленной меди. В 1736 г. повелено было к тем заводам, которые не имеют приписных деревень, вновь целых волостей не приписывать, а давать по рассмотрению несколько дворов, которые самим заводчикам перевозить и селить при заводах.

По второй ревизии, производившейся в 1741—43 г.г., всех приписных крестьян числилось 87.253 д. (из них к казенным заводам—63.054 д. и к частным фабрикам и заводам—24.199 д.). Во время третьей ревизии 1762 г. за казенными заводами числилось 144.192 д. и за частными—44.402 д. В царствование Елизаветы число крестьян, приписанных к казенным заводам, очень уменьшилось вследствие широко практиковавшейся раздачи их в частные руки, так что одно время их числилось не более 15.000 д., тогда как за частными заводами—около 100.000 д. Но затем многие розданные заводы

вновь вернулись в казну, а с шестидесятых годов дальнейшая приписка к частным заводам перестала уже производиться.

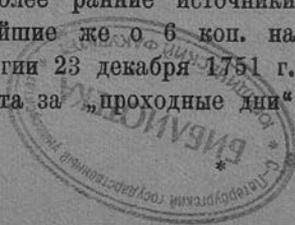
По четвертой ревизии (1781—83 г.г.) всего приписных крестьян было 263.899 д., в том числе казенных—209.554 и частных—54.345 д. По пятой ревизии, производившейся в 1794—96 г.г., общее число приписных крестьян составляло 312.218 д.; из них за казенными заводами числилось 241.253 д. и за частными—70.965 д.

Приписывая государственных крестьян к горным заводам, правительство не отдавало их труд целиком в распоряжение администрации. Работать они были обязаны лишь до тех пор, пока не будет покрыта сумма подушного налога; последняя же равнялась 1 р. 70 коп.

Сообразно с этим, продолжительность обязательных работ зависела прежде всего от расценки рабочего дня. Определение размера ее первоначально предоставлялось усмотрению заводууправлений, но в 1724 г. „плакатом“ Петра I была установлена одинаковая по всей России плата „за работу людям и лошадям“, а именно: летом крестьянину с лошадей в день 10 копеек, без лошади—5; зимою с лошадей—6, без лошади—4 коп. При этом летним временем предписано было считать время с 1 апреля по октябрь, а зимним—с октября по апрель.

С первого взгляда трудовая повинность приписных крестьян представляется довольно легкой: чтобы отработать подушный налог в сумме 1 р. 70 коп. крестьянину с лошадей достаточно было 17—28, а пешему 34—42½ рабочих дней. Но в действительности дело обстояло иначе. Так как налог был подушный, то отбывать повинность приходилось также за малолетних, стариков и почему-либо выбывших из состава семьи, т.-е. обычно в двойном или даже в тройном размере против вышеупомянутой нормы. Кроме того, нужно принять во внимание, что тяжесть обязанностей, лежащих на приписных крестьянах, в значительной степени зависела также еще от одного дополнительного условия, а именно—дальности расстояния их местожительства.

Первое время к заводам приписывались крестьяне близ лежащих поселений; но затем, когда этот источник был исчерпан, стали привлекать жителей и более отдаленных мест. Так, напр., расстояние деревень, приписанных к Аненскому заводу, доходило до 500 верст, а приписные к Авзяно-Петровскому заводу Демидова должны были проходить к нему от 400 до 625 верст и даже более; крестьян Казанского уезда приписывали к заводам, построенным в Оренбургской губ. в глубине Башкирии, и потому им приходилось затрачивать на путешествие к заводу очень много времени. А между тем как в дороге, так и при исполнении работ приписные крестьяне должны были продовольствоваться за свой счет. За проход на работы полагалось первоначально летом некоторое вознаграждение: более ранние источники говорят о 2½ коп. с каждой сажени дров, позднейшие же о 6 коп. на 50 верст пути. Но затем постановлением берг-коллегии 23 декабря 1751 г. вместе с увеличением платы за выработку дров плата за „проходные дни“ была отменена.

Обязанности приписных крестьян заключались в производстве вспомогательных работ. По свидетельству Геннина, относящемуся к 1728 г., на годного в работу человека полагалось изготовить „дров на уголь 10 сажень и те дрова... сжечь и уголь вывезть к заводам; на других же положено добыча руды, а на иных возка железа на пристань, на прочих же другие материалы и работы, и та работа на них так разложена, чтобы одному перед другими равно было, и то с переменою погоды, дабы они не могли жаловаться, будто иным работа легче, а другим тяжелее“. По его уверению, каждый мог отработать свой урок в течение четырех месяцев, а остальные восемь — заниматься своими домашними делами. Но в действительности крестьяне не всегда и не везде успевали исполнять работу в такое время, какое считалось администрацией достаточным для ее окончания.

В Сибири приписные к Кольвановоскресенским заводам, составившим впоследствии Алтайский округ, находились при заводской работе безотлучно — по свидетельству канцелярии (1758 г.) — и увольнялись только два раза в лето для полевых работ с 1 мая по 1 июня и для уборки сена и снятия хлеба с полей — с 10 июля по 1 сентября.

Кроме вспомогательных они выполняли здесь, по крайней мере до манифеста 1779 г., и основные работы: в кузнице, на заводе в дневной и ночной работе, при добыче и обжигании руд.

После крупных волнений, происходивших в начале шестидесятых годов среди приписных крестьян, правительство решило принять некоторые меры к улучшению их положения. Указом 27 мая 1769 г. плата пешему работнику была повышена летом до 6 коп. и конному — до 12, а зимою — пешему до 5 и конному до 8 коп. в день. Вместе с тем вновь устанавливалась плата за проход на завод и обратно по 3 коп. в день, считая, что в день рабочий проходит 25 верст. Деньги за проход было предписано платить особо, не зачитывая в подушный оклад.

Это повышение платы было, однако, только кажущимся, ибо сенатским указом 1768 г. подушный оклад для всех крестьян, состоящих в казенном ведомстве, повышался с 1 р. 70 к. до 2 р. 70 к. Правда, этот добавочный рубль крестьяне могли и не зарабатывать на заводе, а уплачивать деньгами; но так как в глухих захолустьях Урала и Сибири, где преимущественно жили приписные, других заработков представлялось мало, то многим вероятно приходилось отрабатывать его на том же заводе.

Десять лет спустя, 21 мая 1779 г., появляется новый манифест, в котором Екатерина II, наученная горьким опытом Пугачевского бунта, намечает более решительные шаги к урегулированию быта приписного горнозаводского населения. Согласно этому закону: 1) крестьяне казенного ведомства, приписанные к казенным, кабинетским и частным заводам, должны были исполнять следующие заводские работы: рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить из куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжога флюсов, возить с рудников на заводы добытую руду, а также песок и всякие флюсы, нужные для проплавки руды, наконец, строить и чинить плотины, но только в том случае, когда они

будут повреждены пожаром или наводнением. 2) Требовать иных работ от приписных крестьян запрещалось под опасением штрафа, добровольная же работа по найму разрешалась. 3) Работы были распределены следующим образом: а) к рубке дров предписывалось наряжать крестьян, далее живущих от заводов, чтобы они, будучи свободны от конных работ, не имели нужды приводить с собою лошадей, кроме тех, на которых они привозят припасы, нужные им для прокормления; б) к рубке дров крестьяне должны являться к 15 февраля, а домой возвращаться—к 20 апреля, и позже на работе не удерживать; в) для возки выжженного из кучи угля, а также руд и флюсов наряжать тех крестьян, которые живут ближе других к заводам, по первому зимнему пути, а ранее не высылать; домой им возвращаться последним зимним путем. 4) Поденная плата повышалась вдвое, а именно: в летнее время конный работник должен получать 20 к., пеший 10 к., а в зимнее—конный 12 и пеший 8 к. Зарабатывать они должны по прежнему 1 р. 70 к. с души, а остальной рубль вносить деньгами. 5) Кто будет принуждать крестьян исполнять недозволенную этим манифестом работу, заставляя работать ранее или позднее установленного срока или же требовать, чтобы они отработывали более, чем по 1 р. 70 к. с души, с тех в пользу обиженного взыскивать за излишние дни плату вдвое против положения ¹⁾).

Значение того улучшения экономического положения, которое приносило с собою повышение заработной платы, в значительной степени, подрывалось, однако, тем, что указом 3 мая 1783 г. было повелено со всех государственных крестьян собирать оброка по 3 р. с души, что вместе с семигривенным подушным окладом составляло уже 3 руб. 70 коп.

При Павле I в правительственных кругах возникло предположение об освобождении приписных крестьян от обязательных работ на заводах с переложением последних на особую категорию „непрерывных мастеровых“.

В начале 1800 г. бывший директор берг-коллегии Соймонов представил по этому поводу доклад, в котором указывал, что хотя повинности, возлагаемые на крестьян, сами по себе умеренны, но на практике они ложатся на них тяжелым бременем, ибо, во 1-х) приписные крестьяне, нередко будучи отдалены от заводов на несколько сот верст, отлучаются от домов своих на долгое время и через то хозяйство их претерпевает расстройство, а во 2-х) работа распределяется по ревизским душам и потому каждому крестьянину приходится работать не только за себя, но также за выбывших (умерших, беглых и рекрутов) и нетрудоспособных (престарелых, увечных и малолетних). В виду этого он рекомендовал выделить из общей массы приписных крестьян небольшую (приблизительно $\frac{1}{20}$) часть и сделать их постоянными рабочими, а остальных освободить совершенно от работы на заводе. Этим, по его мнению, будут достигнуты следующие результаты: 1) освободится большое количество крестьян и, следовательно, улучшится их хозяйство и 2) заводские работы, производимые людьми безотлучными и привычными, пойдут успешнее, чем теперь.

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 14878.

Доклад Соймонова был встречен сочувственно, и 9 ноября того же года был издан указ о введении так называемых „непрерывных работников“ на Уральских, Кольвано-Воскресенских, Нерчинских, Олонецких и Луганском заводах, мотивированный тем, что „исправление работ по манифесту 1779 г. сопровождается для приписных крестьян с немалым для них отягощением“¹⁾.

Однако, действие его было вскоре приостановлено вследствие протеста со стороны гр. Шувалова, указавшего на неправильные будто бы исчисления в докладе Соймонова, и только в 1807 г. вопрос получил, наконец, окончательное разрешение, но уже в более скромном виде. А именно — непрерывные работники были введены лишь на уральских заводах, в остальных же районах вследствие возражений со стороны местной администрации был оставлен пока прежний порядок. Четырнадцать лет спустя очередь дошла до Луганского завода. „Приняв во внимание, с одной стороны, отяготительное положение приписных к Луганскому литейному заводу крестьян, а с другой — необходимость в продолжении сего завода и разработки тамошней каменноугольной ломки“, указ 10 января 1821 г. освободил навсегда означенных крестьян от лежащих на них по сему званию работ, начиная с июля указанного года.²⁾

Взамен этого близлежащие к заводу и каменноугольной ломке селения — третья рота и каменный брод — были зачислены в непрерывные работники и переданы в управление заводского начальства на тех же основаниях, как таковые рабочие поступали целыми селениями на казенные заводы Уральского хребта. Но в 1828 г. указом 28 апреля эти непрерывные работники были признаны „не только излишними, но и отяготительными“, ибо многолетний опыт показал, что перевозимый ими уголь обходится казне дороже, нежели уголь, поставляемый вольными возчиками. Поэтому они были обращены в мастеровых и водворены при заводах, угольных ломках и разработках металлических руд. В 1851 г. получили освобождение от обязательных работ крестьяне, прикрепленные к Нерчинским заводам, будучи обращены в казаков.

Крестьяне же, приписанные к казенным Олонецким и кабинетским заводам на Алтае, продолжали тянуть свою ляжку вплоть до реформы 1861 г. Олонецких приписных крестьян по переписям насчитывалось в 1821 г. 20.089, 1831 г. — 20.424, 1841 г. — 22.542 и в 1857 г. — 24.957 душ муж. пола³⁾. На Алтае же численность их составила в 1816 г. 86.744, 1833 г. — 112.131, 1850 г. — 136.526 и в 1857 г. — 145.487 душ м. п.⁴⁾. Таким образом, общее число приписных крестьян непосредственно перед падением крепостного права равнялось 170.441 душ м. п., т. е. приблизительно почти вдвое меньше, чем их было в конце XVIII века.

До своего прикрепления к горным заводам приписные крестьяне были государственными крестьянами; таковыми они официально считались и потом: „приписанные к горным заводам государственные крестьяне“ — так называет

¹⁾ 1-ое П. С. З. № 19641 и № 20815.

²⁾ 1-ое П. С. З. № 28515.

³⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. на 1860 г.

⁴⁾ Алтайский Сборник. 1894 г., вып. I, стр. 7.

их манифест 21 мая 1779 г. По словам Н. Зобнина, написавшего большую работу о приписных крестьянах на Алтае, положение их соединяло в себе невыгодные стороны положения и государственных, и помещичьих крестьян. Государственные крестьяне платили подушную и оброчную подать; помещичьи платили только первую, а вместо оброчной подати в казну они давали оброк помещику или исправляли в его пользу барщину. Приписные же крестьяне, Алтая вносили и подушную и оброчную подать, как и государственные,— и в то же время исполняли и барщину в пользу заводов¹⁾.

В этой характеристике есть, однако, некоторое преувеличение: приписные крестьяне платили подушный оклад не сверх барщины, а из нее. Тяжесть их положения сравнительно с остальными государственными крестьянами заключалась в том, что, в то время как последние могли добывать деньги для уплаты налога каким угодно способом, они обязаны были отработать его на определенных заводах и на условиях, не зависящих от их воли.

Эта барщина доставляла заводам огромную массу дешевого труда. Вместе с мастеровыми-урочниками крестьяне заготавливали к концу крепостного периода (в 1860 г.) ежегодно 85 тыс. сажень куренных дров, перевозили 270 тыс. коробов угля и более 4 миллионов пудов руд, всего по весу до 10 мил. пудов, из которых только 1 мил. доставлялся урочниками.

Распределение работ на крестьян происходило следующим образом. Ежегодно заводоуправлением определялось, сколько требуется на следующий год дров, угля и руд, и вся необходимая для этого работа вычислялась в душах, с разделением ее на конную и пешую. Пешая работа (рубка дров) считалась более легкой и составляла в среднем около шестой части всех работ, но с течением времени ее значение в общей массе работы постепенно уменьшалось, как это видно из нижеследующих цифр:

Число „душ“:	1800 г.	1819 г.	1841 г.	1852 г.	1861 г.
Всей работы	51,242	71,613	112,287	133,526	137,772 ³ / ₄
Пешей работы	12,503 ³ / ₄	13,176	18,393 ³ / ₈	25,829	17,625 ¹ / ₄
В %	24,4	18,4	16,4	19,2	12,8

Означенная работа распределялась затем по волостям, с указанием мест работ. Волостные правления (а в XVIII веке—земские избы и старосты), получив сведения о числе „душ“ работы, падающем на волость, собирали волостное общество—мир, который и выбирал особых раскладчиков. Эти раскладчики приводились к присяге и затем сочиняли в земских избах (волостных правлениях) раскладные росписи работ, „каждый по месту жительства своего“.

¹⁾ Ibidem, стр. 7—8.

как сказано в учреждении 1763 г., т.-е. каждый для своей деревни. По екатеринбургскому учреждению 1722 г. и 1739 г. заводские работы разверстывались на наличных годных работников „по пожиткам“ или достатку. В определении горной канцелярии 1748 г. указывается „класть работы на годных, числа их от 15 до 60 лет, или кто по прожиткам оные исправить наймом может, то в 60 лет и свыше, а негодных в работы (стариков, малолетних, увечных) приписывать к годным“. Наконец, указом Кольванской горной экспедиции 1785 г. предписывалось на каждого работника накладывать не более 3 „душ“ работы. Но в подробности раскладки заводу управление не вмешивалось, ограничиваясь только формальным надзором. На работах крестьяне оставались от 1½ до 2 месяцев, а иногда и более. При этом на конные работы нужно было являться или летом (в июне или июле) или по первому зимнему пути; на пешие—в середине марта.

Во время работ за крестьянами наблюдали разные заводские смотрители и надзиратели. Но было у них и свое выборное начальство. „Для лучшего присмотру и отвращения лености и непорядка“ и для представительства перед заводской конторой от каждого десятка выбирался десятник, от сотни—сотник или „билетчик“, которому от волостного правления вручался список назначенных в работу крестьян. Эти выборные могли сами по себе или с согласия мира наказывать крестьян за маловажные проступки. В XVIII веке были еще особые выборные для приема дров у крестьян и сдачи их заводскому начальству, но впоследствии дрова стали сдаваться каждым крестьянином отдельно.

На Олонецких заводах положение приписных крестьян было менее тяжелым: на основании указа 3 апреля 1828 г., к несению трудовой повинности привлекалась только половина ревизских душ, что составляло в конце пятидесятых годов 12.479 уроков, которые располагались на годных по возрасту работников, с освобождением увечных и должностных лиц ¹⁾). Распределение работ делалось самими крестьянами через присяжных окладчиков, избираемых обществом, при депутатах от Горного Правления. Для уравниения тягости труда горным начальством было принято за правило 8.319 уроков, т.-е. $\frac{2}{3}$ общего числа их, располагать на легкие работы (напр., возку руды) и 4.160—на тяжелые—таким образом, что два года общество или селение занято вывозкой руды, а на третий—рубит дрова, жжет и вывозит уголь.

За эти обязательные работы крестьянам ежегодно выплачивалось от 1 р. 83¼ до 2 р. 16 коп. сер. плакатных и проходных денег за каждый урок ²⁾).

Как видно отсюда, разница в положении олонецких и алтайских приписных крестьян была довольно значительная: для первых количество уроков соответствовало половине числа ревизских душ, а для вторых—почти полной

¹⁾ Размер урока по рубке дров с 1780 г. равнялся $\frac{3}{9}$ куренных или 6 кубических саженим; раньше же он был значительно выше.

²⁾ Мемориальная книжка Олонецкой губ. на 1860 г. и „Журнал М-ва Вн. Дел“ 1860 № 12.

сумме их (в среднем за период с 1800 г. по 1861 г. на одну ревизскую душу здесь приходилось 0,90 урока).

Кроме того, к концу изучаемого периода появилось различие также в расценке труда.

Первоначально плата за выполнение повинности всюду была одинакова и равнялась 1 р. 70 коп. Но с начала XIX века ценность рубля стала всё более и более падать, что выражалось в общем повышении цен на все предметы. В виду этого указом 3 апр. 1828 г. об улучшении состояния олонецких приписных крестьян плата за выполнение урока была повышена до 6 р. 30 к., а за проход от жилищ до заводов и обратно—с 3 до 10 коп. с каждого дня пути (из расчета 1 р. сер.—3 р. 70 к. ассигнац.).

Для алтайских же крестьян общий размер платы за каждую душу работы был установлен с 1849 г. в 57¹/₂ коп. сер., независимо от расстояния от места работы, что означало значительное уменьшение ее сравнительно с XVIII веком, когда курс ассигнационного рубля был очень высок.

Согласно указу 15 марта 1807 г., с 1 мая 1813 г. все крестьяне, приписанные к казенным заводам, а с 1 мая следующего года и все приписные крестьяне частных заводов—должны быть освобождены совершенно от заводских работ. Для обеспечения же заводов рабочей силой из них должны быть выделены так назыв. неперменные мастеровые и работники—для казенных заводов соразмерно с их деятельностью, а для частных—из расчета 58 человек на 1000 душ. Мера эта касалась лишь приписных крестьян Пермской, Тобольской, Вятской, Казанской и Оренбургской губ.; их значилось 217.115 душ, и они должны были поставить на уральские заводы согласно вышеуказанным основаниям 17.850 неперменных работников ¹⁾.

За свое освобождение от обязательных работ приписные крестьяне Уральского горного округа должны были снабдить выделяемых из них в качестве неперменных работников лиц: 1) каждого конного—3 лошадьми с упряжью и 2) каждого поступившего на заводы рекрута—одним домом. При переводе на деньги это составляло 118 р. 67 коп. на пешего работника (100 р. дом и 18 р. 67 коп. содержание в течение четырех месяцев первого года) и 316 р. 82 к.—на конного.

Неперменные работники не составляют никакого особого состояния, а суть такие же мастеровые и рабочие люди, как и прочие служащие казенные люди при заводах казенных и как вечно отданные к заводам при заводах частных. Дети их принадлежат заводам и употребляются в работы и должности при оных, как дети прочих мастеровых и рабочих людей. Неперменные работники делятся на пеших и конных. Пешие занимаются рубкой дров, жжением куч и всеми другими работами надворными и по мастерствам заводским. Конные же возят руду, уголь, флюсы, пески и другие нужные для заводов вещи и припасы. Распределение работников на пеших или конных зависит от горного начальника или заводчика, которые могут, в случае надобности, обратить всех их или в ту, или в другую категорию.

¹⁾ 1-ое П. С. З., т. XXIX, № 22498.

Они могут также, если окажется необходимым или полезным для дела, обращать непременных работников—временно или навсегда—и на другие горные и заводские работы, помимо тех, которые были возложены манифестом 1779 г. на приписных крестьян, т.-е. не только на вспомогательные, но и на основные работы—в рудниках, плавильнях, фабриках и пр.

Согласно положению 1807 г., непременные работники должны были отслужить на заводах только 30 лет, а дети их—40, а затем их следовало отпустить на волю с предоставлением права приписываться, куда пожелают. В действительности, однако, это не было выполняемо, и они оставались закрепленными вплоть до самой крестьянской реформы.

С освобождением приписных крестьян от лежащих на них обязанностей работы на заводах стали производиться уже частью вольнонаемными людьми, но в огромном большинстве случаев—постоянными рабочими, которые на казенных заводах составлялись из мастеровых и рабочих людей, набираемых из рекрутов, а на частных—из крепостных или посессионных рабочих. Эти постоянные мастеровые и рабочие в отличие от приписных крестьян, которые только известную часть года проводили на заводе, отрабатывая подушный налог, а затем возвращались к своим домам и занимались сельским хозяйством, были уже связаны с заводской жизнью постоянными и прочными узами. Они жили на территории завода и должны были отдавать ему весь свой труд.

О непременных работниках мы уже говорили; перейдем теперь к группе горнозаводского населения, образованной путем рекрутского набора для выполнения основных заводских работ. Эта группа столь же давнего происхождения, как и сами приписные крестьяне. Последние предназначались собственно для выполнения вспомогательных работ временного характера. Но кроме того, на горных заводах и промыслах должны быть еще постоянные рабочие для выполнения заводских работ в тесном смысле слова. Как говорится в представлении Соймонова, эти мастеровые „обязаны быть у работ весь год безысходно, не имея ни малейшего времени к промыслам сторонним для необходимо нужного к содержанию их семейств подспорья, кроме заготовления сена для скота, совершенно им необходимого, к чему хотя и получают они увольнение, но на самое малое время, с определением на место их других от работ по заводам внешних“¹⁾.

Этот кадр постоянных рабочих образовался главнейшим образом из рекрут, поставляемых крестьянами соседних, а иногда и отдаленных районов.

Впервые эта мера стала применяться повидимому с 1713 г. Именно летом этого года кн. Щербатый донес Сенату, что царским указом повелено было присылать из губерний в Петербург на новые кирпичные заводы помещичьих и вотчинных крестьян—кирпичников, которые бы умели делать кирпичи, кафли и черепицу, но из тех губерний высылают простых работников, которые называются кирпичниками, а кирпича делать не умеют. Этих работников учат на заводах делать кирпич и живут они на той работе по 6 меся-

¹⁾ Из выс. утверд. доклада Сената от 14 мая 1799 г. П. С. З., т. XXV, № 18965.

цев; а как выживут 6 месяцев и выучатся кирпичному делу и обжиганию, то их приходится в урочные числа отпускать по домам, иные же бегут с работы, и в том кирпичному делу чинится остановка. Согласно предложению Щербатого, Сенат предписал выбрать из присланных из сибирских губерний рекрут 100 человек здоровых и неувечных и быть им на тех кирпичных заводах безотлучно ¹⁾.

В сентябре того же года капитан Витвер, заведывающий литейным пущечным двором, построенным в предшествующем году на Адмиралтейской стороне, сделал подобное же донесение, что работные люди, присланные в количестве 180 человек на завод, отжили урочные числа и отпускаются домой, а вместо них перемены нет и ныне на Литейном дворе ни единого человека не осталось, к зиме же надобно заготовить угля, кирпич, глину и дрова. Сенат предписал отпустить в его распоряжение 80—100 человек с переменою на работы. Но месяц спустя кап. Витвер вновь сообщил, что означенных работных людей до сих пор не отправлено и работа давно стоит. Тогда Сенат постановил выбрать из присланных в Петербург из Архангельской губ. рекрутов охотников на Литейный двор для работы и науки слесарства ²⁾.

В 1713 г. были обращены в мастеровые 300 рекрут, взятых с приписных к Олонецким заводам крестьян.

В середине двадцатых годов этот способ комплектования рабочих был применен в качестве общей меры к горнозаводским предприятиям на Урале. Указом 14 июня 1725 г. предписывалось: „с приписных слобод к заводам рекрут не брать, и сколько когда по генеральным расположениям надлежит быть с тех слобод рекрут во взятые, то оных определить в заводские работы и обучать всякому мастерству“.

Этот указ имел в виду собственно казенные заводы на Урале, но иногда означенное правило распространялось также на крестьян, приписанных к частным лицам. Так, указом 1738 г. велено было рекрут с крестьян, приписанных к заводам Демидова, расположенным на Урале и Алтае, „по примеру, как и при казенных заводах определено, не брать, а употреблять при тех его заводах к потребным мастерствам“ ³⁾. В докладе министра финансов от 22 ноября 1804 г. сообщается, что „заводы хребта Уральского, будучи наполняемы с начала их заведения мастеровыми и рабочими людьми посредством рекрутского набора, как и по ныне делается на заводах Колыванских и Нерчинских, не получали оных со времени открытия губерний“, т. е. значит с 1775 г. В виду этого здесь обнаружился недостаток в рабочих руках, и, согласно вышеупомянутому докладу, Гороблагодатским, Камским и Пермским заводам разрешено было получить из рекрутского набора 1805 г. 1.721 человека, кои и замещены в число мастеровых и рабочих людей, да из набора

¹⁾ Приговоры и постановления Сената, состоявшиеся в царствование Петра Великого. Изд. Акад. Наук, т. III, кн. 2. Прот. № 712.

²⁾ Там же, Прот. № 773 и № 914.

³⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 4736 и № 7548.

1806 г. поступило и имеет поступить около 1.720 человек из Пермской и Вятской губ. ¹⁾). Путем рекрутского набора пополнялись затем кадры „непрерывных работников“, начиная с 1807 г. и кончая 1813 г. В дальнейшем это пополнение рабочих команд рекрутами прекратилось на большей части казенных заводов, ибо они пополнялись уже в достаточной мере детьми мастеровых в силу естественного прироста населения. Исключение составляли кабинетские горные промыслы на Алтае, где вследствие усиленной смертности мастеровых пополнение их из рекрутского набора производилось до самой отмены крепостного права.

Контингент постоянных мастеровых составлялся, кроме того, также еще беглыми и преступниками, направляемыми по распоряжению органов власти на различные заводы. Так, напр., указом 29 октября 1735 г. по докладу главного начальника Уральских и Сибирских заводов Татищева „для лучшего исправления заводских работ всех определяемых в ссылку велено посылать отовсюду на Сибирские заводы“. Затем это распоряжение было подтверждено указом 23 февраля 1737 г., которым предписывалось „из всех коллегий и канцелярий и из губерний и провинций, в которых ныне есть или впредь будут по делам колодники, которые по указам подлежат будут вечной ссылке, оных всех посылать на Сибирские казенные заводы в работу“ ²⁾). Указом 1760 г. вновь велено было для лучшего приумножения работ и поселений при Нерчинских серебряных заводах отсылать всех колодников обою пола, находящихся как в Петербурге, так и в других местах, прямо в Сибирскую губернскую канцелярию для размещения в работы и на поселение при означенных заводах ³⁾). В некоторых случаях эти элементы играли даже преобладающую роль. При основании Луганского завода на юге России в 1795 г. рабочие кадры его были составлены из 400 мастеровых, переведенных из Липецкого и Александровского заводов, около 500 преступников, присланных за вины из Херсона, и, наконец, еще польских бродяг и праздношатающихся.

На Нерчинских промыслах в 1859 г. при общем количестве 4.110 работников на долю ссыльных приходилось 2.059 человек, т. е. более половины. Ссыльными комплектовалась затем Иркутская суконная фабрика. При устройстве суконной фабрики при войске линейных казаков около Омска точно также было разрешено воспользоваться трудом ссыльных с содержанием их на счет ее доходов и полным подчинением войсковому начальству ⁴⁾). Трудом ссыльных широко пользовались казенные винокуренные заводы Пермской губ.

Согласно уставу о ссыльных 1822 г., все ссыльные, осужденные на поселение в Сибирь, разделялись на шесть разрядов: 1) на пополнение заводских работников—это люди, присланные за преступления более значительные и наказанные плетью; 2) самые лучшие, здоровые и крепкие—в ведомство сухопутных сообщений; 3) ремесленные работы; 4) цех слуг, куда помещали дворо-

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 22498.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 7186.

³⁾ Там же, № 11123.

⁴⁾ Архив Д-та полиции. исполн., дело № 129 за 1825 г.

вых, евреев и людей маломощных; 5) на поселение—людей, пригодных к занятию сельским хозяйством и 6) в неспособные—самых слабых, старых и дряхлых.

Осужденные в каторжные работы имели одно назначение, а именно—на заводы и фабрики.

Распределение всех их делалось казенными палатами, смотря по надобности ¹⁾. По окончании срока работ, который им был определен, ссыльные и каторжные переходили на „вольное пропитание“ и могли обзаводиться собственным хозяйством без платежа налогов. Дети их должны быть выписываемы в крестьяне к ближайшим волостям, а на оставление их при заводах, в случае надобности, должно испрашиваться каждый раз особое разрешение. На практике, конечно, не редко встречались уклонения как в том, так и в другом направлении. Так, в 1839 г. министр внутренних дел обратил внимание на то, что „весьма многие из поступивших на пермские винокуренные заводы преступников находятся там гораздо долее 20 лет, т.-е. долее всех сроков, определенных для употребления в работы ссыльных и каторжных“, и предложил принять немедленно меры к недопущению впредь подобных отступлений от закона ²⁾.

Подобное же закабаление имело место в течение долгого периода времени на казенной Тельминской фабрике близ Иркутска. Малолетки, происходящие от так называемых старофабричных или причисленных к фабрике в конце минувшего столетия разных людей свободного состояния, а также рожденные от поступивших впоследствии на нее ссыльных поселенцев и каторжных, неоднократно обращались к генерал-губернатору Восточной Сибири с письменными и словесными просьбами исходатайствовать им или совершенное увольнение от фабричных работ, по примеру детей преступников, ссылаемых на другие казенные заводы и фабрики, или, по крайней мере, ограничить срок пребывания в работах. Ибо поступавшие в комплект рабочих оставались там или до смерти, или до полного истощения сил. Ни генерал-губернатор, ни м-во финансов не признали возможным согласиться на совершенное их исключение, ибо тогда фабрика „лишилась бы навсегда верных и легких средств комплектовать штаты своих рабочих людьми способными“; поэтому решено было ограничиться назначением им двадцатилетнего срока пребывания, сообразно с положением о каторжных, которые назначались в работы на срок от 15 до 20 лет ³⁾.

С течением времени, однако, в руководящих административных кругах стало обнаруживаться отрицательное отношение к означенному способу разрешения рабочего вопроса. В том же самом Луганском заводе уже через год после его основания директором Гаскойном было возбуждено ходатайство, чтобы впредь иольских бродяг не присылали, дабы они „по развратным своим нравам

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 29128.

²⁾ Архив Д-та полиции, исполн., дело № 269 за 1839 г.—О комплектовании Пермских винокуренн. заводов каторжными из всех губерний.

³⁾ Архив Госуд. Совета, дело 1846 г. за № 4994. — О назначении урочных годов поступающим в комплект рабочим на Тельминской казенной фабрике.

не портили и других служителей“¹⁾. Точно также министр финансов, при обсуждении в 1828 г. вопроса об усовершенствовании этого завода, признал не желательным обращение маловажных преступников в мастеровых, ибо оно сопряжено с увеличением издержек вследствие необходимости усиления воинской команды, постройки острога и т. п. и затем весьма вредно для нравственности мастеровых²⁾. На ряду с этим, однако, Пермская казенная палата в 1839 г. ходатайствовала о расширении права комплектовать казенные винокуренные заводы ссыльными, а также о том, чтобы „оставить в числе мастеровых детей их, поступивших уже в заводскую работу; в противном случае заводы лишатся в сих детях лучших и привычных к заводским работам мастеров“.

Встречаются случаи, когда даже частные предприниматели претендовали на принудительный труд ссыльных. Так, в том же 1839 г. ачинский купец Родионов возбудил ходатайство о дозволении ему выбирать для устроенной им бумажной фабрики из проходящих через Ачинск в каторжные работы ссыльных, на праве казенных заводов, 25 мужчин и 10 женщин с тем, чтобы в случае убыли от смерти или побегов пополнять это количество из проходящих ссыльно-каторжных.

При этом Родионов пояснил, что еще ранее он устроил в том же округе медноплавильный завод, на который ему было разрешено генерал-губернатором Сибири выбрать людей из ссыльно-каторжных—подобно тому, как это было разрешено для бывшего Ирбинского железодельного завода купца Патокова, 50 человек мужского пола и 20 женского, из коих некоторые обзавелись порядочным хозяйством, приобрели скот и всё необходимое. Однако, по распоряжению министерства внутренних дел, не только это ходатайство не получило удовлетворения, но и прежде предоставленные ссыльно-каторжные были отобраны от него с предоставлением права заключать с ними договор найма, как это делается частными золотопромышленниками³⁾.

По новым правилам, изданным в 1845 г., все ссыльные, осужденные на поселение в Сибирь, разделялись на пять разрядов, в первый из коих—на пополнение заводских работ—включались присланные за более значительные преступления, а также наказанные плетью. Люди, поступающие в этот разряд, именуются временными заводскими работниками. На заводах и фабриках ссыльные должны были находиться один год и по истечении этого срока, ежели в бытность на заводе не были по суду наказаны за новые преступления, отсылались в экспедицию о ссыльных для распределения в другие разряды—ремесленников, слуг, поселенцев или неспособных к работе.

Наказанные же в течение сего времени, но не приговоренные судом в каторжные работы, остаются на заводах и фабриках еще на два года. Эти так называемые временные заводские работники не принадлежали к категории каторжных, пользовались особым содержанием (в течение первого года они получали двойную заработную сумму и этот срок пребывания засчитывался

1) Архив Деп. полиции, исполн., дело № 3 за 1796 г.

2) 2-ое Полное Собр. Законов, № 2002.

3) Архив министерства внутр. дел по д-ту полиции исполнит., дело № 112 за 1839 г.

им за два года) и подлежали суду и расправе не как каторжные, а как ссыльно-поселенцы.

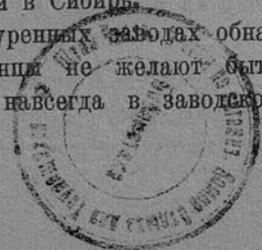
В конце сороковых годов вследствие недостатка помещений для арестантских рот возникло предположение о ссылке на сибирские казенные заводы также бродяг. Администрация Восточной Сибири энергично противилась этому, указывая, что „вообще сибирские казенные заводы и фабрики за укомплектованием их в настоящее время положенным числом рабочих не в состоянии без обременения и убытков для сих заводов принимать к себе еще и бродяг“ и что некоторые из винокуренных заводов, именно Кашенский и Ничинский, вмещающие до 1000 рабочих из ссыльных, предназначены к упразднению, каковое задерживается единственно только соображениями о трудности размещения находящихся на них лиц. Тем не менее полицейские соображения одержали верх, и законом 12 окт. 1849 г. постановлено было всех пойманных в Западной и Восточной Сибири бродяг мужского пола, в случае недостатка помещения в арестантских ротах, обращать в качестве ссыльно-поселенцев в разряд временных заводских работников на казенные заводы и фабрики сроком от пяти до шести лет; а затем как их, так и тех, которые по освидетельствовании окажутся совершенно неспособными к работе, отсылать для поселения в отдаленные места Восточной Сибири ¹⁾.

Местом ссылки для преступников служили затем Илецкие соляные промыслы, находящиеся недалеко от г. Оренбурга.

В течение долгого времени сюда ссылались по требованию местного начальства не только осужденные на поселение, но и приговоренные к каторжным работам за неособенно тяжкие преступления. Люди эти должны были навсегда оставаться в заводском ведомстве со своими детьми, которые там будут прижиты. Означенные дети считались и довольствовались наравне с детьми мастеровых и в свое время поступали в мастеровые. Устав о ссыльных позволял и самим ссыльным, по мере их исправления, не только исключать из числа ссыльных и помещать в мастеровые, но даже производить, если будут достойны, в мастера со всеми присущими последним правами. Значительная часть прежних ссыльных действительно с течением времени перешла в сословие мастеровых, но некоторое количество, именно 360 ссыльно-поселенцев, 19 каторжников и 232 детей остались в неопределенном положении. Так как в Сибири не только ссыльно-поселенцам, но и каторжным дозволяется законом, по миновании определенного для заводских работ срока, если не сделают нового преступления, водворяться всюду, где пожелают, и переходить потом в государственные крестьяне, то, для облегчения своей участи, хотя бы на будущее время, илецкие ссыльные весьма часто покушались на побег и другие преступления, для того только, чтобы быть сосланными в Сибирь.

С другой стороны, на пермских казенных винокуренных заводах обнаружилось, что уволенные от работ ссыльно-поселенцы не желают быть причисленными в крестьяне, а просят оставить их навсегда в заводском

¹⁾ Архив Госуд. Совета, дело № 2563 за 1849 г.

ведомстве; ссыльно-каторжные же, рассчитывая на обращение их в состояние мастеровых, по которому жена и дети могли бы получать провиант, не обзаводятся семействами по невозможности, без пособия казны, пропитывать их и через то делаются не только бесполезными, но даже вредными для заводов своими побегами и преступлениями.

В целях урегулирования этого вопроса законом 1849 г. было постановлено: 1) находившихся на Илецком соляном промысле ссыльно-поселенцев обратить в мастеровые с распространением на них всех прав, присущих последним. В случае новых с их стороны преступлений они судятся и подвергаются наказанию уже как мастеровые. В ведении соляного промысла остаются и находящиеся там 19 каторжных. 2) Всем уволенным уже от работ на пермских казенных винокуренных заводах, за неспособностью к оным, рабочим из ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжных дозволяется оставаться в заводах на вольном пропитании, без приписки в крестьяне и без платежей и повинностей с подчинением их непосредственному надзору заводской полиции. 3) На будущее время предоставить правом сим пользоваться и всем находящимся в заводах ссыльно-поселенцам, если они во время пребывания не сделают преступлений, за которые должны следовать в Сибирь; но рабочим из ссыльно-каторжных, которые будут впредь увольняемы от работ за выслугою сроков или по неспособности к работе, дозволить по особому уважительным причинам оставаться на заводах только тем, которые имеют уже там домообзаводство и не иначе, как с разрешения главного начальства; всех же прочих отсылать в Сибирь. 4) Состоящих ныне в заводской работе детей ссыльно-поселенцев оставить в сих работах впредь до минования в них надобности, а именно до истечения сроков контракта, заключенного с винокурами, который должен окончиться в 1854 г. 5) Прочих детей из ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжных записать в крестьяне с предоставлением им соответствующих льгот. 6) Всем вообще рабочим из ссыльно-поселенцев, не имеющим никаких средств к пропитанию, как уволенным уже, так и впредь увольняемым за неспособностью от работ, производить безденежно по смерти казенный провиант в размере, определенном Горным Уставом, располагая цену снога в цену выкуриваемого на сих заводах вина ¹⁾.

Несколько лет спустя в министерстве финансов вновь возникло предположение о передаче казенных винокуренных заводов Сибири за их невыгодностью в частные руки; но вследствие затруднений, связанных с вопросом о том, как быть с находящимися на них преступниками, его пришлось отложить.

Таким образом пополнение кадра рабочих преступниками на казенных заводах в Сибири продолжалось до самого падения крепостного права.

То же самое имело место и на Урале. По свидетельству Безобразова, посетившего Урал в начале шестидесятых годов, в Богословском горном

¹⁾ Архив Госуд. Совета, дело № 2576 за 1849 г.—О ссыльных и ссыльно-каторжных, находящихся на Илецком соляном промысле и Пермских казенных винокуренных заводах.

округе „население состояло из людей, обращенных правительством из рекрут в мастеровые и также из разных ссыльных людей, между прочим в особенности сосланных с казенных и частных заводов за проступки или вообще удаленных сюда по желанию заводууправлений. Здесь были люди, сосланные из весьма далеких краев, напр., даже из Пензенской губ.“¹⁾

Все вышеперечисленные категории постоянных рабочих и служащих с течением времени сложились в особую группу, получившую название нижних и рабочих чинов. Согласно закону 11 мая 1847 г., нижние и рабочие чины составляют низший после чиновников класс заводских людей: нижние чины сравниваются с унтер-офицерами, а рабочие — с рядовыми военной службы. К числу нижних чинов принадлежат: уставщики или кондукторы, межешники, пробирщики, мастера, писаря, чертежники, фельдшера и аптекарские ученики. Все эти чины имеют общее название урядников или унтер-шихтмейстеров; к составу рабочих чинов принадлежат мастеровые и урочные рабочие (непрерывные работники), а также подмастера, писцы и цеховые ученики.

Мастеровые, составлявшие основное ядро горнозаводского рабочего населения в собственном смысле слова, разделялись на команды, из коих каждая находилась в заведывании горного офицера. Они содержались в порядке и повиновении по Военному Уставу, который для сего должен был прочитываться им офицером, имеющим команду. За нарушение порядка и повиновения, равно как и по всем прочим преступлениям, мастеровые и все нижние чины, состоящие в службе заводской, судились военным судом. Эти суды составляли неприменную принадлежность администрации казенных и кабинетских горных промыслов; они состояли из председателя и ассессоров, находящихся в зависимости от заводууправлений. Приговоры суда отсылались в канцелярию горного начальства, которая или утверждала их, или изменяла, увеличивая и уменьшая меру наказания²⁾.

Вторая основная категория горнозаводского населения состояла из частновладельческих или крепостных людей, которые разделялись на две группы, а именно — крепостных: 1) на праве вотчинном и 2) на праве посессионном. Первые принадлежали горнозаводчикам дворянского происхождения; собственниками же вторых могли быть не только дворяне, но также лица других сословий. Согласно закону, посессионными назывались такие заводы или фабрики, которые получали пособие от казны в виде земли, строений или рабочих рук, а также в виде разрешения на покупку крестьян — для лиц, не имеющих права на это, т.-е. не дворян.

С точки зрения администрации посессионные рабочие люди не составляли какого-либо особого состояния; в прежних данных или указах о владении

¹⁾ В. Безобразов, Уральское горное хозяйство. 1869 г.

²⁾ 2-ое Полное Собр. Законов, № 1960 и № 21203. — „Нижние и рабочие чины состоят при казенных заводах и промыслах на правах военных служащих. Вследствие сего они подчиняются горному начальству на том же основании, как нижние военные чины военному начальству; по уголовным преступлениям судятся военным судом, свободны от всех государственных податей и рекрутского набора“. Горн. Устав 1857 г., ст. 309.

мануфактур-коллегия писала о них, что они отдаются „в вечное и потомственное владение, и людям быть в полном владении и беспрекословном послушании содержателя, а в случающихся между ими всяких ссорах разбирать и за непорядочные поступки и неисправление должностей наказывать ему таких, как помещику“.

Посессионные люди ведались судом и расправой в общих присутственных местах; владельцам предоставлялось право наравне с помещиками удалять их через отсылку в Сибирь, но при этом требовалось доказательство развратного их поведения и предварительное заключение начальства.

Однако их положение всё же отличалось от вотчинных крестьян некоторыми существенными особенностями, а именно: 1) их нельзя было продавать отдельно от фабрики или завода, а равно закладывать, отпускать на волю или даже переводить с одного предприятия на другое; 2) они не могли быть употребляемы на посторонние работы; 3) от лиц, устраивающих фабрику или завод в качестве предлога для покупки к ним населенных имений, последние отбирались в казну; 4) посессионные крестьяне могли жаловаться на своих владельцев, тогда как для вотчинных это было запрещено¹⁾; 5) при обращении их в работы предписывалось поступать таким образом, чтобы из общего количества годных к труду половина находилась на заводской работе. Благодаря этим ограничениям среди посессионных рабочих был очень распространен взгляд, что их владельцы не являются настоящими хозяевами, и они привыкли называть себя казенными людьми, отданными временно купцам для производства работ...²⁾

По данным, представленным в комиссию для пересмотра горного Устава, в 1859 г., т.-е. непосредственно перед уничтожением крепостного права, у нас действовало 224 горных завода, из коих 185 находилось в частном владении, и 39 казенных³⁾.

Рабочее население на них составляло, по 10 ревизии 1857 г., 391.000 душ м. п., не считая вольнонаемных; кроме того в Алтайском и Олонекском округе сохранились еще приписные крестьяне на казенных и кабинетских заводах в составе около 170.000 душ⁴⁾. Таким образом, общую численность горнозаводского населения к моменту падения крепостного права можно принять в 550 тыс. душ м. п. Но так как среди этих „душ“ находились с одной стороны дети, а с другой — старики и увечные, то из цифры 391.000 можно считать фактически занятых работами не более половины или 195.000 челов. Если перевести теперь 170.440 душ приписных крестьян в Алтайском и Олонекском округе на постоянных работников по тому же расчету 58 на 1.000 душ, какой был применен к Уралу, то это составит 9.860 человек. Кроме того,

¹⁾ По Уложению о наказаниях 1845 г. крепостные за подачу жалобы на своего помещика подвергались наказанию розгами до 50 ударов.

²⁾ Архив Госуд. Совета, дело 1840 г. за № 3774.

³⁾ Сюда не входит горнозаводская промышленность Царства Польского, но она была в то время очень слабо развита. Так, в 1855 г. чугуна было добыто здесь 1.066 тыс. пуд., каменного угля — 4.453 тыс. п., цинка — 67.500 пуд.

⁴⁾ Памятная книжка для русских горных людей. Год первый. 1862 г.

в вышеуказанный подсчет не вошли еще рабочие, занятые на частных золотых приисках Сибири; их в 1860 г. насчитывалось 30.869 челов.

Таким образом, общая цифра рабочих, фактически занятых в нашей горнозаводской промышленности к моменту падения крепостного права, составит около 250.000 человек.

По районам горнозаводское население распределялось следующим образом: на Урале 307.301 душа (из них на частных заводах 228.772 и на казенных — 78.529 д.); в Алтайском округе — 23.643 д. нижних чинов и мастеровых и 145.587 д. приписных крестьян; в Нерчинском округе — нижних чинов и мастеровых 4.371 и ссыльно-каторжных — 3.755 д.; в Олонецком округе — мастеровых и приписных крестьян 26.999 д.; в Луганском округе — 4.995 д. и на заводах, подведомственных Московскому горному правлению — 44.611 душ м. п.

Остановимся теперь в заключение на группе вольнонаемных рабочих. Прикрепляя широкой рукой крестьян к горным заводам и промыслам, правительство однако скоро пришло к заключению, что эта мера вовсе не является безупречным способом разрешения вопроса и что в ней заключается не мало отрицательных сторон.

В сенатском указе 1730 г. начальнику Уральских заводов Геннину был поставлен между прочим вопрос: каким образом горные заводы „в добром порядке без приписных слобод содержать можно?“ В инструкции, данной его преемнику В. Н. Татищеву, при назначении его главным начальником всех горных заводов на Урале и Сибири, точно также поднимается вопрос о сравнительных выгодах обязательного и вольнонаемного труда.

Отмечая, что Демидов отпускает вдвое более железа против казенных заводов, хотя не имеет и четвертой части людей по сравнению с ними, и что „по слухам он наиболее вольными работниками и гораздо дешевле все работы исправляет“, инструкция продолжает: „того ради рассмотреть вам в распоряжении расположенных на приписных крестьян работ и в заплате за оные, дабы они на потребность отягчены не были; а чтобы им для дальних проездов излишнего за работы не платить и тем на сделанные товары цены не возвышать, стараться вам, чтобы некоторые работы на заводах, обретающихся в тобольских и верхотурских слободах, исправлять вольным наймом“.

Когда некто Твердышев построил медные и железные заводы внутри Башкирии за собственный счет, не требуя приписки крестьян, Сенат представил его в 1757 г. из податного состояния прямо в коллежские ассессоры. После крупных волнений среди приписных крестьян во второй половине пятидесятых и начале шестидесятых годов правительство решило отказаться от дальнейшей приписки их, ибо — как выразилась комиссия о горных заводах, по поводу представления Ирмана — „по случаю приписок государственных крестьян не только из новых, но и от приписных, кои уже к таковой перемене привычку возымали, происходят разные государственные неприятности и беспокойства“.

До уничтожения принудительных работ, правда, было еще далеко, но правительство пыталось подойти к нему путем постепенного распространения вольного труда.

По ст. 336 Горного положения, утвержденного в 1806 г., горному начальнику вменяется в обязанность „привлекать и приохочивать вольных людей к горным и заводским работам по такой цене, как он найдет выгодным, обзадачивая их вперед, если то нужно“.

Однако, практические результаты этих внушений и поощрений были ничтожны. По данным, собранным от местных управлений, оказывается, что в 1860 г. т.-е. непосредственно перед падением крепостного права, когда всё уже говорило о необходимости перехода к новым порядкам, во всех шести казенных округах Урала из 34.219 рабочих вольнонаемных было только 806 или 2,4%; в Олонецком округе на 2.050 нижних чинов и мастеровых приходилось вольнонаемных 76 челов., а в Алтайском и Нерчинском округах и на Луганском заводе их совсем не было ¹⁾. О частных заводах подобных сведений не имеется, ибо никаких подразделений на категории в представленных ими отчетах не содержится; повидимому, если вольнонаемные рабочие и были здесь, то в очень небольшом количестве.

По ведомости горных заводов и промыслов, приложенной к книжке Чевкина и Озерского, Обзор горной промышленности в России (1851 г.), в 1847 г. всего на всего значилось три небольших частных завода, работавших вольнонаемным трудом, а именно: 1) Липецкий, Тамбовской губ., купца Милованова; 2) Ибердецкий, Рязанской губ., полковника Бегичева и 3) Череповецкий — купца Билибина.

Ничтожное в общем применение вольного труда объясняется не только слабостью его предложения, пока крепостное право господствовало в стране, но и тем, что горные заводы и промыслы были с избытком снабжены обязательными рабочими. Будучи обязанными содержать их, заводы естественно старались использовать их, не задаваясь вопросом о том, какая форма труда является более выгодной. Более того, с их стороны никогда не прекращались жалобы на недостаток крепостных рабочих рук и убыточность вольнонаемных. Так, в представлении м-ва финансов Государственному Совету, относящемся к 1851 г., заявляется, что на посессионных горных заводах недостает ныне в общей сложности против штатного положения более 24 тысяч душ, а именно: по Уральскому округу недостает 15.944 и по Замосковскому — 8.326 человек. Столь значительный недостаток заводских людей хотя пополняется вольнонаемными, но сии последние могут быть употребляемы только для некоторых вспомогательных работ, как то: для рубки дров, перевозки руд и пр., при том наем вольных людей весьма часто бывает затруднителен и всегда убыточен для заводчиков. По справке выясняется, что и на некоторых казенных заводах постоянно нуждаются в мастеровых и рабочих людях и теперь на Богословском, напр., заводе не хватает около 240 человек ²⁾.

Но это заявление показывает только, что крепостной труд имел очевидно свои преимущества в глазах администрации казенных и частных заводов,

¹⁾ См. Памятная книжка для русских горных людей. Год второй, 1863 г.

²⁾ Архив Государств. Совета, дело № 5722 за 1851 г.

которыми она дорожила в своих интересах; но рациональность его с народно-хозяйственной точки зрения этим, конечно, не доказывается. Что это так, доказывает существование частной золотопромышленности в Сибири, которая (вместе с только что нарождающейся каменноугольной промышленностью на юге России) выросла целиком на вольнонаемном труде. Как уже указывалось выше, развитие ее относится к тридцатым и сороковым годам XIX столетия, когда в правительственных кругах вполне установилось уже отрицательное отношение к расширению сферы принудительного труда. Правда, отдельные проекты подобного рода возникали и здесь, но они были сравнительно немногочисленны и не нашли себе благоприятной почвы. Так, в 1837 г. на рассмотрение Сибирского комитета поступило предложение П. Демидова об увеличении населения в золотопромышленных районах посредством вызова в Сибирь или покупки и переселения туда земледельцев с присоединением к ним соответственного числа ссыльно-поселенцев ¹⁾.

Автор проекта предлагал назвать переселенцев „приписными к золотым промыслам“ и употреблять их на работу на общем основании за определенную задельную плату.

По мере устройства переселяемых крестьян к ним должны были присоединяться ссыльно-поселенцы, которые бы входили в их семейства и работали наравне с ними. Каждому семейству, из которого будет добровольно выдана дочь или родственница в замужество за ссыльного, предполагалось выдавать денежное вознаграждение. Генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков в своем отзыве указал, что переселение крестьян есть частное дело Демидова, присоединение же к ним ссыльно-поселенцев, поскольку имеется в виду производить его правительственными мерами, противоречит существующим узаконениям, так как превращает их как бы в крепостных владельца промыслов. А на это, „дорожа своей свободой, без сомнения, никто из поселенцев по доброй воле не согласится“, так что в результате осуществления проекта получится не прочное заселение, а „явное сопротивление или, по крайней мере, сопряженное с усугублением бродяжничества, разбоя и других беспорядков около тех самых мест, где наиболее необходимо обратить внимание на сохранение благоустройства“.

В 1839 г. одним помещиком было возбуждено ходатайство о разрешении переселить в Сибирь часть его крестьян для добывания золота в пользу богоугодного заведения, но импер. Николай приказал ответить, что ни в каком случае поселение помещичьих крестьян в Сибири допущено быть не может. После издания указа 1842 г., дозволяющего помещикам обращать принадлежащих им крестьян в обязанных, явилась попытка воспользоваться им в интересах золотопромышленности.

В 1844 г. некто Порецкий представил при прошении на высочайшее имя проект устава акционерной компании для колонизации Сибири обязанными

¹⁾ В. Семевский, Рабочие на Сибирских золотых промыслах, т. I, глава IV. 1898 г.

крестьянами с целью улучшения сельского хозяйства и золотопромышленности. Из крестьян и мастеровых, пока они будут „обязанными“ компании, половина годных к труду должны всегда находиться на приисковой работе, остальные же при сельских занятиях, а через 35 лет по переходе в ведение компании они получают свободу с усадьбами, пашенной и сенокосной землей. Наконец, в 1846 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Рупертом был также возбужден вопрос о переселении из малоземельных великорусских губерний от 100 до 150 тысяч крестьян для содействия развитию золотопромышленности. Кроме того, он советовал дозволить золотопромышленникам переселять на свой счет крепостных и вольных людей, снабжая их домами, скотом, семенами и другими хозяйственными принадлежностями с тем, чтобы выведенные владельцем золотых промыслов крепостные, после поселения их на удобных казенных землях, прослужили владельцу пятнадцать лет за умеренную плату, при чем половина должна была заниматься приисковыми работами, а остальные—хлебопашеством. На переселение в этот край свободных людей (мещан и крестьян) золотопромышленники должны были заключить с ними особые условия, которые должны были представляться на рассмотрение и утверждение правительства. Предположения Порецкого и Руперта не встретили однако сочувствия и остались без последствий.

Одновременно с этим развивались также проекты относительно принудительного использования труда ссыльно-поселенцев. Так, в 1834 г. жандармским офицером Мишо была составлена записка, в которой частные золотые промыслы выставлялись, как „вспомогательный способ для необходимого устройства скитающихся ныне по Сибири жалких, несчастных поселщиков. Работник в продолжение лета может там приобрести с бдльшим избытком средства на содержание себя“, которые послужат к обзаведению людей, сосланных на поселение. В этих видах Мишо рекомендовал назначить часть поселенцев Томской губ., которые не сумели собственными средствами создать себе прочную оседлость, для составления рабочих команд, по 200 человек каждая, для работ на частных золотых промыслах той же губернии. Команды доставляются начальством на работы по требованию промышленников, причем главные условия контрактов—заработная плата, размер уроков и пр.—должны быть определены раз навсегда по предварительному соглашению администрации с промышленниками. Рабочие команды подчиняются военной дисциплине, и начальство строго наблюдает как за поведением рабочих, так и за точным исполнением всех условий контрактов. Деньги, заработанные поселенцами на промыслах, считаются их собственностью, но получают и хранятся главным начальством команд. Во время приисковых работ они получают пищу от их хозяев, в зимнее же время составляются артели для закучки припасов на заработанные ими деньги; квартиры на зиму им можно отводить в селениях на основаниях постоянной повинности. Граф Канкрин, которому были сообщены предположения Мишо, препроводив их министру внутренних дел, с своей стороны нашел их неудобными для практического осуществления. С подобным же предложением выступил в 1839 г. жандармский генерал Фалькенберг,

который также советовал составить команды чернорабочих на золотых промыслах из ссыльно-поселенцев, преимущественно неженатых и тех, которые отклоняются от заведения своего хозяйства, с тем, чтобы выработанные ими деньги употреблялись на их одежду, пищу и уплату государственных податей. Но и этот проект также был оставлен без движения.

Потерпев неудачу с попытками создания на приисках принудительных форм труда, золотопромышленники должны были обратиться к найму вольных рабочих. Внешние условия для этого были однако мало благоприятны. Прииски были разбросаны небольшими участками среди гор, болот и дремучих лесов, вдали от жилых мест. Крестьяне-старожилы неохотно шли работать на них; нанимались из них одни лишь бедняки и по большей части дети, которые посылались для заработка податей. Но зато ссыльно-поселенцы, еще не вполне устроившиеся на новых местах и потому гораздо более нуждающиеся в заработке, представляли в этом отношении более благодарный материал; из них-то, главным образом, и набирались вольнонаемные рабочие на сибирских золотых промыслах. Так, в 1834 г. они составляли 82% общего числа занятых на приисках Томской губ.; остальную же часть составляли разночинцы, а также крестьяне и мещане Томской и Енисейской-губ. В 1840 г. процент ссыльно-поселенцев составлял 79%, а в 1847—49 г.г. понизился еще более до 72—73%. На промыслах Енисейской губ. они составляли в 1847 г. 68%, в 1848 г.—67, в 1849 г.—62 и в 1850 г.—53%. Слухи о больших заработках на сибирских промыслах скоро распространились на далекое расстояние, и сюда стали притекать во все большем количестве рабочие из Европейской России: на приисках Енисейской губ. их было в 1847—48 г.г. 12% всех рабочих, а в 1849 г. уже 16%.

Большую часть этих выходцев из внутренней России составляли крепостные крестьяне, отпущенные для работы на стороне: в 1847 г. их было на приисках Восточной Сибири 1.722, в 1848 г.—1.437 и в 1849 г.—2.118 человек. Остальные были мещане и разночинцы. В 1858 г. среди приисковых рабочих Восточной Сибири насчитывалось уже 21% выходцев из великорусских губерний (главным образом Нижегородской и Вятской).

Переходя к обрабатывающей промышленности, нужно отметить, что, во 1-х, общее количество занятых в ней рабочих было значительно большим, чем в горнозаводской: по данным департамента мануфактур за 1860 г. на 15.388 фабриках и заводах по всей империи числилось 565.142 рабочих ¹⁾; во 2-х, соотношение различных групп его между собою было совершенно иным. В горнозаводском рабочем населении мы различали три основных категории: 1) казенные, 2) крепостные и 3) вольнонаемные рабочие. Эти группы существовали и в обрабатывающей промышленности, но удельный вес каждой из них был далеко не тот. Государство в начале и здесь принимало очень

¹⁾ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, 1863 г., ч. II, прилож. XVII.

деятельное участие в насаждении крупной промышленности, но затем устроенные им фабрики или переходили к частным предпринимателям, или совсем закрывались; в дальнейшем же рвение казны к промышленной деятельности значительно ослабело и к концу изучаемого периода в руках ее находилось очень незначительное количество предприятий. Как открыто заявляется в указе 1803 г. о реформе мануфактур-коллегии, „фабрики не могут процветать иначе, как в частных руках, и управление их должно быть основано на коммерческом обряде. В казенном ведомстве заводы сии не только не могут принести ожидаемой прибыли и достигнуть до совершенства, но по ббльшей части приходят в упадок, как сие многими опытами в России уже доказано“ ¹⁾.

Группа крепостных рабочих занимала в начале периода господствующее место, но с течением времени численность ее всё более и более падала. В 1769 г. на фабриках и заводах, состоявших в ведении мануфактур-коллегии, числилось 45.677 рабочих, и из них крепостных было 27.584 человека или 60% ²⁾.

В 1804 г. из общего количества 95.202 фабричных рабочих на долю крепостных приходилось 49.577, т.-е. 52%, а в 1825 г. из 210.568 человек всего уже только 96.053 ч. или менее половины (45,6%).

Принудительный труд занимал преобладающее место в суконной, писчебумажной и металлообрабатывающей промышленности; на полотняных фабриках и стеклянных заводах он также играл важную роль. Статистических данных более позднего времени не имеется, но не подлежит сомнению, что удельный вес фабрик, основанных на крепостном труде, падал в дальнейшем еще более стремительно. Они держались преимущественно в тех отраслях производства, которые питались заказами, получаемыми от государства; поскольку же у нас развивалась промышленность, работающая на свободный рынок,—а роль последнего действительно всё более и более возрастала,—первенствующее место в ней принадлежало предприятиям, действующим на основе вольнонаемного труда. Едва ли будет преувеличением сказать, что к моменту ликвидации крепостного права из пяти с половиною сот тысяч фабричных рабочих на долю вольнонаемных приходилось не менее четырехсот тысяч.

Крепостные рабочие в свою очередь распались на две группы в зависимости от того, принадлежали ли они своим владельцам на праве собственности полной или ограниченной; в первом случае это были рабочие вотчинные, а во втором—посессионные. Соотношение этих групп представляется в следующем виде:

	1769 г.	1825 г.
Вотчинные	5.720	66.725
Посессионные	21.864	29.328

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 20852.

²⁾ В. Семеновский. Крестьянский вопрос в царствование Екатерины II. Т. I изд. 2-ое 1902 г.

Как видно отсюда, в течение означенного промежутка времени первая группа выросла на 61.005 человек, а вторая—только на 7.464.

Объясняется это прежде всего изменением отношения законодательства к данному вопросу. Указом Петра от 18 января 1721 г. „купецким людям“ было предоставлено право покупать к основываемым ими фабрикам и заводам населенные деревни, которого они дотоле не имели, под условием, чтобы эти деревни „всегда уже были при тех заводах неотлучно“.

Купечество широко воспользовалось этим правом, ибо в то время оно представлялось действительно ценной привилегией. Но дворянство увидело в этом существенный ущерб своим интересам, и указом 29 марта 1762 г. покупка к фабрикам и заводам крестьян, как с землей, так и без земли, была запрещена. При Павле купечеству вновь разрешено было в 1798 г. покупать крестьян к фабрикам и заводам, но через четыре года это право было ограничено условием, чтобы купленные крестьяне не были переселены на другое место; а в 1816 г. покупка крестьян к фабрикам и заводам была окончательно запрещена. К тому же экономические условия совершенно изменились, и фабриканты стали уже тяготиться тем положением, которого раньше они усердно добивались. Как известно, одним из условий посессионного владения было лишение владельца фабрики права сокращать или изменять по своему усмотрению род и размер производства. Это требование не было особенно стеснительно в восемнадцатом веке, пока промышленность удовлетворяла из года в год одному и тому же постоянному спросу, а техника также отличалась консерватизмом. Но в дальнейшем, когда стали возникать новые отрасли производства, а техника—развиваться быстрее, посессионное владение превратилось в обузу для фабрикантов, от которой они не прочь были избавиться. По просьбам некоторых посессионных фабрикантов, законом 1824 г. разрешалось увольнять приписанных к фабрикам и заводам крестьян в другие звания, но с особого в каждом отдельном случае разрешения Комитета министров. В 1835 г. владельцам посессионных фабрик было предоставлено право отпускать по паспортам принадлежащих им крестьян и мастеровых—с тем условием, чтобы 1) не уменьшалось производство фабрики и 2) оброк с уходящих лиц поступал не в пользу владельца, а в доходы мирского общества. Наконец, в 1839 г. министром финансов Канкриним был выработан проект постепенной ликвидации посессионного владения фабриками. При рассмотрении его Государственный совет нашел, что „уважения, по которым казна жертвовала своим достоинством в пользу частных фабрикантов и допустила косвенное изъятие из коренного закона о праве владения крепостными людьми, теперь уже решительно не существуют... и что ныне, когда и в простом народе распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, удобнее и едва ли не выгоднее для фабриканта иметь сих людей по найму, нежели держать собственных и приписанных“. Законом 18 июня 1840 г. действительно фабрикантам было предоставлено увольнять принадлежащих им на посессионном праве людей в свободное состояние по своему усмотрению, при чем, если последние были

приобретены ими покупкой или приписаны с уплатой денег в казну, то владельцы получали вознаграждение в размере 36 руб. сер. с ревизской души мужск. пола; если же рабочие были приписаны без всякого денежного вознаграждения, то и освобождение их должно было производиться безвозмездно. Закон 1840 г. получил широкое применение на практике, что служит наглядным доказательством того, что посессионные фабрики, которых насчитывалось в это время 141, отжили уже свое время. На основании этого закона, получили освобождение 103 фабрики с количеством рабочих около 20.000 душ. Увольняемым рабочим предоставлялось на выбор—приписаться в городские сословия или в государственные крестьяне. В случае желанья поступить в государственные крестьяне, фабричные должны были согласиться на переселение, при чем владелец должен был в этом случае предоставить им на обзаведение по 50 руб. ассигнациями на душу мужск. пола и по 20 руб. на душу женск. пола без различия возрастов и, кроме того, на перевозку по 20 руб. на душу обоего пола. Поступающие же в городские сословия, т.-е. главным образом в мещанство, должны были продать свои дома и выселиться с земли владельца.

Но в тех случаях, когда земля была отведена фабрике казною без платежа денег, означенные лица сохраняли за собою свои усадебные участки, а иногда и другие земли. Так напр. купавинские фабричные получили в свою пользу не только дома и усадебные земли, но и огороды и сенокосы. Фабричные Яковлева и Осокина точно также получили без всякого платежа в свою собственность дома, приусадебные участки и огороды. Из 14.441 посессионных людей м. п., о которых имеются сведения в литературе, 6.089 душ выразили желанье поступить в государственные крестьяне, остальные же 13.220 были перечислены в городские сословия. По данным девятой ревизии 1850 г. на 52 посессионных фабриках числилось 27.353 души м. п., а десятая ревизия 1857 г. насчитывает 23.853 посессионных крестьян м. п.; число предприятий сократилось к этому времени до 38 ¹⁾.

Таким образом, к концу крепостного периода от посессионных рабочих осталась небольшая группа в 10—15 тысяч человек и они заняли приблизительно то же место, какое в начале периода принадлежало группе вотчинных рабочих; последних же насчитывалось вероятно около сотни тысяч.

Рабочие вотчинных фабрик находились в полном распоряжении своих владельцев, и государственная власть почти совершенно не вмешивалась в их внутренние отношения. Единственная попытка урегулировать несколько их положение была сделана только в середине тридцатых годов XIX века и находится в связи с волнением рабочих в имении Груздева. Обстоятельства этого дела заключаются в следующем. ²⁾ Означенное имение перешло к Груздеву в 1827 г. по кучей от гр. Разумовской. Так как многие из крестьян не выполняли своих обязанностей и не платили оброка, то он устроил в 1832 г. в селении бумаго-

¹⁾ Архив Госуд. Совета, дело № 4615 за 1845 г.—О посессионных фабриках.— М. И. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1898 г., стр. 146—161

²⁾ Архив м-ва внутр. дел по д-ту полиции, исп., дело № 398 за 1833 г.—О неповиновении крестьян, принадлежавших Груздеву.

прядильную фабрику, обращая на работу в ней неблагонадежных в платеже оброка, и взял из других семейств мальчиков и девочек, положив им всем сдельную плату с вычетом за провиант, употребляемый в пищу. Всего на фабрике работало около 300 человек. Когда на пасхальной неделе их заставили начать работу—женщин и девочек со среды, а мужчин с четверга на пятницу, то многие крестьяне решили, отслужив молебен и приняв перед образом присягу, отправиться к губернатору с просьбой о защите. Встретив их по дороге в количестве до 200 человек, исправник убедил их вернуться домой, где они подали ему жалобу, отказываясь от повиновения помещику до тех пор, пока правительство не определит, сколько должны они платить оброку и какие обязаны исправлять работы. Все убеждения исправника остались тщетными; когда же им приказано было взять под стражу 13 главнейших зачинщиков своеволия, то толпа крестьян пошла с ними в город, и хотя затем после увещания со стороны предводителя дворянства разошлись, но остались в прежнем неповиновении. Только после присылки военной команды губернатору удалось с большим трудом склонить их к возобновлению работ. Расследованием было выяснено, что причины недовольства заключаются в следующем: 1) из семейств тех же самых оброчных крестьян берутся на фабрику люди обоего пола, и хотя выдается им плата, но совершенно недостаточная, иным вместо денег отпускалась обувь, соль и тому подобное; некоторые же совсем не получают платы, хотя на них не значится недоимок в оброке. Следствие установило, что расчета с 1 января по 1 мая действительно произведено не было по болезни бухгалтера, и в счет платы в марте им выдано было несколько денег, обуви и пр. 2) Жалобы на плохую пищу: на триста человек отпускается хлеба и квасу в обед и ужин, сколько нужно, но крупы гречневой в сутки только $3\frac{1}{2}$ четверика и мяса $1\frac{1}{2}$ пуда. 3) По воскресеньям фабричные чистят машины около $2\frac{1}{2}$ часов, а прочих крестьян заставляют работать по праздникам. Следствие выяснило, что на работу в праздники не выгоняют, ибо время с среды на четверг пасхальной недели не считается праздником. 4) Во время действия машин изломало одного рабочего до смерти, а девяти нанесены повреждения. По заключению следствия причиною этого была собственная неосторожность пострадавших. 5) Жалобы на жестокое обращение управляющего и наказание некоторых плетью. Следствие выяснило, что некоторые были наказаны, но не жестоко; однако плеть, которою их били, была приложена к делу.

Между тем по высочайшему повелению на предводителя дворянства вместе с жандармским офицером была возложена обязанность произвести с своей стороны тщательное расследование дела, в результате которого они пришли к заключению, что 1) работы на фабрике не отяготительны и плата положена достаточная, 2) крестьяне весьма недовольны заведением фабрики, но они находятся теперь не в худшем положении, чем раньше, 3) причиною волнения служат слухи о существовании заветания Разумовской об отпуске их на свободу.

Военный генерал-губернатор предписал предать крестьян военному суду, а Груздеву сделать внушение без огласки, чтобы он озаботился о благосостоянии своих крестьян и сделал по имевшему необходимые перемены.

Вместе с тем, генерал-губернатором было высказано мнение о необходимости выработки правил, которыми должны были бы руководствоваться помещики при устройстве в имениях своих фабрик с обращением на них пахотных крестьян.

По поводу этого представления, получившего высочайшее одобрение, министром финансов Канкриным был дан отзыв в том смысле, что по силе законов помещики могут по своему усмотрению употреблять своих крестьян на всякие работы и переводить во двор и на фабрики, и всякое изменение их (т.-е. законов) „может обратиться к тому, что выведет многих из границ послушания“. Но, с другой стороны „известно, сколь труден переход от хлебопашества и сельских работ к работам фабричным, и что сие большей частью сопровождается ропотом крестьян“. Поэтому „полагать сему предел не иначе можно, как секретными внушениями помещикам через предводителей дворянства не приступать к таким переходам без самой крайней необходимости и производить их всевозможными облегчениями крестьян исподволь“, а именно: 1) чтобы пахотных крестьян, сколько возможно, воздерживались обращать целыми селениями к фабричным работам, если сие несогласно с собственным их желанием; 2) чтобы приступали к сему постепенно, прихочивая их некоторыми хотя маловажными выгодами и облегчениями; 3) чтобы при сем наблюдалось правило не требовать работ более трех дней в неделю или, как говорят, чтобы работали брат на брата, оставляя половину постоянно при их домах и хлебопашестве и пользуясь работою на фабриках другой половины; 4) чтобы не изнуряли фабричных тягостными работами, не клысь об их содержании и благосостоянии вообще, особенно не принуждая к работам в воскресные, двенадцатые и храмовые праздники.

Министром внутренних дел Блудовым на основании этого отзыва была внесена в Комитет министров записка, где он предлагал, не приступая ни к каким гласным особенным постановлениям о порядке приписки помещечьих крестьян к фабрикам, дать секретное предписание предводителям дворянства обращать постоянное внимание на состояние крестьян, употребляемых на фабрики и заводы, наблюдая, чтобы: 1) на существующих уже фабриках и заводах всякое стеснительное для крестьян и из общего порядка выходящее распоряжение владельца было останавливаемо в самом начале силою узаконений; 2) при учреждении новых фабрик и заводов помещики по возможности избегали обращения пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам или, по крайней мере, приступали к сему не вдруг, а постепенно, прихочивая крестьян к сему новому роду занятий некоторыми, хотя маловажными выгодами и облегчениями и, во всяком случае, не расстраивая их собственного земледелия и хозяйства; 3) на фабриках и заводах, как существующих уже, так и вновь учрежденных, наблюдалось общее правило не требовать работ более трех дней в неделю или же работать брат на брата так, чтобы половина семейств оставалась всегда при своем собственном хозяйстве; там же, где работающие на фабрике и заводе не имеют своего земледелия, полагаема была вместо того соразмерная трудам задельная плата;

4) помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей на их фабриках не принуждая их к работам в воскресные дни, двенадцатые и храмовые праздники, не изнуряя трудами, слишком тягостными, и принимая в соображение пол, возраст и силы каждого.

Как видно отсюда, проект министерства внутренних дел отличался чрезвычайной неопределенностью и деликатностью к правам вотчинных фабрикантов: за исключением пунктов о работе брат на брата и в праздничные дни; всё остальное по существу предоставлялось усмотрению помещиков и секретному отеческому внушению со стороны предводителей дворянства. Однако Комитет министров, заслушав это представление в заседании 25 ноября и 23 декабря 1833 г., нашел его слишком смелым и постановил: „представить его величеству, не благоугодно ли будет повелеть предмет сей отложить до дальнейшего усмотрения и до того времени, когда обстоятельства дозволят приступить к каким-либо суждениям общим, объемлющим представляющиеся здесь вопросы во всей их совокупности, ибо... всякое отдельное ограничение власти помещиков—пока существует настоящая система крепостных прав и обязанностей—вообще едва ли удобно и скорее имеет может последствия вредные, нежели полезные, особенно в нынешнее время, когда между крестьянами приметнее обнаруживаются беспокойства и непокорность“. Но Николай положил следующую резолюцию: „Не вижу никакого препятствия исполнить по мнению министра внутренних дел, кроме одной первой статьи, которую выпустить можно“.

Сообразно с этим по всем губерниям был разослан циркуляр предводителям дворянства о секретном наблюдении за применением вышеупомянутых правил.

Вскоре затем подольским уездным предводителем дворянства Сухово-Кобылиным, который производил следствие по делу о возмущении крестьян на фабрике помещицы Окуловой, представлена была высшей администрации новая записка с изложением причин неповиновения фабричных помещичьих крестьян. „Неудобное распределение повинностей между фабричными крестьянами, — говорится здесь, — может подать повод к обнаружению неповиновения крестьян, особенно в подмосковных селениях. Сии неудобства заключаются в том, что фабричные крестьяне состоят на издельном положении, подобно крестьянам, занимающимся земледелием. Несмотря на то, что половинная работа (на господина и на себя) равно принята правилом распределения повинностей в фабричных поместьях, тягость сих последних превышает повинность крестьян, занимающихся земледелием. Ибо 1) селения земледельческие большею частью достаточно снабжены пахотными землями, покосами и другими угодьями; напротив, в селениях фабричных земли недостаточно, да и та нехлебородная, и, по незначительности скотоводства, худо удобряема, так что при лучшем урожае хлеба едва достанет на восемь месяцев, а при худом урожае не более, как на пять месяцев. В сем последнем случае фабричные крестьяне терпят неудобства вдвойне: от дороговизны хлеба и дешевизны работы, как то и случилось в нынешнем году с теми крестьянами. К сему должно

присовокупить, что, по ежегодному недостатку хлеба в фабричных селениях, трудно завести запасные магазины, ибо каждый год запасы покупаются на деньги, от чего при малейшем поводе может возникнуть ропот, буйство и открытое неповиновение, чему весьма способствует заметная в фабричных неправственность, и, поелику они всегда бывают вместе, большое удобство распространять и перенимать буйный и непокорный образ мыслей. 2) Невыгода фабричных крестьян в сравнении с земледельческими состоит в том, что сии последние, исправив господскую повинность с апреля по ноябрь месяц и редко доле, всё прочее время года работают для себя, занимаясь промышленностью сообразно своему трудолюбию, ремеслу, способностям и местным выгодам; напротив, фабричный крестьянин всё время года, от 1 января по 1 января, занимается господской работой на фабрике и не имеет уже никакой надежды улучшить свое хозяйство. 3) Невыгода состоит в том, что работников на фабрику избирают всегда здоровых и наиболее способных; оставшиеся же в домах худшие, менее радивые и менее способные, должны кормить себя, фабричных работников своего семейства и сверх того исправлять земские и прочие господские повинности, на которые уже нельзя наряжать работающих на фабрике, во избежание всяких отговорок в случае невыполнения положенных уроков. Естественно от сего происходит расстройство крестьянского хозяйства, дух беспечности, нерадения, порча нравственности и т. д.

Если фабрики поставить на коммерческом положении, т.-е. платить каждому фабричному работнику цену от изделия и обложить все тяглы оброком, то чрез сие владельцы не только не уменьшат своих доходов, но даже могут их увеличить: ибо чрез сие распределение возбудится в крестьянах хозяйственность, трудолюбие, а с сим вместе и добрая нравственность. Тогда вместо небрежного и ропотного выполнения положенных уроков работник будет иметь побуждение к усерднейшему и большему труду, и настоящее количество изделий увеличит в полтора раза; ибо тогда он будет знать, что он трудится не только для господина, но и для своего собственного семейства, а сам владелец фабрики вследствие сего распоряжения, по самому верному расчету, получая доходов в полтора раза более, избавится от обременительных мер фабричного управления“.

Смысл этого предложения сводился очевидно к тому, чтобы вместо работы „брат на брата“, как создающей неуравнительность в положении означенных двух групп населения, ввести постоянных фабричных работников, получающих сделную плату.

Эти соображения московский губ. предводитель дворянства Гудович представил министру внутренних дел, находя их с своей стороны заслуживающими уважения.

Впоследствии даже на запрос министерства Гудович сообщил, что по его мнению правительству не следовало бы позволять „заводить фабрики иначе, как на коммерческом положении“. Но министр финансов Канкрин высказался отрицательно, находя, что общая мысль об этом предмете заключается уже во 2-м пункте секретного предписания предводителям дворянства; входить

же в дальнейшие подробности, стеснительные для помещиков, неудобно— и это решило судьбу вопроса.

Что касается вольнонаемных рабочих, то эта группа уже при самом возникновении крупной обрабатывающей промышленности была довольно значительной, с течением же времени роль ее всё более и более возрастала. В 1769 г. на фабриках и заводах, состоящих в ведении мануфактур-коллегии, числилось 18.093 вольнонаемных рабочих, что составляло 40% общего числа их. В 1804 г. вольнонаемных фабричных было уже 45.625 челов. или 47,9%, а в 1825 г. 114.515 челов. или 54,4%. Точной цифры к концу периода не имеется, но не подлежит сомнению, что роль свободного труда стала еще более значительной. Группа possessionsонных рабочих после издания закона 1840 г. сошла почти совсем на-нет, а из вотчинных фабрик некоторые также стали переходить на вольнонаемный труд, как более производительный. „Многие из владельцев привилегированных (т. е. possessionsонных) фабрик,— читаем мы в „Журнале Мануфактур и Торговли“ за 1837 г.,—начали давать постоянную плату рабочим; многие платят им даже наравне с рабочими наемными. Но и в этом случае они нередко с большой неохотой принимаются за способ производства более или менее улучшенный, и всегда наемные рабочие лучше их“. Когда рабочие possessionsонной фабрики Угличанова, пользовавшиеся плохой известностью, получили свободу и стали работать по найму на соседней фабрике Оловянишниковой, то они „вскоре работали так же хорошо, как и все прочие работники“ ¹⁾.

Из каких же элементов составлялись кадры вольнонаемных рабочих? Поскольку промышленные предприятия данного типа сосредоточивались преимущественно в городах или около них, они естественно ближайшим образом могли рассчитывать на приток рабочих рук из среды мещанского и посадского населения. Но этот слой был слишком незначителен в рассматриваемое время, чтобы удовлетворить запросы развивающейся промышленности. Поэтому, главным резервуаром, откуда она почерпала нужные ей рабочие силы, была деревня, крестьянское население. Государственные крестьяне могли свободно распоряжаться своим трудом, но с другой стороны они менее нуждались в посторонних заработках и неособенно охотно отдалялись от насиженных мест. Поэтому первое место принадлежало помещичьим крестьянам, которые отличались большей подвижностью и вместе с тем были менее требовательны. Уложение 1649 г. предоставляло им широкое право вступать в договор найма. „А будут чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоваться в работу, и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов наймоваться в работу по записям и без записей повольно. А тем людям, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не иметь и ничем их себе не крепить, и как от них те наймты отработаются, и их отпускать от себя без всякого задержания“ ²⁾. Введение подушной подати и другие связанные с этим

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1837, т. X.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 1. Глава XI, ст. 32.

мероприятия Петра усилили власть помещика над приписанными к нему людьми и вместе с тем сократили контингент лиц, могущих свободно распоряжаться своим трудом. Это усиление крепостного права, конечно, значительно стесняло мобилизацию труда, [ибо крестьянину, желающему наняться на фабрику, необходимо было получить предварительно отпускное свидетельство; но оно всё же не служило для нее непреодолимым препятствием, так как, поскольку в деревне имелся избыток рабочих рук, в интересах помещика было поощрять развитие отхожих промыслов.

Составить серьезное препятствие для этого могло бы только заведение фабрик самими помещиками в своих имениях, но на это были способны в общем только немногие из них.

„Рабочие вольнонаемные,—говорит Г. Ш. в статье о состоянии рабочих, помещенной в официальном журнале,—составляют самый многочисленный из трех классов (т.е. крепостных, посессионных и свободных). Иногда они люди, принадлежащие помещикам, иногда крестьяне казенные или городские мещане, посещающие мастерские больших фабрик“. Последних даже в таком городе, как Москва, насчитывается не более 4.000—5.000 человек обоего пола из общего количества в сорок слишком тысяч рабочих ¹⁾.

В положении тех вольнонаемных рабочих, которые происходили из помещичьих крестьян, имелись некоторые особенности. Так, при отпуске своих крестьян на посторонние заработки, помещик не лишался права требовать их обратно до истечения срока паспорта. Нередко поэтому бывали случаи, когда крепостные крестьяне, нанявшиеся на фабрику, покидали работу до истечения срока найма на основании, или под предлогом получения приказа своего помещика вернуться в деревню. Промышленная выставка, устроенная в 1829 г. в Петербурге, дала повод фабрикантам, собравшимся туда в большом количестве, обратиться с жалобой по этому поводу к министру финансов. На запрос последнего мануфактур-совет признал, что, пока помещикам не будет запрещено требовать до истечения срока паспорта своих крестьян обратно в деревню, „до тех пор все меры, предпринимаемые к отвращению сего неудобства, будут недействительны“. В 1835 г. появляется „Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму“, которое является первой попыткой более точного регулирования этих отношений. Согласно этому закону всем лицам податного состояния предоставляется право наниматься на фабрику по получении узаконенного паспорта на срок не свыше срока самого паспорта. До истечения договорного срока рабочий не имеет права оставлять работу или требовать прибавки задельной платы; точно также начальство, выдавшее паспорт, или владелец не имеют права требовать обратно рабочего до истечения срока договора. Хозяину же предоставляется право отпустить рабочего и до срока договора по причине невыполнения им обязанностей или дурного поведения, с предупреждением за 2 недели. От усмотрения хозяина зависит

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1837, № 12.

заключать при найме рабочего письменные условия или выдавать им особые расчетные листы; но во всяком случае он обязан иметь особую книгу для записывания расчетов с рабочими ¹⁾. Это положение было введено первоначально только в Петербурге и Москве, но затем действие его было распространено на большинство промышленных губерний.

В силу зависимости от помещика в некоторых случаях создавалась такая форма отношений между предпринимателем и рабочими, которая уже не соответствует понятию вольного найма. Именно—предпринимателем заключалось соглашение не с самими рабочими, а с помещиком о предоставлении ему того или иного количества крестьян на определенный срок, при чем плата за них выдавалась непосредственно помещику. Это были так называемые кабальные рабочие, которые, конечно, стояли ближе к крепостным, чем к вольнонаемным. „Самый дурной род работников,—писал в сороковых годах А. Б у т о в с к и й,—составляли крестьяне, отдаваемые в наймы помещиками на чужие фабрики и заводы. Сколь ни умеренна иногда плата, взимаемая за подобную ссуду, одна только крайность может побудить предпринимателя к употреблению столь нерадивых и часто развращенных работников. От них нельзя ожидать никакого старания, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побег, воровства, плутовские шашни; мы слышали, что подобные работники, на которых не действуют ни увещания, ни угрозы, часто гуртом оставляли заведения и останавливали работы в самые дорогие минуты“.

Но расчеты на большую дешевизну подобных рабочих и на большую зависимость их от хозяина действовали соблазнительно. Поэтому кабальная форма найма практиковалась довольно широко, о чем можно судить по объявлениям, которые помещались в газетах: „Дворовые люди, способные в разные должности, мастеровые и женщины, также и из крестьян, годные во всякую работу, отдаются в годы в услужение“. Желающие таковых имеют обращаются туда-то²⁾.

Для борьбы с этим злом потребовалось издание целого ряда законов. Указом 10 апреля 1823 г. запрещалось разночинцам иметь в услужении дворовых людей и крепостных по верующим письмам их помещиков, а в следующем году состоялось запрещение помещикам заключать условия на отдачу крепостных людей их в услужение лицам, не имеющим права на владение ими ³⁾. Поводом к изданию последнего акта послужило следующее обстоятельство. В 1817 г. помещица Волховская заключила с мещанкой Селезневой условие, по коему отдала ей в услужение крепостную свою дворовую девушку Ермолаеву сроком на 5 лет с платою по 40 руб. и получила 200 руб. за все пять лет вперед, предоставив Селезневой право, в случае замеченных худых поступков или неповиновения, представлять ее для исправления куда следует по законам. По прошествии двух лет Ермолаева принесла жалобу прокурору на жестокости и побои со стороны хозяйна. Сенат и Госуд. Совет постановили все такие кон-

1) 2-ое Полное Собр. Законов, № 8157.

2) См., напр., „Московские Ведомости“ 1803, № 104.

3) 2-ое Полное Собр. Законов, № 29416 и № 30040.

тракты воспретить на том соображении, что такое условие помещика с нанимателем „заключает в себе вид кабалы, законами воспрещенной, и что под сим предлогом явно допускается нарушение закона, возбраняющего владеть крепостными людьми людям, не имеющим на то право; ибо по истечении назначенного в условии срока помещик, заключив вновь таковое же другое, может опять оставить у того же самого нанимателя людей своих, и таким образом наниматель под видом временного владения может оставаться таковым до самой смерти отданных ему в услужение людей, и что, наконец, под сим предлогом легко может скрываться даже и самая сделка в продажу оных“. Кроме того, казна теряла доход, который она получала при выдаче паспортов рабочим людям, в коих при допущении подобных актов не будет уже надобности, а крестьяне, отпускаемые для заработков, лишаются свободы выбирать себе местожительства и выговаривать наиболее благоприятные условия найма.

Однако, означенными законами не затрагивался тот случай, когда фабрикант из дворян желал бы заключить подобное соглашение с помещиком об отдаче ему крестьян. Подобные случаи бывали, и они точно также противоречили как сущности договора найма, так и идее крепостного строя, предполагающей личную связь между крестьянином и господином. Помещик мог эксплуатировать принадлежащих ему людей, но он должен был делать это сам — такова была этика феодализма. Поэтому 16 июня 1825 г. был издан новый закон, поводом к которому послужили следующие обстоятельства. В 1810 г. крестьяне могилевского помещика Бржезолковского, по условию его с заводчиком Губиным, были отданы на заводы последнего в Пермской губ.; по истечении условленного срока они хотели было самовольно пройти на места своего жительства, но власти усмотрели в этом нечто непозволительное и возбудили соответственное дело. Так как, однако, эти крестьяне вернулись к работам, а других вольнонаемных из дальних губерний на Пермских заводах не было, то принципиальный вопрос остался неразрешенным. В 1825 г. подобное же происшествие случилось на Тагильском заводе Демидова, куда вотчинной конторой помещика Дурново было прислано из Вятской губ. 58 человек на заводские работы, оказавших неповиновение при понуждении их к выполнению последних. Пермское горное управление возбудило по этому поводу ходатайство о запрещении заводчикам употреблять вольнонаемных из дальних губерний, ибо через это они „неминуемо расстраиваются в домашних обзаведениях и здоровья“. Министр финансов Канкрин, считая подобную меру нежелательной с точки зрения интересов развивающейся промышленности, решил ограничиться более строгой регламентацией таких контрактов. Выработанными им правилами предполагалось установить следующее: 1) помещики по условиям, заключаемым ими с заводчиками, могут отдавать для употребления в заводские работы принадлежащих им людей, но не далее как на три года, включая в то число и переход их до заводов; 2) по истечении сего срока условий таковых не возобновлять, а позволять только самим работавшим на сем основании оставаться и более сего времени, но не иначе, как по паспортам и по собственному их, а не помещиков, условию с заводчиками; 3) в условия о сем включать, что прокормление семейств,

остающихся в домах людей, отправляемых в заводские работы, помещик принимает на себя, и чтобы на прокормление их самих во время работ выдаваемо каждому было от заводов по два пуда в месяц провианта и условленное количество денег на обувь, одежду и харчи; 4) если при рассмотрении условий в Горном правлении окажется, что условленная сумма будет менее того, что положено на казенных заводах за те же работы, то они должны быть расторгнуты.

Однако, Комитет министров не согласился с этим представлением и, не усматривая, чтобы в законах существовало прямое дозволение помещикам отдавать принадлежащих им людей в заводские работы и заключать условия от собственного своего лица, нашел, что не только нет никакой надобности в постановлении на сей предмет предполагаемых правил, но должно таковые условия вовсе воспретить, тем более, что помещики имеют право отпускать крестьян своих для прокормления себя работою по плакатным паспортам и заводчики могут нанимать сих людей не иначе, как по договорам с самими ими за условленную плату ¹⁾.

После издания этого закона отдача крестьян на работы помещиками или волостными начальствами могла производиться уже только в случаях накопления за ними недоимок. Это довольно часто практиковалось при найме бурлаков на волжских пристанях, куда незадолго перед возобновлением навигации съезжались управляющие помещичьими имениями и волостные головы с партиями неплательщиков оброка, чтобы воспользоваться задатком. Упоминается о подобных случаях также в описании рогожного промысла. Так в Калуге вотчинные конторы, чтобы обеспечить себя в единовременном получении оброка и казенных податей, заключают условия с хозяином рогожного заведения через особого рядчика и через него получают деньги за запроданный труд крестьян, которых отправляют к содержателю заведения на все шесть зимних месяцев. Билетов на проживание в городе таким крестьянам не выдают на руки, а посылают прямо к хозяину, с которым заключено условие ²⁾.

Особое положение занимали губернии Западного края. Здесь помещикам разрешалось в виде исключения отдавать принадлежащих им крестьян в работы по договорам лично от себя, и на этой почве не замедлила развиться очень широкая эксплуатация.

В 1845 г. начальник штаба корпуса жандармов Дуббельт обратился к военному генерал-губернатору Смоленской, Витебской и Могилевской губ. с указанием, что „многие помещики отдают крестьян своих по условиям в распоряжение подрядчиков, большей частью евреев, для сплава леса, хлеба и для шоссежных работ и отправляют их часто за триста и более верст от своих имений, не снабжают их кормовыми деньгами или дают весьма недо-

¹⁾ См. Записку м-ва финансов за № 402 по департаменту Горных дел в приложениях к журналам Комитета министров (Архив Ком. министров.) и Полное Собр. Законов, № 30385.

²⁾ Архив м-ва внутр. дел по д-ту полиции исполнительной, дело № 426 за 1834 г. в „Промышленность“ 1861, т. I, № 5.

статочно и тем заставляют крестьян во время пути испрашивать подаяние; что заболевающие на работах люди отправляются подрядчиками на родину таким же образом, и от болезни, и от голода нередко умирают на дороге, если же достигают домов, то в совершенном изнурении и также вскоре умирают". Управление генерал-губернатора ответило, что подобное явление дурного обращения с крестьянами замечено и по казенным имениям, находящимся в аренде, и что эти злоупотребления помещиков могут быть прекращены только с изданием инвентарей ¹⁾.

Окончательное разрешение вопрос получил в законе 9 декабря 1853 г., в котором правительство, не решаясь отменить совсем привилегию помещиков Западного края, ограничилось тщательной регламентацией положения отдаваемых ими в работы крестьян. Кроме того, им было разъяснено, что работы, в которые отдаются крестьяне, могут быть лишь земляные (как-то: рытье каналов, уравнивание дорог, осушка болот) или судоходные и хозяйственные (напр., расчистка лесов, сидба смолы, жжение поташа и т. д.); к отдаче же на фабричные и горнозаводские работы они принуждаемы быть не могли ²⁾.

ГЛАВА III.

Женский и детский труд.

Женский труд в промышленности является продуктом нового времени, вызвавшего развитие крупного производства с его разделением труда и применением машин. В ремесле он обычно совсем не употребляется, в кустарной же промышленности находит себе место только в некоторых специальных отраслях, как, напр., ткачество, кружевной и вязальный промысел и т. п.

Возникающие фабрики и заводы долгое время наталкивались у нас на затруднения, откуда взять нужные им рабочие руки. В виду жалоб на недостаток вольных рабочих государственная власть вступила на путь закрепления труда путем приписки казенных крестьян к фабрикам и заводам или рекрутских наборов. Но как тот, так и другой способ формирования рабочих кадров для нарождающейся крупной промышленности относился только к мужскому труду. Имеет ли право фабрика или завод, к которым прикреплялись эти рабочие, на использования труда жен и детей последних— вот вопрос, который был вскоре выдвинут жизнью пред всеми заинтересованными сторонами.

Согласно обычному праву, муж является главою дома, у которого все домочадцы должны быть в повиновении; ему же принадлежит и распоряжение их трудом. С этой точки зрения сами рабочие естественно должны были противиться распространению трудовой повинности на членов их семьи. Это воззрение было общим и для тех кругов, откуда выходили наши заводчики и фабриканты; но их интересы побуждали их стремиться к ограничению власти

¹⁾ Архив м-ва внутр. дел по д-ту полиции исполнит., дело № 386 за 1845 г.

²⁾ Архив Государств. Совета, дело № 6 по д-ту законов за 1853 г. — Об отдаче крепостных крестьян в Западных губерниях на работы по контрактам.

главы дома в свою пользу. Патриархальный быт земледельческой страны оказался в несоответствии с требованиями развивающейся промышленности, и государственной власти предстояло взять на себя регулирование процесса проникновения в него новых, враждебных начал.

Рассматривая сохранение патриархального быта, как одну из основ своего собственного существования, самодержавие не склонно было идти ему на встречу, и там, где оно действовало свободнее, а именно—в предприятиях, принадлежащих государству, женщины не привлекались в течение всего крепостного периода к обязательной трудовой повинности. Там же, где дело шло о населении, принадлежащем частным предпринимателям на праве полной собственности, оно было более податливым и уступало их настояниям.

В указе 14 мая 1799 г., изданном для уральских казенных заводов, мы находим указание, что лица женского пола до 18 лет имеют право на получение хлебного пайка; что же касается их привлечения к работам, то этот вопрос предоставляется усмотрению родителей ¹⁾. О замужних женщинах ни в нем, ни в других актах ничего не говорилось; но так как власть мужа и власть отца непререкаемы и равноценны в глазах обычного права, то из этого умолчания закона, конечно, никак нельзя был вывести разрешения на пользование женским трудом в принудительном порядке. Поэтому, можно считать, что привлечение женщин к работам на фабриках и заводах вначале имело место только в очень редких случаях, а именно, как наказание за некоторые проступки.

Указом 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняные фабрики Турчанинова „для пряжи льну баб и девок, которые будучи на Москве из приказов, также и из других губерний, по делам за вины свои наказаны“. Через два года это распоряжение получило характер общей меры, и на основании указа 1721 г. женщины, виновные в разных проступках, по усмотрению мануфактур- и берг-коллегии, стали отсылаться для работы на компанейских фабриках на некоторый срок или даже пожизненно. Пятнадцать лет спустя круг лиц, могущих быть привлекаемыми к работе на фабриках в принудительном порядке, получил дальнейшее расширение. „Если какие модные неимущие люди, кроме крестьян и дворовых мужского пола, а из женщин—чьи бы то ни были, будут праздно шататься и просить милостыню по городам и уездам,—говорится в указе 7 января 1736 г.,—таких отдавать до пяти лет на фабрики и мануфактуры“ с согласия, конечно, владельцев последних, которые должны в этом случае давать им пропитание.

Тем не менее, здесь не было еще посягновения на труд жен и дочерей мастеровых, которые не были повинны в вышеупомянутых преступлениях, —а их было конечно огромное большинство. Но охотники на это не замедлили скоро явиться.

В проекте регламента для суконных и каразейных фабрик, изданного в 1741 г., имелось в виду установить следующее: „мастеровым и работным

¹⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, № 18965.

людям отнюдь не допускать, чтобы жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздны пребывали или гуляли, но паче их, как то на шелковых и парусных фабриках достохвально бывает, на фабрике такой работе обучать, какую исправлять могут; или буде некоторых состояние того иногда не допускает, то велеть фабрикосодержателям давать исправляемую работу на дом, за которую получать им равную плату против мужского пола“. Однако, этот пункт не получил утверждения, и в резолюции было, напротив, определенно выражено, — „дабы из оных их жен и дочерей в работу употреблять тех, кои сами в работе быть пожелают, и с таковыми поступать, как в том пункте изображено. А которые не пожелают, тех не принуждать, ибо, может быть, некоторые и кроме того другое какое художество к пропитанию своему имеют“; и к тому же „необходимо должны исправлять домашние нужды“. Но если мастеровые являются крепостными, то фабрикантам предоставляется решать вопрос о женском труде по своему усмотрению ¹⁾.

В 1769 г. на фабриках и заводах, состоявших в ведении мануфактур-коллегии, числилось всего 45.677 рабочих обоого пола; из них женщин было только 550 или 1,2%. Таким образом, даже в третьей четверти XVIII века женский труд играл еще совершенно ничтожную роль в нашей промышленности. Интересно отметить, что на группу „крепостных господских“ в 5.641 человек приходится всего лишь 79 женщин; следовательно, почти все они привлекались к работе в порядке вольного найма.

В 1803 г. мануфактур-коллегией были собраны подробные сведения о посессионных фабриках с общим числом рабочих в 29 тысяч человек. Из них видно, что женский труд был довольно значительно распространен на полотняных и суконных фабриках, но преимущественно по вольному найму.

„Из числа женского пола, — писал владелец полотняной фабрики в Калужской губ. Щепочкин, — употребляются наиболее без наряда“; не имея другого заработка, они „единственно от оных получаемою платою делают великое к содержанию домов и семейств их пособие, почему и работы требует каждая непременно, ибо без этого возроптали бы они на содержателей фабрики и лишились бы всякого пропитания, а получая годовую всегда работу всякий большой и малый, муж, жена и дети, кто и что только может работать, вообще семейству приносят заработок денег всякую неделю довольно видное число“.

Когда в начале XIX столетия стала быстро распространяться у нас хлопчатобумажная промышленность, женский труд занял в ней очень видное место. Так, на Гусевской бумагопрядильной фабрике в середине пятидесятых годов из 893 рабочих женщин было 551, т.-е. 62%. На Фряновской шелковой фабрике из 800 рабочих в 1818 г. женщины насчитывалось не менее половины. На полотняной и писчебумажной фабрике Яковлева в Ярославле в это же время насчитывалось 1.048 мужчин и 1.323 женщины.

После текстильной промышленности женский труд нашел себе значительное применение еще в свеклосахарной промышленности: в 1849 г. здесь

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 8440.

действовало 307 заводов, на которых употреблялось во время производства 26.810 мужчин и 13.668 женщин; последние составляли таким образом 30% общего количества ¹⁾.

В горнозаводской промышленности вследствие трудности работ женщины обычно к ним не привлекались. Впрочем на Алтайских заводах для „смирения строптивных“ их посылали на канатную фабрику, в прядильню и другие цехи, где их держали на работе до исправления, т.-е. сколько вздумается начальству. Некоторые из управляющих пробовали сделать обязательными для женщин и другие работы, напр. мытье полов в казенных квартирах, но уже не в виде наказания, а как общую повинность. Но мастеровые охраняли женщин от этих попыток, и дело доходило даже до убийства управляющих, хотевших ввести женскую повинность.

Что касается вспомогательных работ по нагрузке и возке дров, угля, руд и т. п., то здесь женщины нередко заменяли мужчин как на Алтае, так и на Урале.

В Живдринском уезде Калужской губ., где добычей руд осенью и зимой бывает занято до 10.000 человек главным образом из государственных крестьян, „промывка руд производится на заводских прудах на плотках особого устройства... Этой работой преимущественно бывают заняты незамужние женщины, которые и получают за то определенную плату. От подобного распределения работы происходит то, что заводские люди имеют больше довольства, нежели прочие крестьяне. В то время как взрослые мужчины занимаются собственно заводскими работами, женщины промывают руду; даже дети получают небольшие деньги, собирая в шлаке куски чугуна“ ²⁾.

Развитие крупной промышленности выдвинуло на очередь также вопрос о применении детского труда.

В бытность свою главным начальником горных заводов Татищев предполагал, в тридцатых годах XVIII века, сделать обязательным обучение детей мастеровых грамоте.

Встревоженный этим, Демидов обратился в кабинет с прошением, чтобы „обывательских детей от 6 до 12 лет в школах обучать охотников, а в неволю не принуждать, понеже такого возраста многие заводские работы исправляют и при добыче железных и медных руд носят руду на пожоги и в прочих легких работах и у мастеров в науках бывают“. Отсюда видно, что детский труд был уже в это время делом обычным. Кабинет уважил просьбу и разъяснил в 1735 г., что на частных заводах учить детей читать и писать нужно только желающих ³⁾.

В некоторых случаях бывало, конечно, что и само население по темноте противилось обучению грамоте. Так напр., в начале царствования Екатерины II мастеровые Юговских заводов Чернышова жаловались кн. Вяземскому, что контора взяла у них детей для обучения грамоте; та ответила, что ученикам

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1849, № 11—12.

²⁾ „Журнал М-ва Внутр. дел“, 1855 г., ч. XV.

³⁾ 1-ое Полное Собрание Законов № 6840.

производится жалование по одной копейке в день. Вяземский разрешил оставить их, но так как в обучении находились не только дети, но и 18-летние парни, получавшие также по одной копейке наравне с другими, то было предписано производить им плату по плакату, т.-е. в том размере, как если бы они были в работе. Едва ли это распоряжение можно рассматривать, как имеющее целью содействовать распространению грамотности. Скорее, пожалуй, оно имело в виду отбить охоту к этому...

Широкое применение детского труда неоднократно отмечается также путешественниками XVIII века. Так, описывая свое посещение Нижне-Тагильского завода в 1742 г., немецкий географ Гмелин замечает, что „в проволочной мастерской малолетки от 10 до 15 лет выполняют большую часть работы и притом не хуже, чем взрослые. Это одно из похвальных учреждений г. Демидова, что все, что только сможет работать, приучается к работе. В Невьянском заводе я видел, — продолжает растроганный немец, — как мальчики от 7 до 8 лет выделывали чашки из желтой меди и различные сосуды того же металла. Вознаграждаются они соответственно своей работе“¹⁾.

Сорок пять лет спустя уральские заводы посетил Паллас и, зараженный, повидимому, примером своего предшественника, он счел необходимым также впасть в сентиментальный тон: „весьма приятно смотреть, что маленькие ребята от десяти до двенадцати лет здесь (в кузнечных мастерских Нейвенского завода) — работают вместе кузнечную работу и получают такую же (?) плату“²⁾.

С общим регулированием в законодательном порядке положения детей мы встречаемся впервые в указе 14 мая 1799 г. Им предписывается отпускать казенным мастеровым уральских заводов и их женам паек по 2 пуда хлеба (муки), а детям до 12 лет по одному пуду в месяц по повиженной расценке. Дети мужского пола, достигнувшие 12-летнего возраста, должны употребляться к разбору руды и другим работам соответственно силам каждого, получая полный паек и обыкновенную донные плату. Детей же женского пола в отношении употребления к работам оставлять на усмотрение их родителей, отпуская хлеб им до 18 лет³⁾.

Из этого указа видно, что применение детского труда ниже 12-летнего возраста без согласия родителей не предусматривается законодателем.

Согласно Горному Положению 1806 г., дети мастеровых и рабочих, состоящие в школе, должны получать, кроме пайка, еще жалование в размере 50 коп. в месяц.

Если же они будут находиться на работах, свойственных их возрасту, то вознаграждение выдается в размере 50—75 коп., „покуда, придя в надлежащий возраст, поступят на 12-рублевый годовой оклад и так далее“.

Хуже обстояло дело на Алтайских заводах, где вообще режим был значительно суровее. В то время как применение женского труда предоста-

¹⁾ Gmelin's. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1739 bis 1743. Vierter Theil, S. 412.

²⁾ Путешествие по разным местам Государства Российского. 1788 г., ч. II, стр. 312.

³⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 18965.

влялось всецело усмотрению родителей, дети мужского пола уже с самых ранних лет подвергались муштровке, подготовляющей их к последующей обязательной службе. С семилетнего возраста мальчики привлекались в заводские школы, при чем период обучения в школах не означал совершенного освобождения их от работ.

По словам Н. Зобина, все мальчики горнозаводского населения, начиная с 7-летнего возраста, подлежали заводской повинности. „Начиная с ранней весны, происходили набор и отправка детей на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрут были Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске собиралось ежегодно до 500—800 мальчиков.

Весну, лето и осень они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими работами; на зиму те из них, родители которых могли учить их у себя дома, отпускались месяца на четыре к родителям; остальные же до 10-летнего возраста, а с 1828 г.—до 12-летнего возраста должны были ходить в заводские школы... Сироты и те, кто не имеют родственников, помещались обыкновенно в казармах, где им давался дядька и кашевар“.

Находясь на работе, малолетки и подростки получали жалованье. В 1765 г. оно составляло в Алтайском округе 6 рублей в год для детей до 15 лет и 12 руб. для подростков старшего возраста; продовольственного же пайка они в то время не получали. Последний был введен здесь только Положением 1828 г. в размере 1—1½ пуда муки в месяц; но это вовсе не означало повышения вознаграждения за труд, так как денежная плата с этого времени понизилась: по штатам 1849 г. она равнялась 3 р. 50 к. для детей ниже 13 лет, 4 руб.—от 13 до 15 лет и 5 руб. для тех, кто находился в возрасте 15—18 лет.

Казенной одежды не полагалось, и дети, не получающие помощи из дому, должны были для приобретения ее работать по праздникам.

Практиковалось также и подневное вознаграждение; по распоряжению начальника заводов, оно было установлено в 1789 г. в размере 2—3 коп. для местных детей с 7-летнего возраста, а для подростков, прибывших из других мест—6 коп.

В 1847 г. было издано новое положение для казенных заводов Уральского хребта, которое внесло некоторое улучшение в участь малолетних. Принадлежа заводскому ведомству, дети мужского пола должны были по рождении заноситься в общий список заводских людей и по достижении 8-летнего возраста определяться в заводские школы, которые должны быть устроены при каждом горно-заводском селении. Курс обучения продолжался два года, и, таким образом, к десяти годам дети выходили из школы. После этого наиболее способные из них определялись в окружную школу высшего типа или в контору по письменной и искусственной части; остальные же возвращались родителям для выполнения домашних работ до 15 лет, но в случае нужды могли употребляться и в легкие заводские работы, с тем однако, чтобы последние происходили днем и не превышали 8 часов. Через два года это положение с незначительными изменениями было распространено также на Алтайские заводы.

Согласно штатам 1849 г., на последних из общего количества 19.522 рабочих, на долю несовершеннолетних или подростков приходилось 2.267 человек, что составляет около 12%. При этом подростки от 15 до 18 лет составляли 546, от 13 до 15 — 603 и ниже 13 лет — 1.118 чел. Таким образом, численно детский труд в горном деле применялся в довольно широких размерах. Но, повидимому, он носил не постоянный, а спорадический или сезонный характер. Так, на рудниках Змеиногорского и Салаирского края, где, согласно штатам, предполагалось привлечь к работам по разборке и обогащению руд до 1.200 подростков, на выдачу им порционных денег, по 1½ коп. сер. в день на каждого, назначена сумма в 938 руб. Но этой суммы могло хватить на их оплату только в течение 52 дней...

Что касается продолжительности рабочего дня для малолетних и подростков, то в течение долгого времени она оставалась неурегулированной законом. В источниках не говорится также о какой бы то ни было регламентации этого вопроса местными административными органами. Очевидно, нормы применялись общие для всех. Только положением 1847 г. было установлено, что малолетки до 15-летнего возраста должны употребляться на легкие дневные работы не более, как по 8 часов в сутки. Подростки первой степени, т.-е. с 15 до 18 лет, употреблялись уже на все работы, а с 18 лет они окончательно поступали в команду мастеровых людей, и с этого времени начиналась их настоящая служба ¹⁾.

Что касается фабрично-заводской промышленности, то, хотя точных цифр нет, но всё же можно думать, что детский труд пользовался здесь относительно меньшим распространением. Казенных фабрик было очень немного, и государство не было заинтересовано в поощрении эксплуатации детского труда. Из обследования possessionsких фабрик, произведенного Мануфактур-коллегией в 1803 г., видно, что детский труд был развит на суконных фабриках менее женского: о нем упоминается лишь на четырех фабриках Воронежской губ. Но на полотняных фабриках он употреблялся гораздо чаще; как велико бывало иногда число малолетних, можно судить по тому, что на фабрике Угличанова в Ярославле, насчитывающей 528 душ м. п., при ткачах находилось до 90 шульников в возрасте от 9 до 12 лет. Употреблялись дети также на бумажных, шелковых и ситцевых фабриках и некоторых стекольных заводах. Средний заработок детей и подростков равнялся 1 р. 80 коп. в месяц.

В записке министра финансов Канкринна о мерах к улучшению состояния рабочих на фабриках, поданной в 1835 г., имелось между прочим в виду обратить внимание московских фабрикантов на то, чтобы „малолетние дети не подвергаемы были изнурению слишком продолжительной дневной работой“.

Но, когда английское правительство обратилось в 1840 г. к русскому с запросом, какие существуют в России постановления относительно рабочих детей на фабриках, последнее ответило, что „как в России производство фабричное еще не приняло весьма большого развития, то на наших заведениях

¹⁾ Архив Государств. Совета, дело № 5438 за 1849 г. — Полное Собрание Законов, № 21203 и № 23263.

еще не очень много работающих детей, и в положительных законах о мере работы и других обстоятельствах еще не было настоятельной надобности“.

М. И. Туган-Барановский называет этот ответ „уклончивым“¹⁾, но это не то: тут мы имеем дело не с уклонением от высказывания своего отношения к вопросу, а с умолчанием об имевшихся в России законах по регулированию детского труда. Таков указ 1799 г., Горное Положение 1806 г. и Положение о Колывано-Воскресенских заводах 1828 г., где содержалось несколько статей, представляющих несомненный интерес для данного вопроса. Повидимому, правительство Николая I-го стыдилось выступить перед Западной Европой с материалами, говорящими о крепостном праве, о принудительном труде. В глазах Европы это было, действительно, признаком отсталости, варварством; но самые нормы, содержащиеся в вышеупомянутых законах, вовсе не были таковыми.

Законодательства Англии, Франции и других стран допускали в то время гораздо более значительную эксплуатацию детского труда. У нас указом 1799 г. и положением 1828 г. запрещалось причислять детей ниже 12-летнего возраста к командам мастеровых. Между тем знаменитый английский закон 1819 г. признает недопустимым употреблять на работу детей только моложе 9 лет, а от 9 до 16 лет труд их ограничивался 12 часами; в 1833 г. продолжительность рабочего дня для детей от 9 до 13 лет сокращена до восьми часов. Во Франции законом 1841 г. устанавливается восьмичасовой рабочий день для детей от 8 до 12-летнего возраста, а от 12 до 16 лет допускается двенадцатичасовой труд. В Пруссии только в 1839 г. было запрещено пользоваться на фабриках детским трудом ниже 9 лет.

Пользуясь отсутствием государственного регулирования для частной промышленности, наши предприниматели также не клали охулки на руку, т.-е. или привлекали к труду детей слишком юного возраста, или устанавливали такие условия и продолжительность его, которые не соответствовали их силам.

Когда на Вознесенской бумагопрядильне, недалеко от Москвы, произошли в 1844 г. крупные волнения, потребовавшие назначения правительственного расследования, то последнее обнаружило, что на всех вообще московских фабриках детский труд применяется довольно широко. Так, на 23 бумагопрядильнях и 10 шерстопрядильных фабриках работало до 3.000 детей обоего пола, работа продолжалась круглые сутки, при чем в ночной смене принимали участие как взрослые, так и дети от 10 лет. При этом работа производилась таким образом, что после 5½ или 5¾ часа труда следовал 6 часовой отдых. Хотя, по мнению приглашенных к участию в совещании фабрикантов (Лепешкина и Скуратова), подобный распорядок вполне обеспечивает интересы здоровья, всё же они, в конце концов, согласились сами, что „для вящего обеспечения малолетних, производящих ночные работы, фабриканты могут распорядиться таким образом, чтобы детям моложе 12 лет не приходилось работать от полуночи до 6 часов утра“.

¹⁾ Русская фабрика в прошлом и настоящем. 1898 г.

Обнаруженные факты привлечения малолетних к систематической ночной работе наравне со взрослыми побудили министерство финансов выработать проект урегулирования этого вопроса и вынести его на рассмотрение комитета министров. Указом 7 авг. 1845 г. было предписано обязать подписками хозяев фабрик, на коих производятся работы по ночам, чтобы они малолетних рабочих, 12 лет и моложе, не назначали в смену с полуночи до 6 часов утра ¹⁾.

Точных цифр об общем количестве детей, занятых в промышленности, у нас не имеется; но отдельные данные показывают, что в некоторых случаях применение их достигало значительных размеров, притом в возрасте еще более юном, чем на горных заводах и промыслах. При описании суконной фабрики наследников Лиона, где на 2.000 душ мужского пола и 1.150 женского приходилось до 800 малолеток, упоминается о работе детей в возрасте от 8 до 15 лет. На вотчинной суконной фабрике Панкова в Екатеринославской губ. употреблялись девочки от 10 до 12 лет. В шелководстве Реброва часть работ выполнялась детьми в количестве 50 человек от 8 до 15 лет ²⁾.

Большое распространение труд малолетних имел в табачной промышленности. В начале пятидесятых годов в Петербурге насчитывалось 55 табачных фабрик с 1.925 рабочими, из коих на долю детей обоого пола приходилось 399 человек, т.-е. 21%.

Вообще малолетние отдаются и принимаются на фабрики очень редко моложе 11 лет, но иногда бывают и от 8 лет. Принимая к себе на фабрики малолетних по контракту, обычно на пять лет, предприниматели обязуются снабжать их одеждой и пищей, сверх того платить родителям или помещикам деньгами от 10 до 42 руб. сер. в год (наиболее обыкновенная плата составляет 18 руб. как мальчишкам, так и девочкам). Все рабочие без различия пола и возраста заняты 12 часов в день ³⁾.

Накануне падения крепостного права, в 1860 г., министерством внутренних дел был выработан проект правил для фабрик и заводов в Петербурге и уезде. Здесь между прочим в § 70 говорилось: не дозволяется принимать на фабрики и заводы детей обоого пола ранее 10 лет. По истечении года после установленного срока—не принимать детей ранее 11 лет, а по истечении двух лет—менее 12 лет. Детям от 10 до 12 лет не дозволять работать более 6 часов в сутки. Малолетние от 12 до 14 лет не должны работать более 12 часов в сутки, разделенных 2 часами для завтрака, обеда и отдыха ⁴⁾.

Департамент торговли и мануфактур в своем отзыве по этому поводу высказался в том смысле, что вред, причиняемый преждевременным обращением детей слишком нежного возраста на усиленные фабричные работы, обыкновенно

¹⁾ 2-ое Полное Собр. Закон. № 19262 и записка д-та мануфактур м-ва фин. за № 3473 от 1845 г.

²⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1838, № 2; там же 1837, № 4; 1842 № 10.

³⁾ „Журнал Мин-ва Вн. Дел“ 1852, № 11.

⁴⁾ Труды комиссии, учрежд. для пересмотра уставов фабричн. и ремесленного 1868 г., ч. II.

венно среди смрада, удушливого и пыльного воздуха, так велик, что не усматривается достаточных причин отлагать еще на два года введение в силу правила, запрещающего применение детского труда до 12-летнего возраста.

Нельзя не отметить, что в материалах комиссии ни разу не упоминается о законе 1845 г. Имея в виду, что последний не содержал в себе никакого указания на последствия его нарушения, можно думать, что заводчики и фабриканты не очень торопились с его осуществлением, а может быть даже и забыли о его существовании.

ГЛАВА IV.

Рабочий день.

При господстве принудительного труда сами рабочие естественно могли иметь очень мало влияния на определение продолжительности рабочего дня и на его распределение. Всё это зависело всецело от усмотрения заводских контор, которые прежде всего имели в виду интересы и удобства производства. Случаи вмешательства государственной власти были, и даже не так редко, как это обычно думают, но цель его была, в сущности, не охрана интересов труда, а внесение известного порядка и однообразия в практику местной администрации. Л. Нисселович в своей „Истории фабрично-заводского законодательства“, а за ним и остальные авторы (М. И. Туган-Барановский, А. Н. Быков и др.) ведут начало законодательного регулирования продолжительности рабочего дня от „Работных регул“, изданных в 1741 г. правительством Анны Леопольдовны для суконных фабрик. Но это неверно. Первым актом государственного вмешательства в эту область нужно считать Регламент Адмиралтейства, изданный Петром 15 апреля 1722 г. ¹⁾ О содержании его мы будем говорить ниже, так как он относится к судостроительной промышленности. В области же горнозаводского дела первым актом регулирования рабочего времени является Наказ известного устроителя Уральских заводов Геннина, относящийся к 16 октября 1723 г. Здесь в главе 10 предписывается, чтобы заводские люди находились в работах летом 14, осенью и весной 12, а зимою 10 часов, исключая воскресных и праздничных дней ²⁾. Однако это не относилось, вероятно, к операциям по добыче и обработке руд, где, может быть, с самого начала установился порядок двухсменной работы по 12 часов каждая. Ибо в Регламенте, утвержденном Берг-коллегией 25 февраля 1725 г.— „Како содержать звон при горном и плавильном деле“, предписывалось звонить на работу в 4 ч. утра, с одиннадцати до двенадцати полагался отдых, а затем звонили в 4 часа пополудни: „тогда будет шихта и смена людям, а особливо

¹⁾ По отношению к служащим в государственных учреждениях подобные попытки имели место уже при Алексее Михайловиче. Так, указ 20 окт. 1658 г. предписывает „приказным людям, дьякам и подьячим в приказах сидеть во дни и в ночи 12 часов“. См. 1-ое Полное Собрание Законов, № 237.

²⁾ Архив м-ва внутренних дел по департ. полиции исполн., дело № 230 за 1820 г.

в плавильнях". Таким образом, фактический рабочий день здесь равнялся одиннадцати часам ¹⁾.

Едва ли Берг-коллегия выдумала этот распорядок работ из головы; несомненно, она имела уже перед собой более или менее значительный опыт, накопленный практикой горных заводов. Об этом свидетельствуют то единообразие и устойчивость, какие наблюдаются в данной области отношений, несмотря на то, что нормы регламента не имели авторитета закона и в Горный Устав потом не вошли. Так, в материалах для характеристики положения уральских заводов, собранных Германом в конце XVIII века, несколько раз говорится, что производство ведется двумя сменами, днем и ночью. Подобные же указания встречаются в описании Пермской губернии, произведенном Поповым в самом начале XIX столетия. Четверть века спустя, в описании Камско-Воткинского железоделательного завода упоминается, что смена рабочим людям в кохотушечном цехе производится через двенадцать часов ²⁾. О двухсменной работе при плавильном деле говорится также в штатах Уральских заводов, утвержденных в 1827—29 г.г. Наконец, в исследовании Безобразова об Уральском горном хозяйстве, мы находим сообщение, что доменный подмастерье в Екатеринбургском частном округе получал (в 1854 г.) 25 коп. за двенадцатичасовую смену ³⁾.

Точно так же в Алтайском горном районе с самого начала его возникновения в конце первой четверти XVIII века и до падения крепостного права применялась двухсменная работа по 12 часов в каждой ⁴⁾.

Интересно отметить, что уже в то отдаленное время бывали, по сообщению Германа, случаи применения такой нормы рабочего времени, которая стала фигурировать в качестве программного требования передовых слоев рабочего класса лишь несколько поколений спустя. Так, в описании Колывановоскресенских заводов говорится, что в горном производстве "все работы производятся в смены, кои обыкновенно продолжаются 12, а иногда 8 часов" (172 стр.).

Это сообщение настолько расходится со всеми нашими представлениями о духе той эпохи и, в особенности, о характере администрации именно Алтайских заводов, что невольно возникает сомнение, нет ли тут какого-нибудь недоразумения. Конечно, такой компетентный и осторожный автор, как Герман, не мог давать в своих материалах места явно неправдоподобным известиям, но, может быть, тут есть неточность выражения. Дело в том, что двухсменная работа может вестись двойным образом: или каждая смена работает сначала днем, а затем ночью по 12 часов, или же 8 и 16 часов поочередно. Последний

¹⁾ И. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской Империи. 1810 г., стр. 89.

²⁾ „Горный Журнал“ 1827, № XI.

³⁾ Статистические таблицы о количестве производства, о ценах на зав. материалы, работу и провиант Уральск. горн. заводов, 1869 г., стр. 14.

⁴⁾ Герман. Сочинения о Сибирских заводах и рудниках. 1797 г. Часть II, стр. 172. И. З о б н и н. Мастеровые Алтайских горных заводов. Сибирский сборник, кн. II. 1891 г.

способ встречается очень редко, но всё же бывает. О нем сообщает С. Швецов в своем обследовании частных заводов того же Алтайского округа, произведенном в начале девяностых годов истекшего столетия¹⁾.

Может быть, и сообщение Германа является отзвуком подобного распорядка. Но Зобнин, разработавший материалы архивов Салаирской, Томской и Ирбитской горной конторы, ничего не сообщает об этом; было бы очень важно подвергнуть изучению остальные местные архивы.

Что касается рабочих дней в году, то количество их было в общем менее значительным, чем в последующий период. В статье 11 наказа заводскому комиссару Неклюдову, составленного начальником Уральских заводов Геннином в 1723 г., по этому предмету говорится следующее:

„Понеже здешний народ безмерным леностям подвержен, которой ради не токмо определенными неделями и господскими праздниками довольствуются, но еще многие от обычая и лености празднования умыслили, того ради, кроме недель господских праздников и государских ангелов, с работ не отпущать, а для лучшего известия неработные дни при сем именую“. Далее следует перечень этих дней: 1 января—Новый год; 6—Богоявление; 2 февраля—Сретение; 25 марта—Благовещение; 30 мая—рождение государя; 25 июня—коронавание; 29—тезоименитство; 6 августа—Преображение; 15—Успение Богородицы; 8 сентября—Рождение Богородицы; 21 ноября—Введение во храм; 24—тезоименитство императрицы; 25, 26 и 27 декабря—Святки; на пасхальной неделе—понедельник и вторник; Вознесенье—один день; Троицын день—понедельник; на сырной неделе—Четверг, Пятница, Суббота; на страстной неделе—Суббота. Всего 75 дней в году (52 воскресенья и 23 других праздника)²⁾. Таким образом, рабочих дней должно было выходить не менее 290. Но можно думать, что в действительности их получилось значительно менее и что „безмерные лености“ мастеровых, т.-е. основанное на обычае почитание многих неофициальных праздников, для борьбы с которыми Геннин сочинил вышеупомянутую главу своего наказа, едва ли так просто могли быть урегулированы одним росчерком пера. Что это так, видно из того, что в штатах уральских заводов, составленных в 1723 и 1737 годах, неоднократно упоминается о цифре 250, как норме рабочих дней в году. Затем, в „Росписи праздничных и увольнительных дней“, приложенной к штатам Камско-Воткинского завода от 7 февраля 1828 г., кроме 52 воскресений, допускается еще 45 других праздничных дней, не считая летнего отпуска для уборки сена³⁾. Едва ли эта роспись вводила какие-нибудь новшества в этом деле; гораздо вероятнее предположение, что она лишь санкционировала то, что существовало уже в жизни—тем более, что наказ Геннинга также не имел утверждения со стороны верховной власти...

¹⁾ Сборник по вопросам правоустройства и общественных знаний. 1893 г.—Положение труда на частных заводах Алтайского округа.

²⁾ Архив д-та полиции исполнительной, дело № 230 за 1820 г.—О возмущении мастеровых Березовского золотопромывального завода.

³⁾ 2-ое Полное Собрание Законов, № 1776.

Кроме того, существовали еще отпуска. По регламенту Адмиралтейства, „в мирное время или когда нужного дела нет, всем мастеровым с 10 ноября по 10 января не работать и на те дни работных денег не давать“. Этот своеобразный двухмесячный отпуск объясняется повидимому тем, что на указанное время приходится мертвый сезон в морском ведомстве. На горных заводах имелись другие основания для отпуска, и при том в совершенно иное время. Почти у всех рабочих здесь были покосы, а многие имели и пашенную землю. Первоначально время отпуска вполне зависело от усмотрения администрации, но в 1726 г. состоялось определение Берг-коллегии, которым предписывалось мастеровых и работных людей (не иностранцев) увольнять для заготовки сена в каждый год по неделе, считая в то число и праздничные дни, от тех работ, в коих не имеется крайней нужды—в половинном размере или по третям. Указом 19 мая 1819 г. все вообще мастеровые и рабочие люди должны были увольняться в страдное время, с 1 июля по 1 сентября, от заводских работ: по заводам Екатеринбургским, Гороблагодатским, Пермским и Камско-Воткинскому на 20, а по Богословским, сенокосы коих находятся на весьма далеком расстоянии от местожительства—на 30 дней. А для того, чтобы не терпящие отлагательства заводские работы не могли останавливаться, предписывалось увольнять рабочих на сенокос в таком количестве, какое можно уволить за исправлением тех работ; таковыми неотложными операциями признавались: плавильное дело, поправка заводских строений, плотин, ларей, водопроводов, горнов, молотов, мехов и прочих машин. Этот отпуск делался без вычета жалованья, но с прекращением выдачи провианта как самим рабочим, так и их семьям. Но затем, восемь лет спустя, в виду всё возрастающей дороговизны и ухудшения быта рабочих, постановлено было выдачу провианта мастеровым и непременно работникам с их семьями, за время их отпуска на страдные дни, не удерживать и производить в полной мере подобно тому, как производится им в страдное время жалование.

Правила об отпуске рабочих в летнюю пору распространялись также и на частные заводы, действующие казенными мастеровыми ¹⁾.

Если присоединить теперь к вышеупомянутым 97 праздничным дням двадцать дней, полагающихся на страдную пору, то общее количество дней, свободных от казенной работы, составит 117. Таким образом, рабочих дней в году было 248 или, круглым счетом, принимая во внимание, что некоторые праздники совпадают с воскресными, 250. Эта цифра была принята официальной „Росписью праздничных и увольнительных дней“, и из нее исходили при составлении смет на казенных заводах.

Совершенно иной порядок распределения работ в году установился на Алтае. „Добыча руд и выплавка металлов продолжаются круглый год, днем и ночью,—говорит Н. Зобнин ²⁾,—за исключением нескольких дней, когда действие останавливается по случаю переделки печей и горнов, или по случаю мало-

¹⁾ Выс. утв. постановл. Ком. мин. 30 июня 1826 г. 2-е Полн. Собр. Зак. № 437.

²⁾ Сибирский сборник 1891 г., книга II.—Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения.

водья в прудах. Для этих рабочих праздников не существовало. До 1786 г. горные и заводские рабочие работали круглый год, днем или ночью, по 12 часов в смену. С 1786 г. была введена система трехменных работ, сначала на рудниках, а с 1800 г.—и на заводах. Трехменная система состояла в том, что каждый мастерской одну неделю работал днем, другую—ночью, а третья была свободна („гульная“), когда он мог заниматься у себя дома или служить по вольному найму“.

Несмотря на авторитетность автора, едва ли можно принять на веру его утверждение, что до 1786—1800 г.г. горные и заводские рабочие работали круглый год, не имея свободных дней для отдыха. К сожалению, им не указываются источники, откуда почерпнуты эти сведения; но, покуда они не будут подтверждены документально, я считаю их неправдоподобными. Подобное положение вещей трудно вяжется с тем, что в соседнем, Уральском районе горнозаводские казенные рабочие имели свыше ста дней как для отдыха или удовлетворения религиозной потребности, против чего администрация едва ли могла в то время сделать достаточно сильный отвод, так и для участия в покосах, каковые также существовали на Алтае. Наибольшее количество рабочих дней, какое мне встретилось в источниках, это—300; означенная цифра упоминается несколько раз в „Описании первого в России оружейного завода“, сделанном в 1663 г. стольником Фонвизиним, как основание для вычисления производительности разных категорий рабочих¹⁾. Но тульские оружейники работали сдельно, и при том обычно у себя на дому, по крайней мере, в рассматриваемый период. Поэтому, данную цифру нельзя считать типичной для наших горных заводов при определении количества обязательных рабочих дней в году.

Наконец, как объяснить внезапный переход от старого порядка, при котором работа велась круглый год, к трех-сменной работе, предоставляющей целую треть года в свободное распоряжение рабочих. Нужно предположить тогда, что около 1786 г. на Алтае произошло что-то необыкновенное, из ряда вон выходящее, ибо подобные вещи просто так не делаются. Однако, никакого намека на это мы не находим в литературе. Остается предположить поэтому, что до 1786 г. работы велись здесь так же, как и на Урале—беспрерывно двумя сменами, но рабочие при этом пользовались известным количеством свободных дней в году. Подтверждение этим априорным соображениям можно найти в книге Германа, с которой, повидимому, Зобнин не был знаком. Так, в описании Кольвано-Воскресенских заводов им отмечается, что в плавильном деле „работа производится во весь год беспрерывно, разве когда печи выгорят, тогда для починки и поправки оных останавливается, что в год два и три бывает, и каждая такая остановка продолжается дня 3, 4 и 5; также заводам остановка бывает в вешнее время от большеводья до месяца времени, а в засушливое время за маловодьем; всей таковой остановки в году считать можно 2, а иногда и до трех месяцев“²⁾...

¹⁾ Гамель. Описание Тульского оружейного завода. 1826 г. Прибавление VIII.

²⁾ Сочинения о сибирских рудниках и заводах. 1797 г. Часть первая, стр. 276.

Переход к трехсменной работе совершился, повидимому, по инициативе местной администрации, но затем этот порядок был закреплен законом, войдя в Учреждение 1828 г. об управлении Кольвано-Воскресенских заводов ¹⁾. Таким образом, рабочих дней в году выходило 244, т.-е. немногим менее, чем на Урале. В цитированной мною книге Германа содержится даже утверждение, что трехсменные работы „идут безостановочно, исключая воскресных и праздничных дней, (курсив мой) во все годичное время и в день, и в ночь“. Но это—или оплошность корректора, пропустившего частицу не, или несомненное недоразумение. Ибо, если присоединить к „гульным“ неделям воскресные и праздничные дни, то количество рабочих дней составило бы уже менее половины года, а это представляется явно неправдоподобным. И в Учреждении 1828 г., санкционировавшем собою сложившийся ранее порядок, определенно указывается, что при трех сменах работа производится непрерывно как в будни, так и в праздничные дни.

Особого отпуска на время сенокоса трехсменные рабочие, конечно, не получали; все же остальные из постоянных рабочих пользовались им на тех же основаниях, как на Уральских казенных заводах. Может быть, для того, чтобы уравнивать положение этих двух категорий, законом 11 мая 1847 г. постановлено было увеличить срок отпуска на летнюю страду на пять дней, доведя его до 25 дней. При этом должен был соблюдаться такой порядок, чтобы одна часть рабочих оставалась при неотложных заводских работах, а другая тем временем пользовалась увольнением. Особое место занимают Олонецкие казенные заводы: здесь мастеровые не имели ни пахотных, ни покосных земель по отводу и потому не пользовались льготным месяцем, как на Урале и Алтае ²⁾.

В перечне мер, принимавшихся государственной властью в целях регулирования рабочего времени, нужно упомянуть еще о законе 19 августа 1824 г., которым разрешалось употреблять мастеровых на Уральских заводах к плавильному делу и отливке воды из рудников в воскресные и праздничные дни за тройную плату. Из дела д-та полиции исполн. о возмущении мастеровых Березовских золотых промыслов видно, что 13 апреля и 14 мая 1799 г. были изданы указы, которыми разрешалось употреблять мастеровых за двойную плату в праздничные дни при доменных печах, водоотливных работах и промывке золота, во избежание расстройств работ и больших убытков. Между тем ни в Полном собрании законов, ни в первом томе описания Сенатского архива, содержащем в себе указы Павла, не вошедшие в это собрание, под вышеупомянутыми датами никаких актов, относящихся к данному вопросу, не содержится. Означает ли это пропуск со стороны кодификатора или свидетельствует о том, что распоряжение было издано не в форме высочайше утвержденных указов, но наличность его не подлежит сомнению. На этой почве в 1820 г. на Березовских золотых промыслах возникли крупные волнения, охватившие около 3.000

¹⁾ 2-ое Полн. Собр. Законов., т. III, № 1960.

²⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. на 1860 г.—Очерк Олонецких заводов.

человек и вызвавшие назначение по высочайшему повелению особой комиссии для расследования дела. Администрация промыслов нарядила мастеровых на рудничную работу со среды на пасхальной неделе, по примеру прежних лет. Первая смена рабочих пошла с ропотом и пробыла определенные часы на работе; другая же „под предлогом, что в прежние года работы на Пасхе начинались не со среды, а с четверга“, отказались от этого. На следующий день начальник Екатеринбургских заводов, прибыв сам на место, старался убеждениями обратить мастеровых к повиновению, но они, ссылаясь на положение о табельных днях, отказались работать. При ссылке же на указ 1799 г. „решительно отозвались, что они его не признают указом: поелику оный без подписи императорской руки“. Только после прибытия значительной вооруженной силы волнения прекратились.

Из переписки по этому поводу между министрами финансов и внутренних дел от 9 сентября 1820 г. видно, что „подобное происшествие было и за 20 с небольшим лет. Сими же самыми мастеровыми, состоящими частью из бродяг, беглых и даже преступников, следовательно, из людей самой дурной нравственности, обнаружены были таковые же своеволие и неповиновение, которые не иначе были прекращены, как скорым и примерным наказанием зачинщиков при пособии стоявшего тогда в Березовском заводе целого батальона Екатеринбургского мушкатерского полка“.

Поводом к этому волнению послужило, повидимому, именно применение указа, разрешающего употребление на работу в праздничные дни. Затем беспорядков на этой почве не было до самого 1820 г., и из справки, приложенной к делу, видно, что в предшествующем году работы, действительно, производились нередко и по праздникам: всего свободных дней мастеровые имели только 56 дней в году, считая в том числе 20 дней на заготовку сена в летнее время.

Комиссия, командированная по высочайшему повелению для обследования казенных горных заводов, дала следующее заключение по данному пункту. Просьба мастеровых об избавлении их от работ в воскресные и праздничные дни может быть удовлетворена без всякого неудобства, ибо на Березовских промыслах нет никакого доменного производства, требующего непрерывного действия, а одна только отливка воды из рудников. Но так как для этой цели устроены машины, действующие парами или лошадьми, то весьма мало требуется людей для непрерывного течения работ. Таковое заключение подкрепляется представлением самого берг-инспектора, который в 1821 г. испрашивал у Горного департамента разрешения не употреблять березовских мастеровых в праздничные дни на работу; но позволения на это дано не было по той причине, что оно могло быть истолковано, как исполнение настояния мастеровых, и подать повод к дальнейшим их требованиям.

Вскоре затем группа мастеровых Пермских заводов, привлекавшихся к отливке накопившейся воды из рудников в воскресные дни, обратилась к своему начальству с просьбой, чтобы им дозволено было проведенное на этой работе праздничное время отгуливать от обыкновенных работ — ввиду того, что

двойная плата, установленная законом для работ в праздники, по ограниченности своей недостаточна, а между тем они лишаются возможности исправлять собственные надобности. Пермское Горное правление признало возможным согласиться на это, но министр финансов высказался против, находя неудобным отступить от основного правила, разрешающего употреблять в экстренных случаях на работу и в праздники, и имея в виду, что тягость последней вовсе не так велика, ибо рабочие привлекаются к ней по очереди. Поэтому решено было ограничиться повышением вознаграждения до тройного размера против обыкновенного ¹⁾.

Как видно отсюда, ближайшим поводом для этого акта послужил вопрос о работах по отливке накопившейся воды в рудниках, каковые являются не только не терпящими отлагательств, но и случайными по существу своему. Другое дело плавильное производство: оно присоединено сюда совершенно искусственно, ибо: 1) непрерывность его является постоянной и 2) привлечение к нему в праздничные дни рабочих по очереди едва ли технически допустимо. Поэтому соображения министра финансов по отношению к этим работам представляются просто основанными на недоразумении, и фактически означенные мастеровые пользовались, вероятно, как до, так и после этого акта другими днями отдыха взамен праздников, проведенных в непрерывном производстве ²⁾. Но о золотых промыслах в законе ничего уже не говорилось, и из этого можно заключить, что представление комиссии, командированной для обследования заводов после беспорядков на Березовских промыслах, не осталось безрезультатным.

В заключение нужно упомянуть о попытке введения трехсменной работы на Урале, сделанной в начале столетия. Как сообщалось уже выше, подобный порядок был введен в конце XVIII столетия на заводах Алтая по инициативе местной администрации. В 1806 г. министр финансов представил доклад о том, чтобы всё количество людей на казенных уральских заводах разделить также на три смены по тем мастерствам, ремеслам и работам, кои сего требуют — так, чтобы каждая из них работала одна днем, другая ночью, а третья пользовалась отдыхом. Благодаря этому участь заводских людей могла бы улучшиться, и работы сделались бы не столь тягостны: всяк, взяв в течение недели отдых, приступал бы к работам с новыми силами и в одно и то же время сделал бы, конечно, более и лучше, нежели при бессменной работе. Сверх того, в течение недели отдохновения мог бы работник исправить домашние нужды, через что хозяйство его усовершенствовалось бы. Интересно отметить, что инициатива в возбуждении данного вопроса принадлежала начальнику уральских горных заводов Томилову. Это представление получило высочайшее одобрение, и 7 ноября 1806 г. был издан указ о введении трех

¹⁾ 2-ое Полн. Собр. Законов, т. XIX, № 30030.

²⁾ По данным, помещенным в Справочной книжке для русских горных людей (год второй), вылавка на Златоустовском заводе продолжалась в 1860 г. 280 и в 1861 г. — 246 суток.

смен на всех заводах, где число людей и удобства позволяют, по тем работам, в которых таковая смена горным начальством признана будет нужной.

Однако, при осмотре Уральских заводов в 1822 г., вышеупомянутая комиссия нигде не нашла следов введения тройной смены. На запрос ее о причинах неисполнения указа местные горные начальники отозвались, что тройная смена требует большего числа людей, нежели сколько их теперь положено, и что, если ввести ее, то нужно будет укомплектовать заводы новыми работниками, содержание коих, падая на заводские расходы, возвысит цену выделяемых заводами изделий.

Имея в виду высочайший отзыв, изъясненный в журнале Комитета министров от 14 августа 1817 г., что при соображении способов к улучшению состояния людей, находящихся на казенных и партикулярных горных заводах, никакие препятствия не могут и не должны существовать, если дело идет о страждущем человечестве, комиссия нашла, что соображения местной администрации не столь уважительны, чтобы могли служить препятствием ко введению полезного и благосостояние мастеровых упрочивающего распоряжения. К тому же заводы, по ее мнению, могли бы обойтись и без увеличения числа рабочих, если бы ограничили свою деятельность прямыми надобностями и теми изделиями, которые нужны для казны. Указом 22 сентября 1809 г. было предписано ежегодную выделку чугуна и железа на Уральских железных заводах ограничить тем количеством, какое потребно на удовлетворение Адмиралтейства, артиллерии и оружейных заводов, и выковку железа для вольной продажи совершенно приостановить.

Между тем, заводы из года в год расширяют свое производство сверх требований казны; так, напр., Гороблагодатские заводы продали в 1822 г., с разрешения Горного департамента, до 300 тыс. пудов железа на Нижне-Тагильский завод Демидова. Поэтому, если бы казенные заводы ограничили свое действие прямой надобностью, то существующего числа людей было бы достаточно для введения тройной смены.

Это представление комиссии не получило, однако, дальнейшего движения, и порядок работы в три смены так и остался не введенным на Урале.

Исключение из общего правила о двухсменной работе представляют частные золотые промыслы, где работы производились по вольному найму. Так как добыча золота производилась здесь первое время в открытых разрезах, то операционный период продолжался с весны, т.-е. с апреля или с мая, смотря по тому, как стает снег, до середины осени — 1 или 15 октября. Но в виду суровости климата работать до этого последнего срока представлялось очень затруднительным. Продолжительность рабочего дня определялась обыкновенно в контрактах с восхода солнца до захода с перерывом на обед и отдых, т.-е. так же, как это практиковалось для строительных рабочих. Изданным 30 апреля 1838 г. Положением о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири крайним сроком промывки золота на приисках, где нет зимних (теплых) промывален, установлено 10 сентября. Продолжительность рабочего дня определена с 5 часов утра до 8 ч. вечера с промежутком для обеда,

размер коего должен определяться контрактом. Обычно продолжительность этого перерыва в договорах устанавливалась в 1 — 1½ и редко в 2 часа, и рабочий день простирался от 12½ до 14 часов: в тех исключительных случаях, где применялась двухсменная работа, он составлял 11 часов днем и 10 часов ночью. Но вместе с определением числа часов во многих контрактах горно-рабочим, вскрывавшим торф, добывавшим или промывавшим золотоносный пласт, назначались уроки, по исполнению которого они могли быть свободны. По свидетельству некоторых авторов, эти урочные работы выполнялись в десять или даже менее часов — по крайней мере до пятидесятих годов, когда размер урока значительно увеличился.

В записке ген. Фалькенберга о золотопромышленности в Томской и Енисейской губ. указывается, что „уроком работ полагается от 100 до 120 тачек песков, в 3 пуда каждая: одни должны насыпать это количество, другие подвезти, третьи — промыть, и таким образом каждому назначается работа по наряду, а время продолжения оной определяется подвозом означенного количества тачек. Урок этот не велик, и они находятся на работах хозяйских от 5 часов утра до 11, а потом с 1 и до 3 часов пополудни, имея остающуюся затем время в собственном распоряжении ¹⁾“.

В свободные от обязательных работ часы, а также в воскресные и праздничные дни рабочие занимались так называемым „старательством“, т.е. сверхурочными работами за особо обусловленную плату. Первоначально эти старательские работы были вполне добровольны, и в контрактах золотопромышленники всегда оставляли за собой право дозволить или не дозволить их; но фактически они применялись повсюду, так как при незначительности получаемого вознаграждения рабочие не захотели бы оставаться на приисках. Поэтому бывали даже случаи волнений из-за недопущения старательства. Но затем, с введением золотопромывательных машин, промышленники стали стремиться с конца сороковых годов к тому, чтобы превратить старательские работы в продолжение урочных и сделать их обязательными.

Что касается обрабатывающей промышленности, то продолжительность рабочего дня в ней была в общем более значительной, чем в горно-заводской. В последней, как правило, применялась двухсменная 12-часовая работа; но так как в один прием, без отдыха, фактически провести ее не было возможности, то приходилось устраивать перерыв, продолжавшийся обычно один час, и таким образом действительный рабочий день составлял одиннадцать часов. В фабрично-заводской же, а также строительной промышленности решительно преобладала односменная работа, и потому здесь открывался широкий простор для личного усмотрения предпринимателей. Поэтому и практика здесь была более разнообразная. Едва ли можно сомневаться в том, что в казенных предприятиях продолжительность рабочего дня была в общем не выше, а скорее ниже, чем в частных. В виду этого изучение соответственных актов государственной власти может служить хорошим исходным пунктом для озна-

¹⁾ Архив 3-го отделения собств. е. в. канцелярии, 1 экспед. дело № 75 за 1840 г.

комления с положением дел в данной области. Первым актом государственного регулирования рабочего времени является регламент Адмиралтейства, изданный Петром в 1722 г. В § 32 главы XII предписывается в период с 10 сентября по 10 марта звонить в колокол на работу: утром за час до восхода, а вечером, с работы—спустя час по заходе солнца (по календарю); обеденный перерыв определен с 11 до 12 час. С 10 марта по 10 сентября бить в колокол на работу полагается утром в 4¹/₂ часа, а вечером в 7, кроме июня и июля, когда работа продолжается до 8 часов; обеденный перерыв начинается в 11 и продолжается в марте и апреле до 12¹/₂, в июне и июле до 1¹/₂ и в августе — до 1 часу. Избыные и кузнечные работы должны были производиться в осенний и зимний период до восьмого часу, а прочие—против вышеписанного ¹⁾.

Если справиться с календарем, то окажется, что самый короткий день в зимние месяцы приходится на начало декабря, когда солнце восходит в 9 и заходит в 2 ч. 55 м., составляя всего 6 ч. 55 минут; самый же длинный (13 ч. 25 м.) — на начало марта, когда солнце восходит в 5 ч. 55 м. и заходит в 6 ч. 20 м. В среднем, значит, для зимнего периода продолжительность рабочего дня можно принять в десять часов. В летние же месяцы она составляет почти тринадцать часов. Таким образом, в среднем для всего года рабочий день, по регламенту Адмиралтейства, колеблется около цифры в 11¹/₂ час.

Указ 1722 г. относился только к Адмиралтейству; но фактически его значение было шире, и за отсутствием других указаний в законе администрация казенных заводов руководствовалась им в соответственных случаях даже много времени спустя. В сочинении Германа при описании Ягужинского, Мотовилихинского, Пыскорского и Висимского горных заводов приводится текст этого регламента; очевидно, он имел здесь применение ²⁾. Точно также на Алтайских заводах при работах, не принадлежащих собственно к горным и плавильным, напр., строительным и ремесленным,—с давнего времени продолжительность и распределение рабочего времени устанавливались применительно к регламенту Адмиралтейства, и еще в постановлении Горного правления от 30 дек. 1853 г. имеется ссылка на него, как на акт, „которым в заводах руководствуются и поныне“ ³⁾.

В 1833 г. было издано урочное положение на все работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидро-технических сооружениях, которое, десять лет спустя, было заменено положением 1843 г. Беря за основу принцип, на котором был построен регламент Петра I, это положение вносит в него некоторые новые начала. Так как время восхода и захода солнца очень различно на разных широтах, то положение делит всю территорию на три пояса—северный, средний и южный; а вместо двух периодов года различает четыре—весну, лето, осень и зиму. Продолжительность рабочего дня в летнее

¹⁾ 1-ое Полн. Собр. Законов, № 3937.

²⁾ Сочинение о Сибирских рудниках и заводах. 1797 г., часть II.

³⁾ Н. З о б н и н, Сибирский Сборник. 1891 г., кн. 2.

время устанавливается 12 часов, а остальные двенадцать отводятся „для отдыха, для переходов на работы и с оных и для других потребностей, какого времени для подкрепления физических сил человека вполне достаточно“. Весною и осенью рабочий день сокращается до 9 часов. А в зимнее время предназначается человеку производить работы только по 8 часов в каждый рабочий день ¹⁾). Наибольшая продолжительность его для средней полосы составляет 13, а наименьшая 7 часов; средняя же продолжительность рабочего дня положением 1843 г. определяется в 10½ час., т.-е. на один час меньше, чем по регламенту 1722 г. Но другой вопрос, конечно, в какой мере эти нормы получали осуществление на практике.

Бывали случаи, когда администрация при этом не стеснялась вносить в него некоторые существенные изменения, клонящиеся к невыгоде рабочих.

В мае 1853 г. мастеровые-ремесленники Змеиногорского рудника просили контору отпускать их с работы в 7 часов вечера, как следовало бы по Петровскому регламенту, а не в 8 часов, как делалось на руднике.

Правление в своей справке указывало, что, если основываться на регламенте, то работу в мае нужно кончать в 7 часов; если же руководствоваться положением 1843 г., то в 7½ ч., но зато давать больший отдых в середине дня. Горный начальник нашел, что, если заводы установят рабочий день на основании положения 1843 г., то они не успеют выполнить того, что требуется по штату, и потому предписал Горному правлению руководствоваться прежним регламентом. Но и с этим последним администрация в нужных случаях не особенно церемонилась.

Так, по словам Зобнина, выход на работу производился здесь круглый год в 4½ ч. утра; между тем по регламенту 1722 г. предписывалось делать это только в летнее время, а в зимнее—за час до восхода солнца, а оно, напр., в декабре показывается на широте Томска или Красноярска в 8½ час. Точно также кончать работу правилами Алтайского горного правления предписывалось и зимою в семь часов, а по регламенту—спустя час по заходе солнца, т.-е. значительно раньше. Таким образом, действительный рабочий день, за вычетом обеденного перерыва, на Алтае продолжается 13—13½ часов ²⁾).

Можно думать, однако, что фактически дело обстояло иначе. Так как ремесленные работы в горнозаводском деле производились большей частью на вольном воздухе, а не в закрытом помещении, где можно было применять искусственное освещение, то начинать работу зимою в 4½ и кончать в 7 часов было бы бесполезной тратой времени. И если ремесленники жаловались в 1853 г. на то, что их заставляют работать в мае до 8 ч. вечера, тогда как по регламенту Адмиралтейства кончать работу нужно в 7, то непонятно было бы, почему они не подняли общего вопроса о том, что в зимние месяцы

¹⁾ 2-ое Полн. Собр. Законов., т. XVIII, № 16503.

²⁾ Н. Зобнин. Мастеровые Алтайских горных заводов. Сибирский Сборник. 1891 г., кн. II.

разница между регламентом и местными правилами составляет в среднем пять часов. Естественным поэтому является предположение, что рабочий день здесь был зимою значительно короче, чем летом, и приближался, вероятно, более к 10, чем к 13—13½ часам.

Кроме Адмиралтейства и других строительных работ специального и общего типа, нужно отметить еще регулирование рабочего дня на Екатеринбургской суконной фабрике, где последний был установлен в 12 часов, а затем на казенных оружейных заводах. Положениями для Тульского и Сестрорецкого заводов 19 мая 1823 г. предписывалось „работу производить ежедневно, кроме табельных и воскресных дней и одной недели для говенья, распределяя часы по усмотрению командира так, чтобы в сутки работали от 10 до 11 часов“. Очевидно, необходимость более тщательного и напряженного труда в металлообрабатывающей и механической промышленности требовала и более короткого рабочего дня. Это видно из того, что в случае экстренной нужды при исполнении усиленных заказов департаменту предоставлялось давать разрешение не на увеличение количества часов, а на прибавку рабочих дней ¹⁾).

Что касается частной промышленности, то прямых данных по данному вопросу для XVIII века имеется очень мало. В регламенте правления мануфактуры гр. Апраксина, относящемся к 1720 г., рабочий день определяется от 6 ч. утра до 7 ч. вечера в зимнее время и от 5 ч. утра до 7 ч. вечера в летнее при 2 часовом перерыве для обеда, т.-е. соответственно в 11—12 часов.

Но, повидимому, установленная здесь длина рабочего дня не является типичной. Это видно из того, что в „рабочих регулах“ для суконных и каразейных фабрик, изданных 2 сентября 1741 г., принята норма значительно более высокая. М. И. Туган-Барановский определяет ее в 14, а А. Н. Быков — даже в 15 часов. Однако, здесь заключается некоторое недоразумение. В действительности этим регламентом предписывалось в летнее время (с 1 марта по 1 октября) являться на работу в 4 ч. утра, в десятом часу идти на обед, а в двенадцатом — опять на работу и после полудня в девятом часу сходить с работы; в зимние же месяцы (с 1 октября по 1 марта) на обед полагался только один час, но зато работа после полудня прекращалась в восьмом часу. Кроме того, в каждую субботу сряду после полуночи в двенадцатом часу работу предписывалось сложить.

Если сделать точный подсчет, то окажется, что в течение недели от рабочего требовалось 77 часов или в среднем 13 часов в день. Если же считать, что слова — „в субботу сряду после полуночи“ означает, что по субботам работа начинается не в 4 ч. утра, как во все остальные дни, а в 12 ч. ночи (что маловероятно), то средняя продолжительность рабочего дня увеличится до 13½ часов ²⁾).

¹⁾ 2-ое Полное Собрание Законов, № 29472 и № 29473.

²⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, № 8440.

Однако, нужно иметь в виду, что указ этот ставил себе целью подтянуть рабочих для усиления производительности суконных фабрик по случаю начинающейся войны со Швецией — „понеже поныне разные как интересу, так и точному самых фабричных содержателей намерению противные и весьма вредительные неурядки, великое своевольство и чрезвычайная продерзость у мастеровых и рабочих... к немалому разорению вкоренилась“. Поэтому в нем следует видеть не столько отражение существующих порядков, сколько стремление добиться определенного эффекта, выдвигаемого на очередь особыми условиями момента.

По данным обследования посессионных фабрик, произведенного департаментом торговли и мануфактур в 1803 г., в большинстве суконных предприятий продолжительность рабочего дня показана в 12 часов; в пяти же случаях — выше, в 13, 14 и даже 15 часов. В остальных отраслях точно также господствующее место занимает 12 часовая норма, при одинаковом почти числе отклонений как в ту, так и в другую сторону.

В течение первой четверти XIX века правительство вновь делает попытку усилить свое регулирующее воздействие, если не по отношению ко всем, так по крайней мере к посессионным, т. е. получавшим пособие от казны предприятиям. Эти попытки совпадают с периодом, когда заведывание фабрично-заводской промышленностью при учреждении министерств было сосредоточено в руках того из них, на которое возлагалась забота по охране внутренней тишины и спокойствия, т. е. м-ва внутренних дел. Принимая близко к сердцу эту задачу, оно уже в 1803 г. выработало особое положение для Купавинской шелковой фабрики при переходе ее от казны к кн. Юсупову; в нем, между прочим, продолжительность рабочего дня определена в 12 часов в сутки. В 1813 г. было утверждено положение для Красносельской фабрики, при чем и здесь мы также встречаем двенадцатичасовую норму. В 1818 г. были выработаны министерством и утверждены Сенатом положения еще для трех фабрик — Яковлева, Осокина и Лазарева. На последних двух был принят двенадцатичасовой рабочий день, на первой же почему-то 14 часовой, но вскоре он был понижен до 13 часов летом и 12 ч. — зимой. Подобные положения предполагалось ввести мало-по-малу и на других фабриках. Но с передачей в 1819 г. департамента мануфактур и торговли в ведение министерства финансов это предположение было оставлено. Таким образом, для правительственных сфер двенадцатичасовая норма представлялась в это время наиболее целесообразной; но она вместе с тем совпадает с той средней нормой, которая господствовала на практике, согласно обследованию 1803 г. Некоторый шаг вперед заключался в проекте общего положения о суконных фабриках, выработанном министерством внутренних дел в 1811 г.; здесь продолжительность работы определялась в 12 часов, кроме субботы, когда она не должна была превышать шести часов. Таким образом, общее количество рабочих часов в неделю составляло 66 или, в среднем, до 11 час. на день. Но этот проект не получил окончательного утверждения.

Тридцать пять лет спустя, министерством финансов вновь было составлено общее положение о посессионных фабриках, где, между прочим, имеется статья 43, касающаяся регулирования рабочего времени: „работы на фабриках должны продолжаться круглый год не более 12 часов в сутки; время же начала и окончания оных назначается владельцем. В субботные дни работы должны продолжаться не более 6 часов до обеда, а в воскресные и праздничные дни мастеровые от работы вовсе освобождаются“ ¹⁾.

Проект этот прошел уже благополучно через департамент экономии Госуд. Совета, но на общем собрании было признано желательным выждать получения сведений о состоянии посессионных фабрик, и он... так и остался проектом.

По данным обследования, произведенного в начале 1845 г., выяснилось, что на большей части бумагопрядильных и на немногих шерстопрядильных фабриках, коих находилось в Москве и ее губернии первых—23, а последних—10, имеются две смены рабочих, которые заняты 11 или 11½ часов в сутки, сряду же—от 5½ до 5¾ часа, после чего следует 6 часов отдыха. На фабриках же, имеющих одну смену, работою занимаются с 5 часов утра до 8 часов вечера, т.-е. около 15 часов, отдыхая только один или полтора часа во время обеда ²⁾.

Своеобразный распорядок применялся на Гусевской бумагопрядильной фабрике Мальцева (Владимирск. губ.). Здесь работы велись двумя комплектами рабочих, которые делали в сутки три смены так, что первый в один день работал одну смену в 7 часов, другой же—две смены в 13 часов, а на следующий день обратно; в общей сложности на каждого приходится в сутки по 10 часов ³⁾.

В производствах, требующих более интенсивного и внимательного труда, продолжительность последнего была менее значительной. Так, на Гусевском хрустальном заводе Мальцева рабочих часов на одну смену приходилось в гуте для мастеров и приемщиков от 40 до 50 в неделю, а в гончарне, шпифовнях, рисовне и золотарне—по 9 часов в день.

Но в общем, случаи девятичасовой или десятичасовой работы были чрезвычайно редки; преобладал труд в 11—13 час.

Что касается количества рабочих дней в году, то оно не отличалось особенно от того, какое существовало в горнозаводской промышленности, но, в среднем, всё же было несколько выше. Воскресные, церковные и царские дни праздновались одинаково повсюду, и несоблюдение их рассматривалось властью, как потрясение основ существующего строя. Для уразумения духа этой эпохи большой интерес представляет циркуляр министра внутренних дел

¹⁾ Архив Государств. Совета, дело № 4615 за 1845 г.—О посессионных фабриках.

²⁾ Записка д-та мануфактур м-ва финансов за № 3473 от 1845 г. о ночных работах на фабриках. См. прил. к журналу Комитета министров за 24 июня 1845 г. (Архив Комит. мин.).

³⁾ „Журнал М-ва Внутренних Дел“ 1857, № 11.

18 июня 1830 г. „Государь император, — говорится здесь ¹⁾, — усмотрев, что 21 апреля сего года, в день тезоименитства императрицы, производились работы повелел строго наблюдать, чтобы во все торжественные дни, в которые на основании узаконений судебные места от присутствия и училища от учения свободны, нигде казенных и других публичных работ производимо не было, распространяя сие правило на все работы, производящиеся как в столицах, так и вне оных и в крепостях, вольными или казенными мастеровыми и арестантами, за исключением только экстренных случаев, где от отлагательства может произойти вред постройкам, ущерб казне и остановка в сообщениях“.

Отдавая это распоряжение, Николай, очевидно, исходил из соображения, что воспреещение работы в вышеуказанные дни содействует поддержанию в населении необходимого пиетета к религии и власти, и потому хотел, чтобы оно было полным и абсолютным. Но жизнь с ее прозой скоро рассеяла эти иллюзии и нарушила стройную схему, напомнив старую истину, что и для воли неограниченных монархов существуют известные границы.

В августе того же года лифляндский губернатор вошел в министерство внутр. дел с представлением об исходатайствовании разрешения грузить корабли и в табельные дни, случающиеся в навигации. Министром финансов была представлена по этому поводу докладная записка, в которой указывалось, между прочим, что ст. 345 и 538 таможенного устава предписывается производить нагрузку кораблей и отправление дел в таможенных, во время сплава, от восхождения до захождения солнца, не исключая воскресных и праздничных дней, в виду кратковременности навигации в Балтийском и Белом море. Это представление увенчалось успехом, и высочайшей резолюцией было разъяснено, что запрещение производить работы в табельные дни „не касается тех ведомств, кои руководствуются особыми уставами, в коих сей случай именно разрешен“. Вслед затем был затронут и вопрос о частных работах. Белостокская полиция, получив циркуляр 18 июня, распорядилась объявить по городу, что отныне воспрещается производство в праздничные и табельные дни всех публичных как казенных, так и частных работ. На это распоряжение последовало возражение со стороны прокурора, по мнению которого к публичным работам относятся не все те, кои „состоят на виду“, как это было понято полицией, а лишь устройство и починка мостов, плотин, мостовых и всех переправ, усаживание дорог деревьями, постройка и починка общественных зданий и т. п.; относится ли же запрещение до частных работ художников, фабрикантов, ремесленников, рукодельников и особливо земледельцев — он-де встречает сомнение. Чтобы выйти из затруднительного положения, Белостокское областное управление обратилось к министерству внутренних дел за разъяснением. Однако, это обращение было оставлено без ответа, и министерство лишь подтвердило, что белостокское областное начальство обязано в сем случае поступать на точном основании циркуляра 18 июня.

¹⁾ Архив д-та полиции исполн., дело № 392 за 1830 г.

Между тем в июне 1831 г. петербургский военный генерал-губернатор довел до сведения всех ведомств, что „ в настоящих обстоятельствах праздность рабочего народа обращается ему во вред, оставляя свободное время предаваться пьянству и разным беспорядкам, почему в отвращение сего зла высочайше повелено: дозволить желающим производить работы во все дни табельных праздников“. Получив это сообщение, м-во внутр. дел первоначально пришло к заключению о необходимости довести о нем до сведения всех начальников губерний, вменив им в обязанность „иметь строжайшее наблюдение, дабы при занятии крестьян работами в праздничные дни отнюдь не было употребляемо против них никаких стеснительных и насильственных мер, чтобы по сему случаю не были они отвлекаемы от исполнения обязанностей религии и имели нужное время для отдохновения“. Но так как, по разъяснению генерал-губернатора, высочайшее распоряжение непосредственно относилось только к Петербургу, то затем оно остановилось на мысли ограничиться принятием его к сведению и соображению в нужных случаях. Комитет министров, с своей стороны, также признал ненужным объявить новое высочайшее повеление к исполнению в губерниях, ибо оно „относится только до С.-Петербурга и притом последовало в такое время и в таких обстоятельствах, когда при многочисленном стечении в столице рабочего народа праздность одного могла иметь последствием разные беспорядки“.

Но постановление комитета не препятствовало министерству внутренних дел принимать вышеозначенное повеление „к соображению в нужных случаях“, и так как догадливые прокуроры имелись не в одном только Белостоке, то едва ли можно сомневаться, что вольные работы в праздничные дни допускались не только в Петербурге, но и в других местах.

Стремление к укреплению pietета к религии и власти стоило с практическим соображением о необходимости борьбы с „буйной нравственностью“ мастеровых и должно было уступить перед ним. Но, может быть, здесь играло также роль невысказанное соображение о практической невозможности уследить за нарушением этого запрещения. Таким образом, положение дела представляется в следующем виде: добровольные работы за особую плату по соглашению в воскресные и табельные дни допускались, принудительные же работы считались непозволительными ни для казенных, ни для частных предприятий, за исключением случаев экстренной необходимости. Количество этих дней можно определить в 90: 52 воскресенья и 38 других табельных дней; но к ним нужно присоединить еще освобождение от работ по другим поводам: так, положениями о Тульском и Сестрорецком оружейных заводах дается неделя для говенья, на очень многих фабриках и заводах рабочие отпускались для летних полевых работ. Во всеподданнейшем отчете президента Мануфактур-коллегии за 1765 г. отмечается, что в общем числе 37.862 рабочих „большая часть таких, кои только половину года работают и кои только в самые грузовые и дешевые работы употребляются“. В этих словах заключается, однако, сильное

¹⁾ Архив д-та полиции исполн., дело № 227 за 1830 г.

преувеличение. По данным обследования посессионных фабрик, произведенное в 1803 г., рабочих дней в году насчитывалось около 260, и только на небольшом количестве предприятий рабочие увольнялись летом на более продолжительный срок—один или два месяца. При выработке чиновником департамента мануфактур Бурнашовым положения для фабрик Яковлева, Осокина и Лазарева число праздничных дней на всех них было принято одинаково в 100; следовательно производство шло в течение 265 дней.

Однако жалобы на летние передвижения рабочих встречаются и позже. „Работник русский, одаренный необыкновенной переимчивостью, сметливостью, умеющей тотчас ко всему приловчиться,—читаем мы в статистической записке о Москве,—в то же время не имеет глубокого, постоянного внимания, терпения; он—фабричный, смотря по выгодам, и завтра оставляет свое занятие, когда, по его мнению, он может найти другое, выгоднейшее. Летом, во время сенокоса, все фабрики, на коих работает простой народ, более или менее терпят беспокойство: в это время обнаруживается требовательность, своенравие, нерадение работников для того только, чтобы им можно было сойти на это время с заведения. Движения эти бывают всегда так сильны, что только одни решительные меры полиции могут водворить порядок“¹⁾.

Впрочем, здесь уже не содержится указания на остановку фабричных работ на полгода, а говорится лишь о сенокосной поре. Выше уже сообщалось, что на сенокос рабочие отпускались и на горных заводах; это не мешало последним вести свое дело, принадлежащее к числу непрерывных производств.

Автор статьи „о состоянии рабочих в России“, помещенной в „Журнале Мануфактур и Торговли“ за 1837 г., говоря о вольнонаемных, указывает, что за исключением незначительного количества городских мещан „остальные занимаются на фабриках, сколько им позволяют это деревенские их нужды. И точно, большие мануфактуры делаются у нас безлюдными в апреле и мае, а после в июле и августе, ибо в эти месяцы работники расходятся по деревням, чтобы заняться самыми необходимыми сельскими работами. Таким образом, мы в большей части наших рабочих вовсе не имеем людей собственно фабричных, т.-е. народа, который бы извлекал средства к существованию какой бы то ни было работой в мануфактурах“.

Это заключение звучит, однако, явной натяжкой, ибо из того факта, что рабочие летом расходятся для производства необходимых дома сельских работ, вовсе не следует, что средства к существованию они извлекают именно отсюда, а не из заработков на фабриках, где они проводят большую часть года.

На летние передвижения вольнонаемных рабочих имело влияние также то обстоятельство, что помещикам принадлежало право требовать к себе в нужную минуту отпускаемых ими на заработки крестьян.

По жалобе фабрикантов в 1835 г. был издан закон, которым запрещалось как властям, выдавшим паспорт, так и владельцам требовать рабочих до истечения срока договора, и этим были устранены различные злоупотребления,

¹ В. Андросов. Статистическая записка о Москве. 1832 г., стр. 163.

имевшие место раньше. Но с указанием на вред большого количества прогулов мы продолжаем встречаться всё время. „Огромная цифра праздников и следующих за каждым из них нескольких дней одурения,— говорят, напр., в своем очерке современного положения и пужд русской мануфактурной промышленности, вышедшем в 1857 г., проф. М. Киттара,—страшно увеличивает стоимость работы, несмотря на кажущуюся дешевизну найма или платы“.

Что касается фабрик, действовавших на основе обязательного труда, то здесь перерывов в работе было в общем меньше.

В записке подольского (Московской губ.) предводителя дворянства Сухово-Кобылина относительно улучшения быта крестьян на вотчинных фабриках отмечается, что невыгодная сторона положения последних заключается в том, что „фабричный крестьянин все время года от 1 января по 1 января занимается господской работой на фабрике и не имеет уже никакой надежды улучшить свое хозяйство“. С отдаленного времени на помещичьих фабриках практиковался порядок работ „брат на брата“, когда половина членов крестьянской семьи занималась земледельческим, а другая—фабричным трудом. Вследствие этого, а также благодаря близости рабочих к земле, летние перерывы отличались здесь меньшей продолжительностью.

На суконной фабрике наследников Лиона крепостные и посессионные рабочие, имеющие от 1 до 2 десятин на душу пахотной земли, получают отпуск для обработки ее только на несколько дней ¹⁾.

На вотчинной фабрике Панкова в селе Красный Кут Екатеринославской губ. все рабочие без изъятия отпускаются летом на три недели для уборки собственного хлеба ²⁾.

Подводя итоги, можно сказать, что о сколько-нибудь значительных переменах в продолжительности рабочего дня в течение изучаемого периода говорить не приходится; определенная тенденция к сокращению наблюдается лишь в тех предприятиях текстильной промышленности, где совершался переход на 2 смены и где, в связи с этим, вместо прежних 12—13—14 часов устанавливался теперь 11—11½-часовой рабочий день. В остальных же производствах можно говорить лишь о частных случаях сокращения его, не имеющих общего характера.

Что касается продолжительности рабочего периода фабрик и заводов, то здесь можно отметить существенную разницу между горной и обрабатывающей промышленностью.

В первой очень видное место занимали казенные предприятия, где внутренние отношения их определялись законодательной властью и где последняя, кроме охраны святости праздничных и царских дней, с течением времени всё более и более увеличивала продолжительность летнего отпуска в целях улучшения домашнего хозяйства рабочих. Отсюда эти порядки силою примера распространялись и на посессионные заводы. В обрабатывающей же промышленности руководящая роль принадлежала частным предприятиям, оперировавшим с вольно-

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1838, № 2.

²⁾ Там же 1837, № 4.

наемным трудом; государственная регламентация здесь была очень далека от той тщательности и всесторонности, которой она отличалась на казенных заводах, и предоставляла больше простора выявлению коммерческой точки зрения. Поэтому здесь обнаруживается противоположная тенденция к удлинению операционного периода, и количество рабочих дней в последние десятилетия перед падением крепостного права было в общем несколько выше, чем на горно-заводских предприятиях ¹⁾.

ГЛАВА V.

Заработная плата и стоимость жизни.

Когда в середине XVII века у нас стали возникать крупные предприятия в виде заводов и фабрик, то последние долгое время являлись редкими точками на общем фоне мелкой народной промышленности. Поэтому первоначальные нормы вознаграждения за труд в крупной промышленности в значительной степени предопределялись уже сложившимся исторически уровнем жизни рабочего населения. По свидетельству Довнар-Запольского, в течение первой половины семнадцатого столетия подневная плата для огромного большинства ремесл в Москве колебалась от 3 до 5 коп. Так, плотники в начале столетия получали обыкновенно по 6 денег, а с середины его довольно устойчивой платой было 10 денег, т.-е. 5 коп. Рядовой кузнец в двадцатых годах получал один алтын или 3 коп.; ствольный мастер получал в середине столетия 4 ¹/₂ медных копейки. Каменщики в течение первой половины столетия получали от 10 до 12 денег, а в конце его по 8. Труд портного в начале столетия оплачивался 8 деньгами, а с половины и до конца его—10; но закройщики и шапочники получали уже по 20 денег, т.-е. 10 коп. в день. Когда в 1662 г. в Москве было создано совещание гостей и торговых людей по вопросу о дороговизне хлеба в связи с выпуском низкопробных медных денег, то там между прочим указывалось, что „в прежних летах можно было мастерскому человеку с женою быти сыту днем алтынним хлебом“ ²⁾.

При заведении новых производств мастерам приходилось платить очень высокие цены; так, на стеклянном заводе в Измайлове иностранные мастера получали 20 руб. в месяц и даже русские—от 8 до 10 руб. Но это относи-

¹⁾ Автор статьи о выгодной местности для фабрик, обсуждая преимущества Нарвского района, отмечает, между прочим, что устраиваемые в нем предприятия „выигрывают 18 законных рабочих дней против фабрик, находящихся в Петербурге, хотя недавно и последние приобрели в году 12 законных рабочих дней из числа обычных 80 праздников“. „Журнал Мануфактур. и Торг.“ 1851, № 9. — Смысл этого заявления не вполне ясен, так как мне не удалось отыскать текста распоряжения, о котором говорит автор; но из того обстоятельства, что далее в своей примерной смете на устройство бумагопрядильни под Нарвой он исходит уже из расчета 300 рабочих дней в году, видно, как далеко шли в своих планах некоторые промышленные круги конца изучаемого периода.

²⁾ Москва в ее прошлом и настоящем. Часть третья—Торговля и промышленность. Москвы XVI—XVII вв., стр. 65.

лось только к тем, кто играл руководящую роль в производстве, и при том в начале усвоения новых методов производства, и отнюдь не было типичным для простых видов труда.

Так, сторожа, конюхи, кузнецы, токари и прочие служащие в подмосковных хозяйствах Алексея Михайловича получали от 3 до 7 рублей денежного жалования в год и, кроме того, ржи и овса по 5—13 четвертей. Солдаты, привлекаемые к работам по нарядам, получали по 31 алтыну в месяц и на прочие расходы по 3 деньги на день ¹⁾).

На арзамасских казенных поташных заводах числилось в 1680 г. 171 ч. будников, занимавшихся устройством костров; денежное жалование их составляло 5 р. 40 коп. в год, хлебное оценивалось в 1 р. 90 коп.; всего, таким образом, они получали по 7 р. 30 коп. в год. Бочкари, колесники и кузнецы, представлявшие труд более квалифицированный, получали 6 р. 50 коп. и хлебного довольствия на 2 р.—2 р. 15 коп.

На Починковских станах, где в 1701 г. насчитывалось 190 будников, жалования приходилось по 5 р. 90 коп., и, кроме того, каждый получал по 10 четвертей хлеба и по 3 пуда соли. Четверть же муки в Арзамасе стоила в то время 5 алтын, а крупа—8 алтын ²⁾).

Сображая эти цифры, нам не должно уже показаться удивительным, что, созывая рабочих со всех концов страны для строительных работ в Петербурге в конце первого десятилетия восемнадцатого века, Петр определил им сверх продовольствия по полтине (в месяц) деньгами на человека: это вознаграждение представлялось нормальным в то время...

В интересах более удобного расположения материала мы остановимся сначала на горнозаводской промышленности. Вознаграждение за труд в рассматриваемый период производилось здесь так же, как в последующее время— в форме повременной (поденной, месячной и годовой) или сделной платы. Кроме того, во многих случаях к денежной плате присоединялась еще выдача провианта. По свидетельству Гамеля, казенные кузнецы на Тульском оружейном заводе, который является старейшим предприятием нашей крупной промышленности (основ. в 1632 г.), вплоть до 1696 г. „делали завесное ружье, в год по 2000 пицалей, и платилось им по 22 алтына и две деньги за пицаль“ ³⁾. Но из описания этого завода, сделанного в 1663 г. Фонвизином, видно, что отдельные категории рабочих получали и поденную плату. „Кузнец Трофимка Антонов делает всякие мелкие разные дела; дают ему на день по десяти алтын медных, да ему же на год четверть ржи, да пуд соли. Пущечного и ядерного дела мастер Максимка Кузмин на заводах делает с рабочими кирпичное дело и горны кладет, а иное работает у заварщиков и

¹⁾ А. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. 1917 г., стр. 199—207

²⁾ И. Ясинский. Нижегородские будные станы. „Сборник студенческого Историко-Этнографического кружка“. Вып. VII. 1915 г.

³⁾ Гамель. Описание Тульского оружейного завода. 1826 г., стр. 29.

у латных мастеров из найма; дают ему на день по четыре гривны медных, да на год две четверти ржи, да пуд соли“ и т. д. ¹⁾).

По словам К. Скальковского, „еще в 1722 г. большая часть мастеровых получала за работу свою задельную плату, но впоследствии, при усилении крепостного права, задельная плата почти совсем уничтожилась и заменилась окладным жалованьем. Отнятие средств доставить себе большим трудом и искусством лучшее вознаграждение усугубляло тягость обязательного труда и препятствовало усовершенствованию в мастерствах. В отвращение этого в 1804 г. велено мастеровых и рабочих определить на задельную плату с тем только, чтобы плата эта была не менее получаемого жалованья и чтобы металл не становился дороже“ ²⁾).

Это утверждение, однако, далеко не соответствует действительности. Прежде всего представляется мало вероятным, чтобы при самом возникновении горной промышленности исключительно применялся метод сдельной оплаты труда. Размер уроков, служащих основанием для сдельного вознаграждения, мог быть правильно выработан лишь на основании продолжительного опыта, и пока рабочее население не приобрело прочных навыков в обращении с новым для него делом, наиболее практиковался, можно думать, способ повременной платы. Изучение источников не подтверждает также мнения Скальковского о последующем сокращении — до полного почти уничтожения — сдельного вознаграждения.

В первых штатах уральских заводов, составленных в 1723 и 1737 г.г., отводится место и тому, и другому способу; сдельная оплата применялась, напр., в литейном цехе, при углежжении, дегтярном и смолокуречном деле ³⁾. Н. Зобнин сообщает, что на казенных заводах поштучная оплата была будто бы уничтожена в 1742 г. „за многоделанием в приказном порядке“, т.-е. в целях сокращения канцелярской переписки ⁴⁾. Но из какого источника взята эта выдержка, не указано; в Полном Собрании Законов не имеется соответствующего акта за указанный год. Между тем Ив. Лепехин в своем описании уральских заводов, относящемся к 1770 г., отмечает, что за выплавку чугуна плата полагается помесячная, а при ковке железа — сдельная: каждому мастеру с пуда по 2 коп., подмастерью 3 денежки, а работникам по 3 полушки ⁵⁾.

При выработке штатов 1827—29 г.г. положено было назначить уроки и сдельную плату всюду, где это возможно, ибо она „представляет собою действительнейшее средство к одобрению труда и поощрению искусства, увеличивает усердие рабочего, усугубляет его внимание и облегчает надзор за оным“. Однако, система принудительного труда действовала гораздо сильнее,

¹⁾ Там же, прибавление VIII.

²⁾ О значении царствования Александра I для русского горного дела. — „Горный Журнал“ 1878, т. I,

³⁾ Герман. Историческое начертание горного производства в Российской Империи 1810 г.

⁴⁾ Сибирский Сборник, кн. II, 1891 г.

⁵⁾ Дневные записки путешествия. 1795 г., ч. II, стр. 282.

чем способ оплаты его, в обратном направлении, а потому производительность труда нашего горнорабочего продолжала оставаться на очень низкой ступени. Этим, может быть, объясняется тот факт, что на Алтае, наоборот, к началу XIX века, по сообщению Зобнина, сдельная плата совсем перестала практиковаться, и годовое жалованье стало исключительной формой вознаграждения. Да и на самом Урале к концу крепостного периода распространение сдельной платы, повидимому, сильно сократилось. „Все казенные мастеровые,—говорится в описании Пермской губернии ¹⁾, получают не задельную плату, а жалованье; поэтому им всё равно, как ни проработать день, лишь бы он прошел в работе. От этого появляется между ними леность и даже преднамеренная порча работы. Так, если работнику приходится перевозить золотой песок на значительное расстояние, то он, особенно ночью, при слабом надзоре, сваливает его прямо в ближайший отвал. Если далеко катать руду в руднике, к подъемным машинам, то ее сваливает ближе, в закаты пустых пород. Кроме того, рабочие, при совершенном равнодушии к делу, непрерывно стараются уклоняться от работ под разными вымышленными предлогами. Всё это заставляет начальство увеличивать наказания, которые всегда имели вредное влияние на нравственную сторону человека“.

На сибирских золотых промыслах, где с самого начала их возникновения применялся преимущественно вольнонаемный труд, основной формой вознаграждения служило месячное жалованье; но рядом с этим практиковались так называемые старательские работы, которые оплачивались сдельно.

Сведения о размере заработной платы в XVII веке очень скудны. Так как горнозаводское дело было у нас новое и собственных специалистов не существовало, то приходилось выписывать мастеров из-за границы и платить им большие по тому времени деньги. Так, Марселис платил своему главному мастеру 300 рублей в год вместе со столом. Иноземный мастер Индрик Ани, нанятый в 1647 г., получал в Москве по 8 алтын и 4 деньги на день, а затем по договору 20 рублей в месяц. Пушечный мастер Коэт, вызванный из-за границы при Алексее Михайловиче, получал первоначально 25, а затем 50 и даже 100 руб. в месяц. Но его преемник Фальк, превосходивший его своим искусством, получал уже только 15 руб. в месяц. На стеклянном заводе в Измайлове, открытом в 1668 г., мастера иностранцы получали по 20 р., а русские — от 8 и не свыше 10 руб. в месяц. В 1701 г. правительством были приняты на службу два пушечных мастера из Курляндии с жалованьем в 150 руб. в год. Известный у нас впоследствии де-Геннин был принят в 1697 г. в Амстердаме на службу с жалованьем в шесть рублей в месяц. Таким образом, к началу XVIII века, в виду появления собственных специалистов, оплата труда иностранных мастеров несколько понизилась, но всё же и по екатеринбургскому штату 1723 г. они получали в 1½—2 раза больше, чем русские.

¹⁾ X. Мозель. Пермская губерния. 1864 г., ч. II, стр. 530.

Что касается местных горнорабочих, то, по свидетельству Кильбургера, относящемуся к 1674 г., на трех существовавших в то время у нас железодельных заводах плавильные мастера получали с пуда железа один алтын, работники две копейки и носильщики пол-копейки. При этом на одном горне можно было ежедневно ковать до 25 пудов ¹⁾; но эта цифра представляется мало достоверной. Во второй части своих „Дневных записок“ Лепехин сообщает, что на Уральских заводах каждый мастер и подмастерье обязаны в неделю выковать не менее 80 пудов железа, что дает в среднем 13 пудов в день. Исходя из этой цифры, средний заработок мастера в 1674 г. можно принять поэтому в 40 копеек, для подмастерья—25 копеек и работника—около 6½ копеек. За год же это составит, считая 250 рабочих дней, 100 рублей для мастера, 62 р. для подмастерья и 16 р. для работника. Принимая во внимание тогдашнюю дешевизну жизни, о которой будет сказано ниже, нужно признать эти цифры безусловно высокими, и в дальнейшем, с развитием промышленности, плата стала понижаться, хотя цены на предметы первой необходимости шли, наоборот, вверх.

Обстоятельные сведения по данному вопросу находим мы в описи Тульских заводов, произведенной в 1690 г. подъячим Пушкарского приказа Севергиным по случаю передачи их от наследников Марселиса в ведение боярина Льва Нарышкина. Плата на этих заводах, которых насчитывалось семь с общим количеством занятых лиц около 100 человек, производилась годовая, поденная и задельная; последняя предназначалась для всех, работавших при механических молотах, и рассчитывалась с пуда выкованного железа. Мастер доменного цеха получал 100—150 р., дощатного дела—120, мехового—100, угольного—70, замочного—35. Задельная плата мастерам молотового дела везде одинаковая—6 денег с пуда, помощникам же их—различна, составляя обычно 4 деньги, а для рабочих 1—2 деньги с пуда.

Поденная плата также весьма колеблется—от 4 денег до 2 алтын в день.

Доменный подмастерье получал 30 р., а иноземные—50. Дощатные подмастерья иноземцы—30, 60 и 70 руб. угольные—40 и 25 руб. Весною и осенью, вследствие избытка воды, а летом и зимою—вследствие недостатка ее на заводах, бывает много прогульных дней, и за это время молотовым мастерам полагалось по рублю, подмастерьям по полтине человеку на неделю, а кузнецам и работникам—по рассмотрению. Нарядчик из русских получал 10 руб., а иноземцы 30-35; дворник по найму—10 руб. в год. Для рубки дров и жжения угля на расстоянии до 12 верст от заводов нанимались рабочие с платой 10—12 руб. в год ²⁾.

С начала восемнадцатого столетия центр горнозаводской деятельности переносится на Урал. Первые попытки устройства заводов для обработки

¹⁾ Б. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. 1915 г., стр. 169.

²⁾ Н. Бранденбургский. Железные заводы в Тульском, Каширском и Алексинском уездах в XVII столетии. „Оружейный сборник“ 1875, №№ 1, 2 и 4.

местных руд относятся здесь еще к концу двадцатых и началу тридцатых годов XVII-го века; таков, напр., опыт в окрестностях р. Ницы. По свидетельству Германа, на казенном медном заводе при Григорьевском руднике, в 28 верстах от Соликамска, около 1640 г. „пеший работник (каковые люди были тогда вольнонаемные) получал ежедневно 6 копеек, конный же 12 копеек“. Через некоторое время, однако, эти заводы перестали функционировать, пока, наконец, воля Петра не пробудила Урал к новой жизни. В начале восемнадцатого века здесь уже действовал целый ряд заводов. И, по сообщению того же автора, на уральских казенных заводах „работа производилась наймом, а частью и по нарядам из близлежащих деревень, с платой пешему 6, а конному по 12 коп. в день“¹⁾.

Повидимому, эти данные касаются так назыв. вспомогательных рабочих, которые производили рубку дров, жгли уголь и перевозили руду и другие необходимые предметы. Указом Петра 13 января 1724 г. была установлена одинаковая по всей России плата „за работу людям и лошадям“, а именно: летом крестьянину с лошадей в день десять копеек, без лошадей—пять, зимою с лошадей—шесть, без лошадей—четыре копейки. При этом летним временем считалось с 1 апреля по октябрь, а зимним—с октября по апрель²⁾. Этот указ является первой попыткой законодательного урегулирования заработной платы, если не для всех, то по крайней мере для вспомогательных рабочих. Но, если сравнить установленные им нормы с теми, о которых говорилось выше, то окажется, что они довольно значительно (на 16,6%) ниже их³⁾. Нужно заметить, однако, что первые цифры относились к вольнонаемным (вспомогательным) рабочим, последние же касаются обязательного труда приписных к горным заводам крестьян. Назначение приписки в том и состояло, чтобы обеспечить заводладельцам постоянную и более дешевую рабочую силу. Едва ли можно сомневаться в том, что заводоуправления, получившие в свое распоряжение приписных крестьян, платили им не 6—12 коп. в день, а меньше. На тяжелое положение этих крестьян указывает еще в представлении иностранца Близера (впоследствии ставшего берг-мастером), поданном им Сенату в 1712 г. „Сие (т.-е. горное) дело,—говорит он,—до того времени по большей части исправлялось крестьянами, которым не токмо достойной платы не учинено, но часто еще наряжаемо было по 100 человек на такую работу, которую 20 или 30 человеками сработать было можно; а сие и бывает причиною, что крестьяне оставляли свои дома, другие же, будучи посильнее, приходили в непослушание... А дабы сие препятствие предварить, за лучший

¹⁾ Историческое начертание горного производства в Российской империи. 1810 г. стр. 4—19.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, т. VII, № 4425.

³⁾ Это понижение составит даже 50%, если взять для сравнения цифры зимнего времени. Но настаивать на такой норме понижения нельзя, ибо неизвестно, относятся ли приводимые Германом цифры ко всему году или только к летнему периоду.

способ почитаю, чтобы во всякой губернии столько молодых людей выбрать из мужиков или из рекрут, сколько их по рассмотрению управителя потребно будет, и, сим определяя известное жалование, оставить их навсегда при заводской работе“.

На основании указа 1724 г. приписным крестьянам, отбывавшим горнозаводские работы, гарантировалось хотя и меньшее против платы, получаемой раньше вольнонаемными рабочими, но во всяком случае определенное вознаграждение. За эту плату они должны были отрабатывать на заводах, к которым были прикреплены, лежавший на них подушный налог. После крупных волнений, происходивших в конце пятидесятых и первой половине шестидесятых годов, указом 27 мая 1769 г. плата пешему работнику была повышена летом до шести и конному—до двенадцати копеек, а зимой—пешему до пяти и конному—до восьми коп. Десять лет спустя, 21 мая 1779 г., был издан новый манифест, в котором Екатерина II, наученная горьким опытом Пугачевского бунта, намечала ряд мер к улучшению быта государственных крестьян, приписанных к горным заводам. Были точно перечислены те работы, которых могло требовать от них заводоуправление, установлены известные сроки и повышена вновь поденная плата: в летнее время конному работнику до двадцати и пешему до десяти копеек, а в зимнее—конному до двенадцати и пешему—до восьми коп. Таким образом, за период в пятьдесят с небольшим лет норма вознаграждения вспомогательных горнозаводских рабочих увеличилась вдвое. Это нужно считать, несомненно, большим завоеванием, так как плата постоянных рабочих (мастеровых) за рассматриваемый период вовсе не обнаруживает подобной тенденции к повышению.

Для выяснения движения номинальной заработной платы последних на Урале большую ценность по своей, относительной конечно, полноте представляют данные, содержащиеся в штатах казенных заводов. Первый штат для горных заводов был составлен известным Геннином в 1723 году. Герман в своем „Историческом начертании горного производства“ замечает относительно него, что „он не только первый из заводских штатов в России существовавших, но и первый служил основанием всем ныне существующим“. В 1737 г. преемником Геннина Татищевым был выработан новый штат для всех казенных заводов Уральского хребта. Подобно прежнему, он также не получил формального утверждения высшей власти; это не мешало ему, однако, иметь силу закона и, по выражению Германа, служить „правилом во все последующее время для всех заводов, не имеющих особого штата“. В 1766 г. был утвержден генеральный штат на Гороблагодатские и Камские заводы, составленный комиссией горных дел по данным, представленным генералом Ирманом. В 1827—1829 г.г. штаты уральских заводов подверглись пересмотру в виду резкого понижения ценности бумажных денег, а незадолго до падения крепостного права, в 1847 г., после девальвации, произведенной министром финансов Канкриным, их пришлось пересмотреть еще раз.

Годовой оклад жалованья в первых двух штатах выражается в следующих цифрах (рублях):

1723 г.

1737 г.

Проволочное отделение:

Мастер (инозем.)	100	Мастер (русский)	36
Подмастерье	15	Подмастерье	24
Ученик	18	Ученик	12
Рабочий	13	Рабочий	10

Укладное отделение:

Мастер	24	Мастер	30
Подмастерье	15	Подмастерье	15
Рабочий	12	Рабочий	10

Стальная:

Мастер	24	Мастер	30
Подмастерье	15	Подмастерье	24
Ученик	13	Ученик	15
Рабочий	12	Рабочий	10

Якорная:

Мастер	36	Мастер	36
Подмастерье	24	Подмастерье	18
Молотобоец	18	Молотобоец	13
Ученик	13	Ученик	12

Жестяное отделение:

Мастер	24	Мастер	36
Подмастерье	15	Подмастерье	24
Ученик	12	Ученик	14 р. 40 к

Как видно отсюда, жалованье мастерам по первому штату равнялось 24—36 р., подмастерьям 15—18 р., ученикам и чернорабочим 12—13 р. в год; по второму же — мастерам 30—36 р., подмастерьям 18—24 р., ученикам и чернорабочим 10—15 р. Цифры штата 1766 г. немногим отличаются от этих: слесарям полагалось 30 р., кузнецам и колесникам по 18 р., токарям 16 р. и ученикам 12 р.; при доменных печах мастера получали 36 р., подмастерья 24 р., засыпщики и работники 16 р., ученики 15 р.; при добыче железных руд — рудокопчики 18 р., сторожа 12 р. и малолетние 3 р.

При пересмотре штатов в 1827—1829 г.г., вследствие резкого падения курса ассигнационного рубля, нормы оплаты труда оказались более или менее значительно увеличенными против прежних. Так, на Камско-Воткинском заводе низший размер задельной платы и годовых окладов для мастеров установлен в 112 р. 50 к., а высший — 178 р. 75 к.; для подмастерьев от 56 р. 25 к. до 113 р. 75 к. и для работников от 30 до 65 р. На Пермских заводах (Юговском и Мотовилихинском) поденная плата сторожам при рудниках составляла 12 р. в год, молотобойцам, рудоразборщикам, погонщикам при машинах и писарям — по 20 р., плотникам и водоотливщикам при насосах — по 25 р. и кузнецам — 30 р. в год. Задельная плата

применялась во всех мастерствах, где только можно было допустить ее. Самый высший заработок, который мог быть выработан при ней обыкновенным мастерским (при 250 рабочих днях), определялся в 62 р. 50 к., а самый низший — в 20 руб. Как говорится в официальной объяснительной записке, „ныне (т.-е. до введения новых штатов) обыкновенные мастерские по Пермским заводам получали в год жалованье от 12 до 36 р. Из сего следует, что им предполагается произвести гораздо более денежного содержания. Прибавка сия признана достаточной для безбедного их состояния“.

По штатам 1847 г., т.-е. после девальвации, жалование всем нижним и рабочим чинам определено в сметах рабочего положения: мастерам 1-й статьи 72 р. в год, 2-ой ст. 54 р. и 3-й ст. 36 р. Мастерским 1-ой статьи по семь коп. в день, 2-ой ст. — пять и 3-й ст. — четыре копейки (в Богословском округе — 8, 6 и 5 коп.).

Урочные рабочие получали — конные четыре и пешие три коп. в день (в Богословском округе по четыре коп.). Задельные платы по тем производствам, где они существуют, исчислены так, чтобы мастера, мастерские и рабочие получали в день не менее окладного жалования, по званию им присвоенного. Правило это соблюдается и в том случае, когда, при значительном возвышении выделки изделий от введения новых машин вместо ручной работы и вообще от усовершенствования какого-либо технического производства, признано будет необходимым значительно понизить задельные платы, выдаваемые дотеле за те изделия ¹⁾.

Таким образом, за промежуток времени в сто двадцать пять лет номинальная плата для простых рабочих не повысилась, и только для небольшой сравнительно группы мастеров можно констатировать ее увеличение на 50 — 100 процентов.

На заводах Алтайского горнозаводского района движение (годовой) заработной платы, согласно данным, извлеченным Н. Зобниним из местных архивов, представляется в следующем виде ²⁾:

	1769 — 1774 г.г.	1849 — 1861 г.г.
Мастера	24 — 48 руб.	30 — 48 руб.
Подмастерья	18 — 30 „	18 „
Рабочие {	высший разряд . .	10 — 12 „
	низший разряд . .	6 — 9 „

Следовательно, непосредственно перед падением крепостного права, рабочие получали вдвое меньшую плату, чем за сто лет назад, и даже заработок мастеров повысился очень незначительно. Но так как ставки 1769 — 1774 г. г. были несомненно выше, чем во второй половине двадцатых

¹⁾ Второе Полное Собрание Законов, т. XXII, № 21203.

²⁾ Сибирский Сборник. 1891 г., кн. II.

годов ¹⁾, то разница между этими двумя районами в отношении движения заработной платы за период с конца первой четверти XVIII века до падения крепостного права представляется уже менее значительной. Во всяком случае, из рассмотрения данных, относящихся к двум важнейшим районам горнозаводской деятельности, явствует, что о повышении денежной платы можно говорить лишь применительно к небольшой группе мастеров; заработок же всей остальной массы рабочих остался без изменения или даже понизился.

Но для того, чтобы оценить в должной мере значение этого факта, нужно теперь проследить, в каком направлении и насколько изменились за данный период цены на предметы первой необходимости.

Описывая состояние Пермской провинции в середине восьмидесятых годов XVIII века, Герман сообщает: „цены на жизненные припасы стоят здесь ныне на почти неслыханной высоте; между тем как раньше эта провинция так же, как и многие из соседних с нею, наслаждалась дешевизной всех жизненных продуктов, которой некогда так славилась Сибирь! В настоящее время большая часть их, в особенности хлеб (Getreide), стоят от четырех до пяти раз дороже, чем пятьдесят лет тому назад“ ²⁾. Главной причиной этого автор считает неурожай, бывшие два года назад, новое устройство губернии, вызвавшее увеличение населения, и повышение налога на государственных крестьян. О влиянии неумеренного выпуска бумажных денег в то время говорить еще нельзя было, так как оно стало обнаруживаться лишь с начала девяностых годов. Вот цены для г. Перми в феврале 1785 г.: мука ржаная 46 коп. за пуд, пшеничная — 54 коп.; пуд говядины 40 коп., свинины — 50 к.; масло коровье 6—10 коп. за фунт; штоф молока 5 коп., десяток яиц 6 к., утка 5 к., курица 7—8, гусь 10 коп.; цена четверти ржаной муки колебалась от 2 р. 61 к. в Соликамске до 3 р. 84 к. в Верхотурье. — В другом своем сочинении ³⁾, относящемся к началу XIX столетия, Герман точно также отмечает, что жалование, установленное для уральских горных заводов штатом 1723 г., было в общем „в рассуждении дешевизны съестных тогда припасов довольно высокое, и ежели считать, как должно, что ныне всё, по крайней мере, вчетверо дороже, то, напр., советник, получавший тогда 600 руб., должен бы получать ныне 2,400; но получает только от 1000 до 1200 руб., следовательно, едва только половину против тогдашнего оклада“.

Если исходить из этих соображений Германа, то можно считать, что в начале XVIII века четверть ржаной муки на Урале стоила от 65 коп. до рубля. Вполне достоверной или достаточно обоснованной эту цифру, конечно, считать нельзя, но, во всяком случае, она представляется довольно правдоподобной. В 1689 г. четверть пшеницы в Западной Сибири и на Урале

¹⁾ Первый завод на Алтае возник в 1726 г.

²⁾ «Beiträge zur Physik, Oekonomik etc. der russischen und angränzenden Länder» Von Ben. Fr. Hermann. Dritter Band (1788), S. 216—217.

³⁾ Историческое начертание горного производства (1810 г.), стр. 70—71.

ценилась в 60 коп., ржи — 40 коп. и овса — 25 копеек ¹⁾). Соликамский летописец отмечает, что в 1721 г. сделалась дороговизна хлеба: за осьмину (т.-е. половину четверти) ржи платили по 1 р. 40 коп., а пуд муки — 35 копеек ²⁾). Таким образом, цена в 2 р. 80 к. за четверть ржи или 35 коп. за пуд муки представлялась в то время голодной ценой, которая обычно в несколько раз превышала нормальную. Действительно, в 1737 г. в Пермском крае цена четверти ржи показуется в 1 р. 20 к., овса 52 коп., а в 1740 г. еще ниже: „в сей год, — говорит соликамский летописец, — продавался пуд муки по 7 копеек“. Немецкий путешественник Гмелин, посетивший в тридцатых и сороковых годах XVIII-го века многие города и заводы на Урале и в Сибири, отмечает изобилие и дешевизну жизненных припасов в них; но, к сожалению, он не указывает цены хлебных продуктов. Академик Паллас в своем сочинении, относящемся к самому началу семидесятых годов, приводит следующие данные о стоимости жизни в Красноярске, поразившей его своей дешевизной ³⁾): пуд ржаной муки 2 — 2½ копейки, пшеничной 4½ — 5 коп.; мясо от 15 до 25 к. за пуд.; целый бык — 1 р. 50 к., корова — 1 руб. От отправки хлеба на заводы и в другие места цены стали повышаться, но всё же рожь продается не свыше 5 — 6 коп. за пуд.

На Алтае цена ржаной муки составляла в 1761 г. 10 коп., 1762 г. 10 — 16 коп., 1770 г. 7 — 8 коп., 1779 г. 16 коп. и в 1789 г. 15 — 16 коп. за пуд. ⁴⁾).

В связи с обесценением бумажных денег, вызванным неумеренным их выпуском, начиная с конца XVIII века, товарные цены в течение нескольких десятилетий росли всё более и более, но затем в 1839 г. последовала дегальвация, и расчет стал производиться на серебряный рубль, принятый равным 3½ рублям ассигнациями. Выраженные в серебряной валюте цены на продукты в Пермской губ. перед падением крепостного права стояли следующие: свинина, смотря по времени года, от 75 коп. до 1 р. 20 к. за пуд, мясо в среднем 1 р. 50 к.; петух или курица 10 — 12 коп., поросенок 15 — 35 коп., утка 30 — 40 коп. и гусь 40 — 60 к. Молоко продавалось в городах и на заводах кружками или кринками от полуштофа до одного штофа за 3 — 6 коп.; масло топленое от 3 до 6 рублей за пуд; четверть ржи в среднем за период с 1851 г. по 1860 г. стоила от 1 р. 83½ коп. в Шадринском уезде и до 3 р. 3 коп. в Чердынском. Пища заводского населения „состоит большей частью из ржаного хлеба и овощей — особенно капусты, свежей или кислой. Вместо дорогой привозной гречневой крупы употребляется просо. Также в большом употреблении молочная пища. Мясо вообще употребляется мало, частью по дороговизне, а частью и по причине строгого соблюдения постов“ ⁵⁾).

¹⁾ Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. 1889 г., стр. 241.

²⁾ В. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. 1821 г., стр. 218.

³⁾ Путешествие по разным местам государства Российского. 1788 г., ч. III, стр. 4.

⁴⁾ Алтайский Сборник 1894 г., стр. 60.

⁵⁾ Х. Мозель. Пермская губ. 1864 г., ч. II, стр. 531.

Таким образом, можно принять, что за период в полтора столетия, протекавших с начала XVIII века, стоимость хлеба поднялась в три, а мяса—не менее, чем в шесть раз. Но так как последнее потреблялось в незначительном количестве, то в качестве более надежного измерителя стоимости жизни можно принять цены на хлебные продукты.

Если сопоставить эти данные, свидетельствующие о резко выраженном повышении стоимости жизни с начала XVIII века, с тем фактом, что денежная плата к моменту падения крепостного права стояла на уровне, очень мало отличающемся от того, каким он был за 125—150 лет назад, то невольно возникает вопрос, каким же образом рабочие могли выходить из этого затруднительного положения и удовлетворять свои потребности? Разгадку этого нужно искать в том, что, кроме денег, они с течением времени стали получать провиант натурой.

Обычай платить жалованье не сполна деньгами, а в известной части продуктами, ведет начало еще из Московской Руси соответственно с духом натурального хозяйства, господствовавшего в то время. На поташных заводах Морозова (в Нижегородской губ.) поливачам платилось около 1650 г. по 5 руб., будникам—по 3 рубля в год, да кроме того давался провиант натурой, а семейным—по корове ¹⁾. В материалах по истории Тульского оружейного завода имеется челобитная пушкарей Алексею Михайловичу, из которой явствует, что в то время на ряду с денежным существовало еще так называемое „хлебное жалование“.

Из описания этого завода, сделанного в 1663 г. Фонвизином, видно, что некоторые группы мастеровых, работавших не сдельно, получали, кроме денег, еще провиант. Так, пушечного и ядерного дела мастер Максимка Кузмин получал „на день по четыре гривны медных, да на год две чети ржи, да пуд соли“; кузнецу Трофимке Антонову „дают на день по 10 алтын медных, да ему же на год четверть ржи, да пуд соли“ и т. д. Но на Урале, Алтае и в Петербургско-Олонецком районах первоначально мастеровые не получали вознаграждения натурой и должны были содержать себя целиком сами за счет получаемой ими денежной платы. Администрация заводов брала лишь на себя устройство лавок, откуда продукты отпускались рабочим по действительной рыночной цене. Эта практика опиралась, повидимому, на петровский указ от 11 февраля 1724 г. о передаче Сестрорецких заводов в ведение Адмиралтейства, где, между прочим, предписывалось „мастеровым людям провианта дать на год..., а за тот провиант у оных мастеров деньги по подрядной цене вычестъ из жалованья или из задельных денег“ ²⁾.

В заводском уставе, составленном В. Татищевым в 1735 г., имеется особый параграф (22), говорящий о заготовлении и торге харчевом: „Нужно при заводах смотреть, чтобы харч и одежда и к тому принадлежащие по-

¹⁾ И. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. „Вестник Европы“ 1871, т. I.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, т. VII, № 4470.

требности для рабочих людей были с довольством и продаваны были добрые настоящей ценой, правдивыми мерами и весом, а особливо при новостроющихся заводах, где в такие пустые места люди из других мест к поселению перевозятся, чтобы продажей потребного харча и одежд мастера и работники отягчены не были. Каждый завод, вновь строящийся, ежели от другого торгового места не ближе пяти верст, на оном от начатия строения давать волю от 5 до 7 лет всякие для работников нужные харчи и одежды продавать беспошлинно; при заводах же, где торгующие довольства таких припасов заготовить на все лето не могут, а привоз летом есть неспособный, там закупать управителем в удобные времена нашими (т.-е. казенными) деньгами, и в нужде мастерам и работникам продавать по покупной же цене, с приложением токмо на расходы по десяти, а не более двадцати на сто, как то до днесь чинено было¹⁾.

Указом 18 августа 1737 г. предписывалось „отпускать на Сестрорецкие заводы провианта на дачу мастеровым и рабочим людям на каждый год муки ржаной по 3.000 четвертей и на то число крупы по пропорции из петербургских магазинов, принимая за оный при отпуске деньги по табельной цене, а именно: за муку по 1 р. 20 коп., а за крупу по 1 р. 50 к. за четверть, а по отпуске того провианта толикое же число в магазины заготовлять обще с генеральным провиантом“²⁾.

Так как горные заводы устраивались обыкновенно вне населенных пунктов, то администрации волей-неволей пришлось брать на себя заботу о снабжении рабочих и служащих предметами первой необходимости. В 1799 г. правительством было постановлено учредить по селам магазины для сбора с крестьян хлеба зерном на случай неурожая. Пермский и вятский генерал-губернатор тогда же представил общую просьбу заводчиков освободить их от этой повинности на том основании, что они всегда имеют при заводах достаточный запас на продовольствие заводских людей, последние же за исправление работ получают и плату и хлеб от заводов, сами же хлебопашеством не занимаются. 14 апреля 1822 г. требование устройства в селах запасных хлебных магазинов было вновь подтверждено. Из возникшей по этому поводу ведомственной переписки выяснилось, что на Урале снабжение рабочих продовольствием от заводов получило уже большое распространение.

В Замосковском же горном округе некоторые заводчики соглашались завести означенные магазины или вносить деньгами (по 25 коп. с души) для образования соответственного капитала; другие же указывали, что мастера сами покупают хлеб на торгах за сходную цену близ городов или в хлебородных губерниях. Из этого вытекает, что снабжение рабочих продовольствием от заводов получило здесь меньшее распространение, чем в других районах. Указом 17 марта 1827 г. велено было: „1) всем вообще содержателям горных заводов, как Уральских, так и Замосковных, поставить в непременную обя-

¹⁾ „Горный Журнал“ 1831, №№ 5—10.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, т. X, № 7350.

занность для продовольствия заводских людей и мастеровых, не имеющих или не могущих иметь из-за работ довольно хлебопашества, содержать всегда годовую пропорцию хлеба, сколько оно по закону на выдачу с семействами причитается; сверх того, руководствуясь хозяйством, входить и в двухгодичные запасы; от учреждения же особых сельских магазинов для сих людей заводчиков освободить; 2) напротив, по селениям тех заводских людей, которые, упражняясь в работах временно, могут иметь пропитание от собственного хлебопашества, означенные сельские магазины учредить и наполнить их положенной пропорцией хлеба“.

Устраивая у себя магазины, заводы долгое время отпускали рабочим продовольствие не даром, а в счет заработной платы — по рыночной цене или по себестоимости с наложением умеренного процента. С течением времени, однако, повышение цен на предметы первой необходимости делало положение рабочих очень затруднительным. Были ли на этой почве выражения недовольства с их стороны, и, в утвердительном случае — когда и в какой форме, не известно. Но 15 мая 1785 г. появляется именной указ, коим предписывается пермскому и тобольскому генерал-губернатору: „1) сочинить вновь штаты по всем казенным заводам Пермской губернии и 2) за отпускаемый из запасных магазинов на содержание мастеровых при горных заводах хлеб вычитать у них только по 20 коп. за пуд, хотя оный и дороже в магазины покупается“¹⁾. Возможный убыток при этом должен покрываться путем раскладки на металлы, изготавливаемые на данных заводах. Однако, выработка новых штатов замедлилась. Между тем, новое повышение цен „ввело уже рабочих людей в беднейшее состояние“: многие из них, в особенности простые рабочие, „не имеют возможности выработать платежа и на один лишь хлеб нужного; отчего и принуждены войти в неоплатные долги, которых поступило в ведомство Берг-коллегии по одному Гороблагодатскому только ведомству до 49.298 р.“; у некоторых многосемейных рабочих „за вычетом на хлеб заработанных денег не остается больше 2, 3 и 1¹/₄ коп. (в месяц) на покупку круп, мяса, платья и обуви себе и своему семейству“. В виду этого 14 мая 1799 г. было предписано установленную четырнадцать лет тому назад плату в двадцать коп. за отпускаемый из заводских магазинов пуд муки вычитать у мастеровых Екатеринбургского ведомства только в том случае, когда хлеб заводским магазинам будет обходиться от 50 копеек до одного рубля, да и то лишь у получающих жалованья или сделных до 5 р. в месяц; у получающих от 2 до 3 рублей — по десять коп. Когда же поставка будет ниже 50 коп., то с первой категории мастеровых брать по десять коп., а второй — давать указной провиант без денег. Что же касается получающих по одному рублю и ниже, разумея тут и малолетних, поскольку они допускаются к работам, то давать им провиант безвозмездно, по какой бы цене он ни заготавливался.

Размер пайка практикой местных учреждений был установлен раньше в следующем виде: мужчинам — 2 пуда, женщинам — 1 пуд. Теперь норма

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, т. XX, № 16201.

выдачи для женщин увеличивалась до двух пудов, т.-е. уравнивалась с мужчинами. Детям мужского пола, достигшим 12-летнего возраста, предписано выдавать полный паек, употребляя к разбору руды и другим работам, соответственно силам каждого и за обыкновенную ныне плату. Детей же женского пола оставлять к занятию работами на произвол отцов их, давая и им хлеб до 18 лет. Наконец, все мастеровые освобождались от вычетов на лазарет и госпиталь, а также от процентов за вещи и одежду, заготавливаемые заводскими магазинами, содержание коих должно быть отнесено на счет заводов ¹⁾.

Как видно отсюда, указом 1799 г. бесплатный отпуск хлеба устанавливался собственно лишь для рабочих, получающих по одному рублю и менее в месяц; для остальных же имелось в виду только урегулировать его цену в сторону понижения против заготовительной. Но в дальнейшем плата за отпускаемый из заводских лавок хлеб была отменена вообще для всех категорий.

Так, Горное положение 1803 г. предписывает выдавать всем мастеровым и рабочим людям с их детьми и прочим семействам мужеского и женского пола провиант безденежно, по силе манифеста 1799 г. (ст. 391). Точно также о бесплатном провианте, со ссылкой на этот же акт, говорится в указе 15 марта 1807 г. о непременных работниках. Несогласованность эта была устранена окончательно указом 31 августа 1826 г., коим предписывалось вычет за провиант, назначенный по указу 14 мая 1799 г., вовсе прекратить и впредь выдачу определенного законом количества провианта производить мастеровым и непременным работникам с их семейством безденежно. Мера эта была признана тем более справедливой, что „подобные вычеты, затрудняя только заводские расчеты, в сем случае весьма дробные, не приносят значительных выгод казне, между тем как уничтожение их для рабочего класса людей составит весьма важное пособие“.

Бесплатным казенным провиантом предоставлено было пользоваться также унтер-шхтмейстерам, канцелярским служителям и всем другим нижним горным чинам при заводах с их семействами. Согласно мнению министра финансов безденежный отпуск провианта был распространен также и на те частные заводы, при которых имелись рабочие, данные от казны.

При издании этих правил имелось в виду, что они будут носить временный характер—„до издания новых штатов, где предполагается ввести задельную плату по всем мастерствам, при существовании коей безденежная выдача провианта была бы несовместима“. Однако, в действительности они сохранили свою силу вплоть до отмены принудительного труда, хотя в течение означенного времени заводские штаты пересматривались дважды ²⁾.

Закон относится собственно к Уральскому району; „те же заводы, где плата мастеровым так устроена, что они не нуждаются, как-то: олонецкие и

¹⁾ 1-е Полное Собрание Законов, т. XXV, № 18965.

²⁾ Так, ст. 5 Положения о горнозаводском населении казенных заводов 8 марта 1861 г. говорит: „В течение двух месяцев со дня действительного увольнения продолжается даровая выдача провианта тем из сих людей, которым она донныне производилась. Затем сия даровая выдача прекращается, и провиант выдается по правилам ст. 40“.

тамбовской квасцовой“ оставлены в прежнем положении. Но особенность олонецких заводов заключалась не в том, что они не получали провианта натурой, а в том, что выдача последнего производилась на своеобразных основаниях. Мастерские получали здесь так называемое окладное жалованье, выдаваемое им мукой по 90 копеек ассигнациями за пуд; разница же между этой и настоящей ценой принималась на счет заводов. Таким образом, согласно окладному жалованию рабочие получали следующие количества провианта (в месяц):

	Окладное жалованье.	Количество провианта.
Мастер 1-го разряда	23 р. 57 ¹ / ₄ к.	9 п. 5 ф.
„ 2-го „	17 „ 14 ¹ / ₄ „	5 „ 17 „
Подмастерье: пушечный	17 „ 14 ¹ / ₄ „	5 „ 17 „
„ сверлильный	13 „ 71 ¹ / ₄ „	4 „ 14 „
„ прочих цехов	11 „ 42 ¹ / ₄ „	3 „ 25 „
Помощник	11 „ 42 ³ / ₄ „	3 „ 25 „
Работник от 21 г.	8 „ 85 ¹ / ₂ „	2 „ 32 „
Подросток 12—21 г.	7 „ 84 ³ / ₅ „	2 „ 19 „
Малолетний 7—12 л.	7 „ 4 ¹ / ₄ „	2 „ 10 „
Полупаешник 2—7 л.	—	— 36 „

Кроме окладного жалованья, выдаваемого провиантом, мастерские, состоявшие на работе, получали задельную плату—смотря по усердию и способностям, но не менее 3 рублей и не более 15 рублей (ассигнациями) в месяц; мастера же—от 15 рублей до 30 рублей ¹⁾).

На алтайских заводах, как и на Урале, первоначально отпуск провианта рабочим из магазинов производился за деньги по покупной цене с вычетом из жалованья, но с 1786 г., по распоряжению кабинета, для получающих менее 40 рублей в год—по 25 копеек за пуд ржаной муки, а для их семейств и прочих служащих—по покупной цене с надбавкой 10% на содержание продовольственных складов. С 1828 г. провиант стал отпускаться всем находящимся в работе безвозмездно, но на их семейства это правило было распространено лишь в 1849 г. Норма выдачи была здесь такая же, как и на Урале: взрослым рабочим два пуда муки в месяц, подросткам один—полтора пуда, женам два пуда, неработающим членам семьи мужского пола один пуд и дочерям один пуд до 18-летнего возраста, когда выдача провианта прекращалась. Пока отпуск провианта производился за деньги, рабочие пользовались правом выбирать из своей среды особых лиц для закупки муки и других припасов. Выбрав закупщиков, рабочие давали им инструкцию о цене, количестве и качестве продуктов; деньги же на покупку выдавались от заводской конторы, которая потом вычитала стоимость закупленных припасов из жалованья. Точно также при заключении контрактов с маркитантами заводское начальство призывало на торги мастеров и подмастерьев, как представителей интересов рабочих. Они торговались с маркитантами о цене на мясо, о времени открытия лавок и проч. и, с своей стороны, давали обязательство не покупать

¹⁾ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год.—Очерк Олонецких заводов.

мясо у других продавцов. Но с 1786 г. выборные уполномоченные для закупок были упразднены, а затем перестали также призывать мастеров и подмастерьев на торги. В связи с этим усилились различные злоупотребления: цены назначались высокие, а мясо поставлялось плохое. Недовольные этим рабочие требовали возвращения к прежним порядкам, но добиться ничего не могли. Так, в 1797 г. в Салаирском руднике одна смена бергайеров единогласно предъявила различные жалобы на маркитантов и на то, что „главная команда“ утвердила высокие цены на мясо, не спросив рабочих. Разобрав это дело, Салаирская горная контора нашла, что зачинщиков следовало бы, согласно морскому регламенту, повесить, но, в конце концов, удовольствовалась тем, что велела их „бить жестоко прутьями“. Подобное же дело возникло в 1810 г.: виновные были подвергнуты наказанию „тростями“.

Таким образом, с конца XVIII века к денежной плате стала присоединяться еще выдача провианта натурой, и с течением времени роль этого элемента всё более возрастала. „При крепостном труде, — говорит В. Безобразов, ¹⁾ — главнейшая стоимость уральских металлов заключалась в даровом прокормлении всего рабочего населения, производившемся раздачею хлеба в натуре от заводов, по числу душ. Добавочные рабочие платы были ничтожны в сравнении с этим способом вознаграждения за всякого рода труд на заводах... Так, не только перевозка металлов, но даже вся канцелярская и конторская работа производилась обязательным трудом. Цена же обязательного труда заключалась в цене хлеба“. Благодаря этому, денежная плата росла очень медленно и до самого падения крепостного права оставалась чрезвычайно незначительной, вне всякого соответствия с общим ростом цен на предметы первой необходимости.

Попытаемся теперь сравнить экономическое положение рабочих к моменту падения крепостного права с тем, каким оно было в XVIII веке. Для Алтая подобная попытка была сделана уже Н. Зобниным. Принимая во внимание, что цена ржаной муки на Алтае с конца сороковых годов до освобождения рабочих от крепостной зависимости колебалась в среднем около десяти-пятнадцати копеек серебром за пуд, он определяет стоимость провианта, отпускаемого заводоуправлением, для одинокого рабочего (два пуда в месяц) в три рубля и для семейного (шесть пудов) — девять рублей в год. Тогда сравнительное положение рабочих представится в следующем виде:

	Жалованье	Провиант		Всего	
		Одинок.	Семейн.	Одинок.	Семейн.
Высшие разряды рабочих	1769—74 г. 20—26 р.	—	—	20—26 р.	20—26 р.
	1849—61 г. 10—12 „	3	9	13—15 „	19—21 „
Низшие разряды	1769—74 г. 12—18 „	—	—	12—18 „	12—18 „
	1849—61 г. 6—9 „	3	9	9—12 „	15—18 „

Следовательно, положение холостых рабочих обоих разрядов значительно ухудшилось; семейные высших разрядов пострадали менее, а низшие даже кое-что выиграли. Но если принять во внимание, что отпускаемый бесплатно

¹⁾ Уральское горное хозяйство. 1869 г., стр. 324.

провиант состоял из одной лишь ржаной муки, а остальные предметы первой необходимости, которые рабочим приходилось приобретать за деньги, поднялись в цене во много раз, то нужно признать, что положение всех вообще рабочих к концу рассматриваемого периода ухудшилось.

Произведем теперь расчет для Урала. По данным В. Безобразова ¹⁾, стоимость ржаной муки в Пермской губ. за интересующее нас время представляется в следующем виде (за пуд):

	с 1855 по 1857 г.	с 1858 по 1860 г.
Средняя Прикамская местность	25 ¹ / ₂ коп.	54 коп.
Средний Урал. Западный склон	23 "	61 ¹ / ₂ "
Северный Урал. Восточный склон	27 "	63 "
В среднем	25 "	59 ¹ / ₂ "

Выводя отсюда среднюю цену ржаной муки в 42¹/₂ коп. за пуд., можно принять стоимость провианта перед падением крепостного права для холостого рабочего в 10 р. 20 коп. и для семейного—в 30 р. 60 коп. в год.

Тогда сравнительное положение рабочего класса, с некоторым округлением, представится в следующих цифрах:

	В начале XVIII в.		В 1855—60 г.г.		Всего.
	Жалованье.		Жалованье.	Провиант.	
Мастера:					
Выш. разр.	{Одинок.	36 р.	72 р.	10 р.	82 р.
	{Семейн.	36 "	72 "	30 "	10 "
Низш. "	{Одинок.	24 р.	36 "	10 "	46 "
	{Семейн.	24 "	36 "	30 "	66 "
Рабочие:					
Выш. разр.	{Одинок.	18 "	18 "	10 "	28 "
	{Семейн.	18 "	18 "	30 "	48 "
Низш. "	{Одинок.	12 "	10 "	10 "	20 "
	{Семейн.	12 "	10 "	30 "	40 "

Итак, общее повышение заработной платы за означенные полтора года составляет: для одиноких рабочих высшего разряда 55%, низшего 66%; для одиноких мастеров низшего разряда 92% и высшего 128%; для семейных рабочих высшего разряда 166%, низшего — 233%, семейных мастеров низшего разряда—175% и высшего 183%. Чтобы правильно оценить эти данные, нужно принять во внимание, что получение хлеба (муки) натурою не избавляло рабочего от необходимости обращаться к рынку за удовлетворением своей потребности в целом ряде других предметов первой необходимости.

Выше уже указывалось, что стоимость хлеба за изучаемый период выросла не менее, как в три раза; вздорожание же других предметов домашнего обихода было еще более значительным. При таких условиях можно вывести заключение, что материальное положение холостых рабочих к концу

¹⁾ Уральское горное хозяйство. 1869 г., стр. 324.

периода заметно ухудшилось против того, каким оно было в начале его; семейные мастеровые находились в лучшем положении, но и в отношении их говорить об улучшении не приходится.

Некоторым подспорьем, конечно, могли служить при этом посторонние заработки. „При обязательном труде, — говорит инженер Латынин ²⁾, — мастеровой получал провиант на себя, жену и все семейство; количество выдаваемой ржаной муки было совершенно достаточно, чтобы обеспечить его хлебом в течение целого месяца, но заработная плата была так мала (от 75 коп. до одного рубля в месяц), что ее не доставало на то, чтобы купить самые необходимые принадлежности для хозяйства, чтобы быть сытым, обутым и одетым.

Хотя сверх провианта и незначительной заработной платы они имели покосы и могли содержать скот, но сено, которое они собирали, составляло такую незначительную часть подспорья к их и без того бедному хозяйству, что едва ли должно считать его за средство обеспечения положения мастерового; хлебопашеством почти не занимались, не имея на то решительно ни времени, ни средств. Если мастеровые и дорожили временем своего увольнения в сенокосную пору, то не ради тех выгод, которые они получали от сена, а ради отдыха от трудных и изнурительных заводских работ. Вот почему и в настоящее время, несмотря на то, что большая часть мастеровых могла бы заработать в отпускное время вдвое или втрое больше в сравнении со стоимостью собираемого ими сена, ни за что нельзя заставить их работать в заводе, или с большим трудом удается набрать столько рабочих, чтобы иметь возможность исправить заводские механизмы во время увольнения... Вообще население горнозаводских людей, за небольшими исключениями, весьма бедно; а если и случаются такие, которые слывут достаточными, то небольшие деньги никак уж не нажиты заводской работой“.

Особенно тяжело было положение рабочих на заводах, расположенных в северных районах Урала (Богословские, Гороблагодатские и др.), где, вследствие суровости климата и редкости населения, они не могли возлагать надежд ни на сельское хозяйство, ни на промысловые занятия. Другие районы, имевшие более скученное население или более мягкий климат, находились в более благоприятных условиях. „Свободное от положенных работ время, — читаем мы в объяснительной записке к положению 1827 г. о Юговском и Мотовилихинском заводах, — мастеровые могут употреблять по произволу, или на занятия в самих же заводах для получения задельной платы в большем количестве, или на посторонние работы для улучшения их домашнего хозяйства. В сем последнем отношении Пермские заводы по местному положению представляют многие удобства. Заводские люди могут заниматься частью хлебопашеством, разведением огородных овощей, рыбной ловлей и приготовлением разных изделий для продажи их по удобству в губернском городе Перми; также могут заниматься на частные работы из достаточной

²⁾ „Горный Журнал“ 1865, № 7. — О Нижнетурином горнозаводском товариществе.

платы. Доказательством сему служит то, что они и ныне, при меньшем содержании, находятся несколько в лучшем против других заводов состоянии“ ¹⁾.— О Нижне-Исетских казенных заводах сообщается ²⁾, что пахотной и сенокосной земли рабочие не имеют и в свободное время занимаются мелочной торговлей в лавках и разными домашними ремеслами: столярным, кузнечным, слесарным, гончарным, портняжным и отчасти каретным, что „значительно поддерживает их благосостояние. Вообще говоря, заводское население более развито, располагает большими способами к разным заработкам и потому гораздо зажиточнее сельского населения и особенно мещан. В этом удостоверят селения горных заводов, которые как по наружному, так и по внутреннему виду домов превосходят многие даже значительные уездные города. Нельзя, однако, умолчать, что в этом отношении были и исключения, но преимущественно между помещичьими заводскими людьми, которых быт и благосостояние находились в прямой зависимости от воли владельцев, нередко искажаемой распоряжениями управляющих“.

Экономическое положение рабочего населения частных заводов, действительно, представляет собою более пеструю картину. Правда, в одной записке от 1828 г. мы находим указание, что „заводские люди зажиточнее прочих, занимающихся хлебопашеством крестьян, а на партикулярных заводах они богаче, нежели на казенных“ ³⁾, но это последнее утверждение тенденциозно. Было несколько заводов, где рабочие получали большее вознаграждение деньгами и провиантом, а также лучше были обеспечены землей (сюда относились, напр., некоторые из заводов, принадлежащих Строгановым); но таковые были очень редки. В общем же частные заводы „едва ли не в большей части значительно уступают положению казенных мастеровых. Случаи неповиновения и волнений между рабочими, вызванных недостаточностью платы, невыдачей ее во-время, тяжестью работ, нередко бывали на частных заводах, между тем как на казенных они почти беспримечательны. В последнее тридцатилетие многократно случалось, что рабочие частных заводов требовали назначения им тех же заработных плат и тех же уроков, как на казенных заводах. Эти последние служили как бы нормой для частных“ ⁴⁾.

По закону бесплатный отпуск провианта должен был производиться и на тех из частных (посессионных) заводов, которые пользовались рабочими, данными от казны. Но таковых было в общем немного, и потому обычно как на посессионных, так и на заводах, состоявших на помещичьем праве, за отпускаемый провиант производился известный вычет, размер коего бывал очень различен. В Оренбургской губ. на Симских заводах за отпускаемый хлеб

¹⁾ 2-е Полное Собрание Законов, т. II, № 1022.

²⁾ Мозель. Пермская губерния. Материалы по географии и статистике России, 1864 г., ч. I, стр. 360.

³⁾ Архив III-го Отдел. собств. его величества канцелярии, дело „О положении заводов Уральского хребта“ (1-ая экспед., 1828 г., № 32).

⁴⁾ Н. Чупин. Отдача казенных заводов в частные руки. — „Горный Журнал“ 1861, № 4.

вычиталось по 24 коп. с пуда, а на соседнем Юрюзанском при одинаковой заработной плате—по 43 коп.; на Катавском же заводе плата составляла не восемь коп. в день, как на последнем, а двенадцать копеек и, кроме того, рабочие, содержавшие более двух душ, получали бесплатно провиант.

Если принять во внимание, что конкуренции из-за рабочей силы при господстве крепостного права не существовало, то представляется вполне вероятным, что материальное положение рабочих было менее устойчивым на частных заводах, чем на казенных. И так как к концу изучаемого периода не только не наблюдалось уже острого недостатка в рабочих руках, а напротив—скорее избыток их, то, несомненно, и здесь имело место то отставание заработной платы, которое было отмечено выше.

Перейдем теперь к изучению экономического положения рабочих в обрабатывающей промышленности. Последняя отличалась гораздо более рассеянным характером, но всё же и в ней имелись свои центры, которые задавали тон и служили мерилем для других. Таковыми являются прежде всего Москва и Петербург с прилегающими к ним местностями, а затем Иваново-Вознесенский район.

Как уже указывалось выше, обычная поденная плата для простых рабочих во второй половине XVII века была в Москве 3—5 коп. При заведении новых предприятий небольшой группе разных лиц (особенно из иностранцев), услуги которых были особенно нужны для их организации, доставалось очень хорошее вознаграждение; но это не относилось—или относилось только в гораздо более слабой степени и на более короткий период—к широким слоям рабочего населения. Жизненный уровень последних складывался под действием многих факторов длительного характера, и для быстрых изменений здесь не могло быть места.

Наборщики казенной типографии получали в начале XVIII столетия 36 $\frac{1}{2}$ рублей в год, печатники—29 р. 18 коп., батыйщики (занимавшиеся намазыванием отпечатываемой формы краской)—25 р. 54 коп. Но эти оклады, относившиеся к небольшой группе около десятка человек—представителей квалифицированного труда, были чрезвычайно высоки для того времени, что, вероятно, объяснялось необходимостью спешного оборудования нового дела. Это видно из того, что они превышали оклады низших канцелярских служащих, вознаграждение которых указом 1715 г. определялось в 15 руб. и 10 четвертей хлеба в год; в дальнейшем же соотношение окладов изменилось в пользу последних.

Мастеровые оружейной палаты, которых насчитывалось 121 человек (станочников 37, кузнецов 69, замочников 8 и шпажников 7) получали по 4 рубля и 7 юфтей (т.-е. 14 четвертей) хлеба в год. Сторожа при аптеках получали (1712 г.) по 12 р., садовые и огородные работники—от 11 до 14 и аптекарские работники—по 18 р. 25 коп. в год.

На каразейных фабриках Фибиха и Пранге около этого же времени рабочие получали по 1 р. 20 коп. в месяц, а на шелковой фабрике Апраксина

ученикам полагалось от 1 р. 50 коп. до 2 р. 50 коп. и работникам — по 1 р. 50 коп. в месяц. Эти цифры казались очень высокими для того времени. Под влиянием жалоб на недостаток и дороговизну рабочих рук издается ряд мер, направленных к тому, чтобы предоставить открывающимся фабрикам и заводам возможность распоряжения несвободным трудом. О минимуме же средств к существованию для человека, несвободного в распоряжении своим трудом, можно составить себе представление по цифре содержания солдата регулярной армии, заведенной Петром. Это содержание слагалось из двух частей: денежного жалования в 4 руб. для московского и 5 р. 40 коп. для петербургского гарнизона и продовольственного пайка, состоящего из трех четвертей ржаной муки, 1½ четверика круп и 24 фунтов соли на человека в год ¹⁾.

По переводе пайка на деньги все это составляло в общей сложности сумму около 9 руб. на человека для Москвы и внутренних губерний. Но солдат получал от казны также одежду и квартиру. Если оценить эти статьи хотя бы только в треть вышеозначенной цифры, то получится 12 рублей в год. Это — минимум для людей, насильственно оторванных от обычной жизни и не несущих семейных обязанностей. И тем не менее, повидимому, только немногочисленным слоям рабочего населения удавалось при особенно благоприятных условиях возвыситься сколько-нибудь значительно над этим уровнем; заработок большинства же тяготел к цифре около одного рубля в месяц.

Согласно штату архиерейских домов, утвержденному в 1724 г., разного рода работникам, содержащимся в них — портным, бочарам, кузнецам, столярам, токарям, печникам, каменщикам, конюхам, истопникам и т. п., полагалось сверх жалования от 3 до 4 рублей еще хлеба по 3 — 4 четверти и столько же овса ²⁾. Так как стоимость ржаной муки принималась при этом в 1 р. 20 к. за четверть, то, расценивая овес по 1 рублю, мы получим в общем итоге не более 10 — 13 руб.

В 1763 г., т. е. сорок лет спустя, когда стоимость жизни была уже выше, новый штат синодских учреждений определяет во всех епархиях оклады сторожам и мастеровым без хлебного довольствия от 12 до 15 — 16 руб. в год. На казенной парусиновой фабрике, основанной в 1696 г., рабочие не получали ни провианта, ни дров, ни квартиры, а жалование для большинства из них не превышало 15 руб. в год ³⁾.

Обращаясь к Петербургу, выросшему со сказочной быстротой среди болот на далекой окраине, естественно ожидать, что заработная плата здесь должна быть значительно выше. И при нормальных условиях спроса и предложения это, несомненно, было бы так. Чтобы иметь во вновь завоеванной области достаточный контингент чиновников, Петр установил для Петербурга

¹⁾ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. II, № 162; т. III, № 18; т. V, № 921. — А. Лаппо-Данилевский, Торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия. 1899 г.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, т. XLIV, приложен. к № 4511 и № 4671.

³⁾ Архив истории труда в России. Книга вторая за 1921 г.

и некоторых других городов вдвое больший оклад жалования против внутренних губерний. Но для того, чтобы обеспечить себя достаточным количеством рабочих рук, он в целях экономии предпочел прибегнуть к другому способу, а именно — установил обязательную трудовую повинность и нормировал заработную плату.

В конце 1710 г. было предписано выслать из разных губерний в ново-строющуюся столицу 40.000 рабочих людей в две перемены, на 6 месячную работу; при этом на покупку хлеба и выдачу жалования им должно было быть собрано денег по 1 рублю в месяц на человека. Кроме того, было предписано отправить из губерний в Петербург 2.500 мастеровых с женами и детьми на вечное жительство, и жалованье им определено в год — деньгами по 12 р. да на хлеб по 10 руб., итого по 22 р. на человека. В 1711 г. из Московской оружейной палаты в Петербург было переведено 203 человека приказных мастеровых; в числе их оружейного дела мастеровых людей было 121 человек: станочников 37, кузнецов 69, замочников 8 и шпажников 7. В Москве они получали жалование по 4 рубля и 7 юфтей хлеба в год, в Петербурге же им положено было с сентября по март по 8 денег и с марта по сентябрь — по 10 денег в день на человека. Это в среднем составляет те же 10 — 12 руб. в год, которые полагались мастеровым, переселенным на вечное жительство в Петербург; кроме того, они, вероятно, получали провиант натурою в обычном размере. Это видно из того, что, когда в 1713 г. были определены на пушечный литейный двор 100 рекрут, присланных из Архангелогородской губ., то им было назначено жалование по 20 алтын на человека в месяц и провиант „против дачи рабочих людей их братии“. Переведенные же из Московской оружейной палаты мастеровые, конечно, должны были получать не менее, а более, чем рекруты, только еще предназначенные „для науки слесарства“. На скатертном и салфетном заводе в 1715 г. мастер (иноземец) получал по 12 р. в месяц, ученики же — 2 переборщика по 30 алтын и 3 шпульника по 20 алтын в месяц. Мастеровым людям при доме царевича Алексея в этом же году определено было следующее денежное жалование: столярам по 22—24 руб. в год, малярам от 14 р. 70 к. до 18 р., огородникам по 12 р., токарям, плотникам, кузнецам и птичникам — по 10 руб. 80 к.

Работные люди, таскавшие дубовые леса в Адмиралтействе, получали по 10 денег в день, или по 1 руб. в месяц. В некоторых случаях плата значительно увеличивалась. Так, столярам, высланным из Москвы в Петербург на урочные 8 месяцев и определенным к бумажному делу, положено жалование по 3½ руб. в месяц. Но, с другой стороны, на казенной полотняной фабрике подмастерья получали по 12 (а некоторые и по 6) руб., ткачи 7 р. 20 к., 6 р. и 5 р. 40 коп., слесаря 6 р., шпульники 5 р. 40 к. На казенной коломнянковой мануфактуре подмастерья и слесаря получали по 12 р., ткачи, токари, столяры и ученики — по 6 р., шпульники и чесальщики — по 3 рубля в год; сверх того им полагался провиант против солдатской дачи. Солдатский же паек того времени равнялся полуосьмине ржаной муки, 1/8 четверика овсяных круп и 2 ф. соли в месяц на человека; в год это составляет 3 четверти

муки, $1\frac{1}{2}$ четверика круп и 24 ф. соли, а по переводе на деньги 5 — 6 руб. ¹⁾). В начале 1715 г. последовало подтверждение о том, чтобы из Азова высылали в Петербург кузнецов на вечное жительство с жалованьем против дач прошлых лет деньгами и на хлеб по 22 руб. на человека, а в конце его — о том, чтобы нарядить из губерний в Петербург к городским делам 32.253 человека и собрать на них денег по 1 рублю в месяц на человека, с указными снастями и на указные сроки.

Некоторые данные для характеристики положения в первой половине XVIII века содержатся в так назыв. суконных регулах, которые были изданы в 1741 г. и составлены на основании опыта. Заработная плата здесь принимается или годовая, или сдельная с указанием нормы выработки в день. Мастерам и старшим надзирателям полагается 36 руб., подмастерьям и младшим надзирателям 20—24 руб. в год; сновальщикам — 18 р. Заработок скробальщика и кортовщика определен в $4\frac{1}{2}$ —6 коп., прядильщика — $5\frac{1}{2}$, ткача — 8 коп. в день, что в месяц составляет от 1 р. до 1 р. 75 коп. ²⁾.

Но приведенные нормы заработной платы только тогда получают реальное значение, если выяснится уровень цен на предметы первой необходимости в соответственный период.

Иностранцы, посещавшие Москву в XV—XVII столетиях, поражались обилием и дешевизной жизненных припасов. Цена ржаной муки при Михаиле Федоровиче равнялась в среднем от 8 до 12 алтын за четверть, а в первую половину царствования Алексея Михайловича четверть ее уже стоила обычно 18 алтын. ³⁾ Немецкий путешественник Кильбургер, посетивший Москву в 1674 г., отмечает следующие цены: курица 3 коп., утка 5 коп., поросенок 5—6 коп., 5 яиц 1 коп., 1 пуд мяса 28 коп., 1 пуд масла 1 рубль, 1 пуд соли по 20 к., 1 четверть ржи 70 к., пшеница 1 р. 60 к., гречневой крупы 1 р. 20 к. ⁴⁾.

По словам Ключевского, „до начала реформ Петра или, лучше сказать, до начала Северной войны нормальный уровень хлебных цен, кажется, оставался один и тот же, хотя хлебный рынок по временам испытывал тяжелые кризисы... Но к концу царствования его цены значительно повысились. В 1701 г. был издан указ, неоднократно повторявшийся впоследствии, который запрещал вывозить хлеб за границу, если в Московской области цена его поднялась выше рубля“. В период с 1651—1698 г.г. четверть ржи в Москве стоила в среднем 72 коп., овса 33 к., пшеницы 1 р. 44 к., муки ржаной 95 к., муки пшеничной 1 р. 5 к., пшеница 1 р. 62 к., крупы гречневой 1 р. 19 к. и гороха 1 р. 16 к. ⁵⁾

Значительно дороже была жизнь в Петербурге. Возникнув в 1703 г. среди малоплодородной и редконаселенной местности, он не только не мог

¹⁾ Доклады и приговоры..., т. II, № 162; т. III, № 18; т. VI, № 25 и № 346.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 8440.

³⁾ Довнар-Запольский И. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII в.

⁴⁾ В. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. 1915 г.

⁵⁾ В. Ключевский И. Русский рубль XVI—XVIII в. 1884 г.

рассчитывать на снабжение из близ лежащих источников, но, наоборот, должен был уделять еще часть своих запасов на прокормление окрестного городского населения. Приходилось обращаться к подвозу из других, более обильных районов, но вследствие отдаленности их всё было, по выражению Реймерса, *entsetzlich theuer* (ужасно дорого).

Если что можно было достать кругом Петербурга за дешевую цену, так это тетеревов, рябчиков и вообще всякой дичи. Последняя водилась в таком изобилии, что пара их стоила тогда только 5 коп., глухарь—10 коп., и господа кормили ими свою прислугу. По свидетельству Шторха, относящемуся к концу восемнадцатого столетия, окружающая местность настолько отстала в области земледелия, что почти всё приходилось привозить издалека. Даже самые простые предметы жизненной необходимости для более чем 200.000 человек производились в других, иногда очень отдаленных районах. Без сложной системы водных путей сообщения снабжение Петербурга было бы прямо невозможно ¹⁾.

Из ведомостей сенатской канцелярии видно, что в Петербурге к началу 1712 г. должно было находиться 69.724 нижних чинов и послано требований в разные губернии о доставке муки зимою 1711 г. с Московской губ. 65.440 четвертей, Смоленской 13.236, Казанской 30.882, Архангелогородской 27.205, Сибирской 13.236, а всего 150.000 четвертей.

Постоянная численность гарнизона была, несомненно, меньше, но вскоре стало увеличиваться количество рабочих, занятых при различного рода казенных постройках. На 1716 г. предназначено было уже доставить в Петербург 289.575 четвертей муки и 18.098 четв. круны для нужд армии и продовольствия мастеровых и работных людей. Цены провианта, поскольку последний доставлялся подрядчиками, в сенатских протоколах для периода 1711—1716 г. г. показываются следующие: мука ржаная 1 р. 40 к.—1 р. 50 к., крупа 2 р.—2 р. 10 к., овес 1 р. 20 к. за четверть, колеблясь от 1 р. до 1½ р. В 1713 г. подрядчики брались доставить в Ригу муку из Вологды по 1 р. 70 к., из Архангелогородской губ. по 1 р. 72 к. и Московской — по 1 р. 74 к. за четверть ¹⁾. Так как все эти районы к Петербургу были значительно ближе, чем к Риге, то, очевидно, за цену около 1½ руб. четверть муки в столице достать было можно.

В дальнейшем эта зависимость Петербурга от подвоза из внутренних и окраинных губерний сохранилась, но по мере налаживания экономических отношений и в связи с заселением пригородных местностей разница в ценах перестала уже быть столь значительной, как раньше. Некоторые предметы, как дрова, дичь, продукты молочного хозяйства были даже, пожалуй, относительно дешевы.

В середине XVIII столетия, при Елизавете, цена русского мяса определялась по таксе, установленной канцелярией полицмейстера, в 1½—1¾ коп.,

¹⁾ Gemälde von St. Petersburg von H. Storch, 1794. S. 139, 140.—St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Erster Theil. Von H. Reimers. 1805.

²⁾ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительств. Сенате в царствование Петра Великого, т. I, № 346; т. III, № 425; т. V, №№ 1132, 1133, 1206; т. VI, № 222.

а черкасского $1\frac{3}{4}$ —2 коп. за фунт; баранина и свинина—от $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ коп., солонина $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ и сало $2\frac{1}{2}$ коп. Куры продавались по 6—10 коп., утки 13—16 коп., пара тетеревов 18—20 коп. и поросята 15—30 коп. ¹⁾).

В книге М. Пыляева о старом Петербурге приводятся интересные данные, рисующие стоимость жизни при Екатерине II. Мясо стоило тогда $1\frac{1}{2}$ коп. за фунт. Когда Екатерина узнала однажды, что оно поднялось от малого пригона скота с 2 до 4 коп., то распорядилась выдать полициймейстеру денег для закупки скота и понижения цен. Курица стоила 5 коп., полтеленка 1 р., десяток яиц 2 коп., пуд коровьего масла 2 р. За обед с пивом в лучшем трактире на Невском платили 30 коп.; бутылка пива стоила 3 коп., полфунта белого хлеба 2 к. Четверть овса обходилась в 80 к., пуд сена — 3 к., сажень березовых дров — 70 коп. ²⁾).

К сожалению, в книге нет указания на источники и на период времени, к которому относятся эти сведения. Но из сравнения их с другими источниками выясняется с несомненностью, что они относятся к самому началу царствования Екатерины, т.-е. к шестидесятым или началу семидесятых годов.

В известном сочинении И. Г. Георги, „Описание столичного города Санкт-Петербурга“, вышедшем в 1794 г., содержится много ценного материала по вопросу о движении цен на различные предметы в царствование Екатерины, собранного частью из печатных источников, по преимуществу же на основании личных наблюдений и показаний сведущих лиц. „Цены съестных припасов и простых потребностей, — говорится здесь, — были еще около середины сего столетия гораздо умереннее против цен в других европейских столицах; но мало по малу возвысились некоторые вдвое и даже втрое и вчетверо. ...Съестные припасы весной всегда дороже и становятся опять летом во время привоза дешевле. Однако же почти никогда не случается, чтобы возвысившиеся в цене вещи опять до прежней их цены опускались. Большое число людей, множество денег, переменный образ жизни с большей роскошью и пр. суть препятствия возвращению прежней дешевизны“.

Нижеследующая таблица показывает изменения цен за промежуток времени около двадцати пяти лет:

Название предметов	1770 г.	1793 г.
1 куль ржаной муки	3 р. 20 к.	5 р. 50 к.
„ „ овса	1 „ 20 „	2 „ 75 „ — 4 р.
1 пуд крупитчатой муки	1 „ — „	1 „ 50 „
„ „ ячной крупы	„ 55 „	„ 80 „ — 1 „ 20 к.
„ „ пшена	„ — „	1 „ 50 „
„ „ гречневой крупы	„ 60 „	„ 80 „ — 1 „ 40 „
„ „ гороху	„ 65 „	„ 90 „ — 1 „ 20 „
1 куль картофеля	„ — „	1 „ 75 „ — 2 „ 40 „
1000 голов капуста	6 „ — „	8 „ — 12 р.
1 фунт говядины	3 „ — „	от 5 к. до 9 „
„ „ свинины	„ — „	„ 7 „ „ 12 „

¹⁾ „С.-Петербургские Ведомости“ 1751, № 2.

²⁾ М. Пыляев. Старый Петербург. 1889, гл. VIII.

Название предметов.	1770 г.	1793 г.
$\frac{1}{2}$ теленка	80 к.	1 р. 50 к.
$\frac{1}{2}$ барана	50 "	1 " 30 "
пара кур	50 "	— " 80 "
1 гусь	— "	1 " — "
10 яиц	5 "	— " от 10 до 50 к. и более.
1 пуд коровьего масла русского	2 р. — "	6 "
1 фунт меду	" — "	— " 12 к.
1 сажень березов. дров в 1 арш. длинною	1 " 10 "	— " — " — "
1 сажень березовых дров в $\frac{3}{4}$ арш. длинною	" — "	от 2 " 20 " до 2 " 60 к.
1 пуд сена	" 10 "	— " 15—20 и 30 к. ¹⁾

Обед или ужин в трактирах без напитков стоит 50 коп., обыкновенно 1 р. Но для простого народа в харчевнях „можно во всякое время найти готовый хлеб и обыкновенные мясные или постные яствы, вареное или жареное, капусту, репу, вареный овощ, грибы, щи и пр. Сии яствы продаются также бабами по углам больших улиц подле квасней, от чего простые люди, работники, извозчики и нищие могут во всякое время иметь обед в несколько минут, теплый или холодный, и копейки за две могут еще и выбирать“.

Некоторые дополнительные штрихи к нарисованной Георги картине петербургской жизни можно найти в книге Г. Шторха, вышедшей одновременно с русским изданием сочинения последнего. Хлебными продуктами Петербург снабжался из приволжских губерний, при чем наряду с черным „белый хлеб даже среди низших и беднейших слоев населения является наиболее обычной пищей“.

Шторх очень хвалит хорошую выпечку и прекрасные питательные и вкусовые свойства как того, так и другого. Цену сеянной пшеничной муки он определяет в 2 р. 20 к. за пуд; фунт белого хлеба стоит в булочных 4, а черного — $1\frac{1}{2}$ коп. Что касается мяса, то, по его словам, „нигде, пожалуй, за исключением Лондона, не потребляется его так много, кроме постных дней, как здесь“. Еще недавно мясо было дорогим продуктом — фунт лучшего сорта стоил от 10 до 12 коп. Теперь же цена упала, и за 4 коп. можно достать фунт очень хорошего мяса ²⁾.

Данные, содержащиеся в упомянутых источниках, находят себе подтверждение также в официальных документах. Так, в 1773 г. был утвержден штат обер-егермейстерской конторы, и в нем цена ржаной муки для Петербурга принимается в 2 р. 50 коп. за четверть, крупы — 3 р., овса — 1 р. 30 коп., сена — 11 к. за пуд и дров плашных — 2 р. за сажень. В штате же придворной конюшни 1795 г. четверть овса расценивается в 3 р. и пуд сена в 20 коп. ³⁾.

Если принять во внимание, что куль заключает в себе на 2 четверика более, чем четверть, то окажется, что цены муки, овса, крупы и сена, при-

¹⁾ Описание столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. 1794 г., стр. 595—599.

²⁾ Gemälde von St. Petersburg von H. Storch. 1794, S. 139—145.

³⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, т. XLIII.

водимые Георги для 1770 г., близко подходят к цифрам штата обер-егермейстерской конторы 1773 г., а цены 1793 г.— к цифрам штата придворной конюшни. Это совпадение дает основание считать данные, приводимые в книге Георги, заслуживающими большого доверия. Цифры же, сообщаемые Пыляевым, с своей стороны, в общем не расходятся с теми, которые Георги приводит для 1770 г.; отсюда следует, что они относятся именно к началу царствования Екатерины, как это было уже указано мною выше. Некоторое сомнение вызывает только цена сена, показываемая им в три копейки за пуд: она резко расходится с той, которая показана Георги и в штате обер-егермейстерской конторы (10 и 11 коп.). Если принять во внимание, что штат придворной охоты, относящийся к 1740 г., исходит из цены сена в 6 коп. за пуд, то можно прийти к заключению, что цифра в 3 коп. или является случайной, или представляет результат типографской опечатки и вместо нее должно быть поставлено 9 коп.

Как видно из изложенного, в конце XVIII века наблюдается резкий скачок цен вверх, который в последующие десятилетия принял еще большие размеры и определялся прежде всего расстройством нашей денежной системы.

Как известно, в 1769 г. был учрежден ассигнационный банк, и у нас появились ассигнации или бумажные деньги. Первоначально ассигнационный рубль равнялся серебряному, но затем вследствие неумеренного выпуска бумажных денег он получил, по отношению к последнему, только номинальное значение рубля и в торговых сделках с 1786 г. по 1791 г. расценивался уже в 98, 97, $92\frac{3}{4}$, $91\frac{3}{4}$, 87 и $81\frac{1}{3}$ коп. В 1794 г. курс ассигнационного рубля упал до $68\frac{1}{2}$, а в 1798 г. до $62\frac{1}{2}$ коп. Это падение ценности бумажного рубля продолжалось и в начале нового столетия:— в 1809 г. он стоил только $43\frac{1}{2}$, в 1810 г.— $25\frac{2}{5}$, а в 1814 и 1815 г. даже 20 копеек. Затем курс его несколько улучшился, но всё же до 1840 г., когда министром финансов Канкриним была произведена девальвация, его отношение к серебряному рублю равнялось отношению 1 к 3,6 или к 3,7.

Падение ценности ассигнационного рубля находило себе выражение в общем увеличении цен при всяких сделках, в росте дороговизны жизни. Уже десять лет спустя после Георги и Шторха немецкий писатель Г. Реймерс отмечает дальнейший резкий скачок цен.

„Семейство, которое приблизительно в 1794 г. могло очень прилично жить на 2,950 рублей, нуждается теперь по крайней мере в вдвое большей сумме денег, чтобы жить с такими же или даже, пожалуй, меньшими удобствами. В особенности несоразмерно поднялась цена на квартиры“¹⁾.

Куль ржаной муки в 9 пудов стоил в среднем в 1804 г. 8 р. 80 коп., пуд сеянной пшеничной муки—2 р. 40 к., масла—13 руб., сена—50 к., фунт мяса—10 коп. Это—по таксе, утвержденной Городской Думой в этом году; но в действительности она редко соблюдалась торговцами, и обычно куль муки продавался за 10 р., пшеничная мука по 2 р. 80 к. за пуд, фунт мяса 12—14 коп. и т. д.

¹⁾ St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Zweiter Theil. 1805, S. 320.

В 1836 г. министерством внутренних дел были изданы „Статистические сведения о Петербурге“, где содержатся, между прочим, интересные данные и по данному вопросу. „К сожалению, мы не могли получить,—говорится здесь,— подробных и точных сведений о ценах на жизненные припасы в прошедшем столетии; несмотря на изменение курса, они могли бы служить источником многих любопытных соображений. Известно, однако, что цены постепенно возвышались с половины прошедшего столетия, от усилившегося народонаселения как столицы, таки всех городов вообще, от развития гражданственности и с нею новых ветвей промышленности, которые представляли более ценностей в обмен на земледельческие произведения“.

Выше мною уже были приведены те сведения о стоимости жизни в XVIII веке, которых не удалось собрать автору официального сборника К. Арсеньеву, и сопоставление их, действительно, дает возможность сделать очень интересные выводы. За небольшой сравнительно промежуток времени, лет в двадцать пять, в ценах на все предметы оборота произошла целая революция, и стоимость важнейших из них выросла в три, четыре и более раз. И, конечно, главную причину этой революции нужно искать не столько в „увеличении городского населения или успехах гражданственности“, сколько в неумеренном выпуске ассигнаций, расстроившем весь механизм экономической жизни.

Куль ржаной муки в пятилетие 1811 — 1815 г.г. расценивался уже средним числом в 17 р. 54 коп., в 1816 — 1820 г.г. он стоил 22 р. 38 коп., в 1821 — 1825 г.г. — 19 р. 10 коп., в 1826 — 1830 г.г. — 12 р. 52 коп. и в 1831 — 1833 г.г. — 17 р. 76 коп.

Средние лавочные цены на другие продукты представляются в следующем виде:

	Говядина (З а л у д)	Сено	Гречневая крупа (За куль)	Березовые дрова 12—15 вершков, без доставки.
1823 г.	6 р. 84 к.	93 к.	22 р. 72 к.	16 р. 65 к.
1824 „	5 „ 97 ¹ / ₂ „	56 „	19 „ 38 „	16 „ 15 „
1825 „	6 „ 20 ¹ / ₂ „	51 „	17 „ 13 „	13 „ 93 „
1826 „	6 „ 25 ¹ / ₂ „	75 „	16 „ 73 „	12 „ 67 „
1827 „	5 „ 69 ¹ / ₂ „	80 „	23 „ 69 „	12 „ 79 „
1828 „	5 „ 79 „	51 „	19 „ 53 „	14 „ 17 „
1829 „	5 „ 85 „	48 „	13 „ 76 „	14 „ —
1830 „	5 „ 88 „	65 „	13 „ 69 „	12 „ 78 „
1831 „	— „ — „	68 „	17 „ 08 „	— „ — „
1832 „	7 „ 21 „	1 р. 05 „	18 „ 30 „	14 „ 03 „ ¹⁾

При продаже с барок цены были несколько ниже, но разница в среднем не превышала 5%.

Подведем теперь итоги. В период 1710 — 1715 г.г. ржаная мука стоила в Петербурге около 1 р. 50 к., крупа — 2 р. и овес — 1 р. 20 к. за четверть.

Указом 1713 г. Сенатом предписано было принимать провиант весом, а не мерой, при чем четверть муки с кулем принималась равной 7¹/₂ пудам. При

¹⁾ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. 1836 г.

переводе на 9 пудовый куль, которым стали измеряться впоследствии вышеперечисленные продукты, это составит 1 р. 80 к. для ржаной муки, 2 р. 40 к. — для крупы и 1 р. 44 к. — для овса.

Между тем за период с 1811 по 1833 г. куль муки стоил в среднем около 17 р. 80 к., гречневой крупы — 21 руб. и овса — 11 руб.

Таким образом, за время от основания Петербурга до 1840 г., когда была произведена девальвация, стоимость ржаной муки увеличилась почти в 10 раз, крупы — в 9 и овса — в 8 раз.

Этот период, обнимающий промежуток времени в 130 лет, в свою очередь, распадается на две равные приблизительно половины, линией разграничения которых служат семидесятые годы восемнадцатого века. В первую из них цены поднимались сравнительно медленно и постепенно, и к 1770 г. ржаная мука подорожала с 1 р. 80 к. до 3 р. 20 к. за куль, т.-е. менее, чем вдвое. Во вторую же половину, под влиянием непрерывно продолжающегося обеспечения ассигнационного рубля, вздорожание жизни приняло стремительный характер, и перед девальвацией цена муки равнялась 17 р. 30 к. за куль против 3 р. 20 к. в 1770 г., т.-е. поднялась в 5, 4 раза; мясо подорожало за это время в пять раз, сено — в семь, а дрова — даже в четырнадцать раз...

Обратимся теперь к Москве, которая, представляя собою промышленный центр с установившимся издавна укладом жизни и находясь в более нормальных условиях в отношении снабжения, является более типичной для характеристики общего положения, чем Петербург. В 1766 г. на 1 медную копейку можно было купить здесь 2 фунта $15\frac{1}{2}$ золотников ржаного хлеба, 1 ф. $74\frac{1}{2}$ золотника ситного или $70\frac{1}{2}$ золотников французских булок. Самого лучшего сорта мясо стоило 3 коп., а низшее — $1\frac{3}{4}$ к. за фунт; целый барашек 88 к. — 1 р. 65 к., теленок — 2 р. 20 к. Русские куры продавались по 23 коп., а лесная дичь — рябчики, тетерева и глухари по 20 коп. ¹⁾ Штат обер-егермейстерской конторы, утвержденный в 1773 г., принимает цену ржаной муки для Москвы в 2 рубля за четверть, крупы — 2 р. 50 к., овса — 90 к., сена — 7 коп. за пуд и дров — 2 р. за сажень. ²⁾ Было бы, конечно, рискованно опираться на этот источник, если бы он был единственным; но, к счастью, мы располагаем также другими данными, которые в общем подтверждают его и вместе с тем рисуют полную картину стоимости жизни в первопрестольной столице незадолго до кризиса, вызванного обесценением денег.

Вот средние цены в продаже из лавок, существовавшие в 1782 г. ³⁾:

Четверть ржи. . . .	1 р. 30 к.	Пуд муки ржаной	17 коп.
„ овса	1 „ 10 „	„ „ пеклеванной	37 „
„ крупы гречневой. . . .	1 „ 90 „	„ „ пшеничной крупитчатой. . . .	95 „

¹⁾ „Наша Старина“, вып. I за 1917 г. — Эспе, В Белокаменной 150 лет тому назад.

²⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, т. XLIII.

³⁾ Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Часть первая 1841 г., стр. 295 — 297.

Четверть крупы овсяной	2 р. 40 к.	Пуд сена	5 коп.
Четверть крупы ячмой.	2 „ 90 „		
„ пшена	3 „ — „		
„ гороха	2 „ — „		

Фунт говядины высшего сорта стоит 3 коп., а похуже—2 коп., 10 кур—2 р. 20 к. пара уток 90 к., пара гусей 1 р. 50 к., теленок от 1 р. 30 к. до 4 р. 40 к., баран от 88 до 1 р. 30 к. Сахар за пуд 13 р. 25 к.—14 р. 50 к., мед белый 7 р. 70 к. Сажень дров в три четверти стоила—осиновых 2 р. и березовых 4—5 руб.

Печеный ржаной хлеб по таксе, за отступление от которой администрация угрожала торговцам, на основании петровского указа 1725 г., „драть кошками“, а товар отдавать в госпиталь,—должен был продаваться по 15¹/₂ коп., а французскими булками по 93¹/₂ коп. за пуд.

К концу столетия цены в Москве подверглись уже значительному повышению: куль ржаной муки расценивался уже около 5 руб., а пуд хлеба—50 к. С начала же XIX века начинается новый стремительный рост цен, как это видно из нижеследующей таблицы:

	Куль ржаной муки (9 пуд.)		Пуд. хлеба.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1797—1800 года	4	80	—	50
1801—1805 „	5	43	—	51
1806—1810 „	7	—	—	55
1811—1815 „	13	13	1	24
1816—1820 „	13	25	1	37
1821—1825 „	13	53	1	30
1826—1830 „	9	81	—	95
1831—1835 „	17	—	1	53
1836—1839 „	11	02	1	07 ¹)

Как указывалось выше, во второй половине XVII века стоимость ржаной муки равнялась в среднем 95 коп. за четверть, что при переводе на куль составляет 1 р. 15 коп. В течение же двадцатипятилетия 1815—1839 г.г. последний расценивался около 13 руб. Таким образом, ржаная мука подорожала за это время в 11 раз; крупа—от 12 до 13, мясо и масло—18 раз²).

Посмотрим теперь, какие изменения происходили в уровне заработной платы в течение изучаемого периода.

Рост цен после Петра долгое время шел довольно медленным темпом и потому, не привлекая к себе внимания, не мог служить основанием к пересмотру установленных ранее окладов. Повышение вознаграждения за труд

¹) Хлебопекарный промысел в Москве. 1887 г.

²) В 1839 г. цена четверти пшена по таксе колебалась от 18 до 24 р., гречневой крупы—от 11 до 17 р. 50 коп.; мясо 1-го сорта стоило 17 коп., 2-го—13 коп. и 3-го—10 коп. за фунт, масло коровье—от 40 до 55 коп. за фунт, пуд сена 80—90 к. и сажень трехполенных дров длиною в 2¹/₄ аршина 26 руб. См. „Московские Ведомости“ 1839, № 1, 10 и 24.

приписных к горным заводам крестьян вдвое против плаката 1724 г., произведенное манифестами 1769 и 1779 г. г., носит совершенно исключительный характер и, несомненно, явилось результатом Пугачевского бунта и предшествующих ему волнений. Ничего подобного омы не находим, в других районах, а также на самом Урале—по отношению к мастеровым. Так как численность и удельный вес последних как в прошлом движении, так и с точки зрения возможных выступлений в будущем, были гораздо менее значительны, то упомянутые манифесты обошли их молчанием. В течение многих десятилетий, таким образом, положение широких масс рабочего населения подвергалось ухудшению, которое обычно проходило не замеченным и лишь в некоторых случаях приводило к тем или иным коллективным выступлениям. Так, на Московской парусной фабрике рабочим удалось в 1775 г. добиться выдачи месячного провианта для всех, кто не вырабатывал в год более 15 рублей. Но такие случаи были сравнительно редки. Только с конца XVIII века, когда неумеренный выпуск ассигнаций сделал вздорожание жизни резко бросающимся в глаза, пересмотр ставок становится общим явлением.

В 1715 г. определено было во всех губерниях давать годовое денежное и хлебное жалование в следующем размере: подьячим старым по 60 р. и по 30 четвертей хлеба, подьячим средней статьи—по 40 р. и по 20 четвертей хлеба и, наконец, молодым подьячим—по 15 р. и по 10 четвертей хлеба, а в Петербурге и в завоеванных городах—Нарве, Ревеле, Выборге и Шлассельбурге—против того вдвое. Таким образом, молодые подьячие, т.-е. низшие канцелярские служащие, получали в Петербурге, переводя хлеб на деньги по цене 1 р. 50 к. за четверть, 60 рублей в год или 5 руб. в месяц; во внутренней же России, где жизнь была дешевле, чем в только что завоеванных городах северо-западной окраины, для них считалось достаточным в то время 15 руб. жалования и 10 четвертей хлеба в год.

Описывая положение северной столицы в самом начале XIX века, Г. Реймерс отмечает, что „у многих слоев населения, особенно у тех, которые живут только на жалованье, вздорожание превышает в общем, даже при самой строгой бережливости внутри дома, силы отдельных лиц, и становится непонятным, как не утрачивается всякая нравственность среди многих писцов в судебных местах, которые получают лишь от 180 до 200 руб. в год и должны на это содержать жену и детей. Между вознаграждением, полагающимся служащим почти во всех здешних учреждениях, и современным ростом цен не существует никакого соотношения, хотя... чиновники, заведенные при теперешнем правительстве, хорошо оплачиваются и содержание многих служащих в тех учреждениях, руководители коих старались об этом и сделали соответствующее представление, было увеличено“¹⁾.

Для 1832 г. у нас имеются точные данные о количестве служащих в государственных учреждениях Петербурга и уплачиваемом им содержании. Именно, служащих насчитывалось 13.528 человек, а жалование составляло

1) St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Zweiter Theil. 1805, S. 322—323.

13 миллионов слишком, что дает в среднем около 1000 рублей на человека.

Но материальное положение чиновничества было далеко не одинаково. В отличие от однообразия петровских ставок теперь каждое из многочисленных ведомств, между которыми распределялись означенные 13.528 человек, имело свои оклады; и в то время как в канцелярии военного и гражданского губернатора на одного человека приходилось 565 руб., а в губернских присутственных местах—632 руб., в канцелярии комитета министров эта сумма составляла 2.475 р.; самым многочисленным было м-во финансов, где служило 2.635 человека и на каждого приходилось в среднем 1102 руб.¹⁾

При просмотре штатов конца тридцатых годов для многих ведомств обнаруживается, что оклады писцов низшего разряда составляют всего 420 руб. в год (300 р. жалованья и 120 р. на паек и обмундирование). По сравнению с цифрой в 60 руб. (30 руб. и 20 четвертей хлеба), которую получали младшие подьячие в начале существования Петербурга, это составляет увеличение в семь раз, между тем как цены на хлеб, мясо и другие предметы первой необходимости выросли за данный период значительно больше. Таким образом, материальное положение петербургского чиновничества, за исключением разве высших слоев, под влиянием той революции цен, которая произошла в течение 125 лет, не улучшилось, а ухудшилось. Но так как оно занимало в начале привилегированное положение, получая вдвое более против остальных губерний, то это смягчало остроту переживаемого им кризиса.

Обращаясь теперь к положению лиц физического труда, нужно отметить, что среди них также наблюдалось большое разнообразие. Хуже всего, конечно, приходилось тем, которые не принимали непосредственного участия в определении условий своего труда и обязаны были пассивно подчиняться устанавливаемым для них нормам. А между тем, не везде и не всегда находились те руководители, о которых упоминает Реймерс и которые бы проявляли должную энергию в отстаивании далеких им интересов. Как сильно иногда жизнь отставала при этом от требований времени, можно судить по следующему любопытному случаю, когда установленная однажды норма оплаты не менялась в течение ста слишком лет.

В 1720 г. Сенатом было определено взимать плату при вытаскивании на берег грузов с разбитых судов на р. Мсте—с запаса по алтыну с куля, а с прочих кладей с десяти пудов по алтыну же, за счет владельцев груза. „Оная плата по тогдашнему времени была, конечно, достаточна; но ныне по миновании целого столетия,—говорится в указе 1824 г.,—она не только не может вознаградить трудов, но не доставит занимающимся сим делом даже и дневного пропитания“. Поэтому желающих работать стало являться очень мало, и чтобы приохотить вольных рабочих людей к выгрузке проплывающих по реке кладей, „нет другого средства, как увеличить плату за всякий пере-

¹⁾ Статистические сведения о Санктпетербурге. 1836 г., стр. 116-119.

нятый куль до 50 коп., а равно постольку же определить платежа и за десять пудов всякой другой весовой клади“¹⁾...

Подобные же случаи чиновничьей забывчивости или неторопливости наблюдались также и в других ведомствах. Именным указом 1785 г., на основании которого хлеб для мастеровых стал отпускаться по цене не дороже 20 коп. за пуд, предписывалось между прочим „сочинить вновь штаты по всем казенным заводам Пермской губ.“

Однако, выработка их затянулась на долгое время. Успела уже умереть Екатерина, вступил на престол и кончил свои дни Павел, процарствовал двадцать пять лет Александр Благословенный, но „сочинение“ штатов всё еще продолжалось, и только уже при преемнике его, в 1827—1829 г.г., они наконец были изданы. Неудивительно поэтому, что комиссия, посетившая в 1822 г. Уральские заводы, нашла, что „штаты, изданные о содержании заводских людей в 1737 и 1766 г.г., когда жизненные потребности, может быть, в десять раз были дешевле против нынешних цен, сделались совершенно недостаточными, и что сей трудолюбивый класс заслуживает в полной мере попечения правительства“.

На Алтайских заводах горному правлению было поручено в 1828 г. составить новое положение об окладах жалованья мастеровым и нижним чинам „сообразно их трудам и возвысившимся на всё ценам“, но оно увидело свет только в 1849 г. Едва ли, поэтому, можно сомневаться в том, что в период беспрестанной ломки цен, о которой говорилось выше, материальное положение широких слоев рабочего населения, прикрепленных к определенному месту и предоставленных всецело попечению стоявшей над ними администрации, отставало в общем от движения этих цен вверх.

Значительно лучше было положение вольнонаемных рабочих, которые могли легче и быстрее приводить свои запросы в соответствие с условиями рынка.

В 1837 г. некто Фейгин заключил контракт с кораблестроительным департаментом морского министерства о поставке с 1 января по 1 ноября 1838 г. значительной партии рабочих, а именно: 140 плотников с платой 30 руб. в месяц или, считая двадцать пять рабочих дней, по 1 р. 20 коп. в день на каждого; 120 столяров с платой по 42 руб. в месяц (1 р. 68 к. в день), 20 горновых кузнецов по 54 р. (2 р. 16 коп. в день) и 40 молотобойцев по 35 р. 79 коп. в месяц или по 1 р. 43 ⁴/₂₅ коп. в день (ассигнациями). Однако, к началу условленного срока Фейгин не мог поставить полного комплекта рабочих, так как в декабре 1837 г. случился пожар Зимнего дворца и правительством было законтрактовано значительное количество рабочих сил как наличных, так и из ближайших провинций, для спешного восстановления сгоревших частей дворца, при чем цены назначались на много выше против контракта Фейгина. В виду невыполнения договора департаментом в феврале был передан за счет Фейгина подряд на недостающее

¹⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, № 30179.

количество рабочих по цене уже в 44 р. 65 коп. за плотника и 56 р. 40 коп. за столяра, т.-е. на 14 р. 40 к.—14 р. 65 к. на человека в месяц выше против условленного с ним ¹⁾).

Этот документ содержит в себе ценные данные о нормах заработной платы в тот именно момент, который нас особенно интересует, т.-е. непосредственно перед девальвацией. Принимая во внимание, что цены на хлебные продукты в Петербургской губернии за 1837 г. были не только не выше, но даже ниже предшествующих лет, и что за спешные работы в 1838 г. платилось значительно дороже условленных контрактом Фейгина цен, можно считать вполне вероятным, что содержащиеся в ней нормы были средними или типичными на местном рынке труда для данного периода. Правда, означенную плату получали не сами рабочие непосредственно, а подрядчик Фейгин; но если даже предположить, что последний брал за свои услуги 20%, то все же окажется, что заработок плотника равнялся 24, молотобойца—28 р., столяра—34 и кузнеца—44 руб. в месяц.

Между тем в 1710—1715 г.г. мастеровые, выписанные Петром из провинции в новообразованную столицу на постоянное жительство, получали 22 рубля в год, т.-е. менее двух рублей в месяц; только в особо важных случаях, как, напр., при постройке буеров, столярам платилось по 3½ руб. в месяц. Таким образом, повышение заработной платы для представителей квалифицированного ручного труда в Петербурге за промежуток времени в 125 лет колебалось от 12 до 15 раз и, следовательно, обгоняло рост цен на предметы первой необходимости.

В Москве на хлопчатобумажных фабриках к началу тридцатых годов ткачи миткаля зарабатывали от 6 р. 72 к. до 7 р. 20 к. в неделю, а рабочие на красильнях—от 4 до 6 руб.; в месяц это составляет в среднем около 28 руб. для первых и 20 р. для вторых ²⁾).

В статье „О состоянии рабочих в России“, помещенной в официальном журнале министерства финансов за 1837 г., сообщается, что заработная плата у нас „хотя несравненно меньшая, нежели в чужих краях, весьма и слишком (!) достаточна для наших рабочих“. Порядочный прядильщик получает в Москве до 40 и 45 руб. ассигнациями в месяц; печатник и набойщик от 400 до 500 р. в год; наконец, красильщик и белильщик получают средним числом от 20 до 25 р. в месяц ³⁾. По сравнению с 1 р. 25 к.—1 р. 50 к., которые получали рабочие на фабриках в начале XVIII столетия, это означает повышение в 15—16 раз...

При обследовании посессионных фабрик, произведенном мануфактур-коллегией в 1803 г., собирались, между прочим, данные и относительно заработной платы. Из них видно, что на суконных фабриках Московской губ. ткачи вырабатывали в месяц от 3 руб. до 6 руб. 60 к., т.-е. в среднем около

¹⁾ Архив Госуд. Совета, дело № 248 за 1844 г.—О поставке Фейгиным в Кронштадтскому порту рабочих людей.

²⁾ В. Андросов. Статистическая записка о Москве. 1832 г.

³⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1837, № 12.

4½ руб. На шелковых фабриках, как и в начале XVIII столетия, заработок ткачей был выше—от 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к. в месяц.

На суконной фабрике Осокина в Казани ткачи получали в 1796 г. от 2 р. 46 к. до 4 р. 71 коп. в месяц, прядильщики—от 90 коп. до 2 р. 8 коп., сукновалытели—4 р. 81 к., ворсильщики, стригачи, прессовщики и красильщики—от 3 р. 50 к. до 4 р., кардовщики—от 1 р. 70 к. до 2 р. 30 коп. После настойчивых жалоб рабочих на недостаточность заработной платы в виду возвышения цен на предметы первой необходимости, владелец согласился увеличить плату от 7—10 до 20%, но и после того заработок большинства рабочих не превышал 3 рублей в месяц. Дальнейшее движение заработной платы можно проследить по нижеследующим данным, относящимся к известной Фряновской шелковой фабрике (Дмитровского уезда):

	1802 г.	1818 г.	1820 г.
Ткачи	5 р. 6 к.	14 р.	15 р. 50 к.
Переборщики	3 „ 38 „	8 „ 42 к.	9 „ 92 „
Мотальщицы и тростильщицы			
до 15 лет	1 „ 8 „	3 „ 9 „	3 „ 53 „
старше 15 л.	1 „ 50 „	3 „ 53 „	4 „ 42 „

Общее количество рабочих на фабрике составляло в 1818 г. 801 челов. из коих ткачей было 187, переборщиков 90, мотальщиц и тростильщиц 388. Таким образом, по всем этим основным группам заработная плата увеличилась менее, чем за двадцать лет, в три раза¹⁾. В общем плата эта более или менее значительно ниже, чем на московских фабриках, ибо фряновские рабочие были, во-первых, посессионные, а во-вторых—имели огороды, избы и отопление. Цена ржаной муки за пятилетие, предшествующее 1802 г., равнялась в Москве 5 рублей за куль, а в пятилетие 1815—1819 г.г.—13 р. Таким образом, рост цен на нее отставал от повышения заработной платы. Но, с другой стороны, когда особая комиссия обследовала положение фабрики в 1836 г., то оказалось, что плата в общем осталась прежняя; между тем мука поднялась до 16 р. 30 коп.

Перейдем теперь к рассмотрению последнего периода, который начинается с проведения девальвации в 1840 г. и кончается отменой крепостного права. Законом 1-го июля 1839 г. было установлено, что единственной монетной единицей является серебряный рубль и что ассигнации принимаются по раз навсегда установленному курсу 3,5 : 1.

На этом основании в следующем же году начался пересмотр штатов и положений, определяющих размер денежных выдач за различные услуги. Низшие чиновники, получавшие раньше 350 руб. ассигнациями, стали получать теперь 100 руб. серебром.

Арестантам во время содержания в рабочем доме зачитывалось за каждый рабочий день прежде 25 коп. ассигнац., а теперь—7½ коп. сер., солдатам

¹⁾ Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 1898 г. стр. 185

за дневной урок—вместо 20 или 25 коп. ассигнац. полагалось 6—7 коп. сер. При наряде казенных крестьян к работам по межеванию, присканию корабельных лесов или рубке деревьев, а также солдатам, употребляемым при государственных сооружениях, выдавалось раньше 40 коп. ассигнациями, а теперь 12 коп. серебром и т. д.

Вот несколько штатов казенных предприятий ¹⁾:

Сестрорецкий и Камско-Ижевский оружейные заводы.

	1829 г.	1840 г.
Столяры	48 руб. ассигнац.	13 руб. 79 коп. сер.
Кузнецы	48 " "	13 " " "
Стекольщики	48 " "	13 " " "
Плотники, токари и пильщики . .	48 " "	13 " " "
Маляры	60 " "	17 " 27 "
Печники и каменщики	36 " "	10 " 30 "
Молотобойцы	36 " "	10 " 30 "
Мастеровые из неспособных, употребляемые для внутренних ка- раузов, в артельщики и пр.	7 " 50 "	2 " 27 "

Павловская суконная фабрика.

	По штату 1816 г., измененн. в 1832 г.	1840 г.
Столяры и токари	— 150 руб. ассигн.	— 42 р. 90 коп. сер.
Плотники	84— 98 " "	24— 27 р. 45 к. "
Слесари и кузнецы	84— 120 " "	24— 34 р. — " "
Источники	84— " "	24— р. — " "
Работянки при сорти- ровке шерсти, валинии сукна, в красильные и прессовальные	96— 100 " "	27 р. 45 к. — 30 р. 90 к.

Таким образом, в официальных сделках и при расчетах с казенными предприятиями, начиная с 1840 г., стало выдаваться денежных знаков серебром в три с половиною раза меньше, чем прежними ассигнациями. Между тем, рыночные цены на предметы первой необходимости упали не так быстро и в меньшей пропорции. Несмотря на торжественное заявление московского генерал-губернатора, что от денежной реформы не будут страдать ни покупатели, ни продавцы, городские потребители тут же почувствовали, что это не совсем так: хлеб, таксированный до августа 1839 г. в 3 коп. за фунт, по новой таксе стал продаваться по $1\frac{5}{7}$ коп. сер. или 6 коп. ассигн., мясо—вместо прежних 10— 17 коп. продавалось за $3\frac{3}{7}$ — 6 коп. сер. или 12— 21 к. на ассигнации. Дальнейшее движение цен в Москве представляется в следующем виде:

¹⁾ Полное Собр. Законов, т. XCIV, прилож. к № 14103.

	Куль ржаной муки (9 пуд.)	Пуд хлеба
1840—1844 г. г.	5 р. 57 коп.	49 коп.
1845—1849 г. г.	3 " 91 "	36 "
1850—1854 г. г.	3 " 72 "	37 "
1855—1859 г. г.	5 " 06 "	47 "
1860—1864 г. г.	6 " 96 "	56 "

Вторая половина сороковых годов и первая половина пятидесятых отличались сравнительно низкими ценами, но затем начинается новая длительная волна повышения, частью вызванная чрезмерным выпуском кредитных билетов во время Крымской кампании, частью же стоявшая в связи с общим экономическим оживлением страны с начала нового царствования. Цена мяса в 1 р. 70 коп. за пуд в 1840 г. поднялась до 2 р. за время с 1853 по 1859 г.

В Петербурге за этот же период пуд мяса стоил в среднем 2 р. 75 к., а мука ржаная — 5 р. 65 коп. за куль в 9 пуд. ¹⁾

Таким образом, для лиц, получавших определенный годовой оклад и, в первую голову, именно различного рода служащих в государственных учреждениях и предприятиях, где выработка новых штатов является делом очень длительным, переход на серебряную валюту отнюдь не знаменовал собою облегчения или улучшения их положения. Отражением этого факта может служить любопытный доклад о возвышении цен на товары и продукты в С.-Петербурге, представленный в 1857 г. губернатором последнего начальнику III-го Отделения собственной е. в. канцелярии.

„Весьма замечательно, — говорится здесь ²⁾, — что в течение последних 20 лет дороговизна постепенно увеличивалась. Таким образом, квартиры подыались в цене, по крайней мере, на 50%; дрова, стоившие лет за двадцать до настоящего времени 2 рубля за сажень, продавались в прошедшем году от 3 р. до 3 р. 50 коп., а в нынешнем — по 5 р. Лучшая говядина стоила прежде 7 коп., а ныне местному начальству стоит большого труда удержать цену на мясо в 10 и 11 коп. Прежде визит домашнего врача стоил от 5 до 10 руб. ассигнациями, ныне визит обыкновенного врача стоит от 3 до 5 р. сер.; лучшие учителя довольствовались прежде 10 р. ассигнац. за урок, ныне они не удовлетворяются и 5 р. сер. Женская прислуга нанималась за 7 р. ассигнац. в месяц, лакей — за 25 р. ассигн., а ныне женской прислуге платится от 5 до 15 р. сер. и лакею — от 15 до 20 р. сер. Сравнительно с главнейшими предметами жизненной потребности увеличились цены на все другие предметы, а понизились они незначительно на те только товары, коих фабричное производство удешевилось вследствие нового изобретения или введения машинного производства вместо ручного; так, напр., на сукна, бумажные изделия, сахар“.

¹⁾ Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве. 1889 г. — А. Рыбачев, Цена на хлеб и на труд в С.-Петербурге. 1911 г. — „Известия С.-Петерб. Городской Думы“ за 1870 г., стр. 519—521.

²⁾ Архив III отд. собственной е. в. канцелярии, дело 4 экспед. № 153 за 1857 г.

Кроме причины общего характера в виде повышения спроса, автор усматривает объяснение этому именно в замене ассигнационного рубля серебряным и последовавшем отсюда увеличении денежной единицы в $3\frac{1}{2}$ раза. „С установлением счета на серебро все цены, по общему признанию, внезапно поднялись и с того времени возвышаются постепенно и незаметно. Таким образом, первоначально торговцы не перечислили верно ассигнационные свои цены на серебро, и рубль ассигнациями не был ими переведен, как бы следовало, на соответствующие ему $28\frac{2}{7}$ коп. сер., но для ровного счета его перевели в 30 коп. сер., т.-е. с 5% барыша в пользу продавца или с усилением дороговизны на 5%. Далее всякое возвышение подвигалось также с переводом серебра, т.-е. в $3\frac{1}{2}$ раза больше, чем в прежнее время“. При этом такие продукты, как хлеб, сало, кожи и т. п., поднялись далеко не соразмерно с возвышением цен на другие предметы. Наиболее пострадали все производители сырья, т.-е. помещики и крестьяне, и это „служит объяснением того факта, что народ и поныне упорно отвергает серебряный рубль, продолжая внутри Империи производить все исчисления в ассигнациях“...

В этом сообщении, служащем выражением взглядов чиновничьих и землевладельческих кругов, обращает на себя внимание жалоба на несоразмерную дороговизну вольнонаемного труда — как умственного, так и физического. Несмотря на преувеличения, понятные в устах губернатора — ибо цифры в 15 р. сер. для женской прислуги или 25 р. для лакея не могли быть типичными, — в них было нечто реальное.

В официальном „Журнале Мануфактур и Торговли“ за 1851 г. была помещена статья о выгодной местности для промышленных заведений, где, между прочим, также отмечается, что в Москве и особенно в Петербурге „дрова, жизненные потребности, задельная плата и многое другое так дороги, что те фабриканты, которые поселились в окрестности этих городов, могут поставлять только ценные товары“.

Проектируя устройство бумагопрядильной фабрики на р. Нарове в 140 верстах от столицы (где впоследствии, действительно, возникла известная Крепгольмская мануфактура), автор указывает, что здесь „работник обошелся бы гораздо дешевле, потому что в провинции и содержание дешевле“. При этом им намечаются следующие нормы вознаграждения: слесарям по 20 р. сер. в месяц, кузнецу вместе с молотобойцем — 40 р., машинистам по 15 р., кочегарам — 12 р., сторожам при фабрике — 10 руб., поденщикам при подготовительных работах от 32 до 40 коп. Цифры эти, по мнению автора, % на 20 ниже, чем в Петербурге ¹⁾.

Действительно, согласно официальным справочным ценам, поденная плата чернорабочему составляла в пятидесятых годах 50 коп., плотнику — 80 коп., столяру — около 90 коп. и слесарю — 1 р. 10 коп. ²⁾.

Мы видели уже, что по контракту Фейгина с морским министерством в 1838 г. плотники нанимались за плату в 1 р. 20 к., столяры — 1 р. 68 к.

¹⁾ Журнал „Мануфактур и Торговли“ 1851, № 9.

²⁾ А. Рыкачев. Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге за 58 лет. 1911 г.

и кузнецы — 2 р. 16 к. ассигнациями в день. При переводе на серебро это должно было бы означать 35, 48 и 62 коп. в день. На самом же деле их заработок в пятидесятых годах, согласно справочным ценам, был вдвое выше. Таким образом, с переходом на серебряную валюту их положение не ухудшилось, а улучшилось; реальное соотношение сил было в их пользу. Рядовые рабочие на фабриках и заводах получали, конечно, меньше. На кожевенных заводах при поступлении им полагалось 8—9 руб., высшее же вознаграждение составляло 15 р. в месяц. На химических заводах наименьшая плата определялась в 8—9 р., а наивысшая в 15—18 р.

На пшечубумажной фабрике Варгунина, где работало свыше 300 человек, на жалование тратилось около 30.000 руб. сер., что составляет в среднем сто рублей или 8—9 р. в месяц на каждого. Так как здесь работали, кроме мужчин, также женщины и дети, плата которых была в $1\frac{1}{2}$ —2 раза ниже, то, очевидно, мужской заработок нужно считать более высоким, чем указанная цифра. Принимая во внимание, что в начале восемнадцатого столетия заработок простого рабочего определялся обычно в один рубль, можно констатировать, таким образом, что к моменту ликвидации крепостного права он увеличился номинально не менее, чем в восемь раз. Соответственно выросла также оплата квалифицированного труда. Между тем, стоимость ржаной муки поднялась за это время, т.-е. после девальвации, раза в $3\frac{1}{2}$, а мяса — от 4 до 5 раз. Таким образом, в положении широких масс рабочего населения Петербурга можно отметить несомненную тенденцию к улучшению, и недаром он служил центром, притягивающим к себе ежегодно всё новые и новые тысячи выходцев из соседних и дальних губерний, устремляющихся туда в надежде получать хороший заработок и вкушать благ столичной цивилизации.

Относительно Москвы мы располагаем данными, которые дают возможность проследить общую эволюцию в положении труда за промежуток времени, еще более значительный. В докладной записке московского генерал-губернатора Закревского от 12 дек. 1848 г. отмечается, что плата рабочим производится ежемесячно, понедельно и с количества выделяемых изделий, т.-е. со штуки, аршина и т. п., и бывает различна, судя по спросу на те или иные изделия и уровню цен на них. „Во всяком случае, для одного рабочего она никогда не бывает выше 200 и ниже 35 руб. сер. в год“ или от 3 до 17 р. в месяц ¹⁾. Плату в 15—20 р. в месяц, действительно, можно считать реальной для некоторых представителей квалифицированного труда, но цифра в три рубля нигде другими источниками не упоминается. Очевидно, она относится не к мужскому, а женскому или детскому труду и при том, вероятно, на хозяйском содержании. Так, напр., о воскобельном заводе Салепкина, находящемся в 20 верстах от Москвы, сообщается, что рабочие мужского пола получали здесь по 5 р., а женщины—по 2 р. 50 коп. сер. в месяц на хозяйских харчах.

¹⁾ Архив д—та полиции исполнительной, дело № 5 за 1849 г. — О мерах для наблюдения за рабочими на фабриках и заводах.

На суконной фабрике Ганешиных, одной из самых обширных, работало до 900 человек, получающих 80.000 руб. сер. жалования; на шелковой фабрике Крюкова при 600 рабочих выплачивалось до 50.000 р. ¹⁾. В среднем это составляет 80—90 руб. на человека в год; но, принимая во внимание участие женщин и детей, получающих в 2—2½ раза менее мужчин, заработок последних можно исчислить в 100—120 руб.

Про мастеровых сусального производства сообщается, что они живут у хозяев помесечно, получая 6—7 руб. сер. жалования, харчи, которые оцениваются около четырех рублей в месяц, и готовый инструмент ²⁾.

В примерной смете на устройство фабрики шерстяных тканей, составленной ученым мастером Фантеевым в середине пятидесятых годов, мы находим следующие оклады жалования: мастерам по 30 руб. в месяц, подмастерьям—18 р., рабочим—13 р., чернорабочим—9 р., женщинам—9 р., сторожам—9 р., мальчикам—7 руб. Кузнецы—144 р., плотники—125 р., и чернорабочие—84 руб. в год. Эти цифры—„самые высшие и могут быть в исключительных случаях на 20% уменьшены“ ³⁾.

Перейдем теперь к бумагопрядильному производству, которое принадлежало к числу наиболее успешно развивавшихся отраслей и по количеству занятых рабочих стояло на первом месте. Сообразно с этим и заработки здесь должны считаться одними из высших. По словам одного осведомленного автора, „ни одно фабричное производство не вознаграждает так хорошо труд работников, как бумагопрядение, которое в настоящее время поставлено в этом отношении на высокую степень нравственного управления“. В качестве примера можно взять наиболее обширную бумагопрядильню Борисовского в Переяславле-Залеском. В 1854 г. здесь было занято 792 человека, из коих 382—мужчин, 227 женщин и 183 детей. Груща фабричных рабочих получала следующие ставки:

	Количество человек.	Рубли.	Коп.
Машинисты	2	13	—
Кочегары	4	6	50
Прядильщики	34	12	50
Начешники	5	12	—
Чесальщики	35	7	—
Трепальщики	24	6	—
Присучальщики	123	5	—
„ (дети)	48	3	—
Мотальщицы	150	4	50
Банкброшницы	90	3	50
Ленточкицы	22	3	50
Ставьльщики (дети)	131	2	50

Вторую группу составляют мастера и рабочие при них: маляры и кровельщики получали по 15 р. в месяц, кузнецы—14 р., слесари и токари—12 р.

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1853, № 7—8.

²⁾ „Промышленность“ 1861, т. II.

³⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1855, № 4—6.

50 коп., печники — 12 р. 50 к., столяры — 11 р., молотобойцы — 7 руб. Наконец, сторожа при конторе, в количестве 20 человек, получали по 5 р. и чернорабочие (51 чел.) — по 7 руб. в месяц.

На бумагопрядильной фабрике Занегиной при селе Красном (Калужской губ.), где работало (в 1857 г.) 777 человек, трепальщики получали по 6 р. 33 коп. в месяц, присучальщики — 5 р. 30 коп., банкброшницы — 4 р. 86 к., ставильщики — 3 р. 85 к.; оклад кузнецов равнялся 14 р., слесарей и столяров — 12 р. 50 к., молотобойцев — 7 р. 50 к., чернорабочих и сторожей — 5 р. 70 к.

Эти цифры близко подходят к тем, которые приводились для бумагопрядильни Борисовского во Владимирской губ., так что их можно считать типичными¹⁾. Там, где, как на Гусевской бумагопрядильне Мальцева, работа производилась почти исключительно крепостными, заработная плата для слесарей, токарей и прядильщиков показана значительно меньшей, именно 8 р. против 12½ р.; остальные же получали почти столько же: трепальщики и чесальщики — 7 руб., мотальщицы 4 — 4 р. 50 к., банкброшницы, ленточницы и прядильщицы — 3 р. 50 к., ватерщицы и ставильщицы (от 12 до 14 лет) — 2 р. 25 к.

На хрустальном заводе Мальцева мастера в шлифовнях и рисовнях получали по 10 р., в гуте — 8 р., золотари и гончары — 6 р. 50 к., ученики от 15 до 20 лет — 3 р. и мальчики-приемщики — 2 р. в месяц.

Вышеозначенные оклады получали рабочие, находившиеся на собственном содержании. Относительно стоимости последнего один автор сообщает, что „за три рубля сер. в месяц во всей Владимирской губернии имеют весьма хорошую пищу; когда же расчеты их дозволяют в артелях исхарчить только 2 р. 15 коп., то они получают более грубое, но сытное содержание“. На фабрике Борисовского (в Переяславле-Залесском), по свидетельству другого источника, „все рабочие состоят на своих харчах, которые, большей частью, держат особняком и лишь немногие — артелями. Содержание рабочих в артели обходится до 2 р. сер. в месяц“.

Несмотря на дешевизну содержания, всё же выходит, что заработок женщин и детей, колеблясь от 2 р. до 4 р. 50 к., только едва-едва покрывал расходы по продовольствию. Заработок взрослых мужчин начинается от 6 — 7 руб. и доходит до 12 — 13 р., реже — 15 рублей; выше этого идут уже оклады подмастерьев и мастеров.

По словам Я. Гарелина, фабричное население можно разбить на три группы. К первому принадлежали колеристы, механики, рисовальщики, гравера, накатчики, приказчики и конторщики. Разряд этот стоял довольно высоко в отношении к образованию: часть их получала даже специально-техническое образование, как, напр., механики; другие также были развитой народ в силу того, что само занятие требовало от них более обширных знаний, чем от простого рабочего. Ко второму разряду относились резчики, слесари, столяры,

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1858, т. II и IV.

кузнецы, приказчики 2 разряда, пристава, мытильщики, заварщики, набойщики, ткачи, сновальщики, трифовальщики, шпульники и шлихтовальщики. Здесь можно было найти всевозможные степени образования, начиная с такого, которое подходит к специально-техническому, и кончая полной безграмотностью. В третьем разряде считались сторожа и чернорабочие, которые употреблялись в качестве механической силы при различных производствах. Эта категория рабочих составляла сословие, которого побаивались все. Получая за труд свою ничтожную плату, вечно рискуя потерять место, они озлобились и при каждом удобном случае метили хозяевам за свое угнетенное положение ¹⁾.

В Москве продовольствие обходилось дороже, составляя в конце изучаемого периода около 4 руб.; заработная плата также была здесь несколько выше, начинаясь от 8 — 9 руб. в месяц. По сравнению с уровнем второй половины XVII века это означает номинальное повышение в 12 раз. Цена же хлеба за это время поднялась в 5 и мяса — в 7 раз. Таким образом, повышение заработной платы было не только номинальным, но и реальным. Во время посещения Москвы Кильбургером в 1674 г. четверть ржи стоила 70 коп., а пуд мяса — 28 к.; на свой дневный заработок в три-пять копеек рабочий мог приобрести на рынке 16 фунтов хлеба или около 5½ ф. мяса. В пятидесятых же годах XIX века при дневном заработке в 35 — 40 коп. можно было купить на эту сумму 30 ф. хлеба и 7 ф. мяса.

Развитие фабрично-заводской промышленности вызвало оживление хозяйственной деятельности, увеличило количество производимых ценностей, усилило подвижность и активность рабочего населения; следствием этого явилось некоторое улучшение его положения, нашедшее себе отражение в повышении заработной платы. Иностранцы путешественники, посетившие Россию допетровского времени, единодушно отмечают скудость вознаграждения и низкий уровень жизни рабочего населения. Отмечая вялость и слабую активность русского народа, Флетчер, напр., приписывает это „частью холоду..., частью же пище, которая состоит преимущественно из корней, чеснока, капусты и подобных произрастаний, производящих дурные соки; они едят их и без всего, и с другими кушаньями“. По словам другого наблюдателя, русские „привыкли к грубой и дурной пище и мяса употребляют мало. Ежедневная пища их состоит из каши, репы, капусты, свежих и соленых огурцов, а в Москве из крупной, большею частью, соленой рыбы... Главный напиток людей победнее — вода и квас“. Этот характер пищи сохранился в существенных чертах и двести пятьдесят лет спустя. При посещении России в 1843 г. известный путешественник Гакстгаузен точно также отмечает, что „главная пища русского народа состоит из хлеба; картофель в большей части мест еще неизвестен, из овощей только капуста в большом распространении.

²⁾ Город Иваново-Вознесенск. 1884 г.

Мясо, молоко, масло потребляются очень мало. В армии выдается на каждого солдата $2\frac{1}{2}$ ф. хлеба в день и, кроме того, каша. Здоровый русский поселянин не может обойтись без 3 фунтов хлеба¹.

Однако, наряду с этим, в городах—и прежде всего, конечно, в столицах—среди фабрично-заводских рабочих начинают возникать новые потребности и меняется характер потребления. Уже Шторх отмечает, что белый хлеб в Петербурге составляет „наиболее обыкновенную пищу даже среди самых низших и беднейших слоев населения“. Точно также потребление мяса, по его словам, нигде, кроме разве Лондона, не достигает таких размеров, как именно здесь... В этом замечания есть большая доля преувеличения, но всё же нужно признать, что потребление мяса как в Москве, так и в Петербурге значительно выросло: в первой оно составляло около 90 и во втором—52 золотника на человека в день, исключая посты; в Париже потребление мяса исчислялось в 28, а в Лондоне—в 63 золотника на человека. Вина было выпито за пять лет с 1818 г. по 1822 г., в среднем, около $4\frac{2}{7}$ ведра в год на человека, что составляет ежегодный расход в размере 40 руб. Заметно выросло также потребление пива, которое служило предметом „некоторой роскоши в быте нашего народа“: с 56.030 ведер в 1828 г. оно увеличилось до 243.551 ведра в 1832 г. ¹)...

По мнению А. Гакстгаузена, едва ли даже можно было найти другую такую страну, где бы „заработная плата относительно стоимости предметов первой необходимости была так высока, как в России“ (98 стр.). Если даже в общем это и не так, то во всяком случае известного симптоматического значения за подобным заявлением отрицать нельзя: если не ошибаюсь, оно является первым в устах иностранных путешественников, которые в описаниях Московии XV—XVII веков обращали внимание только на чрезвычайно низкий уровень жизни трудящихся масс. Очевидно, в промышленных районах появились некоторые слои рабочего населения, которые производили уже впечатление известного довольства и заставляли говорить об очень высокой плате за труд²).

Большой интерес в смысле характеристики момента представляет докладная записка, представленная Николаю I московским генерал-губернатором Закревским в конце 1848 г.

Как указывается в записке, из выработанных денег весьма редкие рабочие доставляют в родительский дом $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{3}$, немногие $\frac{1}{2}$, всего обыкновеннее $\frac{1}{3}$, а некоторые вовсе ничего. На размер свободного излишка имеют большое влияние нравственные качества рабочих, подвергающихся на каждом шагу искушениям столичной жизни. По отзыву стариков, дети их, работающие на фабриках в Москве, приносят в дом денег менее против прежнего, частью потому, что с умножением машин уменьшилось требование рабочих рук и задельная плата; частью же по несчастной привычке к роскоши (!) и прихотям,

¹) Статистические сведения о Санктпетербурге. 1836 г., стр. 208—215.

²) Москва в ее прошлом и настоящем. Часть вторая, стр. 92—93.—А. Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни России, т. I. 1869 г., стр. 119.

иных они прежде не знали. К числу таковых прихотей, поглощающих их заработок, относятся: 1) щеголеватость одежды и обуви, введенные в непременную обязанность вспрыски или угощение своих сотоварищей при поступлении на фабрику и при всяком возвышении платы, 3) посещение трактиров и харчевен, употребление чаю и вин и курение табаку. Хозяева же, не имея власти воздерживать своих рабочих от пьянства и мотовства, ограничиваются одними вычетами прогульных дней и обращаются в полицию с жалобами только в случае оказанных им обид или учиненных преступлений.

Признавая подобное положение нетерпимым, Закревский считал настоятельно необходимым принятие некоторых решительных мер для поднятия нравственности рабочих, а именно: 1) вменить в обязанность хозяевам и управляющим строго смотреть за нравственностью своих рабочих, удерживать их от лености, пьянства, мотовства и всякого разврата. В случае неповиновения или неисправления эти лица должны немедленно отсылаться в местную городскую часть, где, не входя ни в какие разбирательства (!), они подвергаются полицейским исправительным наказаниям с возвращением к хозяевам. 2) Хозяева должны не допускать между рабочими никаких вспрысков, могарычей и пирушек; с нарушителями же сего поступать на основании предыдущей статьи. 3) Фабричных рабочих не впускать в трактиры и рестораны, согласно пункту 144 положения о трактирных заведениях, распространив это запрещение и на харчевни, ибо рабочие получают от своих хозяев необходимую пищу, а харчевни приучают их только к губительному мотовству и разврату ¹⁾...

Представление московского генерал-губернатора в этой своей части не встретило, однако, поддержки в министерстве финансов, которое сделало резонное указание, что фабричные рабочие не имеют особого покроя платья, по которому их можно было бы отличить от других посетителей харчевен, а потому проведение в жизнь означенного запрещения встретило бы непреодолимые трудности. Закревский не нашелся, что возразить на это, и право посещения харчевен осталось за рабочими. Для николаевского режима и это было уже победой новых веяний времени...

Выставленное мною положение о повышении реальной заработной платы в нашей крупной промышленности к концу крепостного периода нуждается, однако, в некоторых поправках. Так, во-первых, оно относится лишь к труду взрослых мужчин, занятых на фабриках и заводах; вознаграждение же для женщин и детей было в абсолютных цифрах по крайней мере в $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ раза ниже и, являясь очевидно недостаточным для полного покрытия расходов по содержанию, служило лишь дополнением к семейному бюджету. Между тем, с развитием промышленности область применения женского и детского труда всё более и более расширялась, и, таким образом, предприниматели компенсировали себя усилением его эксплуатации за вздорожание мужского труда.

Затем, это повышение обнаруживается преимущественно лишь по отношению к категории вольнонаемных рабочих; среди казенных же и в особенности

¹⁾ Архив д-та полиции исполнительной, дело № 5 за 1849 г.

среди крепостных, прикрепленных к частным заводам, его, как общее явление, констатировать не приходится.

Наконец, даже среди вольнонаемных рабочих имелись своего рода пари, вознаграждение за труд которых было на много ниже среднего уровня.

Это наблюдалось, по преимуществу, в тех производствах, где господствовали мелкие предприятия с отсталой техникой и где отношения между владельцами их и рабочими отличались наибольшей патриархальностью. Так, напр., про рогожное дело в Калуге сообщается, что оно — самое малоценное, и чтобы выработать 18—20 руб. сер., следующих с тягла и составляющих барский оброк, да еще казенные подати, необходима работа мужчины и двух детей или женщин, составляющих так назыв. стан, по 20 часов ежедневно в продолжение полугода.

Стан выделывает в неделю рогож рубля на два, из коих хозяин вычитает целковый за хлеб и 30 коп. за харчи. Значительную часть этих рогожников составляли лица, отдаваемые в наймы помещиками за недоимки ¹⁾).

Само собой разумеется, что в тех отраслях, которые в силу тех или иных причин клонились к упадку, также не могло быть речи о тенденции платы к повышению. Когда в Казанской губ. процветало поташное дело, доставлявшее заработок всему местному малоземельному крестьянству, последнее не имело крайней необходимости добиваться маловыгодной работы на судах, а потому судохозяева были вынуждены платить бурлакам от 70 до 100 руб.

Но в тридцатых годах, в связи с появлением конно-машинных судов, довольствовавшихся меньшей рабочей силой, а также вследствие усиления безработицы на поташных заводах плата судорабочим понизилась до 35—40 руб. за весь сезон ²⁾).

Точно так же в Иваново-Вознесенском районе под влиянием введения механического производства заработная плата, стоявшая в начале столетия на очень высоком уровне, к пятидесятым годам упала, и некоторые профессии рабочих стали получать не только относительно, но даже абсолютно меньше, чем раньше.

ГЛАВА VI.

Жилищные условия.

В силу естественных условий производства горные заводы и промыслы возникали обычно вдали от населенных мест. Поэтому, при основании заводов приходилось заботиться, между прочим, и о снабжении постоянных рабочих жилищами. При изобилии леса и простоте построек сделать это было нетрудно, и большинство мастеровых сами обзаводились небольшими домиками. Стремясь в собственных интересах создать кадры оседлых, прочно привязанных к месту

¹⁾ „Промышленность“ 1861, т. I, № 5.

²⁾ Архив истории труда в России, 1921, книга вторая.

рабочих, заводоуправления охотно снабжали их бесплатно лесом и другими необходимыми принадлежностями.

Согласно описи семи железных заводов в Тульском, Алексинском и Каширском уездах, произведенной в 1690 г. подьячим Пушкарекого приказа Севергиным по поводу передачи их от наследников Марселиса в ведение боярина Нарышкина, почти весь личный состав заводских мастеровых имел свои отдельные дворы с постройками, принадлежащими частью заводу, а частью непосредственно обитателям. Так, напр., про двор иноземца „французские земли“ Якова Петрова говорится: „на дворе хозяйские строения — изба с сенями, в сенях погреб, да его Яковлева строения изба, ледник“. Таковых — преобладающее большинство, и только в редких случаях попадаются такие дворы, как у крестьянина Липецкой волости Ивашки Федосеева, где „строение всё его“.

Дворы эти не отбирались и после смерти их владельцев, даже бездетных, а представлялись в распоряжение вдовам. На Чепцовском заводе против немецкого двора „построена слободка, а в ней русские пришлое люди из разных городов и из волостей, а иные купленные иноземца Петра Гаврилова сына Марселиса, и после смерти его Петровой отпущены на волю и с теми отпусками живут на заводах и работают из найму“ — некоторые по 20-30 лет, а другие — от рождения ¹⁾.

При возникновении горнозаводской промышленности на Урале заводоуправления отпускали и лес, и денежные пособия для постройки [рабочих жилищ. Описывая свое посещение только что основанного города Екатеринбург, немецкий путешественник Гмелин отмечает, что в нем „нет ни одного дома, который не был бы построен на казенный счет, и потому все дома заселены частью правительственными чиновниками, частью мастерами, принадлежащими к заводам“ ²⁾. При основании казенного Луганского завода в 1795 г. были построены „дома для директора, магазинов и мастеровых“ ³⁾. Когда в 1807 г. на Урале была образована особая группа непрременных работников, пополняемых из рекрут, поставляемых приписными крестьянами, которая должна была посвящать себя исключительно работам при заводах, освобождаясь от обязательных работ приписным крестьянам Пермской, Тобольской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерний были вменено в обязанность снабжать непрменных работников каждого одним домом ⁴⁾. Давая поручение обследовать положение мастеровых Авзяно-Петровских заводов, пермский губернатор писал: „буде же чиновник найдет, что люди сии, как вновь приведенные (из рекрут) с женами и семействами, не успели еще обзавестись хозяйством и домами, то на оное дать потребное время и способы, или приказывать сделать дома на счет заводской суммы, которую они могут заменить работою“ ⁵⁾.

¹⁾ „Оружейный Сборник“ 1875, №№ 1, 2 и 4.

²⁾ Gmelin's, Reisen durch Sibirien. Erster Theil, S. 112.

³⁾ Архив министерства внутренних дел, дело № 3, за 1797 г.

⁴⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 22498.

⁵⁾ Архив департамента полиции исполн., дело № 29 за 1810 г.

Фактически огромное большинство заводского населения, за исключением холостых и пришлых, действительно располагало самостоятельными жилыми помещениями. Описывая посещение Юговского завода, где находилось 1.597 мастеровых и непременных работников, комиссия, командированная в 1822 г. для обследования уральских заводов, пишет: „Почти все они имеют свои собственные дома, кроме некоторых холостых, поступивших на заводскую службу из рекрутских наборов, которые еще не обзавелись домоводством“ ¹⁾.

Право пользования принадлежащим казне домом сохранялось за рабочим всё время, пока он оставался на заводской территории. Согласно ст. 250 Устава Горн., когда мастеровой или непременный работник, выйдя в отставку, пожелает жить в заводе, то заведенный на казенное пособие дом и прочее, к нему принадлежащее, у него не отбирается, а дозволяется ему всем тем пользоваться до тех пор, пока продолжится жительство его на заводе. Если же уволенный в отставку мастеровой или непременный работник, не имеющий себе наследников заводского ведомства, не пожелает и сам оставаться в заводе, то всё заведенное и устроенное им на счет пособия казны отбирается от него в казну для передачи по новой оценке другому рабочему, который по усмотрению начальства будет иметь в том нужду.

На частных заводах эти выстроенные трудами самих рабочих постройки точно также считались обычно собственностью владельцев завода, отдаваемой в пользование рабочим, но бывало, что дома находились в полном распоряжении рабочих. Так, в описании Пермской губернии говорится, что „во всех заводах Лазарева мастеровой имеет усадьбу, которой пользуется, как своей собственностью, т.е. может продать ее, заложить, но только не иначе, как людям того же владельца. На постройку домов, женитьбу и в других особых случаях мастеровым выдаются ссуды из особого капитала“ ²⁾.

Закон 1847 г. разрешил выдавать рабочим уральских казенных заводов пособия для постройки кирпичных домов на следующих основаниях: 1) желающему выстроить означенное помещение отпускается от заводууправления строительный кирпич и дается на полгода льгота от казенных работ, но без выдачи жалования и провианта как на себя, так и для семейства; 2) увольняется к строящемуся на собственное его содержание один или двое мастеровых, знающих каменное или плотничье дело; 3) отпускается потребное количество леса из ближайших дач и 4) отпускается неимущим прочий строительный материал в долг, по заводской цене, без наложения процентов. Уплата денег за выданную ссуду распределялась на 10 лет с начислением 6% на остающуюся сумму.

Но большого распространения этот закон не мог получить вследствие скудного материального положения заводского населения.

Господствующим типом построек были небольшие деревянные домики, рассчитанные на одну семью. Так, в 1857 г. в Пермской губернии на 121

¹⁾ Архив департамента полиции исполн., дело № 230 за 1820 г.

²⁾ Мозель. Пермская губ., ч. II, стр. 267, 1864 г.

горном заводе имелось 65.015 домов и дворов с населением в 362.924 души. На один дом, следовательно, приходилось $5\frac{1}{2}$ душ (в деревнях каждый дом вмещал в себе средним числом около шести душ).

Кое-где на Урале, в виде редкого исключения, практиковался и способ казарменного размещения рабочих. Так, во время волнения среди заводских людей княгини Белосельской в Оренбургской губернии встречается, между прочим, жалоба на то, что дети содержатся не в казармах, а в дурных и тесных балаганах ¹⁾.

Жилища казенных мастеровых, — говорится в описании Пермской губ., — строятся, по большей части, деревянные, в один этаж; впрочем, на некоторых заводах имеются и двухэтажные деревянные и небольшие каменные дома; вообще, заводские люди, не имея недостатка в лесе, обстроены весьма хорошо. Относительно заводского населения частных владельцев сообщается, что „дома мастеровых почти все имеют одинаковую форму и состоят из избы и одной или двух горниц или просто из двух изб, разделенных сенями, и строятся всегда вдоль улицы. Внутри дома всё содержится по большей части в опрятности“ ²⁾.

Подобный же характер носили жилищные условия на Алтае. Согласно положению 1828 г. о Кольвано-Воскресенских заводах „мастеровые водворяются при тех самых рудниках и заводах, где должны исправлять назначенные им работы, исключая мастеровых, занимающихся урочными работами, которые могут жить по своему желанию при заводах, рудниках, в селениях приписных крестьян или особенными селениями. Мастеровые, кроме урочных, помещаются еще на житье в казармах, а где оных недостаточно, там распределяются по квартирам. Мастеровому дозволяется иметь и собственный дом, если пожелает оный устроить своим иждивением. Для построения таковых домов отводится место и дается потребное количество лесу“.

Большинство населения на Алтае, действительно, размещалось, как и на Урале, в собственных домах. Вот как описывает Ледебур, посетивший Алтай в 1826 г., быт приписных крестьян, занимавшихся вспомогательными работами при заводах. „Крестьянские дворы, соединенные в деревни, составляют улицы или разбросаны в беспорядке один возле другого; но каждый двор огорожен забором. Дома построены без окон, на каменных фундаментах, составляющих нижний этаж и служащих обыкновенно подвалом для хранения припасов. В самое жилье, над каменным фундаментом, состоящее из двух или трех комнат, ведет лестница; один из покоев, с большой печью, служит вместе и общей комнатой для всего семейства. Хозяин дома с женой живет во второй комнате, уступаемой в случае нужды гостю. Всё чисто, опрятно и не закопчено дымом, который выходит через трубу. Около стен стоят скамьи, перед ними в углу стол, но стулья здесь редки; к стене прикрепляются кноты для образов. Рядом с печью помещается или кровать или ткацкий станок хозяйки, или висят шубы и тулупы; а иногда там же стоит шкапик со стаканами,

¹⁾ Архив III-го Отделения собств. е. в. канцелярии, дело 4 экспед., № 151 за 1829 г.

²⁾ Мозель. Пермская губерния, т. II.

чашками и фаянсовой посудой. В окна вставляются стекло, бумага, рыба кожа или бумажная материя“ ¹⁾.

Что касается заводского населения в собственном смысле слова, то, по свидетельству того же Ледебуря, оно жило более зажиточно, и характер его построек не представлял каких-нибудь значительных особенностей— „почти у каждого есть свой дом, сад, лошади, скот, поля, сенокосы, и, кроме того, они пользуются еще правом бесплатной рубки леса“.

Казарм, о которых упоминается в положении 1828 г., фактически почти вовсе не было, за исключением разве золотых приисков.

Таким образом, жилищные условия основного горнозаводского населения в общем можно признать довольно удовлетворительными. Значительно хуже обстояло дело на золотых промыслах как частных, так и казенных, где рабочее население, вследствие целого ряда причин, имело более текучий характер. Вот, напр., какими чертами рисуется положение дел на золотых промыслах Сибири, которые начали развиваться с конца двадцатых годов XIX столетия. Жилища здесь строились обычно самими рабочими; для этого, по приходе на прииск, хозяева давали им несколько свободных дней. Но в некоторых договорах рабочие обязывались „постройку балаганов, избушек, бань и прочего сделать собственнo сами в такое время, в которое мы будем свободны от хозяйских работ“. Так как эти постройки не являлись собственностью рабочих, и, вместе с тем, последние не получали вознаграждения за свой труд, то, несмотря на изобилие леса, означенные жилища носили очень примитивный характер. По словам д-ра Кривошапкина, „при начале развития золотопромышленности в Енисейской тайге помещения для рабочих срубались наскоро, кое-как. Оттого теснота, темнота и нечистота в них способствовали развитию болезней, особенно цынги“ ²⁾. Избушки строились по приходе на прииски, в марте месяце, следующим образом: на голой земле, без пола, срубались стены от 2 до 3 сажень длины, от 1¹/₂ до 2 ширины и не более 2¹/₂ аршин высоты. Внутри избушки складывалась черная печь в виде груды камней, без трубы; во время топки ее дым не мог выходить в отверстие на потолке, и потому большая часть избушки наполнялась дымом. Около стен делались нары; окошки были маленькие. „Если припомним грунт земли, время, когда они строились, да прибавим, что в каждой из таких избушек жило столько человек, сколько могло поместиться, что тут же высушивали свою вымокшую на работе одежду и наполняли воздух как прелым от нее запахом, так и испарениями постоянно разгоряченного в тяжелых работах тела, то и можно заключать, что едва ли эти избушки не хуже якутских зимников и самоедских чумов: там хоть свету божьего меньше, да есть по крайней мере пол, а огонь, разводимый среди чумов, очищает воздух“.

Рабочие в южной системе помещались в курных избушках, в которых есть нары и в большей части полы; в северной же системе — в землянках и

¹⁾ Риттер. Землеведение Азии, т. III, стр. 245—246, 1860 г.

²⁾ „Промышленность“ 1861, т. II, кн. 1.

курных избушках без полов, а в некоторых местах и без нар. Многие из золотопромышленников пытались строить хорошие большие избы-казармы на 25—30 человек, но никак не могли заставить рабочих жить в них: „те, которые пробовали жить в таком многолюдстве, через несколько дней приходили к хозяевам с жалобами, что их обокрали“.

По другим сведениям, рабочие предпочитали селиться в небольших избушках потому, что им было удобнее приносить туда золотоносный песок и тайно промывать золото в свою пользу. В пятидесятых годах курные избушки и землянки стали исчезать, и появляются большие казармы. В санитарном отношении они были выше избушек, но также не отличались благоустройством: казармы строили зимой или весной на мерзлой земле, и так как пол в них стлали по середине, а у стен под нарами его не было, то в теплое время земля оттаивала, и испарения наполняли казарму. Нары делались обычно в два ряда, и жило в казармах нередко по 200 человек. „Как бы то ни было, между казармами и прежними избушками, — говорит д-р Кривошапкин, — большая разница, и заведение их нельзя не считать в числе обстоятельств, ослабивших развитие цынги и других болезней. Впрочем, на южной системе мне пришлось видеть оба устройства, но... в лучшем виде: там есть мелкие избушки, но с полом и с хорошей русской печью; там и казармы не так громадны, с одним только рядом нар, да и с полом под ними“.

Что касается обрабатывающей промышленности, то, поскольку она размещалась вне городских поселений, жилищные условия для рабочих не отличались существенно от тех, какие господствовали на горных заводах и промыслах. Мастерские, крепостные и посессионные, будучи прикреплены к одному месту, обзаводились обычно собственными избами, выстроенными при материальной поддержке со стороны фабричной администрации.

Так, напр., на Фряновской фабрике в начале XIX столетия рабочие жили в собственных избах, и при каждом дворе были небольшие огороды; дрова и лес на постройку они получали от владельца. То же самое сообщается о Купавинской и Ярославской мануфактурах ¹⁾.

Так как крепостные, по закону, не могли иметь недвижимой собственности, то дома эти считались находящимися в пользовании у их обитателей. Но, при издании закона 1840 г. о предоставлении владельцам посессионных фабрик права отпускать принадлежащих им людей на волю, было, между прочим, постановлено, что движимое имущество и дома, если последние построены собственными их средствами, должны быть оставлены за рабочими.

Некоторое представление о быте этой группы рабочих дает Я. Гарелин в своем описании г. Иваново-Вознесенска. „Обыкновенное устройства дома, — говорит он, — было таково: передняя изба, сени и задняя горница, которая строилась обыкновенно без печи. В передней, где очень много места занимала печь, жило всё семейство, из скольких бы человек оно ни состояло.

¹⁾ Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 185—195, 1898 г.

Горница служила для склада различных предметов, необходимых в хозяйстве, и разве в летнее время служила для приема гостей. У каждого окошка в жилой избе помещался ткацкий станок, на котором работали женщины; тут же в избе на зиму помещали мелких домашних животных, требующих тщательного ухода за собой; под печью обыкновенно помещались куры. Воздух при отсутствии вентиляции портился до невозможности, и в такой атмосфере жили и подрастали поколения¹⁾.

По отношению к вольнонаемным рабочим, поскольку они не рекрутировались из окрестных деревень, предпринимателям приходилось брать на себя заботу о возведении жилых построек при фабриках.

Уже в регламенте 1741 г. для суконных фабрик рекомендуется построить „способные казармы надзирателям, мастеровым и рабочим людям на их коште (к чему некоторые фабриканты добровольно уже и обещались), дабы они частью для своих дел, частью же при других чрезвычайных случаях всегда по близости были“.

Постройка казарм для рабочих действительно получила у нас широкое распространение, и только в редких сравнительно случаях практиковалась иная форма разрешения этого вопроса. Так, на Гусевской бумагопрядильне Мальцев устроил для своих мастеровых крестьянские дома, состоящие из двух отделений и для двух семейств, а при размещении их наблюдалось, чтобы рядом с семейством более трудолюбивым и нравственным находилось семейство, страдающее пристрастием к спиртным напиткам.

На хрустальном заводе Мальцева, расположенном в селе Гусь, помещения для мастеровых и рабочих состояли из отдельных деревянных и каменных домов, коих в середине 1850-х годов насчитывалось 242.

В последнее время заводу управление нашло более целесообразным возводить вместо деревянных каменные постройки, с засыпкой в стенах мелкого древесного угля; таких домов построено было 13.

На Вознесенской мануфактуре Дмитровского уезда, где работало до 2.200 человек, имелось шесть особых домов для директора, англичан-мастеров и приказчиков; кроме того, для жительства рабочих было выстроено 12 двухэтажных деревянных корпусов на каменном фундаменте, из коих три занимали протяжение до 40 сажен.

Как в казармах, так и в семейных рабочих домах, наблюдалось обычно сильное переполнение и полное отсутствие каких бы то не было удобств. „Все—бабы, девки, молодые парни, дети, старики и старухи“—все помещались вместе и спали вповалку друг возле друга на нарах, кому где оставалось место²⁾.

В описании быта рабочего населения в г. Шуе и его уезде отмечается, что многие „помещений особых не имеют; ночлег дурной, тесный и гряз-

¹⁾ Город Иваново-Вознесенск, стр. 40—41. 1884 г.

²⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1848 № 2.—А. Голицынский. Очерки из фабричной жизни, 1861.

ный—это кухня; спят на голом полу. Русскому человеку всё трын-трава, у него здоровье чуть ли не железное; летом есть у них лачужки или шалаши, сделанные бог весть из какой дряни; между ними много и таких, которые в общей артели не харчуются, за то и ночлегом теплым не пользуются; это просто какие-то горемыки: спят зимой на открытом воздухе, да еще в мокрых онучах; много-много, если придется переночевать в паровиках, где с одной стороны жарко, а с другой холодно“¹⁾.

Даже в самих столицах жилищные условия были настолько неудовлетворительны, что обратили на себя внимание правительства. В всеподданнейшей записке о мерах к улучшению состояния рабочих на фабриках, представленной министром финансов Канкриним в 1835 г., между прочим, предлагалось внушить фабрикантам через московское отделение мануфактурного совета, чтобы 1) они пеклись о чистоте воздуха в мастерских и рабочих палатах, не дозволяя в оных оставаться рабочим по ночам, и имели бы для сего отдельные покои и 2) чтобы мужчины и женщины имели для ночлега отдельные и не слишком тесные помещения. На этой записке Николаем I была сделана надпись: „прекрасная мысль; стоит повсеместного введения“.

Однако, при обсуждении ее в московском отделении мануфактур-совета последнее решительно высказалось против того пункта, в котором предлагалось фабрикантам не оставлять рабочих ночевать на фабриках. По словам отделения, на всех московских фабриках, кроме очень немногих, рабочие ночуют в самых рабочих комнатах, и это для них очень полезно, так как наблюдение за чистотою воздуха в мастерских, где каждый рабочий отделен от другого станом, столом или другим каким-либо снарядом, гораздо легче, чем в особых казармах, где воздух от массы людей неминуемо должен портиться.

Во исполнение высочайшей воли отделение тем не менее избрало трех членов для обозрения фабрик, которое, конечно, мало подвинуло дело к улучшению. Из сообщения председателя отделения новому министру финансов в 1844 г. видно, что „в результате двухлетних его усилий, не более 20 самых благонамеренных в Москве фабрикантов последовало внушениям отделения, приняв по возможности к исполнению высочайшую волю“.

В конце 1840 г. импер. Николай, посещая городские больницы в Петербурге, обратил внимание, что больные из рабочего класса имеют вид изнуренный. В виду возникшего предположения, что это происходит от дурного помещения их на квартирах и замедлений в подаче медицинской помощи, вскоре затем была образована особая комиссия под председательством Буксгевдена для рассмотрения быта рабочих людей и изыскания средств к улучшению их положения. Буксгевден лично осмотрел все фабрики в городе и, кроме того, заводы и помещения рабочих в разных частях, всего 473 заведения с 12.779 мастеровыми. По его наблюдениям, все вообще чернорабочие и во многих заводах мастеровые помещаются весьма тесно в душных подвалах

¹⁾ „Журнал М-ва Внутр. дел“ 1847, сентябрь—Фабричный, ремесленный и чернорабочий класс в г. Шуе и его уезде.

или в квартирах сырых, холодных и неопрятных; спят, где попало: ткачи на станках, пирожники, калашники и пряничники на столах, где катают тесто“. Временных помещений для прибывающих в Петербург рабочих и промышленников осмотрено 57 с 1.623 жильцами, при чем обнаружилось, что „квартиры сии чрезвычайно неопрятны, сыры и так тесны, что в одной комнате найдено до 50 человек разного пола и возраста, что неизбежно разрушает и физические, и моральные силы“.

Комиссия признала желательным образование особого попечительного комитета, который входил бы во все нужды рабочих и оказывал им в случае надобности справедливую защиту, а также немедленное принятие нижеследующих мер: 1) настоять, чтобы для ткачей, пирожников, калашников и пряничников были устроены надлежащие ночлеги и чтобы во всех вообще заведениях были устроены форточки для очищения воздуха; 2) установить надзор, чтобы содержатели тех квартир, где проживают чернорабочие, наблюдали в них опрятность и чистоту; 3) убеждать фабрикантов, заводчиков, мастеров и подрядчиков к человеколюбивому и советливому обращению с мастеровыми и рабочими во всех отношениях и особенно в случае болезни.

Одновременно с этим состоялось высочайшее повеление о возложении на подрядчиков обязанности иметь для рабочих квартиры не сырые и не вредные для здоровья, а чиновникам полиции предписывалось строго следить, чтобы они были размещены сколь возможно просторнее и в сухих квартирах и чтобы больные не оставались в них без медицинской помощи, а немедленно отправлялись в больницы¹⁾.

Едва ли, однако, можно сомневаться, что подобные мероприятия, основанные на обращении к „човеколюбию“ фабрикантов, не оказывали скольнибудь значительного влияния на улучшение жилищных условий для рабочего населения.

Г Л А В А VII.

Санитарные условия и обеспечение при потере трудоспособности.

Санитарные условия горнозаводского и фабричного производства в первый период его существования привлекали к себе очень мало внимания как руководителей промышленных предприятий, так и государственной власти и посторонних наблюдателей. Поэтому сведения источников по данному вопросу очень скудны.

В рудниках, где работы производятся под землею, рабочим угрожают обвалы. Змеиногорские рудники на Алтае уже при Палласе, совершившем путешествие в 1771 г., доходили до 80 сажен глубины, а в начале девятнадцатого века—до 110 сажен. По словам Ледебурга, посетившего их в 1826 г., „ходы и галереи только в главных местах поддерживались деревянными

¹⁾ Архив III-го Отдел. собственной е. в. канцелярии, дело № 263 за 1840 г. и № 68 за 1842 г.—об улучшении быта рабочих и ремесленников в С.-Петербурге.

крепями. От неосторожности при взрыве для добывания руд из твердых пород часто случаются несчастия, и потому здешние госпитали полны“. В плавильном деле работы считаются чрезвычайно тягостными „по резким переходам от сильного мороза (до 30° по R) в сильный жар плавильных печей“¹⁾. Описывая Кыштымский завод, Паллас замечает: „молоты льют здесь из чугуна, и нередко случается, что мастеровые и работники либо жизнь отшибившимися от молотков иверьями теряют, либо членов лишаются“²⁾. Дела о несчастных случаях с рабочими, сопровождавшихся смертью, по свидетельству Зобнина, нередко разбирались в военных судах, но постоянно оканчивались таким приговором—„за неотысканием виновных в смерти мастерового такого-то дело предать воле божьей“³⁾.

Как мало принимались во внимание интересы рабочего населения, видно из того, что многие заводы строились среди селений, дома которых были черны от дыма. На золотых промыслах рабочие страдали от ревматизма, находясь постоянно в воде, а также от обвалов. Особенно тяжелыми считались работы на алтайских промыслах, принадлежащих кабинету его величества. В отличие от частных промыслов, где работы продолжались только с весны до осени, здесь они производились также и зимой. Замерзшую землю приходилось оттаивать; постоянный дым, сырость и холод действовали губительно на здоровье, и отравление на золотые промыслы рассматривалось, как приговор к смерти.

Солеварение, особенно в так назыв. черных варницах, также принадлежало к весьма тяжелым занятиям. Зимой приходилось работать на сильном сквозном ветру и в таком тумане (от охлаждения пара), что даже привычный глаз ничего не разбирал. Кроме того, вредно действовал сернистый водород и хлор, выделяемые при кипении рассола; поэтому чахотка между солеварями была болезнью обыкновенной, и редкий из них достигал старости. Даже служащие (техники) жаловались на вред здоровью от своих занятий⁴⁾.

Работы на вольном воздухе также имели свои отрицательные стороны. „Всего более должны выносить суровость непогоды,—говорится в одном из статистических обозрений,—так называемые подзаводские крестьяне: ранней весной и в глубокую осень живут они по несколько недель в лесах, заготавливая дрова и уголь для горных заводов. А с какой потерей здоровья сопряжены добытки руд и плавки металлов. При том мастеровые, которые исправляют все эти работы, иногда находят смерть в машинах; ушибаются, падая в шахты порою—кончина ужасная—бывают раздавлены обвалом земли в штольнях“.

„Болезни, происходящие от образа жизни и рода занятий, особенно развиты между заводскими мастеровыми и рабочими,— читаем мы в официальном описании Пермской губернии.—Работы на заводах производятся днем и

¹⁾ Риттер. Землеведение Азии, т. III, стр. 245, 1860 г.

²⁾ Путешествие по разным местам государства Российского (1788 г.), ч. II, стр. 162.

³⁾ „Сибирский Сборник“, 1891 г.

⁴⁾ „Горный Журнал“ 1865, № 4.—К. Скальковский. Современное положение солеварения в северных губерниях.

ночью, как при самой сильной жаре, так и при самой сильной стуже, на чистом воздухе и в душных рудниках, на значительной глубине под землею. При этом человек постоянно имеет дело с огнем, водою, рычагами, топором и разными механизмами. Работая при таких условиях, он непрерывно подвергается или внезапной опасности, или медленному влиянию того или другого вредно действующего условия. Поэтому, каждый род занятий характеризуется особыми болезнями. Так, между дровосеками часто случаются раны, ушибы, переломы, а нередко и смерть от внезапного падения дерева. Угольщики часто страдают воспалением глаз, угаром, обжогами, воспалением дыхательных ветвей и легких. Провалы в угольные кучи случаются также нередко. У кричных работников замечается преимущественно ослабление слуха и зрения и даже совершенная потеря последнего от обжога соком прозрачных оболочек глаза. Кроме того, случаются грижи. Плавильщики и литейщики страдают часто обжогами и ревматизмом. У рабочих, занятых обсежкой орудий, происходят частые повреждения глаз, а иногда и совершенная потеря зрения от ранения оболочек обсежками чугуна, вылетающими из-под зубила. Против этого употребляется проволочный щит, но он не вполне защищает глаз. Катальщики железа страдают большей частью воспалением глаз, обжогами, грижами и повреждениями рук под механизмами. Болезни машинистов состоят, главным образом, в повреждении членов, за которым следует иногда и самая смерть. Столяры и плотники, действуя преимущественно острыми инструментами, часто ранят себя и нередко теряют пальцы на руках или ногах. Каменьщики и штукатуры страдают от известковой и каменной пыли, которая производит воспаление легких и глаз. Рабочие, занятые добычей и промыванием золотоносных песков, терпят нередко ушибы и повреждения членов от обвалов земли, а продолжительное пребывание в сырой, иногда болотистой местности без хорошей горячей пищи порождает в них цыngu. При порохоострельных работах, в железных рудниках, взрывы каменных пород нередко производят сильные ушибы и даже смертельные повреждения. Женский пол, будучи гораздо слабее в физическом отношении, несет часто те же тяжелые работы, как и мужчины. Так, здесь женщины занимаются добычей руды, рубкой дров, перевозкой тяжестей и прочими работами, требующими большого напряжения сил. От этого роды бывают неправильны, а от холодов регулы останавливаются, происходят страдания матки и грудей¹⁾.

Работа на ситценабивных фабриках, — по свидетельству Я. Гарелина²⁾, — оказывала чрезвычайно вредное влияние, так как „при набивке ситцев, особенно так называемых саксонских, в состав красок входили ртуть и мышьяк, а также закиси и окиси металлов; кроме того, работа производилась стоя. Пробывши целый день в мастерской (а пришлым из деревень приходилось и целую неделю жить там), мастеровой до того пропитывался испарениями кра-

¹⁾ Х. Мозель. Пермская губерния. ч. II, стр. 653 — 654, 1864 г., и „Журнал М — ва Внутренних Дел“ 1846, № 4.

²⁾ Город Иваново-Вознесенск, с. 41. 1884 г.

сильных веществ, что на далеком расстоянии по общему запаху можно было определить, каким мастерством он занимался“.

Неблагоприятные в санитарном отношении условия горнозаводского производства влекли за собою широкое распространение всевозможных заболеваний среди рабочих¹⁾. Но в течение еще долгого времени после появления крупной промышленности об организации врачебной помощи не было и помину. Мысль об этом появляется только к концу царствования Петра I. Сначала она осуществляется в воинских частях заведенной им постоянной армии, а затем распространяется и на другие учреждения.

Регламент Адмиралтейства, изданный в 1722 году (ст. 47), гласит: „В портах везде надлежит быть госпиталям“. При этом предписывалось на 200 больных иметь одного лекаря и двух гезелей (т.-е. фельдшеров). Порцион для ординарных больных определен был в следующем виде: хлеба 1½ ф. в день, мяса 5 ф. в неделю, круп 4½ ф. и масла ½ ф. в неделю, соли 5 золотников в день и кваса хорошего завсегда. У принятых в госпиталь удерживалась половина денежного жалованья, а хлебное — всё, за время их пребывания в госпитале, на содержание последнего²⁾. Указом 27 января 1724 г. предписано было учредить лекаря с медикаментами при Сестрорецких заводах. В доношении императрице от 8 июня 1725 г. начальник уральских заводов Геннин просил дать ему „лекаря с надлежащими медикаментами. Оное требуется не ради одной моей персоны, а ради тамошних мастеровых людей; понеже без лекаря тамо быть невозможно. И мастеровые люди, как русские, так и иноземцы, от великих работ принимают себе болезни и умирают безвременно, а лечить некому; а на их места иных мастеровых людей сыскывать трудно и дорого становится“³⁾.

По инициативе Геннина в Екатеринбурге вскоре был устроен госпиталь для лечения мастеровых и рабочих, являющийся, повидимому, старейшим из заводских госпиталей. В 1734 г. Тульская оружейная контора просила определить на заводы лекаря „для того, что оружейных мастеров и промышленников имеется на тех заводах без малого до 3000 мужского пола душ и иногда болеют в разных болезнях, а иные и безгодно умирают“. Медицинская коллегия определила на Тульские заводы лекаря Якова Гакмана с набором необходимых медикаментов, предписав вычитать по 1 копейке с каждого рубля, получаемого рабочими в виде сдельной или повременной платы (из них жалование лекарю — 144 рубля в год, а остальное — на медикаменты). Заводский устав, составленный Татищевым в 1735 г., предписывает „больных лечить, для которого доктора медицины, лекарей, аптекари и потребных служителей из нашей заводской казны содержать и для того на медикаменты и госпиталь по указам от всякого и при перемене чинов обретающихся в рангах вычиты-

¹⁾ По штату Колывано-Воскресенских заводов 1849 г. годовое число больных в рудничных и заводских госпиталях определялось в 3,6%, а на золотых промыслах — в 5,3% в общему числу занятых рабочих.

²⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 3937.

³⁾ „Горный Журнал“ 1827, № 1. (Дополнение к жизнеописанию В. И. Геннина).

заемые деньги в медицинскую коллегия не отсылать“. По штату 1737 г. в Екатеринбургском округе полагалось быть доктору, штаб-лекарю и двум младшим лекарям.

Указом 1 мая 1747 г. повелено было лекаря Сибирского гарнизона Цедеркопфа иметь при Кольвано-Воскресенских заводах для лечения тамошних людей от болезней, а жалованье ему давать по окладу из вычетных на медикаменты. Цедеркопф был при заводах до 1752 г., когда был сменен, причем „по распространению тамошних заводов и по множеству на оных служителей“ заведены были штаб-лекарь с учениками и учреждены при указанных заводах и рудниках госпитали с аптекарями¹⁾.

Однако, устройство их в то время было довольно примитивно. Описывая свое посещение Луканского завода (Енисейск. г.) в 1739 г., немецкий путешественник Гмелин сообщает: „госпиталь находится под наблюдением фельдшерского ученика; но для того, чтобы он не мог кому-нибудь наделать вреда, ему полагается быть без всяких лекарств“²⁾. В 1765 г. рабочие Ирбинского завода жаловались, что в лазарете нельзя найти никаких лекарств, кроме слабительного и пластыря. Заболевшие „французской болезнью“ (сифилисом) долгое время не только лишались возможности пользоваться лечением в больнице, но еще подвергались наказанию батожем³⁾.

За пользование госпиталем у мастеровых и урочников удерживалась половина жалованья и провиант, не считая постоянного вычета „на медикаменты“ по одной копейке с рубля.

В объяснительной записке министра финансов к проекту Горного Положения 13 июля 1806 г. отмечается, что „госпитали прежде были учреждены при одних только главных заводах. Больные, несмотря ни на род болезни, ни на какую непогоду, в величайшие жары и в жестокие морозы, перевозимы были с прочих заводов в сии госпитали через несколько десятков верст. Сей переезд их часто причинял им смерть“. В виду столь неудовлетворительного состояния врачебной помощи Горное Положение предписывало учредить госпитали и лекарей при них на каждом заводе как казенном, так и частном — в расчете, что сами предприниматели в интересах человеколюбия и своих собственных пойдут навстречу попечениям государственной власти. „Все заводчики, — говорится в ст. 715, — обязаны иметь госпиталь при каждом заводе на том основании, как такие учреждены при заводах казенных“. Однако, это постановление долгое время существовало только на бумаге. Так, в 1832 г. томская врачебная управа сделала следующее представление местному губернатору: „имея в виду, что на золотопромывательных заводах, принадлежащих разным частным лицам, находится ныне более 2.000 работников, как из ссыльных, так и из государственных крестьян, которые в случае приключившихся им тяжких или заразительных болезней необходимо должны быть жертвами

¹⁾ Полное Собрание Законов, № 10823.

²⁾ Gmelin's, Reisen durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Dritter Theil, S. 297.

³⁾ „Сибирский Сборник“ 1891 г., кн. II.

оных, потому что владельцы заводов, пользуясь доходами не первый уж год, никаких не принимают мер, чтобы подавать в нужных случаях медицинскую помощь“, врачебная управа считала необходимым устроить за счет золотопромышленников временные больницы на их промыслах, по одной кровати на 30 рабочих, и определить туда опытных лекарских учеников с тем, чтобы раз в месяц один из членов управы осматривал эти больницы и руководил лечением. Алтайское горное управление, на рассмотрение коего было передано это представление, с своей стороны также нашло, что золотопромышленники обязаны, на основании Положения 1806 г., иметь на своих промыслах госпитали для лечения больных, но выбор места для больниц, число их и изыскание средств должны быть представлены „общему соглашению самих частных промышленников“. Соответственно с этим заключением губернатором было предписано предложить томским золотопромышленникам устроить совещание по вопросу об устройстве больниц, но оно осталось невыполненным. Позднее, по настоянию администрации, отдельные золотопромышленники стали заводить на своих промыслах госпитали, отличавшиеся довольно примитивным характером, да и то не везде.

В 1845 г. горный исправник довел до сведения начальства, что на Николаевском прииске Серебрянникова нет помещения для больных, и потому заболевшие оставались „в своих закоптелых дымных избушках, одежда на них грязная, изношенная“, и лечил их какой-то „вольнопрактикующий лекарь“. В Восточной Сибири на промыслах Енисейского, Канского и Нижнеудинского округов больные помещались—по словам всеподданнейшего отчета за 1842 г.— „на главных промыслах в лазаретах, а в прочих местах в избушках“. В 1848 г. на 22 промыслах северной системы Енисейской губернии было уже 20 госпиталей, а в южной системе на 23 прииска только 15 госпиталей; в среднем, одна кровать в них приходилась на 24 рабочих.

В отличие от казенных заводов и промыслов, где содержавшимся в больницах оставлялась половина содержания, жалование рабочим за время болезни здесь нигде не платилось; что же касается лечения и содержания в госпиталях, то по одним контрактам они предоставлялись бесплатно, а по другим—за них производились вычеты. Какая практика была более распространенной, сказать трудно; во всяком случае, даже в шестидесятых годах подобные вычеты на золотых промыслах производились нередко ¹⁾.

На Урале, по словам официального обзора, „в казенных и частных заводах устроены больницы и госпитали не только в каждом округе, но почти при каждом заводе. При казенных заводах находятся 13 больниц на 635 кроватей и в частных—62 госпиталя на 1.765 кроватей. Следовательно, при всех горных заводах имеется 75 больниц и госпиталей на 2.400 кроватей“ ²⁾. Однако, нужно принять во внимание, что всего в Пермской губернии насчиты-

¹⁾ В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I (1898 г.), стр. 20, 21, 129—132.

²⁾ Х. Мозель. Пермская губерния. 1864 г.

вался 121 горный завод; таким образом, 46 из них (38%) не имели собственных больниц. Кроме того, постоянные врачи имелись лишь при очень немногих больницах, особенно на частных заводах. По словам Н. Чупина, „о народном здравии не видно особенного попечения в большинстве частных заводов: значительных усилий и долгих непрерывных настояний стоило управлению Уральских заводов достигнуть того, чтобы на частных заводах было, по крайней мере, по одному врачу на шесть, на семь заводов и чтобы заведены были те не вполне удовлетворительные госпитали и аптеки, которые существуют теперь“¹⁾. Между тем еще Горным Положением 1806 г. требовалось, чтобы при каждом госпитале было не менее одного лекаря и несколько лекарских учеников, в зависимости от количества рабочих, чтобы каждый госпиталь был снабжен хирургическими инструментами, содержался в чистоте и опрятности; состоящий при госпитале лекарь обязывался два раза в день осматривать больных и т. д. На казенных заводах при 13 больницах находилось 18 врачей, так что минимальные требования закона могли еще соблюдаться. Но об этом не могло быть речи на частных заводах, где сорок из них совсем не имели лечебных заведений, на остальных же 62, где таковые существовали, было лишь 19 врачей, т.-е. по одному на три с лишним госпиталя. На Юрюзанском заводе с населением в 5.000 душ еще в конце пятидесятых годов не было, напр., постоянного врача, и он приезжал два раза в месяц из казенного Саткинского завода, отстоящего за тридцать верст²⁾.

В столь же примитивном состоянии, как и медицинская помощь, находилось дело обеспечения лиц, оказавшихся нетрудоспособными вследствие преклонного возраста или несчастных случаев. В течение долгого времени срок отбывания обязательного труда не был определен, и рабочие оставались на заводе до тех пор, пока администрация находила возможным пользоваться их трудом. Никто из мастеровых, — говорится в положении 1828 г. о Колывано-Воскресенских заводах, — не освобождается от непрременной обязанности производства работ как токмо получением отставки, данной от Горного Правления вследствие болезни, увечья или старости“. Но получить чистую отставку было делом очень трудным. Обычно, прежде чем отпустить инвалида, заводоуправление пристраивало его на разные более легкие работы и только уже по наступлении полной дряхлости давало ему свободу. По свидетельству Ледебура, посетившего Алтайские заводы в 1826 г., срок обязательной службы считался ни более, ни менее как в 40 лет. Этот же срок мы находим и в положении о Сестрорецких оружейных заводах, утвержденном в 1823 г.³⁾ „Из мастеров и оружейников, — говорится здесь, — заводский поселянин, прослуживший беспорочно 40 лет, имеет свободу оставить работу заводскую“. Только к концу рассматриваемого периода, именно в 1847 г. для уральских, и в 1849 г. для алтайских заводов, продолжительность обязательной трудовой по-

¹⁾ „Горный Журнал“ 1861, № 4.

²⁾ Архив III-го Отделения собств. е. в. канцелярии, дело 4 экз., № 261 за 1858 г.

³⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 29473.

винности была установлена законом в 35 лет, начиная с 18-летнего возраста или момента поступления на работы; для мастеровых, взятых из рекрутов, этот срок по аналогии с военной службой был сокращен в 1852 г. до 25 лет. Но неизменным условием для выхода в отставку служило при этом „беспорочное“ выполнение обязанностей. Повелением 1853 г. предписывалось не увольнять ни в отставку, ни в отпуск не только штрафованных мастеровых, но и тех из них, кои по суду оставлены в подозрении и потом будут „не вполне одобрительного поведения“.

Положение увольняемых вследствие старости или несчастного случая, а также жен и детей умерших мастеровых долгое время оставалось неурегулированным, и они должны были рассчитывать или на милость заводоуправления, или на попечение родственников. Из описи Тульских заводов, произведенной в 1690 г., видно, что уже тогда трем вдовам мастеровых выдавались пенсии по 8 рублей в год. Но это были вдовы иноземцев, которые находились в привилегированном положении. В 1724 г. вдова якорного мастера Сестрорецких заводов Артемьева подала прошение о выдаче ей вдовьего жалованья, и Петр положил резолюцию в том смысле, чтобы довольствоваться ее вдовьим и сиротским жалованьем в размере $\frac{1}{8}$ доли годового оклада мужа из средств Адмиралтейства, в ведении которого эти заводы находились. Но с передачей их в ведение Геннина Адмиралтейство хотело отказаться от платежа вдове Артемьевой этих денег; Сестрорецкий же завод, с своей стороны, указал, что у него для пенсии нет назначенных сумм. Сенат, на рассмотрение которого поступило это дело, вынес в 1737 г. следующую резолюцию: „умерших мастеровых женам, которых мужья при Сестрорецких заводах были тогда, как оные еще в ведомстве адмиралтейской коллегии состояли, на то время, на которое жалованье не дано, дачу произвести и впредь производить от адмиралтейской коллегии из положенной суммы, а которых мужья померли в то время, как уже заводы отданы в ведомство де Геннина, тем жалование производить от конторы Сестрорецких заводов“ ¹⁾.

Эти резолюции, хотя и разрешали вопрос в положительном смысле, не послужили, однако, основанием для дальнейшего распространения и развития пенсионной практики, ибо они относились только к рабочим, занятым в адмиралтействе, при артиллерии и в Туле на оружейных заводах. К тому же в них ничего не говорилось о случаях потери рабочими трудоспособности; наконец, и размер пособия устанавливался чрезвычайно незначительный. В заводском уставе, сочиненном Татищевым в 1735 г., имеется статья (30-я), говорящая о богадельнях и лечении больных; ею предписывалось правителю „иметь попечение, чтобы при тех работах для престарелых и изувеченных, которые, кроме милости от других, пропитания собственного иметь не могут, построить при всех заводах богадельни, в которых таковых невозможных в покое и теплоте содержать, потребную пищу и одежду им давать“. Но устав Татищева не получил официального утверждения, а резолюции Петра

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 7420.

и Сената остались, вероятно, неизвестными заинтересованным рабочим, и на практике в случае потери трудоспособности они предоставлялись на произвол судьбы.

Когда в 1755 г. военная коллегия запросила Тульский оружейный завод о положении престарелых, не бывают ли, в частности, они вынуждены иногда за все понесенные в жизни труды скитаться по миру, то канцелярия ответила: „мастерам, кои за старостью оружейной работы работать не могут, отставки чинятся... с свидетельствами по аттестатам лекарей, и по отставке жительство имеют в домах своих общее с братьями и детьми, от которых и пропитание имеют, потому что, хотя дальней за старостью работы исправлять и не могут, точию чинят помощь братьям и детям своим в присмотре домов, також по своей возможности выходят и покупают уголь и другие припасы и выносят в прием вещи и другое легкое дело исправляют; а чтобы они по миру не скитались, о том в данных им пачпортах по силе указов подтверждается; а богаделен для таковых в Туле, також на то никакой казенной суммы положения не имеется и не употребляется“. А на вопрос о сиротах ответ был дан следующий: „С сиротами, от отцов и матерей оставшимися малолетними детьми, положенья никакого не имеется, а таковые в малолетстве... бывают при оставшихся в живых братьях, родственниках и свойственниках своих и по возрасту обучаются при них разным оружейным мастерствам... на их пропитании, а как оные в настоящий возраст придут... таковые по свидетельству определяются к разным работам, кто к чему способен, на задельные деньги, а праздны не бывают“¹⁾.

Как видно отсюда, увечные или престарелые оружейники и их семьи никакой пенсии не получали и должны были довольствоваться лишь... строгим внушением не заниматься нищенством!

В описании Кольвано-Воскресенских заводов, относящемся к 1789 г., мы находим следующие любопытные строки: „Инвалиды не что иное суть, как те из служителей, которые по старости, дряхлости, увечьям и за другими болезненными припадками горных и заводских работ сносить не могут, но из оных по силам употребляются в легкие услуги..., а затем некоторые по слабости для поправления по желанием увольняются в селения к родственникам временно на год и более, из которых иные по выздоровлении поступают в должности, а которые остаются безнадежны, вовсе из службы увольняются по собственным их желанием в прежние жительства, а иные содержатся при госпиталях на пропитании из суммы добродетельных дателей“²⁾. Итак, заводская администрация старалась использовать лиц, ставших неспособными к горнозаводской работе, для иных более легких услуг; полные же инвалиды или отправлялись в прежнее место жительство на попечение родственников или содержались при госпиталях за счет случайных пожертвований.

¹⁾ Зыбин. История Тульского оружейного завода. 1912 г.

²⁾ Ив. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах (1797 г.), ч. I, стр. 282.

Только в самом конце XVIII и начале XIX столетия государственная власть начинает принимать меры к тому, чтобы возложить на заводууправления, если и не особенно тяжелые, то, во всяком случае, более или менее определенные обязанности по обеспечению престарелых и увечных рабочих. Учреждение о пенсионерах Кольвано-Воскресенских горных заводов (12 июня 1797 г.) установило размер пенсии унтер-шихтмейстерам, мастерам, подмастерьям и прочим званий, в унтер-офицерских чинах состоящим, в размере 20 руб., а нижним горным и заводским служителям и солдатам — 10 рублей в год. Вдовы означенных категорий получали по 5 рублей ежегодно до смерти или нового замужества, а дети по 3 рубля — мужского пола до поступления в школу, а женского — до 15-летнего возраста. „Оные пенсии производить продолжавшим службу не менее 25 лет и тем, кои, хотя и не выслужили сих урочных лет, но при казенных работах получили увечье или неизлечимую болезнь“ ¹⁾.

В объяснительной записке к проекту Горного Положения 1806 г., круг деятельности которого распространяется на Уральский и Подмосковный округа, отмечается, что „богаделен при заводах до сих пор почти не было. Бедные немущие и увечные заводские люди обоего пола, лишенные покрова и всякого призрения, принуждены были снискивать оное по селам и деревням и через то умножали несправедливые понятия не только о тягости заводских работ, но и небрежении о них начальства“. В виду этого положением вменялось в обязанность горному начальнику „учредить богадельни в каждом заводе, или одну для двух и более заводов, лежащих не в дальнем расстоянии один от другого“. Приниматься в них должны были все бедные и немущие обоего пола, принадлежащие к заводским селениям и округам, все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ, все не имеющие пристанища в домах частных людей. Равным образом, в богадельни помещаются малолетние сироты, которых никто из частных лиц не желает принять на воспитание. Дети мужского пола остаются в богадельне до 7-летнего возраста, а затем поступают в горную службу наравне с детьми других мастеровых людей; дети женского пола остаются в богадельне до надлежащего возраста. Содержащиеся в богадельнях могут быть занимаемы работою или таким рукоделием, какое они будут в силах исправлять, не делая однакоже немощным ни малейшего притеснения. Изделия содержащихся в богадельнях могут быть продаваемы или принимаемы в казну, если они окажутся нужными для заводов. Из вырученных за них денег половина отдается работавшему изделию, а другая половина причисляется к суммам, предназначенным на содержание богаделен. Содержащиеся в них должны получать такую пищу, которая была бы вполне достаточна к их пропитанию, и одежду, которая укрывала бы их достаточным образом и защищала от стужи и непогоды. На содержание богаделен должны были поступать вычеты с пенсий по 2½ коп. с рубля, а также разные штрафные деньги. Размер пенсий мастеровым и рабочим при отставке за 25-летнюю работу положением 1806 г. определен в ¼ жалованья, за 30 лет — 1/3,

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 17996.

за 35 — $\frac{1}{2}$ и за 40 лет и более — $\frac{2}{3}$ жалованья или единовременное пособие в размере трехгодичного жалованья ¹⁾. В 1836 г. низший размер пенсии был определен в шесть рублей ассигнациями, а с 1840 г. с переводом на серебро — 1 р. 72 коп. в год.

Об обязанностях частных заводчиков по отношению к престарелым и увечным в положении ничего не говорилось, так что они могли считать себя свободными от них. Только в 1818 г. появляется первый акт, устанавливающий для них ответственность за несчастные случаи с рабочими. Именно, Государственный Совет, рассмотрев записку министра финансов по этому вопросу, мнением положил: „в предупреждение несчастных случаев, бывающих с мастерами на рудниках вольных рудопрмышленников или заводосодержателей от неправильности работ или худого рудников укрепления, а также и от неисправности машин и инструментов, постановить, чтобы пермский берг-инспектор, при объезде рудников, а горные начальники на месте — посредством заведенной полиции, имели неослабное наблюдение за производством работ в рудниках и старались предупреждать всякую замеченную опасность настоящим требованием от рудопрмышленников или заводосодержателей исправления того, что может причинить вред работающим. Если же, несмотря на подтверждение горных начальников и берг-инспектора, рудопрмышленники или заводосодержатели не предпримут к отвращению опасных случаев всех возможных мер предосторожности, и по строжайшему изысканию откроется, что действительно худой распорядок, небрежение или употребление непрочных инструментов и проч. были причиною увечья, а особливо смерти рабочего, то таковые рудопрмышленники или заводосодержатели должны быть преданы суду, как не исполняющие предписаний начальства. В отвращение же напрасных казне убытков не только лечение мастерового, изувеченного от вышеизъясненных причин, но и содержание его, если по излечении окажется неспособным к работе, должно падать на рудопрмышленника или заводосодержателя, в руднике коего он получил увечье. Когда же мастеровой при работах в рудниках будет задавлен или от ушиба умрет, и по следствии откроется, что неправильная разработка или употребление непрочных подставок, инструментов и разных машин были причиною его смерти, то рудопрмышленник или заводосодержатель обязан давать и семейству умершего такое же содержание, какое полагается в подобных случаях семействам мастеровых, на казенных заводах служащих“. Практическое значение этого акта было, однако, невелико. Уголовная ответственность предпринимателей едва ли вообще имела место. Как уже упоминалось выше, практика военных судов выработала для этого подходящую формулу: „за неотысканием виновных в смерти мастерового такого-то дело предать воле божьей“.

Что же касается выдачи пособий мастеровым или членам их семейств, то даже на казенных заводах дело обстояло на практике весьма печально. Когда в 1822 г. особая комиссия, назначенная по высочайшему повелению,

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 22208.

осматривала пермские заводы, то всюду, где она „ни проезжала, приносимы были ей словесные или письменные просьбы от вышедших в отставку мастеровых, что не получают положенных за службу им пенсioнов и, так как отставным провианта не определено, то они претерпевают крайнюю нужду“¹⁾.

Имея в виду, что по докладу министра финансов 13 июля 1806 г. назначено было отпускать в распоряжение Пермского горного правления ежегодно по 50 тысяч руб. пенсioнной суммы и что последнему по Горному положению предоставлено было самому, без утверждения министерства финансов, назначать пенсии как мастеровым и рабочим людям, так и вдовам и сиротам их, комиссия запросила правление, почему означенные люди не получают следуемых им пенсioнов.

Горное правление ответило, что упомянутая сумма отпускаема была в распоряжение его с 1807 г. по 1816 г., а с того времени, на основании журнала комитета министров 25 мая 1815 г., присоединена была к пенсioнной сумме департамента горных и соляных дел; что остатки пенсioнной суммы прежних лет в размере свыше 263 тысяч рублей переведены департаментом в 1821 г. в комиссию погашения долгов; что назначение пенсioнов заводским людям не зависит более от самого правления, но от утверждения министерства финансов, и что правлением представляемо было о выдаче пенсioнов как классным, так и нижним горным чинам, равно как мастеровым и рабочим людям, вдовам и сиротам их всего за время с 1816 г. по 1822 г. около 1.700 человек, но разрешения от департамента не последовало.

На многих заводах в комиссию поступали жалобы также от вдов и сирот женского пола, оставшихся после смерти мастеровых, что они лишены призрения, ибо выдача пенсioнов задерживается, а сумма, предназначенная для содержания богаделен, состоит из случайных доходов и совершенно недостаточна для удовлетворения всех, требующих пособия.

Комиссия высказала свое пожелание, чтобы вдовам мастеровых и непременных работников и детям их женского пола, которым по Горному положению провианта не дается, а велено определять пенсioны соразмерно жалованию и службе мужей их или отцов, выдача провианта производилась до того времени, пока пенсioны не будут назначены, и чтобы Горное правление назначало означенные пенсioны попрежнему, не испрашивая разрешения горного департамента. Для этой цели в его распоряжение должна быть возвращена сумма, назначенная по утвержденному 13 июля 1806 г. докладу, которым для всех казенных заводов положено было в год по 50 тысяч руб. Остатки же от этой суммы—обращать на богадельни, в содержании коих горное начальство по ограниченности средств весьма затрудняется, предоставляя, впрочем, на волю тем, кои имеют право на призрение, оставаться и в кругу своих родственников, получая деньгами назначенное им содержание. В 1824 г. министром финансов был учрежден особый комитет

¹⁾ Архив департамента полиции исполн., дело 1820 г., № 230 — О возмущении мастеровых Березовского золотопромышленного завода.

при департаменте горных и соляных дел для выполнения высочайшей воли об улучшении состояния мастеровых и рабочих людей на горных заводах. Согласно предложению этого комитета, в 1826 г. было постановлено между прочим: „мастеровым и непременно работникам, кои по старости лет, болезням или увечью увольняются от заводских работ и не могут ни сами себя пропитать, ни быть помещенными на богаделенное содержание по недостатку богаделенного дохода, и всем тем, кои по проекту Горного положения имеют право на такое содержание, производить провиант безденежно, хотя бы они и получали пенсион, ибо по существующему закону пенсион, им определенный, крайне мал и недостаточен для самого скудного содержания“ (спускаясь до 6 и даже до 3 рублей в год). Правило это было распространено также на те частные заводы, при которых есть казенные люди.

С 1828 г. стали получать безвозмездно по два пуда провианта в месяц и пенсионеры на Алтайских заводах, принадлежавших кабинету. Но если отставные мастеровые поступали в заводскую богадельню, то в таком случае пенсия им уже не выдавалась.

Количество лиц, пользовавшихся богадельнями, было в общем очень незначительным. К моменту ликвидации крепостного права на Урале имелось всего 4 богадельни, по одной на каждый округ, рассчитанные на 160 человек; на посессионных и частных заводах, составляющих двадцать два округа и около сотни предприятий, их было также 4—на Сысертском, Нижнетагильском, Алапасвском и Нытвинском заводе ¹⁾. В заводских богадельнях Алтайского округа в 1851 г. призревало всего 33 мужчины и 2 женщины. Таким образом, главнейшей формой обеспечения престарелых и увечных служила выдача провианта и пенсии. При рассмотрении одного списка пенсионеров Салаирского края Н. Зобниным обнаружилось, что из общего числа 608 пенсионеров 457 (т.-е. более $\frac{3}{4}$) было таких, которые получали менее трех рублей, и из них, в свою очередь, большинство пользовалось наименьшим размером пенсии, т.-е. по 1 руб. 72 коп. в год ²⁾.

„С выходом в отставку,—сообщает инженер Латынин об уральских заводах ³⁾,— жизнь мастерового не становилась радостнее; весьма скудного пенсионера, от 2 до 7 руб. в год, и провианта едва хватало, чтобы как-нибудь прожить до смерти. В богадельню же попадала незначительная часть только из отставных; притом они неохотно и шли туда, предпочитая лучше провести остаток жизни в кругу своего семейства“.

Еще хуже было положение рабочих на частных заводах, где предоставлялось более простора личному усмотрению.

Так, про Верхне-Сергинские заводы сообщается: „Богаделен, детских приютов и других благотворительных заведений нет; но взамен этого все престарелые, увечные, не имеющие средств к пропитанию, числом до 1.000

¹⁾ Х. Мозель. Пермская губерния. 1864 г.

²⁾ „Сибирский Сборник“ 1891 г., кн. П.

³⁾ „Горный Журнал“ 1865, № 7.

человек, получают богадельное содержание от заводов в количестве до 4.800 руб., в том числе деньгами отпускается до 800 руб. и провианта на 4.000 руб.". Не трудно заключать, что сумма, причитающаяся на каждого (в среднем менее 5 руб.), значительно ниже той, которая выдавалась на казенных заводах в виде пенсии и провианта. На Юговском заводе „богадельни нет, а взамен этого престарелым и увечным выдается провиант от управления безденежно“...

Тяжелые условия работы, недостаток заботливости со стороны администрации о принятии предохранительных или предупредительных мер и плохая постановка медицинской помощи, граничащая нередко с полным отсутствием ее, влекли за собой значительное повышение смертности среди заводского населения. Так, по данным комиссии, командированной в 1822 г. на Урал для укомплектования Кушвинского завода, поступило в 1817 и 1818 г. г. 2.263 человека по рекрутскому набору из Пензенской и Симбирской губ. Из них к 1819 г. на службе осталось только 1.164 человека: 880 померло, 207 бежало и 12 гибыло по другим причинам. На Богословском заводе в то же самое время умерло от цынги более 700 мастеровых, взятых из рекруг Пермской, Пензенской и Симбирской губ. Значительная доля вины, по мнению комиссии, лежит на администрации, которая набирает мастеровых из рекрут отдаленных местностей, не приспособленных к здешнему климату, и не принимает мер к устройству их быта ¹⁾. По вычислениям Н. Зобнина, в течение столетия, предшествующего падению крепостного права, естественный прирост населения среди мастеровых Алтайских заводов составлял всего $\frac{1}{3}\%$ в год, тогда как у приписных крестьян он составлял более 1%. С открытием же в 1830 г. золотых промыслов, где условия производства были особенно нездоровые, началось уже вымирание рабочего населения, которое маскировалось лишь постоянным приливом свежих сил, почерпаемых из рекрутских наборов ²⁾.

Что касается обрабатывающей промышленности, то здесь положение было не только не лучше, но в общем даже хуже. Казенных фабрик, которые могли бы служить примером для окружающих предпринимателей, было сравнительно очень немного. Для посессионных фабрик правительством в некоторых случаях издавались особые положения, в которых регламентировались обязанности владельцев по отношению к их рабочим. Так, напр., в первом из таких положений, изданном в 1803 г. для Купавинской шелковой фабрики, имеется пункт о производстве малолетним, а также больным и престарелым рабочим „престойного богадельного содержания“. Равным образом, положениями, утвержденными в 1820 г. для фабрик Лазарева, Осокина и Яковлева, предусматривается выдача престарелым и малолетним хлеба и небольшой денежной суммы; в последнем, кроме того, говорится о содержании при фабрике больницы и доктора. Но таковых фабрик было очень немного.

¹⁾ Архив департамента полиции исполн., дело № 230 за 1820 г.

²⁾ „Сибирский Сборник“ 1891 г.

Издавать же какие-либо общие правила правительство не решалось ни для посессионных, ни тем более для частных промышленных предприятий. В 1810 г., напр., был издан закон о взаимоотношениях между судовладельцами и судорабочими, и здесь в примечании к § 15 говорится, что хозяин не должен оставлять заболевшего судорабочего иначе, как в городе или деревне, снабдив его деньгами за счет артели, к которой принадлежит заболевший ¹⁾). Таким образом, на судовладельца возлагалась лишь обязанность не бросать заболевшего рабочего в пустынном месте, но к лечению его за свой счет он не привлекался.

В прежнее время и сами заинтересованные лица не придавали значения этому пункту. Так, по договору, заключенному в 1642 г. артелью ярыжных (т.-е. бурлаков) с предпринимателем Обросимовым, в случае болезни хозяин обязывался привезти ярыжного в город, больной же должен был нанять за себя человека в тягу ²⁾). Подобный взгляд, что ответственность за болезнь лежит на самом рабочем, мог сложиться, очевидно, только там, где наем практиковался в редких случаях и на короткое время. Развитие промышленности, превращающее наем в длительное и даже пожизненное состояние, неизбежно должно было повести к возникновению совершенно иных понятий; но этот процесс совершался весьма медленно.

В положении 1835 г. об отношениях между хозяевами фабричных заведений и их вольнонаемными рабочими также ничего не упоминается об ответственности владельца в случаях болезни или потери трудоспособности рабочих. 31 декабря 1836 г. были утверждены новые временные правила об обязанностях судохозяев и судорабочих или бурлаков. Несмотря на то, что издание их находилось в связи с поездками Николая I и главноуправляющего путями сообщения Толя, приведшими их к заключению о необходимости принятия мер к улучшению положения судорабочих, ничего нового в правилах по вопросу о лечении пострадавших мы не находим. Попрежнему предписывалось лишь сдавать больных под расписку на руки начальству того места, где остановится судно, и на содержание, а также на возвратный по выздоровлении путь снабжать их деньгами за счет артели. Некоторый шаг вперед был сделан только по отношению к увечным. Так, в § 15 говорится, что, если кто-либо из состоящих в караване подвергся увечью, повреждению и даже лишению какого-нибудь члена от сильного ушиба или получения раны, то при увечьи на всю жизнь, т.-е. когда изувеченный остается калекою, хозяин обязан вознаградить его выдачей договорной платы вдвойне, сверх издержек на лечение и на отправление его в обратный путь; а при увечьи временном, т.-е. требующем только лекарского пособия и призрения, хозяин оставляет больного под расписку в первом по пути городе или селении со взносом следующих денег на содержание и потом на возвращение к месту жительства ³⁾).

¹⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, № 24391.

²⁾ Н. Калачов. Артели в древней и нынешней России, стр. 8, 1864 г.

³⁾ 2-ое Полное Собр. Законов, № 9818.— «Архив истории труда в России» 1921, книга вторая.

Более детальную и обстоятельную разработку вопроса находим мы в проекте положения о посессионных фабриках, составленном министерством финансов в 1845 г. и получившем утверждение д-та экономии Государственного Совета. Согласно § 17, владельцы обязаны отпускать безденежно малолетним фабричным до семилетнего возраста, не имеющим ни родителей, ни родственников, по одному пуду муки в месяц и иметь о них надлежащее попечение, а увечным и престарелым мужского пола 60 лет и свыше, не могущим заниматься на фабрике никакими работами, по полтора пуда муки в месяц и производить по 7 р. 20 коп. сер. годового пенсионера или и более, смотря по оказанным ими услугам, отнюдь не допуская их до нищенства. В случае болезни мастерового (§ 18), владелец обязан пользоваться его без вычета за медикаменты, а ежели болезнь продлится более 4 недель, то отпускать семейству его безденежно по одному пуду муки в месяц и 3 коп. сер. на день во все продолжение; но дабы мастеровые, по лености и нерадению, не могли по притворной болезни уклоняться от работы, то больными признавать только тех, коих таковыми найдет врач ¹⁾).

Здесь впервые мы находим выраженной в общей форме мысль об обязанностях владельцев посессионных фабрик по отношению к своим рабочим в случае их заболевания или потери трудоспособности. Но рассмотрение этого законопроекта затянулось, и он так и не увидел света.

Что же касается частных фабрик с вольнонаемными рабочими, то на вмешательство в их дела государство и подавно не решалось. В этом отношении очень показательными являются также правила, изданные в 1850 г. в порядке административного распоряжения московским генерал-губернатором Закревским.

Этими правилами на предпринимателей возлагался целый ряд обязанностей по присмотру за нравственностью рабочих — чтобы последние не ругались неприличными словами, ходили в церковь и т. п.; но что фабрикантам надлежит заботиться о лечении рабочих, — об этом не говорится ни слова.

Только в самом конце крепостной эпохи, при издании закона 9 декабря 1853 г. об отдаче помещиками Западного края принадлежащих им крестьян в работы, была проведена мысль о возложении на нанимателей обязанности лечить на свой счет заболевших рабочих. „Крестьян, заболевших на работах, подрядчик обязан немедленно, — говорится в § 8, — отправить в городские или иные больницы, где они и призываются на его счет“ ²⁾. Но это касалось только очень ограниченной категории лиц.

При отсутствии принуждения со стороны государственной власти, предоставленные самим себе, предприниматели в огромном большинстве случаев не проявляли сколько-нибудь заметного участия в деле обеспечения своих рабочих в случаях заболевания или потери трудоспособности. Только в немногих крупнейших заведениях имелись больницы, к содержанию которых привлекались и рабочие.

¹⁾ Архив Государств. Совета, дело № 4615 за 1845 г.—о посессионных фабриках.

²⁾ 2-ое Полное Собр. Законов, № 27755.

Так, на писчебумажной фабрике Варгунина в Петербурге имелась вольная лечебница, на содержание коей вычиталось из жалования всех находящихся при фабрике лиц по 10 коп. сер. с каждого в месяц, и за это больные получали бесплатно медицинскую помощь. На механическом заводе Шипова (Костромск. губ.) больница содержалась за счет денег, взимаемых с рабочих по 1 коп. с рубля получаемого ими жалования. На огромной Кренгольмской мануфактуре на содержание больницы отчислялось по 2% с жалования рабочих и т. д. ¹⁾.

За исключением этих отдельных случаев рабочие в случае заболеваний оставались, в общем, почти безпризорными. Даже в Петербурге до 1841 г., т.-е. до того времени, когда правительство приняло первые меры к призрению рабочих, в случае болезни рабочие должны были оставаться часто без надлежащего пользования по невозможности внести установленную в больницах плату. Положением 16 апреля 1842 г. был введен особый с чернорабочих сбор по 60 коп. сер. в год. За такой взнос рабочий приобретал право на пользование в больнице без всякой платы.

В начале имелось только одно отделение на 240 кроватей, но к концу сороковых годов число последних увеличилось до 600 ²⁾.

Вслед за тем на подобных же основаниях была открыта больница для чернорабочих в Москве, а в 1860 г. — в г. Иваново-Вознесенске.

Еще хуже обстояло дело с обеспечением пострадавших в случае частичной или полной потери трудоспособности. Как устройство богаделен, так и выдача денежных пособий практиковались лишь в исключительных случаях. „Слабые и престарелые, — говорится в описания состояния промышленности Владимирского района, — хотя особых пенсий от владельца и не получают, но им обыкновенно предоставляются такие должности, которые, не обременяя их излишне, дают им возможность честно снискивать себе пропитание, как, напр., расщипка хлопка, надзор за рабочими и т. п. легкие занятия“. Но „честно“ ли было со стороны владельцев оставлять инвалидов без вознаграждения за потерю трудоспособности на их фабриках, об этом автор ничего не говорит...

При осмотре фабрик в С.-Петербурге и уезде комиссия, учрежденная в 1859 г. для пересмотра устава о промышленности, нашла, что „со стороны фабрикантов редко были принимаемы меры к отклонению несчастных случаев, происходящих с рабочими от опасных частей машин и к охранению рабочих от вредных влияний в некоторых производствах. Если на некоторых фабриках опасные части машин, около которых обращаются рабочие, и достаточно ограждены, то на большей части фабрик механизмы ничем не прикрыты, и беспрестанно повторяющиеся несчастия указывают на необходимость отстра-

¹⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1852 № 2—3; 1859 т. V; — „Архив истории труда в России“ 1921 книга вторая.

²⁾ Архив Государств. Совета, дело № 2495 за 1848 г. — об обязательствах между рядчиками и чернорабочими.

нения этой опасности. . . В настоящее время, когда работник подвергается на фабрике увечью или ушибу, фабрикант ограничивается тем, что заявляет о случившемся полиции и сдает ей увечного для помещения в больницу. Там он выздоравливает или умирает, смотря по опасности повреждения. Хотя рабочий или его семейство и должны бы иметь в подобном случае право требовать от фабриканта вознаграждение, но, как в законах наших нет прямых положительных на это указаний, то суды обыкновенно отказывают рабочим в праве на вознаграждение¹⁾.

Согласно нормам общегражданского права (ст. 660 т. X, ч. I), виновный в причинении кому-либо повреждения в здоровья обязан вознаградить за расходы на лечение того, кому он нанес это повреждение, и за попечение о нем во время болезни; а если он имеет семейство и содержит его собственными трудами, то и возратить ему суммы, употребленные на содержание семейства до самого выздоровления. Эта норма, казалось бы, обеспечивала интересы рабочего, пострадавшего от несчастного случая во время работы на фабрике или заводе. Но в том же кодексе имелась ст. 647, которая гласила, что не подлежит вознаграждению вред и убыток, происшедшие от деяния, случайно учиненного не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности.

Ссылаясь на отсутствие намерения и неосторожности, предпринимателям не трудно было избавиться от обязанности вознаграждения рабочих за происшедшие с ними во время работ несчастные случаи, и последние фактически оставались предоставленными на произвол судьбы.

ГЛАВА VIII.

Рабочая дисциплина.

Крупное производство, представляющее из себя сложное целое и занимающее большое количество лиц, связанных между собою разделением функций, по самой своей природе требует принятия ряда мер для того, чтобы производственный процесс не испытывал расстройств и совершался в должном порядке. Вследствие многих условий, в числе которых нужно отметить прежде всего огромные размеры территории, широкое распространение монополий или правительственных заказов, наша фабрично-заводская промышленность уже с самого начала своего возникновения стала принимать форму крупных предприятий, не только не уступающих по размерам своим западно-европейским образцам, но часто превосходящих их. На очень многих из них рабочие и служащие исчислялись многими сотнями и даже тысячами душ, а отсюда, естественно, возникал вопрос о поддержании дисциплины среди многолюдного и разнородного заводского населения.

¹⁾ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Часть первая. 1863 г., стр. 322 — 329.

Среди условий, в которых развивалась промышленность, условий, наложивших печать своего влияния на характер рабочей дисциплины, первое место занимает принудительность труда: не только рабочие, но и служащие состояли не из свободных людей, заключающих каждый для себя договор с хозяином и расторгающих его по своему желанию, а из людей подневольных, прикрепленных или к данному предприятию, или к личности своего господина. К этому присоединяется еще непривычность населения, изстари занимавшегося только сельскохозяйственными и лесными промыслами, к горнозаводским работам, тяжелым и изнурительным. В виду этого меры, коими оторванное от земли и сдерживаемое путем обязательного прикрепления рабочее население направлялось к единой общей цели — развитию производства, носили суровый, жестокий характер.

В указной памяти 25 января 1643 г., коей предписывается торговому человеку гостиной сотни Ануфриеву ехать в Соликамск к медному делу, мы читаем: „а будет мастеровые люди учнут делать оплошно, и им чинить наказание, кто чево доведется“ ¹⁾. Размер полномочий власти и характер взысканий с рабочих здесь не указаны: очевидно, самой практике предоставлялось выработать формы воздействия на мастеровых. А эта практика с усилением крепостнических тенденций, характеризующих XVII и XVIII столетия, шла в сторону возможно большего устрашения „подлых“ людей и не замедлила вылиться в формы, соответствующие духу времени. С начала XVIII века центр горнозаводской деятельности переносится на Урал. Видную роль здесь играли заводчики Демидовы (Никита и сын его Акинфий), и их практика служила примером для остальных.

В грамоте 1702 г. об отдаче им железных заводов было сказано: „его Никиту и работных людей судом и расправою воеводам и никаким приказным людям на тех заводах ни в чем не ведать, а ведать бы его в Сибирском приказе, а в малых бы делах наказание работникам своим чинить самому“. Следующей грамотой того же года вновь подтверждается право за Демидовым наказывать ленивых, по вине смотря, батогами, плетями и железами — с тем однакоже, „чтобы заводские люди не разбежались от чрезмерной жестокости, и чтобы не навлек он на себя правых слез и обидного в том воздыхания, а всякая обида, паче же убогому человеку, есть грех непростительный“ ²⁾. Может быть, под впечатлением этого именно отрывка в уме одного исследователя ³⁾ сложилось представление о „беспределной заботливости об участи рабочих“ Петра I. Однако, крайняя неопределенность данного акта, несомненно, была гораздо более выгодна для Демидова и остальных заводчиков, чем для рабочих. В особенности, если принять во внимание, что и на казенных заводах система „ежовых рукавиц“ была в большом ходу.

¹⁾ Берх. Путешествия в Чердынь и Соликамск. 1821 г.

²⁾ Г. Спасский. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. 1877 г., стр. 70—71, 80.

³⁾ Д. Ниселович. История фабрично-заводского законодательства в России. 1883 г.

В наказе, данном в 1706 г. старосте тульских казенных кузнецов, мы впервые встречаем перечисление тех дисциплинарных мер, какие властью признавались допустимыми и целесообразными: „А буде кто из мастеровых людей станет пьянствовать непрестанно, или каковыя являтися будут ленивцы, от чего чиниться будет делу ружья мешкота и непоспешение, и таковым пьяницам и ленивцам чинить наказание, в первые батоги и пени шестнадцать алтын четыре деньги; а буде и потом творить учнут таковая же, чинить наказание батоги жесточие и брать пени по вышесказанному же и держать на цепи и в железах дни по два и по три“. „А буде кто из тульских кузнецов или из оружейных мастеров тебе старосте со товарищи, в чем послушен не будет, таковых брать на братский двор и чинить наказание батоги“¹⁾ В Регламенте Адмиралтейства (1722 г.) на особых дозорщиков возлагается обязанность смотреть, чтобы „работники не гуляли, но управляли бы свое дело неленостно, а ленивых бить тростью“. Раз тон был задан, ему естественно старались следовать законодатели низших рангов.

Внутренним распорядкам на уральских заводах много места отводится в инструкции, изданной Геннином в 1723 г. „Мастерам смотреть на крепко, чтобы подмастерья и работники не спали, через которое скоро худоба явится в домне... и ежели на других заводах из домн станет чугуна меньше и хуже являтися в выпусках, то тех мастеров по розыску жестоко наказывать с убавкой жалованьем и в работе быть скованым“. А у кого из молотовых мастеров, — внушается далее, — „явится много угару и кто уголья излишне и напрасно жег, тем мастерам меньше давать за пудовое число, как указано, а ежели не выучится прибыльное делать, тому быть подмастерьем, а его подмастерья, ежели больше его делает и прибыльное, быть на его месте мастером, чтобы они лучше тщание имели к лучшему мастерству... и чтобы им, когда работают, то есть домой не ходить, а есть в фабрике“. Далее предписывается смотреть, „дабы мастера учеников своих учили с прилежанием, над всеми надлежит смотреть крепко, чтобы мастера не пьянствовали, от чего имеет быть пуще вред и убыток в заводских делах, и таких пьяниц штрафовать, за один день за пьянство вычитать у таких за месяц жалованья или что он может в месяц задельно выработать, и держать скованых при работе целый месяц и велеть Спать в *тюреме*, а ежели они того пьянства тем не уймутся, с такими поступать против прежних указов, велеть их держать всегда скованых при работе всякого при своей фабрике, а на пропитание давать им только один *хлеб* сухой да квас, покамест уймутся. Которые мастера жалованные заскорбят, то таким за бльшие дни полного жалованья не давать, а давать половинное жалованье против окладу, дабы мастера напрасно притворною болезнью не заскорбели; сие учинить русским“²⁾... Подобным же духом проникнут заводский устав, сочиненный Татищевым в 1735 году: „Кого главный правитель усмотрит винна леностью, пьянством или другими неприя-

¹⁾ Гамель. Описание Тульского оружейного завода. 1826 г. Прибавл., стр. 60—62.

²⁾ Герман. Историческое начертание горного производства. 1810 г., стр. 73—75, 81.

ками должность свою не хранящего, то имеет власть подлых вычетом некоторого числа денег, тяжелой работой и наказанием на теле умирать; ежели же кто явится в похищении или тяжком указов преступлении и учинении заводам вреда, таковых отдавать под суд¹⁾. Таким образом, перечень дисциплинарных взысканий представляется в следующем виде: денежные штрафы; перемещение на более тяжелую или хуже оплачиваемую работу; оковы или цепи во время работы; телесные наказания. К этому на Алтайских заводах присоединилось еще: заключение в исправительной казарме на 1—2 недели и более, при чем виновным обривалась иногда половина головы „к посрамлению и стыду“ их, и они выводились ежедневно на работу скованными и под стражей; наконец, перемещение на другие заводы и рудники.

Если на принадлежащих государству заводах регламентами разрешалось прибегать к воздействию палкой и батогами или сковыванию цепью, то от частных предпринимателей трудно, конечно, было бы ожидать более гуманного отношения к рабочему. Как уже было отмечено выше, высочайшими указами Демидову было предоставлено право подвергать своих заводских людей телесному наказанию, и его приказчики не замедлили широко воспользоваться им, мало смущаясь перспективой „навлечь на себя правых слез и обидного в том воздыхания“.

Многочисленные случаи истязания приписных крестьян и заводских рабочих сыграли, несомненно, немаловажную роль в том возмущении, которое охватило уральские заводы в третью четверть XVIII века. Как писали в своей челобитной (1762 г.) крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, „при заводской работе происходили нам... самые мучительные ругательства... Его, Демидова, приказчики и нарядчики, не знаемо за что, немилостиво били батожем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побой долговременно, недель по шести и по полугоду, не заростали с червием раны. От тех же побой из молодых в военную службу за увечьем в отдачу уже быть неспособны; а заводских и домашних исправлять не могут (а иные померли). А за принесеную в обиде жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав яко татю на шею колодки и вода по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили, отчего пришли в увечье и в конечное убожество и домов своих лишились“. В этой челобитной перечислено 12 человек, засеченных приказчиками до смерти. Кроме того, крестьяне собрали подробные сведения, кто из них и каким образом был наказан, и оказалось, что всего было наказано 215 человек. Так как эти крестьяне были приписаны к заводам Демидова лишь в 1757 г., то, следовательно, означенные истязания были произведены в течение менее пяти лет. Сверх того из крестьян других поселений, приписанных к этим двум заводам, было наказано в 1757—1760 г. г. 113 чел. Кн. Вяземский, командированный Екатериной II для расследования причин волнения, признал недо-

¹⁾ „Горный Журнал“ 1831, № 1—5.

казанным, что поименованные в челобитной Масленских и Барневских крестьяне 12 человек умерли именно от жестокого наказания, но наличность истязаний была удостоверена и им: многие приказчики, служители и мастера были подвергнуты им взысканию за то, что навешивали рабочим полено на шею, обрывали у них половину головы, брали взятки. Один из служащих был наказан три раза плетью, двенадцать — по одному разу, а один навсегда отрешен от должности и переведен на работы вместе с крепостными. Самый же главный виновник, приказчик Селезнев, отделался очень легко. За то, что уехавшим с завода крестьянам он, кроме наказания, остриг волосы с половины головы, двух человек заставлял работать в оковах, нескольких человек бил батогами за подачу челобитных и проч. — он был лишь посажен на неделю под караул на хлеб и воду и затем обязан подпиской, что впредь „таких наглых ругательств“ крестьянам чинить не будет ¹⁾. Тем не менее, Вяземский не решился запретить заводчикам и их приказчикам наказывать по своему усмотрению приписных государственных крестьян, ибо из крестьян „не всякий положенную работу без лености исправлять может, и буде тех виновных за то приказчиком и нарядчиком к работе не принуждать и за леность не наказывать, то чрез оное и другие, увидя в том слабость, могут облепиться, отчего ни собственной их, ни заводский пользы быть не может“.

Однако урок, данный затем Пугачевским бунтом, в котором приписные крестьяне принимали деятельное участие, побудил правительство отступить от этой точки зрения. В указе 30 января 1781 г., данном на имя пермского генерал-губернатора, подчеркивается, чтобы пристава казенных промыслов и частные люди, у коих к заводам приписаны казенные крестьяне, не наказывали сами крестьян и в споры между ними не вступали, а „оставляли бы маловажные дела разбору на словах выборных других их сельских начальников, а в делах более важных отсылали их на суд в нижние расправы“, причем крестьяне должны быть разделены на десятки и сотни, дабы „начальные между ними всякое своеволие, развращение и ослушность усмирять могли“ ²⁾.

Организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ при заводах ведет свое начало от „учреждения“ или положения, выработанного кн. Вяземским в 1763 г. для Ижевского и Воткинского заводов. Крестьяне делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборных, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян немедленно отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. В компетенцию их входило: разбор всяких ссор между крестьянами, назначение работников по требованию конторы, выбор и отсылка на завод здоровых и годных людей, если контора будет

¹⁾ В. И. Семевский и др. Крестьяне в царствование Екатерины I, том второй 1901 г., стр. 368 — 373.

²⁾ 1-е Полное Собрание Законов, № 15115.

нуждаться в мастеровых, и в особенности наблюдение за тем, чтобы крестьяне все без исключения, слушались заводских управителей и исполняли все положенные работы. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-либо другому „злу“, то таких, не давая им усиливаться, брать под караул и „ежели злость не велика“, то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо „злое намерение“, то „прописав непорядки“ означенного человека, отсылать его вместе со свидетелями в заводскую контору, которая должна немедленно произвести расследование и виновного публично наказать; ежели же „злодейство гораздо велико“, то отправлять в ближайшее судебное место. Если при решении какого-нибудь дела между выборными произойдет разногласие, то его должно решить всем миром; если же и тут единодушия не будет, то представить управителю, который, взяв двух выборных или сотников из других сотен, должен вместе с ними вынести решение. Точно также, если случится спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными других сотен.

„Учреждение“ Вяземского было распространено по всем заводам, дабы оно могло служить „сколь для известия, столь и для полезного учреждения, хотя еще и не на точное совсем положение“ ¹⁾. Придавая ему не обязательный, а факультативный характер, Екатерина рассчитывала, что „самая польза и наше к тому соизволение“ побудит заводчиков им воспользоваться. В некоторых случаях это положение, действительно, было применено, и впоследствии даже разные правительственные учреждения ссылались на него в спорах крестьян с заводчиками. Указ же 1781 г. придал ему уже обязательную силу. Правда, староста, сотники и выборные были и раньше, даже до положения 1763 г., но они не принимали участия в разборе дисциплинарных дел, и провинившиеся наказывались не ими и не на сходе крестьян, а по усмотрению заводских приказчиков и управлений; теперь же заводская контора превращалась в высшую инстанцию, куда дело поступало только в случае его особой важности или разногласия выборных и всего мирского схода.

До указа 1781 г. приписные крестьяне в отношении порядка дисциплинарных взысканий ничем не отличались от заводских рабочих: и те, и другие за проступки при выполнении работ наказывались по усмотрению управляющих или приказчиков. С этого же времени положение изменяется, и право налагать дисциплинарные взыскания на приписных крестьян переходит в часть выборных, частью смешанных органов. Главную роль здесь, несомненно играло не то, что приписные крестьяне были казенного ведомства, — ибо таковыми же были в огромном большинстве и мастеровые, — а характер исполняемых работ.

Под влиянием волнений правительство ограничило право заводской администрации налагать взыскания по своему произволу при работах вспомо-

¹⁾ 1-е Полное Собрание Законов, № 11790.

гательных, производимых вдалеке от заводов и трудно поддающихся контролю. Заводские же рабочие, выполняющие свое дело на виду у начальства, были оставлены попрежнему на полное его усмотрение.

По Горному положению 1806 г. „за небрежение, неисправность, худое поведение, леность, упущение по службе“ горному начальнику предоставляется понижать мастеровых в звании, перемещать на низший оклад, налагать пеню, и наказывать, смотря по вине, а также сдавать при рекрутских наборах в солдаты, получая взамен других из рекрут. Здесь не говорится прямо о палках, батогах или цепях, которые упоминались в документах петровского времени, — ибо дух гуманности и либерализма, свойственный законодательным актам Александра I, не позволял называть вещи своими именами. Но что они здесь подразумевались в неопределенной формуле наказания — „смотря по вине“, вытекает из того, что, на основании § 386, изъятыми от телесного наказания могли считаться лишь те мастеровые, которые за их усердие и успехи были внесены в особые списки, объявляемые в присутствии всей команды. Отсюда ясно, что не внесенные в означенные списки, т.-е. фактически почти все мастеровые, могли быть подвергнуты телесному наказанию по распоряжению администрации. Продолжали пользоваться этим и частные заводчики, располагавшие принудительным трудом. На Юрюзанском заводе генерала Сухозанета еще не задолго до отмены крепостного права телесные наказания практиковались очень широко; некоторые „за ничтожные проступки или клевету конторщика без всякого разбора с его стороны, едва не засекались на месте розгами“; даже сам приказчик, который являлся правой рукой заводоуправления, не избежал этой участи и однажды получил 700 ударов ¹⁾).

По официальному удостоверению, за последние годы жестокость обращения на этом заводе несколько уменьшилась вследствие „исключительности времени“, в подтверждение чего приводится тот факт, что „в последнюю, непродолжительную бытность осенью 1858 г. на заводе ген. Сухозанетом было наказано только (!) около 40 человек, и самая высшая мера наказания простиралась не более 100 ударов розог“.

Если принять во внимание, что Уложение о наказаниях 1845 г. предоставляет помещикам и управляющим по их доверенности наказывать крепостных и дворовых розгами не более 40, а палками — не более 15 ударов, то нужно будет признать, что в данном случае имело место несомненное превышение власти. И тем не менее, никакого дела по обвинению ген. Сухозанета в жестокости возбуждено не было...

Особенно тяжела была дисциплина на Алтайских заводах, принадлежавших кабинету его величества. По свидетельству Н. Зобнина, пользовавшегося архивными материалами, мастеровые во время работ подчинялись всецело непосредственному горному начальству. Мелкие проступки разбирались горной полицией, а более важные в горной конторе и военном суде. Прежде всего, конечно,

¹⁾ Архив III-го Отделения собств. е. и. в. канцелярии. — О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода генер. Сухозанета (4 экспед., дело № 261 за 1858 г.).

рабочим доставалось от нарядчиков, мастеров, надзирателей и уставщиков; палка свободно ходила по спинам мастеровых. Пристава и управляющие сами наказывали редко,— в раздражении били по зубам; чаще всего отсылали для наказания в горную полицию, где виновные получали назначенное количество розог или палок. В инструкциях низшему начальству управляющие приказывали „за работами смотреть и, где усмотрят леность, таковых наказывать палкою“,— такова, например, инструкция 1770 г. по Томскому заводу ¹⁾. Наказания по распоряжению конторы представляли нечто среднее между произвольной расправой с рабочими и определениями военного суда. Присутствие заводской или горной конторы состояло или из одного управляющего рудником, или из управляющего и его помощника. Иногда, в последние годы крепостного периода, к ним присоединяли особого члена конторы по счетной части. Голос управляющего имел решающее значение в этом коллегиальном учреждении, ибо он был председателем присутствия, а прочие члены конторы, если они были, зависели от него, как от непосредственного начальника. До 1761 г. записей о наказаниях не велось, и дело шло без всяких формальностей. С этого же года были заведены книги, в которые заносились протоколы конторы о наказаниях. Вот некоторые выписки из протоколов Томской и Салаирской конторы за время с 1770 г. по 1802 г. „За сделание для себя в заводской кузнице ножичка“ рабочий наказан три раза плетью; за леность— батожем; „за чрезвычайно оставленные при рубке фашичника высокие пни“— три раза плетью; за самовольную выпряжку лошадей— батожем; за покушение на самоубийство— прутьями; за пьянство— „тростями“; за побег— 4½ месяца работ из-под стражи (без праздников и гульной недели) и т. д. При управляющем Салаирским краем Фризе (в сороковых и пятидесятых годах XIX века) 400—500 розог считалось детским наказанием, и однажды он дал 3000 ударов мастеру за то, что тот заступился за рабочего. В XVIII столетии управляющие не редко пускали в ход и плети; но потом это было найдено не соответствующим военному устройству и солдатской чести горнозаводского населения. Широко практиковалось здесь также перемещение рабочих на другие заводы или рудники, бывшие для них очень разорительной мерой. Так, в Салаирском крае с 1829 г. по 1845 г. было переведено на другие заводы 1.783 человека, а на их место прислано 1.472 челов. Так как всего здесь в 1851 г. насчитывалось 1.773 взрослых мастеровых, то, следовательно, за указанный период состав рабочей команды обновился полностью от одних этих переселений. Репутация других районов не была так мрачна. „Быт мастеровых,— говорится в очерке олонецких заводов ²⁾— отличается довольством. Неиспорченная нравственность и трезвость— преобладающие в них достоинства“. Но кто знает, может быть, разработка архивного материала и здесь обнаружит те же ужасные картины патриархального быта, какими так богаты летописи уральской и алтайской горной промышленности? Ведь и об алтайских заводах Герман писал в конце XVIII века, что „все горные

¹⁾ Сибирский Сборник 1891 г., кн. II.

²⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. на 1860 г.

и заводские служители содержатся на военной ноге... а потому(!) во всех горных и заводских работах обращаются без ропоту“...

Рассмотрим теперь положение дел в тех немногих отраслях, где господствовал если не вполне свободный, то, по крайней мере, вольнонаемный труд. Сюда относится, прежде всего, сибирская золотопромышленность, начало развития которой положено было в конце двадцатых годов XIX века. Условия труда здесь определялись контрактами, в которых хозяева на случай нарушения рабочими послушания выговаривали себе право подвергать их штрафам и наказаниям. Так, в договоре Рязанова и Баландина 1833 г. говорится: „буде кто-либо из нас с приисков отлучится тайно, или по лености, развратному и буйному поведению своему выходить будет равнее назначенного времени, или же промывать будет менее определенного количества песков, в таком случае дозволяем им, Рязанову и Баландину, штрафовать таковых вычетом за каждый просроченный час одним уповодом ¹⁾, за уповод—одним днем, а за день— тремя днями“. За самовольное прекращение работ ранее срока (1-го октября) хозяевам предоставлялось штрафовать каждого 3 рублями ассигнациями, т.-е. почти недельной платой. В договоре Асташева мы читаем: „Буде мы во время нахождения нашего в работниках куда-либо отлучаться будем, или по лености уклоняться от работ, или пьянствовать, то находящиеся при нас приказчики могут нас принуждать к оным полицейскими мерами (т.-е. телесными наказаниями) или отказывать от работы, чему и подвергаемся мы добровольно, и, сверх того, за всякое ослушание законному осуждению“. За небрежную промывку песков приисковая администрация могла обратить промывальщиков в чернорабочих, получавших низшую плату. Таким образом, договор найма не избавлял еще вполне рабочих от тех приемов поддержания дисциплины, которые выросли на почве крепостного права: на основании контрактов предпринимателям или их приказчикам предоставлялось в случае пьянства, лености или ослушания прибегать не только к денежным штрафам, но и к телесным наказаниям. По свидетельству некоторых источников, телесные наказания действительно, нередко практиковались на частных приисках. Объясняется это тем, что в начале развития золотопромышленности контингент рабочих пополнялся преимущественно из числа ссыльно-поселенцев, которые прошли уже тяжелую школу каторжной дисциплины и потому отличались пониженной чувствительностью к наказанию подобного рода.

30 апреля 1838 г. был издан акт, которым частная золотопромышленность в Сибири впервые подвергалась специальному регулированию. На основании его в договор найма должны были включаться, между прочим, следующие условия: обязательство рабочего быть честным, почтительным и самовольно никуда не отлучаться, и обязательство нанимателя „обходиться с наемником без обиды, без притеснения, человеколюбиво, не причинять ему самовольно тяжких побоев или каких-либо жестокостей, его здоровью вредных“. Как видно отсюда, *легкие* побои считались законом допустимыми, и последующими контрактами

¹⁾ Время работы в один прием до еды или отдыха.

они иногда, действительно, предусматриваются. Хозяину дозволялось разделять рабочих на артели, при чем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие — двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право „умеренного домашнего исправления“ рабочих, составляющих артель; она могла наказывать по словесному приговору ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных и пытавшихся бежать — навалением на них работы, удержанием в пользу артели части их платы и розгами, однако не более ста ударов. Подвергать рабочих телесному наказанию могли еще отдельные заседатели, назначавшиеся из членов земского суда, по одному на каждую систему золотых промыслов (в 1844 г. они были переименованы в горных исправников с оставлением при земском суде). Будучи недоволен приговором артели, хозяин мог жаловаться заседателю. Неповиновенне хозяину или его приказчику целой артелью наказывалось судом. Рабочие из ссыльных подлежали военному суду за сопрогивление властям и серьезные уголовные преступления, но рабочие из крестьян, мещан и разночинцев ведались общими судами. По свидетельству одного автора (г. Саввиных), золотопромышленники в „страшное и темное время сороковых, пятидесятих и шестидесятих годов не знали себе границ в жестокости и деспотизме к рабочим... Встречаются на приисках дряхлые старики, всю жизнь свою прожившие на приисках, — это могикине, служащие нам живой летописью давно минувших дней, вынесшие на своих плечах весь ужас того страшного времени, когда на бортах разрезов лежали вороха приготовленных розог, когда рабочий не мог пикнуть безнаказанно даже в том случае, когда он в изнеможении не мог работать“¹⁾.

Однако, было бы неправильно не видеть существенной разницы в положении свободных рабочих и казенных. Во первых, наказание розгами находилось на приисках в руках органа, в котором большинство принадлежало выборным от рабочих; затем, наивысшее количество ударов было определено в 100, а затем понижено до 50; каковая цифра, сравнительно со многими сотнями, а иногда тысячами ударов на кабинетских и казенных промыслах Алтая и Урала, считалась тогда очень мягким наказанием; наконец, прииски не знали военных судов, которые являлись составной частью государственной промышленности. Поэтому, в общем и целом, положение вольнонаемных рабочих в отношении мер субординации и дисциплинарной ответственности нужно признать более благоприятным. И так как с течением времени процент ссыльно-поселенцев сокращался за счет увеличения других, более свободных элементов, то это должно было содействовать дальнейшему оздоровлению нравов промысловой жизни. По отношению к мещанам, нанимающимся на прииски, сенат разъяснил в половине пятидесятих годов, что они не могут быть подвергаемы за проступки телесному наказанию, наравне с крестьянами и ссыльно-поселенцами, по приговору артельной расправы, а должны быть исправляемы другими мерами, именно — удержанием у них части заработной платы в пользу артели.

¹⁾ Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, том 1, стр. 23. 1898 г.

Переходя к фабрично-заводской промышленности, здесь нужно отметить прежде всего два обстоятельства, которые, несомненно, играли значительную роль в вопросе о дисциплине. Это, во первых, преобладание частных предприятий над казенными и, во вторых, значительное распространение вольнонаемного труда: в горном деле казенные или кабинетские предприятия сосредоточивали преобладающую, а частные — только меньшую долю рабочих рук; здесь же отношение было обратное.

О влиянии формы предприятия на положение труда в изучаемый период в литературе высказывались два взгляда: одни отдавали предпочтение в смысле большего содействия благосостоянию населения казенным, другие же — частным промыслам. Как писал один из чиновников Горного департамента, Н. Чупин, частные заводы „едва ли не в большей части значительно уступают положению казенных мастеровых. Случаи неповиновения и волнений между рабочими, вызванных недостаточностью платы, невыдачей ее во время тяжести работ нередко бывали на частных заводах; между тем как на казенных они почти беспримерны. В последнее тридцатилетие многократно случалось, что рабочие частных заводов требовали назначения им тех же заработных плат и тех же уроков, как на казенных заводах. Эти последние служили как бы нормой для частных“. С этим мнением можно в общем согласиться, но едва ли было бы правильным распространять его на все отношения без изъятия. В области рабочего дня и заработной платы казна была хозяином, сравнительно более мягким, чем частный предприниматель. Но в отношении поддержания порядка дело обстоит иначе. На кабинетских и казенных промыслах рабочие составляли команды, подчинялись воинской дисциплине, подлежали особым военным судам. На частных фабриках и заводах не было команд и военных судов; слушание владельцу или приказчикам не рассматривалось, как бунт против государственной власти, и потому нравы были здесь несколько помягче. Основанием дисциплинарной власти частных предпринимателей нужно считать, повидимому, указ 7 января 1736 г., которым все мастеровые, обученные какому нибудь мастерству и находившиеся ко времени издания указа на фабриках, прикреплялись „вечно“ к своим настоящим владельцам. „А буде кто из вышенисанных же определенных ныне на фабрики явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, тех самим фабрикантам, по довольном домашнем наказании, объявлять в коммерц-коллегию или в контору, откуда, по свидетельству фабрикантскому и мастеров, за такое их непотребное житье ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а сжели в ссорах, или драках, или пьяные где взяты будут, а в воровстве никаком не показались и к тяжкому розыску не подлежат, тех не держать нигде ни одного дня и не убытка отсылать на фабрики; и оным фабрикантам самим чинить им наказание при других их братья“ ¹⁾.

¹⁾ 1-е Полное Собрание Законов, № 6858.

Более детальную разработку вопроса о взысканиях с рабочих за непослушание и грубость мы находим в регламенте для суконных и каразейных фабрик 1741 г. За опоздание на работу в первый раз рабочий подлежит выговору, во второй раз — вычету за один час по расчету дневной платы, в третий — вдвое более. Если рабочий совсем не явится, то в первый раз следует вычесть плату за прогульные дни, а в третий раз — вдвое и, кроме того, бить батогами.

Что касается кары за непослушание и грубость, то в первоначальном проекте значилось следующее: „Кто из надзирателей, мастеровых и рабочих людей фабричному содержателю или другим на фабрике начальникам своим... непослушен или противен явится, и грубыми ругательными словами дерзостно их касаться будет, того за такие преступления и по пропорции оных“ наказывать: в первый раз — плетью, при повторении — батожем с вычетом платы за три месяца, в третий раз — ссылкой на один год в каторжную работу; а за нанесение побоев фабриканту — бить кнутом и сослать в каторжную работу на несколько лет или вечно“. Но в окончательной резолюции наказание было уменьшено: „смотря по вине, наказывать телесным наказанием или сбавкой заработных денег по тех мест пока, исправясь, в прежнее послушание притти могут; а кнутом не бить, на каторгу отнюдь не посылать, для того что могут художество свое забыть и в вящую шалость и в непотребство притти, да и другим через то охоты не будет и легко причина к побегу подастся. А ежели кто начальников своих дерзнет рукою, то при всех фабричных наказат жестоко кошкою и полгода кормить одним хлебом с водой, а на каторгу не посылать“¹⁾. Как видно отсюда, законодатель стремился, до некоторой степени, в интересах развития промышленности и поощрения рабочих к „художеству“, сдерживать предпринимателей в злоупотреблении дисциплинарной властью.

После издания указа 1760 г., дозволившего помещикам отправлять своих людей на поселение в Сибирь с зачетом в рекруты, фабриканты также стали добиваться этого права, и оно им было дано в 1763 г., при чем, однако, каждый раз требовался указ мануфактур-коллегии. В сущности, ничего нового тут не было, так как уже по указу 1736 г. им предоставлялось с разрешения высших правительственных учреждений ссылать нежелательные элементы на Камчатку или в дальние города. Так, в 1739 г. 15 мастеровых с суконной фабрики Полюрославцева за пьянство и игру в кости и карты были сосланы по приказу Сената в Сибирь; в 1743 г. мануфактур-коллегия, по просьбе содержателя Казанской суконной фабрики Дряблова, приказала 51 человека скробольщиков, прядильщиков и ткачей „от фабрики отрешить“ и годных определить в солдаты, а негодных — в местные казенные службы. В дальнейшем власть над крепостными людьми была усилена указом 17 января 1765 г., согласно которому помещики могли сдавать крепостных в каторжные работы на любое время. „Буде кто из помещиков, — говорится здесь, — людей своих

¹⁾ 1-е Полное Собрание законов, № 8440.

по продерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской коллегии принимать и употреблять в тяжкую работу на толикое время, на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей в работе бытность довольствоваться пищей и одеждой из казны равно с каторжным¹⁾. Это давало возможность фабрикантам из дворян, но не фабрикантам, принадлежавшим к другим сословиям, подвергать такой же каре своих рабочих. Нужно отметить еще следующую разницу в положении этих двух категорий владельческого класса: указом 22 августа 1767 г. крепостным было строжайше запрещено приносить жалобы на своих помещиков; между тем фабриканты и заводчики до самого падения крепостного права от этого не были гарантированы.

По регламенту мануфактур-коллегии 1723 г., все фабриканты и фабричные зависели судом и расправою от коллегии, исключая государственных и уголовных дел. Получая жалобы, она или разбирала их сама, или обращала в губернские места для определения по законам. Однако, последние не содержали точного и определенного ответа на вопрос о том, как поступать с фабрикантами, обвиняемыми в притеснениях мастеровых или в неправильном употреблении их на фабричные и домашние работы. В 1803 г. по случаю поступившей в коллегию просьбы от фабричного Недопекина, что содержатель шелковой фабрики Дудышкин, „неправильно присвоивая его с братьями в крепость, делает им разные притеснения и употребляет его и других фабричных не к фабричным делам, а к работам, им вовсе не свойственным“, — был установлен порядок отобрания их с женами и детьми в казну с уплатой хозяевам денег или безденежно — в зависимости от условий, на которых они были прикреплены к фабрике²⁾. По делу о возмущении мастеровых Кыштымского и Каслинского заводов, жаловавшихся, между прочим, на жестокие телесные наказания, получаемые от приказчиков завододержателя Расторгуева, министр внутр. дел В. Кочубей писал в 1822 г., что нужно произвести по этому делу самое точное исследование, дабы виновные в этом были подвергнуты суду и наказанию по всей строгости законов³⁾. Однако, позиция самой государственной власти не отличалась выдержанностью и устойчивостью. Правда, в либеральную эпоху Александра I принято было проводить в официальных документах гуманную точку зрения, но и в это время палки и плети применялись довольно широко. Купцу Расторгуеву жалоба мастеровых обошлась очень дорого — заводы его были отобраны в казну; но причиной этого было, повидимому, то, что волнение рабочих приняло слишком крупные размеры, а не жестокое обращение с ними. Когда Сенату за год перед тем пришлось

¹⁾ 1-е Полное Собрание Законов, № 12311. — При Александре I помещики лишились сначала права ссылать своих крепостных без суда как на поселение, так и на каторгу; потом же право отправлять на поселение, но только без зачета за рекрут, было им возвращено.

²⁾ 1-е Полное Собрание Законов, №№ 20826 и 20852.

³⁾ Архив департ. полиции исполн., дело № 33 за 1822 г.

разбирать донос майора Лимана на жестокое обращение управляющего Шлисельбургской ситцевой фабрикой Дитре и городничего Радинга, то, хотя в этом деле оказалось двое человек умерших после наказания, всё же приговор не был строг: управляющего Дитре постановлено, в случае возвращения из-за границы, не допускать к управлению людьми, а городничего — от суда и следствия освободить ¹⁾. Интересно отметить, что в некоторых случаях фабриканты сами отказывались, чтобы не обострять отношений с рабочими, от предоставленного им права подвергать мастеровых на месте домашнему наказанию, отсылая их для этого в полицию. Так, напр., на посессионной фабрике Осокина в Казани первоначально мастеровые наказывались при фабрике, согласно предоставленной указом 1736 г. владельцу власти, но „впоследствии, когда самое ничтожное наказание по духу непокорства мастеровых подавало повод к ябедам, власти вынуждены были отсылать их для наказания в городскую полицию“ ²⁾. Этот порядок был санкционирован и положением, составленным в 1834 г. для фабрики Осокина: „за самовольную неявку к работе на фабрику в третий раз или более сверх назначенного денежного штрафа подвергать виновного полицейскому наказанию, а от праздности, буйства, неповиновения, пьянства и других пороков отвращать мастеровых убеждением, а в случае нужды — полицейскими мерами исправления“. Только в 1837 г., в виду непокорства осокинских рабочих, признано было необходимым, в целях поднятия престижа фабриканта, предоставить ему право наказывать мастеровых, на основании указа 1736 г., за маловажные проступки в своем присутствии или через управляющего в одной из палат фабрики во время производства работ, с занесением в штрафную книгу, и только в случаях особой важности — испрашивать содействия полиции.

Уже к началу XIX века вольнонаемный труд составлял около половины общего числа фабрично-заводских рабочих, и в дальнейшем этот процент всё более и более повышался. Положение же вольнонаемных, конечно, было более благоприятным для отстаивания своих прав и интересов, чем тех, которые работали в силу обязательной повинности. Права подвергать их телесному наказанию хозяин не имел. „Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму“, изданное 24 мая 1835 г. и являющееся первым законодательным актом для вольнонаемных рабочих, ничего не говорит по данному вопросу. В особом положении находились лишь рабочие, занятые в водном транспорте (бурлаки). Согласно § 13 временных правил, изданных 31 декабря 1836 г., хозяину предоставлялось право „с ленивых, нетрезвых, порывавшихся к побегу и незначительных взыскивать по словесному приговору артели (вступление в которую было обязательным для рабочих) навалением на них работы, удержанием некото-

¹⁾ Архив департ. полиции исполн., дело № 32 за 1822 г.

²⁾ Архив III-го Отделения собств. е. и. в. канцелярии, 4 экспед., № 125 за 1835 г.

рой части из платы в пользу артели и телесным наказанием, смотря по вине и последствиям поступков“¹⁾).

За исключением золотопромышленных и судебных рабочих, в остальных отраслях телесное наказание для вольнонаемных по усмотрению хозяев не практиковалось или, во всяком случае, не санкционировалось законодательством. Правда, практика жизни разрешала себе иногда то, что не предусматривалось законом, особенно в более отдаленное время. В наказе боярина Морозова, относящемся к пятидесятым годам семнадцатого века, по поводу обращения с вольнонаемными рабочими дается следующее любопытное указание: „А будет деловые огуряютца—ино, сыскав вина, и за вину бить богаты слегда, а не увечить“²⁾. Как видно отсюда, наказ уверенно предоставляет приказчику право подвергать вольнонаемных рабочих телесному наказанию, хотя и рекомендует соблюдать умеренность и осторожность; это казалось в порядке вещей. Но, в дальнейшем, развитие численности и сознательности рабочих привело к тому, что в конце рассматриваемого периода мы не встречаем уже этой уверенности даже у крупных самодуров. Так, в докладной записке московского генерал-губернатора Закревского от 1848 г. отмечается, между прочим, что хозяева, не имея власти воздержать своих рабочих от пьянства и мотовства, ограничиваются одними вычетами прогульных дней и обращаются в полицию с жалобами только в случае оказанных им обид или учиненных преступлений.

Поэтому, „для охранения тишины и благоденствия, коими в наше время наслаждается одна Россия“, Закревский предлагал пойти несколько далее и издать ряд правил, среди которых имеется, между прочим, следующее: хозяева и их управляющие должны строго смотреть за нравственностью своих рабочих, удерживать их от лености, пьянства, мотовства и всякого разврата; в случае неповиновения их или неисpravления, должны немедленно отсылать их в местную городскую часть при объявлениях, где, не входя ни в какое разбирательство, люди эти подвергаются полицейским исправительным наказаниям, с возвращением к хозяевам³⁾. Это предположение о предоставлении полиции права подвергать вольнонаемных рабочих исправительному наказанию, т.-е. порке, по заявлению хозяев и без всякого разбирательства дела, не получило, однако, дальнейшего движения. Сам Закревский, введя в Москве в 1850 г. расчетную тетрадь для фабричных рабочих без санкции министерства финансов, не решился перенести в нее вышеуказанного параграфа. За это он компенсировал себя некоторыми новыми правилами, представляющими chef d'oeuvre полицейского творчества. Рабочим не дозволяется: курить сигары и папирсы ни во время работ, ни в застольных помещениях, и во дворе фабрики; заводить кулачные бои и всякого рода вредные для других игры

¹⁾ 2-ое Полное Собр. Законов, № 9818.

²⁾ „Вестник Европы“ 1871, т. I—Н. Забелин. Большой боярин в своем хозяйстве.

³⁾ Архив деп. полиции исполн., дело № 5 за 1849 г. — о мерах для наблюдения за рабочими на фабриках и заводах и о запрещении вновь учреждать таковые заведения.

и шутки, игру в орлянку и в карты на деньги и запрещается даже „употребление бранных и неприличных слов, под опасением взыскания в пользу доказчика пятидесяти копеек сер. и наказания исправительного со стороны полиции“. За опоздание на работу свыше 15 минут полагался вычет поденной платы, а за прогул целого дня—втрое. Даже в регламенте суконных фабрик 1741 г. взыскания за опоздание и прогулы отличались большей мягкостью! По воскресеньям и праздничным дням рабочие должны ходить в церковь под опасением штрафа в пользу доказчика 5 коп. серебром. Некоторые из этих правил продолжали вывешиваться на стенах московских фабрик еще долгое время после падения крепостного права.

Но в атмосфере крепостного права случалось, что иногда право законодательной власти по отношению к рабочим приписывали себе и частные предприниматели.

Так, при основании в 1856 г. Кренгольмской мануфактуры, где работало до 5—6 тысяч человек, на ней была заведена особая фабричная полиция на основании собственного полицейского устава.

Эта полиция, состоящая из двух инстанций: старшины, который должен был избираться обществом рабочих, и управляющего, имела право подвергать рабочих следующим взысканиям: 1) денежному штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, 2) телесному наказанию до 50 ударов розгами и 3) содержанием под арестом до 2 суток. Сверх того, в изъятие из общего порядка фабричная полиция могла разбирать дела по обманам и кражам не свыше 5 руб. серебром, а по гражданским делам производить взыскания по долговым обязательствам рабочих. Только в 1872 г., когда на мануфактуре вспыхнули крупные волнения, и означенные постановления, напечатанные в рабочих книжках, стали предметом рассмотрения особой правительственной комиссии, выяснилось, что эти постановления никем не были утверждены, напечатаны бесцензурно и противоречат законам. После долгой переписки полицейский устав мануфактуры был отменен, а гражданские дела рабочих предоставлены местному мировому судье ¹⁾... Как видно отсюда, в обрабатывающей промышленности также имелись свои Демидовы и Сухозанеты!

ГЛАВА IX.

Рабочие волнения.

Как видно из предшествующего изложения, развитие крупной промышленности привело к образованию у нас уже в XVIII и первой половине XIX столетия довольно значительного класса мастеровых и рабочих людей, которые скоплялись в городах или вновь образующихся центрах производства.

Этот класс значительно отличался еще от современного промышленного пролетариата. Он не вполне еще обособился от сложившегося веками крестьян-

¹⁾ „Архив истории труда в России“ 1921, книга вторая.

ства, ибо значительная часть его продолжала заниматься сельским хозяйством и только начинал формироваться в самостоятельную социальную группу, имеющую особые профессиональные интересы, склад жизни и психологию. Вместе с тем, на нем тяготели оковы крепостного права, заглушавшего в нем мысль о самостоятельном значении человеческой личности. Рабочий был не столько субъектом, сколько объектом — и это не только по отношению к государственной власти, но даже по отношению к частным лицам, занимавшимся промышленной деятельностью. Всё это весьма затрудняло выявление самостоятельных интересов, присущих нарождающемуся классу; он был еще только — по терминологии Маркса — классом для других, но не для себя самого. Тем не менее, нельзя сказать, что изучаемый период характеризуется отсутствием какого бы то ни было определенного движения среди трудящихся масс и что они спокойно, безропотно переносили тот эксперимент, который проделывался над ними во славу новой формы производства. Помимо Пугачевского бунта, в котором уральское горнозаводское население принимало деятельное участие, как ранее, так и позже были весьма не редки случаи массового протеста, принимавшего иногда очень крупные размеры или же обнаруживавшего чрезвычайное упорство со стороны рабочих.

Так как рабочее население крупной промышленности было очень пестрым по своему составу и распадалось на целый ряд обособленных групп, то и ознакомление с массовыми выступлениями его на борьбу для отстаивания своих интересов удобнее приурочить к этим последним.

Наиболее значительной по своей численности являлась группа так называемых приписных крестьян (прикрепленных к предприятию), выполнявших вспомогательные горнозаводские работы по рубке леса, возке руды и угля и т. п. Возникновение ее относится к самому началу зарождения горной промышленности. И очень скоро же, в связи с этими прикреплениями или в результате их, начинаются волнения среди крестьян, недовольных навязанной им трудовой повинностью. Первыми обнаружили неповиновение в 1678 г. крестьяне, приписанные к заводам Марселеса¹⁾. Затем около Кунгура собралась (1700 или 1701 г.) вооруженная толпа крестьян и хотела убить стольника Калитина, посланного в Верхотурье для отыскания минеральных богатств, так что он должен был выдвинуть против них пушки, а в конце концов тайно бежать²⁾. Когда к Олонецким заводам был приписан в 1715 г. Ребольский погост, находящийся от них в расстоянии 600 верст, и крестьян стали высылать на работу, то они „учинились против указа сильны“, вследствие чего для усмирения их была послана рота солдат. Впоследствии было признано, что исполнение этой работы для них обременительно, и ее заменили денежным сбором³⁾. При построении г. Екатеринбурга в 1722 г. произошло восстание крестьян, к которым присоединился даже находившийся там военный отряд и большая часть мастеровых, и многие бежали с работ⁴⁾. Вскоре произошли волнения среди крестьян, приписанных к Липецким (Тамбов. губ.) и Козьминским заводам⁵⁾. Вряд ли возмущение крестьян приводило к улучшению их быта. И не удивительно, что верным средством избавиться от непосильной работы почиталось бегство за рубеж.

В 1726 г. на границах Башкирии и около Камышлова собралось около 1.500 вооруженных приписных крестьян, намеревавшихся бежать к башкирам, но этому помешало, между прочим, то, что правительство обещало башкирам при поимке и выдаче беглецов отдать всё их имущество. Тем не менее, побег крестьян продолжались еще многие годы ⁶⁾. Возникали ли упомянутые выше волнения стихийно, или они являлись обдуманным протестом против игнорирования властями жалоб рабочих, неизвестно, но, вероятно, беспорядки возникали после того, как оказывались безуспешными попытки мирными путями добиться облегчения условий жизни и просьба оставалась без удовлетворения. В 1741 г. крестьяне Ильинского острожка, приписанные к заводам Демидова, подали челобитную в Берг-директориум и просили обследовать об „обидах и тяжких разорениях“, претерпеваемых ими от Демидова и его приказчиков, и от заводов их отрешить, а Демидову довольствоваться своими собственными работниками, так как он имеет „немалые купленные деревни и немалое число крестьян“. А два года спустя часть демидовских приписных крестьян „упрямством своим в работу не вышла“; за это велено было учинить им наказание плетями и батогами и поставить военный постой ⁷⁾. Еще более серьезные формы приняло волнение среди крестьян Ромодановской волости Калужской губ., приписанных к железодельным заводам Демидова (1752 г.). Здесь они выпустили воду из заводских прудов, бросили на произвол судьбы обжигавшиеся для угля дровяные кучи и приостановили все работы. Увлеченные их примером мастера Дугнинских и Брынских заводов также бросили работу и вернулись домой в Ромодановскую волость. Высланный воинский отряд в 500 человек не испугал взбунтовавшихся. Староста Бурлаков хотел было отказаться от сопротивления, но его стали бить и принудили продолжать дело. Живший в волости солдат Дмитриев обучал крестьян воинским приемам. Произошла ожесточенная схватка, в которой обе стороны понесли большие потери: 59 крестьян было убито, 42 ранено, 9 офицеров и 188 рядовых получили легкие раны. Отряд был разбит, и командир его Олиц взят в плен. Назначенному вместо него новому военному начальнику только с большим трудом удалось затем захватить из возмущившихся крестьян 674 человека; главные зачинщики были сосланы в Сибирь на железодельные заводы Демидова, несколько сот мужчин и женщин наказаны кнутом, плетями или кошками и возвращены Демидову ⁸⁾.

Два года спустя подобный же случай отказа от работы имел место на Авзяно-Петровском и Вознесенском заводах; и здесь также была пущена в ход вооруженная сила.

Так как крестьяне, приписанные к Авзяно-Петровскому заводу, жили от него на расстоянии более 600 верст, то они не подчинились присланному им сенатскому указу и, считая его фальшивым, начали „чинить противности“. По усмирении волнения из всех крестьян, принимавших участие в нем, велено было сорокового человека по жребию публично высечь плетями в их селениях, а тридцати зачинщикам „учинить жесточайшее наказание: высечь плетями и вывезть на заводы с их семьями, и быть им там вечно“ ⁹⁾...

В 1758 г. пришлось усмирять крестьян села Ильинского, которые только что были приписаны к Шуваловским горным заводам. Вооруженные луками и стрелами, крестьяне не пустили отряд в свое село, заявив, что они „ в заводам Шувалова до возврата посланных от них челобитчиков никогда послушными быть не хотят“ ¹⁰). На этой же почве недовольства припиской в 1760 г. начались волнения в селениях крестьян, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова, принявшие особенно серьезный характер в Масленском остроге и Барневской слободе.

Крестьяне собирались большими толпами, вооружались, чем попало, и не слушали никаких увещаний начальства, заявляя, что на работу не станут, или что им нужен указ из сената за подписью самой государыни. В поданной ими записке между прочим заявлялось: „указ о увещании в демидовские заводские работы все с истолкованием слышали и в силу того указа в слышании довольны, токмо в заводские демидовские тягчайшие работы ныне уже и впредь ехать не желаем, за великотягчайшими несносностерпимыми работами, в которых... многое число крестьян смертельно бито, а иных и до смерти много убито“. В конце концов дело дошло до горячей и упорной стычки, в которой со стороны правительственных войск было ранено 52 человека. Около 300 крестьян было схвачено и отправлено в тюрьму, а остальные должны были стать на работу ¹¹).

Несколькими месяцами позже начались волнения в соседних селениях, приписанных к заводу Турчанинова, где крестьяне отразили ничтожные команды, высланные против них, и не ходили на заводские работы в продолжение двух слишком лет... Затем, в том же 1760 г., отказались работать крестьяне Соликамского и Чердынского уездов, приписанные к Анненскому, Петропавловскому и Туринскому заводам ¹²). В следующем году начались волнения на камских заводах Шувалова (Воткинском и Ижевском), при чем дело также неоднократно доходило до вооруженных столкновений. Здесь, между прочим, значительную роль играл подложный манифест об отмене обязательных работ, составленный дьячком Кузьминым совместно с одним из приписанных крестьян. В 1762 г. вспыхнули крупные волнения среди крестьян Кунгурского уезда, приписанных к заводам Воронцова, Чернышева, Демидова и Осокина, а затем среди крестьян Невьянской слободы, приписанной к Алапаевскому заводу Гурьева. Отсюда беспорядки перекинулись на Нижнетагильские заводы, а затем и на Гороблагодатские. Кроме того, бегство приписного населения или отказ от работы отмечены еще на Ревдинском, Верхнейсетских заводах и заводах гр. Ягужинского ¹³). В одной из своих автобиографических записок Екатерина II утверждает, что в 1762 г. были в „явном ослушании и открытом бунте против заводчиков“ 49.000 приписных крестьян. Таким образом, волнение охватило большинство горнозаводского частного населения, как по ту, так и по другую сторону Урала. Челобитчики, посланные крестьянами, несмотря на все препятствия, успели довести свои жалобы не только до сведения Сената, но и самого императора Петра III. Для расследования этих жалоб была назначена особая комиссия, но затем всё дело было передано Екатериною кн. Вяземскому. По приговору его были

наказаны плетью или батогами 235 человек из приписных к 10 заводам; затем Бибиковым было наказано 196 человек из приписных пяти заводов. С другой стороны, крестьянам были уплачены недодаваемые заводчиками деньги, и свыше восьмидесяти приказчиков и служащих были подвергнуты телесному наказанию; кроме того, Вяземским были утверждены примерные правила для Воткинского и Ижевского заводов, которые вносили известное регулирование в работу приписных. Так, в них предписывалось распределять крестьян, приписанных к заводам, по числу молотов и в зависимости от расстояния их жилищ, так чтобы одни сотники ходили на один завод, другие — на другой. Затем ограничивалось право заводууправлений наказывать крестьян, и последним предоставлялось самим наблюдать за поддержанием дисциплины. С этой целью сотни должны были ежегодно выбирать старост и по два писчика. В компетенцию выборных входило: разбирать разные ссоры между крестьянами, назначать работников по требованию конторы, а также выбирать и отсылать на заводы здоровых и годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, и особенно смотреть, чтобы крестьяне все без исключения слушались заводских управителей и выполняли все положенные работы.

Такие старосты и выборные были и прежде, но провинившиеся на заводах наказывались не ими и не на сходах крестьян, а по усмотрению заводских приказчиков и управителей; теперь же заводская контора превращалась в высшую инстанцию, куда поступало дело только в случае его особой важности или разногласия между выборными и мирским сходом. Наконец, для устранения беспорядочности в учете работы, составлявшей благоприятную почву для всякого рода злоупотреблений, выборным предоставлялось вести именные списки своих людей, производить расчеты с конторой и раздавать заработанные деньги по рукам. При этом указывалось, что заводууправления не должны налагать на крестьян работ более, чем сколько следует сделать за подушный оклад.

В своем манифесте 9 апреля 1763 г. Екатерина рекомендовала всем заводчикам руководствоваться этим положением, а в 1781 г. оно было сделано уже обязательным.

В указанном манифесте было предписано сверх сего, чтобы заводчики выдавали заработную плату приписным крестьянам на руки, и последние вносили за себя подушные деньги сами. Конечно, всего этого было недостаточно для искоренения причин недовольства, и волнения скоро опять возобновились. В конце 1764 г. толпа крестьян, приписанных к Авзяно-Петровскому заводу, ссылаясь на какой-то указ, разрешающий им не работать более 36 дней, уехали с завода; за ними последовали другие, так что общее число беглецов достигло 317 человек ¹⁵⁾. В следующем году были отмечены случаи непокорства и отказ от работ среди крестьян, приписанных к Ижевскому заводу и Гороблагодатскому округу ¹⁶⁾. В 1767 г. начались волнения в Чердынском и Соликамском уездах. Крестьяне, приписанные к заводам Походяшина, перестали выходить на работу, а высланный против них отряд встретили с „огненным ружьем, копьями, дреколем и сенометными

вилами“. Затем волнение перебросилось на заводы Чернышева и Воронцова. Усмирение сопровождалось жестокими наказаниями. Двух главных зачинщиков повелено было наказать кнутом и, вырвав ноздри, послать вечно на каторгу. Одиннадцать человек было присуждено к наказанию плетью по три дня, один человек — двоекратно, тринадцать — по одному разу, один — к наказанию батогами. Остальные приписные крестьяне, не ходившие на работу и выступавшие с дреколием на драку с командой, должны были подвергнуться наказанию — из 10 человек, годных к работе, один по жребию нещадно ¹⁷⁾.

Во время Пугачевского бунта руководящую роль играли яицкие казаки, башкиры и помещичьи крестьяне; но довольно деятельное участие принимали в нем также и крестьяне, приписанные к горным заводам. При взятии Пугачевым Казани участвовала толпа, напр., заводских крестьян под предводительством Минсева, а при отступлении оттуда большая толпа последних провожала его до самого Саратова. Хлопушей были возмущены крестьяне, приписанные к Авзяно-Петровскому заводу, и двинуты затем под Оренбург. Около Саткинского завода Пугачевым было набрано около 5.000 мятежников. О Белобородове, одном из его наиболее деятельных сподвижников, сообщается, что он, происходя из приписных к заводу Осокина, собрал большую толпу заводских рабочих и крестьян и, беря завод за заводом, окружил г. Екатеринбург и держал его довольно долго в кольце ¹⁸⁾... Впоследствии приписные крестьяне на Урале были освобождены от обязательной трудовой повинности с выделением из них так назыв. непреременных работников.

Вторую — группу составляли мастеровые и рабочие, связанные с фабриками и заводами постоянной работой и принадлежащие частным лицам на праве полной или ограниченной собственности (частновладельческие и посессионные). В первом случае мы имеем дело в сущности с крестьянами, которых вовсе не имелось в виду привлечением к некоторым работам для заводов лишить их собственного обычного земледельческого хозяйства. Здесь же выступают люди, жизнь которых подвергалась гораздо более длительному и непосредственному воздействию новой формы промышленности и которые являют в себе черты рабочего городского типа. Коллективные выступления начинаются здесь значительно позже, но они являются более частыми и, вместе с тем, носят более, так сказать, индивидуализированный характер.

Наиболее раннее из них относится к 1737 г., когда на Большом суконном дворе в Москве произошло столкновение у мастеровых с владельцем фабрики Болотиним на почве недовольства уменьшением заработной платы против установленной правительством при переходе предприятия из рук казны.

Пять лет спустя они вновь прекратили работы, подав челобитную государыне ¹⁹⁾. Жалоба их на неправильное сокращение заработной платы была признана Сенатом основательной, но, тем не менее, за самовольное прекращение работ „пущих зачинщиков“ велено было при собрании мастеровых и рабочих людей бить плетью нещадно и затем объявить всем, чтобы они немедленно начали работу на фабрике, „не отговариваясь ничем“.

В 1749 г. содержатели фабрики Болотин и Докучаев вновь подали заявление, что рабочие, неизвестно почему, стали расходиться с фабрики и работать не хотят, так что из тысячи человек осталось только около 120. Мануфактур-коллегия, в виду, вероятно, необычности дела, всем присутствием отправилась на фабрику для увещания мастеровых, но безрезультатно: они заявили, что ими подана жалоба и, пока на нее не последует ответа, работать не будут. Пять зачинщиков было подвергнуто наказанию, но и это не восстановило порядка. Только 286 мастеровых стали на работу, 127 человек продолжали отказываться от нее, а 586 не возвращались совсем. Тогда Сенат приказал из 127 каждого десятого бить кнутом и, заковав в кандалы, сослать на каторжные работы. Остальных из этой группы, наказав плетью, силой принудить стать на работу; а из беглых тех, кто, явившись немедленно, примется за работу, оставить без наказания, а кого поймают — то более виновных, бив кнутом, сослать в Рогервик, остальных же по наказанию плетью определить в работы ²⁰).

Около этого же времени произошло неповиновение крестьян, купленных кушом Лугининым к полотняной фабрике в Белевском уезде. Они отказались ходить на фабрику и, собравшись вместе в церковь, пригласили священников отслужить молебен и дали присягу не выдавать друг друга и не слушать Лугинина. Однако, сопротивления крестьяне не оказали и при появлении воинского отряда разбежались ²¹).

В 1761 г. возникли волнения на Липецком, Козьминском и Боренском заводах, которые раньше принадлежали казне, а незадолго перед тем перешли в вечное и потомственное владение к Репнину.

Этот переход неблагоприятно отразился на положении мастеровых: вместо установленной, еще при Петре I, поденной платы в 5 коп. летом и 4 коп. зимой, им стали платить теперь по 3 и 2 коп., посылали на работы, которые раньше не практиковались, подвергали суровым наказаниям, платили жалованье вместо денег разными продуктами. Воронежская контора отправила поручика с командой с предписанием наказать нещадно 19 мастеровых за их „противности и озорничество“ и взять подписку в повиновении. Но когда приступили к наказанию главного зачинщика Куприянова, то он закричал присутствующим мастеровым, чтобы не выдавали, и те освободили его и всех прочих, отобрали плети и не только не дали никого наказывать, но и объявили, что подписки на повиновение не дадут ²²).

В 1762 г. происходили волнения на Московской суконной фабрике. Когда посланный мануфактур-коллегией юнкер Мещерский хотел подвергнуть наказанию жалобщика Андреева в присутствии мастеровых и рабочих людей, то так называемые солдатские дети, отданные для работы на фабрику, не дали этого сделать и затем избили назначенного для заведывания ими сержанта. После этого солдатские дети стали большими партиями уходить с работы. По указу Сената были наказаны батогами и плетью 18 учеников и 56 мастеровых ²³).

В том же году мастеровые Невьянского завода на Урале, принадлежащие Демидову, прекратили заводские работы, стали устраивать многолюдные сходки

и в заключение заявили, что впредь будут зарабатывать только подушный оклад, а дальнейших работ производить не будут. В следующем году волнение распространилось и на другие заводы Демидова. Большая толпа мастеровых Нижнетагильского и Выйского заводов собралась к заводской конторе и потребовала освободить своих товарищей, арестованных за подачу челобитных. Когда увещания приказчиков Демидова не произвели нужного воздействия, они собрали всех служащих и караульных солдат и выставили пушку на крыльце конторы. Однако мастеровые отбили ружья и пушку и, сделав выстрел холостым пыжом в контору, произвели панику среди защитников. Освободив своих руководителей, Салаутина и Палтова, толпа отвезла пушку в качестве трофея к мирской избе ²⁴).

В 1765 г. возобновились волнения на Липецком заводе. Мастеровые вновь заявили, что они желают быть в казенном содержании и не хотят называться крепостными. После ареста 10 человек около ста рабочих пришли в Воронеж и заявили администрации, что работать на Решина не будут; на угрозу же наказать их ответили, что „о том не спорят“, но всё-таки остаются на своем. В конце концов им удалось добиться своей цели, и заводы были взяты в казну ²⁵).

Во время Пугачевского бунта мастеровые в общем не играли выдающейся роли; но после взятия Ижевского и Воткинского заводов число их в рядах самозванца значительно увеличилось. С заводов Пугачев доставал себе также пушки не без содействия, вероятно, мастеровых. По словам Рычкова, „посланные на Твердышевский завод без всякого там сопротивления получили и привезли к нему (Пугачеву) более 3000 зарядов с ядрами и не малое число ружей. Тут же они взяли к себе из заводских многих служителей, в том числе несколько довольно обученных пушечной стрельбе, о коих сказывали, якобы они добровольно склонились“ ²⁶).

При осаде Челябинска в 1774 г. упоминается, что к мятежникам присоединилось „несколько шаяк, составленных из рабочих заводов Кыштымского, Каслинского и Ураимского, которые уже передались самозванцу; начальники их были выгнаны или избиты, а рабочие люди получили свободу“ ²⁷).

Даже в самой Москве, по словам Бибикова, „холопы и фабричные почти явно оказывали буйственное свое расположение и приверженность самозванцу, который несет им желаемую ими свободу“...

Одними репрессиями бороться с этими настроениями было невозможно. Нужны были меры положительного характера, и в 1779 г. появляется манифест, который урегулировал положение горнозаводских приписных крестьян и внес успокоение в их среду. Это отразилось и на настроениях мастеровых, и только по прошествии двадцати слишком лет недовольство в их среде начинает прорываться вновь. Так, в 1797 г. произошло неповиновение мастеровых своему владельцу на Кирицком чугуноплавильном заводе Рязанской губ ²⁸). В 1800 г. рабочие Фрянновской шелковой фабрики подали жалобу императору Павлу во время пребывания его в Москве, при чем, в ожидании ответа, отказались работать, „сами собой отлучились от фабрики и от домов своих и, скитаясь толпами в развращенном

виде по разным местам, позволяли себе многие неустройства“. За непокорство и буйный дух многих из них неоднократно подвергали наказанию, но рабочие обнаруживали такое упорство, что земским судом официально было высказано о них следующее мнение: „Фряновские мастеровые, закоснев в буйствах, к повинению впредь владельцу признаются безнадежными“. Однако буйное настроение мастеровых питалось, очевидно, и поведением самой администрации фабрики, ибо мануфактур-коллегия при рассмотрении дела признала заработную плату их недостаточной сравнительно с соседними фабриками и предложила владельцу сделать соразмерную прибавку ²⁹⁾.

Нужно отметить затем беспорядки на суконной фабрике Осокина в Казани. Рабочие этой фабрики еще в 1796 г. жаловались ревизовавшему губернатору сенатору Маврину на низкую заработную плату, и эта жалоба была признана им основательной. Но и после того они продолжали жаловаться как на недостаточность платы, так и на жестокость владельца. Указами Сената в 1806 г. было предписано: 1) внушить мастеровым людям, что они, быв приспаны к фабрике, должны находиться в полном послушании у содержателя, 2) за самовольное от работ уклонение, пьянство и другие своевольства фабричных предоставить фабриканту поступать на основании указа 1736 г., т.-е. подвергать их домашнему наказанию по своему усмотрению ³⁰⁾.

В 1810 г. имели место волнения на Авзяно-Петровских железодельных заводах Губина в Оренбургской губ. Причиной их служило недовольство взятых в рекруты крестьян тем, что они вместо военной службы были обращены на заводские работы в качестве так называемых непременных работников. Так как ни офицер приводившей их команды, ни конторские служители не могли объяснить им, на каком положении они будут находиться на заводах, то они „поставили сие предлогом к отбывательству от работ, дабы через то воспользоваться временной праздностью“. Кроме того, рекруты настаивали еще на выдаче провианта, соли, посуды и жалования. Заводская же контора, не имея ни предписания от горного начальства, ни разрешения со стороны владельца, удовлетворить их не могла. В уклонении от работ принимало участие 144 человека во главе со своим сотником. Но после внушений и разъяснений со стороны исправника все они стали на работу. Так как в этом деле обнаружилась и нераспорядительность заводской конторы в отношении продовольствия и жалования, то оно не имело дальнейших последствий ³¹⁾.

В 1811 г. произошли крупные беспорядки на суконной фабрике Гарденина в селе Бондарях Тамбовской губ. Рабочие принесли жалобу губернатору, что содержатель фабрики перестал выдавать им плату и отобрал в свою пользу пашенную землю. По донесению же чиновников, рабочие совсем „отреклись от работы“ и после увещания с грубостью объявили, что „работать на фабрике не будут“. Когда зачинщики подверглись аресту, фабричные ударили в набат и, „стекшись во множестве, окружили квартиру чиновников и дом Гарденина, угрожая первых убить и отбить ворота у последнего“; чиновники с большим трудом спаслись от раздраженной толпы и уехали из села. После прибытия воинской команды четверо из главных зачинщиков были наказаны

кнутом и трое—плетью; остальные же дали подписку в повиновении и были оставлены без наказания, дабы через дальнейшую строгость не ожесточить их снова³²).

В этом же году имело место неповиновение рабочих на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга. Рабочие жаловались на то, что владелица Полторацкая не соблюдает заключенного с ними в 1803 г. договора; последняя же обвиняла их в том, что они „отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги“. Нужно заметить, что эта фабрика является единственной, где существовало самоуправление рабочих. М-ром внутренних дел был командирован особый чиновник, который обнаружил некоторые неправильности, а именно: 1) мальчики в возрасте до 15 лет не ходят иногда на работу, 2) рабочий день продолжается не более 10 часов в сутки, 3) женщины совсем не принимают участия в работе. Сенат утвердил новое положение, по которому старый договор оставался в силе, но с тем изменением, что: 1) мастер и подмастерье должны не выбираться рабочими, как было раньше, а назначаться владелицей, 2) работа должна продолжаться не менее 12 час. в сутки и 3) дети должны работать на фабрике с 12 летнего возраста³³).

В 1812 г. происходили крупные волнения в Пермской губернии, охватившие 3 округа с 12 волостями, в коих значилось до 20.000 душ приписных крестьян. Движение началось на Верхне-Исетских заводах Яковлева, но затем распространилось на заводы Демидова и даже казенные Гороблагодатские. Причиной его послужили недоразумения, возникшие на почве применения указа 1807 г. о непременных рабочих. Волнение приняло такие размеры, что перепугавшейся администрацией предположено было двинуть на место происшествия значительные военные силы, но вскоре крестьяне отказались от сопротивления и вступили в работы. Поверенные же их и многие волостные начальники, замеченные в подстрекательстве, были преданы суду; о священнике же сообщено в духовную консисторию³⁴).

В 1815 г. обнаружен „дух своевольства и расположение к буйствам“ среди мастеровых суконной фабрики Тулинова в Тамбовской губ. Обнаруженные двое зачинщиков были преданы суду „в страх другим“³⁵).

В этом же году и в той же губернии обнаружено неповиновение на фабрике Малина; мастеровые были наказаны, но дать подписку в повиновении отказались, заявляя, что они считают себя принадлежащими казне. После внушения со стороны губернатора и отдачи двух мастеровых под надзор полиции, спокойствие было восстановлено³⁶).

В 1816 г. рабочие стекольного завода Баташева в Петербургской губ. „сделали между собою присягу, чтобы друг друга не выдавать и, несмотря ни на что, бросили заводские работы, потушили печи и самовольно скопом все ушли в завода, нанеся большие убытки“. Причиной ухода было недовольство скудным содержанием³⁷).

В этом же году в министерство внутренних дел поступила жалоба фабриканта Рязанской губ. Кознова на то, что мастеровые „с 1814 г. чинят разные

буйства и неповиновения; ..многие по буйству, прочие под видом болезней на фабричную работу не выходят, через что и накопили на фабрике недоимки сукина более 25.000 арш., а караези до 7.000 аршин“. В 1816 же г. они отказались перевозить фабричные продукты и материалы, при чем бурмистр, склонявший их к повиновению, по дороге с фабрики был убит ³⁹).

В 1819 г. рабочие посессионной фабрики Осокина в Казани с женами и детьми явились в дом, где остановились ревизовавшие губернию сенаторы, и принесли им жалобу. Вместе с тем, значительная часть их (около 200 челов.) совсем перестала являться на фабрику. В следующем году рабочие вновь явились большой толпой к губернатору с жалобами на Осокина. Когда губернатор потребовал от них подписки в том, что они будут повиноваться содержанию фабрики, то они наотрез отказались ее дать, заявляя, что они „Осокину никогда не принадлежали и не принадлежат“. Тогда на фабрику была поставлена воинская команда; 4 октября 1820 г. Сенат утвердил особое положение для фабрики и предписал губернатору обнаружить возмутителей рабочих, внушающих им „ложные мечтания о свободе“, и отправить их навсегда на Иркутскую суконную фабрику ³⁹).

В 1822 г. происходили крупные волнения на Кыштымском и Каслинском заводах Расторгуева в Пермской губ. по поводу низкой заработной платы и необеспеченности провиантом. Хотя справедливость жалоб мастеровых была подтверждена обследованием берг-инспектора, комитет министров постановил главных зачинщиков предать суду, а 98 человек, ходивших с жалобой в Екатеринбург, подвергнуть наказанию по рассмотрению губернского правления (оно назначило по 25 ударов палками каждому) и водворить с семействами на казенных Богословских заводах. Приведение в исполнение этого распоряжения вызвало новый взрыв беспорядков, потребовавших посылки значительной воинской команды ⁴⁰).

Еще более значительные волнения происходили в этом же году на заводах Баташева, расположенных во Владимирской, Тамбовской и Рязанской губ., с общим числом до 13½ тысяч душ мастеровых; причиною их служили жалобы на недостаточность заработной платы и на задержку при выдаче ее ⁴¹).

В 1823 г. непрременные работники на Сергинских заводах Губина отказались от выполнения возложенной на них повинности по рубке дров в размере 1½ сажени в неделю и заявили, что более одной сажени они рубить не в состоянии. Когда заводская контора вызвала 127 человек, за которыми значилась недовыработка, то они вновь подтвердили, что более одной сажени на человека в неделю рубить не будут и что указ Горного правления, как непечатный, справедливым не признают. С помощью воинской команды порядок, нарушенный по „вольнодумству, лени и нерадению“, был восстановлен, и рабочие согласились выполнять установленный урок ⁴²).

В следующем году мастеравые Кирицкого завода, Рязанской губ., подали жалобу на притеснения их новым владельцем Генике, который: 1) делает вычеты по 20 коп. из платы, положенной в 1818 г. прежним владельцем, и 2) не отпускает им безденежно леса из заводской дачи и кирпича.

Только с помощью воинской команды удалось обратить их на завод к работе, при чем двое мастеровых, наиболее оказавших буйство, были преданы суду. Однако, и после этого, не выжидая решения дела, мастеровые „не один раз попускали себя к новым своевольствам и затейным жалобам“, так что чины местной полиции не могли привести их в должное повиновение; потребовалось прибытие губернатора, которому с большим трудом удалось склонить их к исполнению своих обязанностей до решения дела. Это решение последовало только в августе 1826 г., при чем восемь ослушников были приговорены к наказанию при полиции батожем.

Между тем, не задолго до этого Генике подал новую жалобу об ослушании еще семи мастеровых, которые также были наказаны при полиции розгами. С своей стороны Московское горное управление признало их прошения недельными, но потребовало, чтобы подушные и рекрутские деньги платились не ими, а заводовладельцем. Вместе с тем, Генике было разрешено сдавать мастеровых за дурное поведение в рекруты натурою, как во время производства набора, так и в зачет будущего, по своему желанию, но не иначе, как с разрешения горного управления.

Генике не преминул воспользоваться этим правом, и 24 сентября ему было разрешено сдать четырех человек, замеченных наиболее в буйстве и ослушании. Однако, при приведении указа в исполнение, мастеровые заявили, по донесению губернатора, что „они себя не считают принадлежащими завододержателю Генике, но вольными казенными мастерами, к заводу приписанными, и потому распоряжениям его подлежать не могут, а особенно отдавать их в рекруты никто не имеет права“. Когда четырех человек, предназначенных в рекруты, отвозили в город, по дороге их отбили и разыскать их не удалось. Военный суд вынес приговор: шесть мастеровых, как зачинщиков, наказать шпипрутенами сквозь 500 человек, каждого один раз, а затем сослать в Сибирь на отдаленные казенные рудники; двое были наказаны полицейским образом „в страх другим“.

В 1825 г. фабричные крестьяне Шарогорской писчебумажной фабрики (Вологодской губ.) обращались к владелице Кафтыревой с жалобой на арендатора Эгансона; жаловались они также гражданскому губернатору на невыдачу им положенного жалования. Удовлетворения они не получили, но в июле этого года земский исправник с 4 рядовыми приводил фабричных крестьян к покорности арендатору, и, после телесного наказания 25 человек, отобрана была подписка в полном ему повиновении. По требованию Эгансона солдаты, после усмирения, были оставлены на некоторое время на фабрике, в видах предосторожности.

В этом же году обнаружено неповиновение среди крепостных рабочих людей, занимавшихся вспомогательными горнозаводскими работами на Ревдинских заводах Зеленцова. Поводом к нему послужило изменение меры короба, по которой производилась сдача угля.

Крестьяне послали пятерых поверенных в Екатеринбург для того, чтобы выяснить там истинную меру короба. Но когда затем между ними разнесся

слух, что эти посланные арестованы и подверглись наказанию, они толпой около 500 человек отправились в город. Здесь от них была отобрана подписка в повиновении, но волнение продолжалось, и впоследствии завод был взят в казну ⁴⁵).

В 1826 г. имело место волнение среди крестьян бумажной фабрики кн. Гагарина близ Ярославля, представляющее большой интерес в том отношении, что оно является отзвуком событий 14 декабря 1825 г.

В феврале означенного года более 300 человек явились в губернский город и принесли губернатору жалобу, состоящую в том, что: 1) не соблюдается на фабрике должной уравнительности в работах, 2) не выдано им из магазина столько хлеба, сколько следует, 3) не достает у них времени на исправление своих собственных нужд и 4) их употребляют иногда на барские работы в праздничные дни. После кратковременного вразумления, фабричные принесли „чистосердечное раскаяние“ и показали, что к соглашению стоять друг за друга причастен священник их прихода Михаил, который в церкви служил молебен об избавлении их от тягостных господских работ и потом при крестном целовании увещевал их стоять друг за друга. Установив таким образом „благочиние между сими заблудшими людьми“, губернатор распорядился наказать четырех зачинщиков, по указанию управляющих фабриками, пятьюдесятью ударами розог каждого „в страх и пример другим“, а пятого — Федорова, принявшего звание поверенного, задержать под караулом до дальнейшего рассмотрения. Относительно же священника, которого губернатор не усомнился считать „главным руководителем к нарушению порядка на фабрике“, было сообщено в духовную консисторию с предложением впредь до расследования немедленно отстранить его от должности для устранения вредного влияния его на фабричных людей. Затем, на место происшествия был командирован чиновник, чтобы удостовериться, не было ли каких-либо „излишеств в распоряжении управляющих фабрикою, несоответственных с добрым хозяйством“.

Это расследование подтвердило в значительной мере показание рабочих, и на основании его губернское правление постановило: „1) управляющего фабрикою обязать подпискою, чтобы в праздничные и воскресные дни фабричные освобождались от работы; если же последние признаются необходимыми, то наряжать для исправления их или своих фабричных людей по добровольному соглашению, или посторонних с платою вдвое большей против будничных дней; 2) установить всевозможную уравнительность между лицами, которые должны находиться на работе, и так как фабричные занимаются, кроме того, хлебопашеством, то и наряжать их брат на брата, предоставляя желающим за установленную плату работать и не в свою очередь; 3) таким же порядком установить уравнительность между теми людьми, которые употребляются для пилки и возки леса, поправки плотины и т. п., чтобы таковые работы производить брат на брата; 4) так как рабочие на фабрике заняты по искусственной части с умеренной платой для пользы владельца, то внушить управляющему, что всякое взимание дальнейшего оброка за предоставленную им

землю является несправедливым и, как противное доброму хозяйству, должно быть уничтожено; 5) вменить в обязанность земскому исправнику иметь на будущее время неослабный надзор за фабричными людьми, которые, оставя свои замятия и дома, отлучились в Ярославль и бродили толпами по городу; 6) предать суду фабричного Дмитриева, принявшего на себя звание поверенного и руководившего подачей жалоб, а также отставного коллежского секретаря Крылова—за изъяснение ложных в прошении обстоятельств, чем подал повод фабричным людям более и более нарушать свои обязанности“.

Относительно участия священника Михаила выяснилось, что „под предлогом избавления от существующей будто бы между фабричными горячки, он служил молебен об избавлении их от тягости господских работ, а по окончании молебна производил неприличное фабричным увещание, которое послужило главнейшей причиной общего непослушания крестьян на фабрике; означенные действия помянутый священник подтвердил собственноручно данным показанием при депутате с духовной стороны.

Признавая, что дальнейшее пребывание его на фабрике может быть вредно и породить новые беспорядки, губериское правление направило собранные материалы в консисторию на предмет должных распоряжений.

Приняв эти меры, губернатору ничего не оставалось, по его признанию, как ожидать, что „дальнейшее благоустройство в имении кн. Гагарина ни в каком отношении нарушено быть не может“. Но, к его великому удивлению, 22 марта вновь поступило от главноуправляющего имением сообщение, что после сделанного губернатором внушения крестьяне обратились к работам и продолжали их в должном порядке до 16 марта, а с этого времени, отклонясь вторично от всякого повиновения, устраивают самовольно сходы, производят денежные сборы и, по общему их согласию, избрав из своей среды двух поверенных—Козлова и Гусева, отправили их в Петербург, после чего среди них „породилась совершенная непокорность и ослушание“. К этому управляющий присовокупил, что главнейшей причиной возмущения служат распространявшиеся между крестьянами слухи об ожидаемой к весне свободе, а руководителем неповиновения он считает не кого иного, как священника Михаила, в пользу которого производимы были и самые сборы денег.

Получив означенное сообщение, губернатор немедленно командировал исправника, который донес, что, по прибытии его на место, крестьяне были собраны и найдены им в столь возмущенном состоянии, что никакие вразумления не могли иметь место, при чем они заявляли только одно, что не обратятся к повиновению до тех пор, пока не получат от государя императора ответа на их жалобу. Из каких источников исходили слухи об ожидаемой к весне свободе, исправнику выяснить не удалось, но главнейшая причина непокорности и по его мнению заключается именно в них.

Распорядившись о посылке воинской команды, губернатор отправился лично в имение Гагарина. Здесь к нему явилась толпа крестьян в несколько сот человек, которая была тотчас же окружена со всех сторон солдатами и чинами жандармерии. „Несколько часов сряду употреблял я,—сообщает губер-

натор в своем рапорте министру внутренних дел,—все меры кроткими внушениями вразумить неповинующихся крестьян обратиться к порядку, но все мои усилия оставались тщетными; дух непокорности замечен был в сильнейшей степени и действительно, как приметно было, проистекал не от одних причин чувствуемого ими отягощения в наряде на господские работы, но от влияния ложных слухов, неблагонамеренными людьми рассеиваемых, ибо отзвывы крестьян с приметною какою-то самонадеянностью заключались в том, что они ожидают милости от великого государя“.

Предполагая вредное влияние здесь со стороны священника Михаила, губернатор вызвал его к себе и, сделав строгое внушение перед всеми собравшимися крестьянами, объявил, что он не может более оставаться здесь и исполнять требы, а должен отправиться в консисторию. Однако и это не произвело на крестьян никакого впечатления, и они остались непреклонными. Тогда губернатор распорядился привести в исполнение приговор палаты уголовного суда о наказании плетью в количестве 30 ударов главного зачинщика первоначального беспорядка Дмитриева; но крестьяне, придя в крайнее возбуждение, делали неоднократные попытки помешать осуществлению этого и даже хотели его отбить. После этого, при содействии воинской команды, губернатор приступил к выделению из толпы активных элементов, „непреклонных к повиновению“—таковых оказалось 120 человек, и они были отправлены в Ярославль. Остальные же 400 человек обратились к порядку, и им было приказано выбрать на следующий день 30 человек для опроса о причинах волнения. Из опроса как их, так затем и первой партии, губернатор вынес в конце концов убеждение, „что основной причиной происшедших беспорядков служат распространившиеся среди крестьян слухи об ожидаемой к весне свободе, а также служение всему миру молебна с увещанием священника стоять друг за друга и крестным целованием, нарушение коего считалось ими клятвенным преступлением. Следов же дурного обращения или экономического угнетения им обнаружено не было.

Имение Гагарина, перешедшее к нему в 1821 г. от Яковлева, состоит из 1.429 душ, из коих собственно к фабрике принадлежит 464; они получают определенную плату, пользуются видимым благосостоянием и работы производят в полном порядке.

Сама фабрика, при которой они состоят, находится в образцовом состоянии и является одной из первых в империи. Остальные 965 состоят из крестьян, занимающихся хлебопашеством и пользующихся всеми угодьями, принадлежащими помещику, так как барской запашки не имеется. Обязанности их по отношению к фабрике заключаются в привозке леса для построек, дров для отопления, камня, кирпича и земли для плотин и других работах, с платой от 8½ до 32 к. в день, и отправке подвод с товаром в Ярославль, Ростов или Москву за плату в 25 к. с пуда. Так как производство на фабрике ведется только в зимнее время, то и работы крестьян на фабрике приурочены также к этому периоду, а летом они употребляются только к укреплению плотин, лилке и подвозу дров и пр. Для более точного регулирования повинностей

на будущее время вотчинное управление согласилось установить следующее положение:

а) вообще работы на фабрике между земледельческими крестьянами определить брат на брата; б) тягловым тяглом почитать мужского пола от 16 до 55, а женского от 15 до 50 лет; в) наряд подвод в Ростов и Ярославль определить на тягло в зимнее время по шести, а в летнее по четыре, зачитая дни проводникам из половины, на господские работы следующей; г) отвоз товара летом в Москву вовсе уничтожить, а зимний отвоз возложить исправление на каждое тягло по полторы подводы, с платою по 30 коп. с пуда и с зачетом времени из половины барской; е) землю получать по тяглам всю без остатка, что есть по дачам, оброк за оную будет уничтожен; ф) за всеми предоставленными выгодами крестьянам, работать обязанным из половины, плату за работу на фабрике также уничтожить, ибо по неимению запашки господакой вся обязанность сосредоточивается в занятиях по фабрике, где и будут исправлять работы из половины.

При проезде через деревни губернатором было замечено, что постройки весьма хорошие, есть даже каменные двухэтажные дома, а по удостоверению командиров расположенных в них воинских частей „хлеба у крестьян много, одежды роскошные и живут в избытке“. Это окончательно убедило губернатора, что главная причина возмущения заключается не в отягощении крестьян, а в том, что они „приобикли к духу своевольства, столь в особенности свойственного людям, на фабриках употребленным, почему более других, при первом распространении в народе слухов о вольности, слепо оным поверив, возродили непокорность вотчинному управлению“.

Несмотря на настойчивые увещания из арестованных 112 человек обратились к порядку только 21, остальные же „явно дерзновенно остались непокорными“ и отданы под суд. Вместе с тем губернатором было возбуждено перед министром внутренних дел ходатайство о высылке в скованном виде из Петербурга двух поверенных от крестьян, которые отправились туда самовольно без паспортов и являются главными подстрекателями к совершенному отклонению их от повиновения.

Что касается священника, то консистория распорядилась „для отдаления всякого в возмущении крестьян сомнения“ удалить его из прихода села Плещеева и, до приискания нового места, перевести в Ростовский монастырь. Считая подобное распоряжение о предоставлении человеку, „нарушившему спокойствие более тысячи душ“, право свободного выбора места и о помещении его в монастырь, отстоящий не более 25 верст от возмущенного имения — скрытым потворством со стороны духовной власти, губернатор возбудил вопрос об испрошении высочайшего соизволения на предание священника суду и на взятие его впредь до окончания дела под стражу.

Между тем из имения Гагарина вскоре поступило сообщение, что 206 семейств отложились вновь от всякого повиновения и заявили, что не будут выходить на господские работы, пока не получат высочайшего разрешения на поданную их поверенными жалобу. При этом ими было предста-

влено письмо означенных ходоков Козлова и Гусева, в котором последние, после бесчисленных поклонов, оповещают своих доверителей, что они „в Петербург в восемь дней слава богу приехали и просьбу государю подали... Ежели будет справка, то вы показывайте все свои нужды, хоша и на бумаге, или о изнурении давнишнем, не робейте: бог милостив до нас; а вы скоро нас домой не ожидайте — видно пожить нам будет; мы каждый день у дворца бываем“. В другом письме сообщается, что „мы известие получили подробно, какое вам тиранство от губернатора происходит, и просьбу написали третью и подали государю... Вы ни о чем не сомневайтесь, нас одержать никто не может, от государя таким подателям дана свобода“.

По докладу министра внутренних дел вскоре последовало высочайшее повеление, чтобы главнейшие зачинщики неповиновения были примерно наказаны и сосланы в Сибирь, а прочим объявлено было прощение; священника же Михаила — предать суду, а до окончания дела содержать в отдаленном монастыре. Вместе с тем в Ярославскую губернию был отправлен флигель-адъютант его величества полковник Строганов для содействия к восстановлению порядка и отысканию истинных причин неповиновения крестьян. 7 мая губернатор вместе со Строгановым прибыл в село Плещеево, где были собраны около 360 крестьян, из коих 200 упорствовало в своем неповиновении. В течение нескольких часов убеждали они толпу подчиниться высочайшей воле и обратиться к повиновению, но безуспешно: крестьяне единодушно отвечали, что, доколе поверенные их не возвратятся и не доставят ответа на поданную ими государю просьбу, они не будут слушаться вотчинного управителя. „Все отзывы таковые их сопровождаемы были тихостью и благочинием, и никто из крестьян сих не позволял себе произвести крика или какого-либо шума, но в упорстве к повиновению остались непреклонными, чем явно доказывается, что таковой план ими был обдуман, дабы подобною тишиною отдалить всякое от них заключение, что они в возмущенном состоянии находятся“. Тогда по общему совещанию обоих администраторов решено было приступить к наказанию розгами тех из крестьян, которые в своих ответах более других возвышали голос. Но это не произвело ни малейшего впечатления, и после того как семь человек один за другим были наказаны, все прочее „сами просили быть наказанными также, объясняя, что действуют они все за одно, дали друг другу слово, прибавляя иные, что они крест целовали стоять твердо, доколе не возвратятся их ходоки из Петербурга, почему и наказание им должно быть равное“. Оставляя дальнейшие вразумления, губернатор пробовал было произвести расспросы, не имеют ли они каких-либо новых жалоб, но они также единодушно отвечали, что поддерживают ранее заявленные показания и ничем их пополнить не могут. Указание на то, что их жалобы на отягощение признаны неосновательными, равным образом не произвело на них никакого впечатления. Тогда решено было отобрать из толпы лиц в возрасте от 15 до 20 лет и старше 70, а остальных в количестве 140 человек, разделив на партии, отправить в Ярославль и Ростов под стражей. Вместе с ранее аресто-

ванными 84 крестьянами общее количество посаженных в тюрьму достигло таким образом 224 человек.

Рассмотрев в спешном порядке дело, палата уголовного суда постановила: „1) признавая главнейшими возмутителями против порядка и подстрекающими через письма других одновотчинных к неповиновению находящихся доселе в Петербурге ходоков, называющихся поверенными, по присылке их сюда предать строгому суду; 2) более других в неповиновении упорнейших и другими руководивших, равномерно собравших деньги на траты по делу, а потому виновнейших перед прочими палата признала восемь человек, коих приговорила, наказав по 60 ударов плетью, сослать в Сибирь на поселение; 3) участвовавших во всех беспорядках и более прочих в непокорстве замеченных, всего 20 человек, присудила к наказанию каждого по 40 ударов плетью, и 4) 55 крестьян, кои хотя в возмущении участие принимали, но по видимым в деле обстоятельствам замечаются завлеченными другими, в страх и пример на будущее время, предположила наказывать батогами каждого по 70 лозанов, а крестьянина Ключина, по чистосердечному его раскаянию, освобождая от суда, водворить на место жительства“.

Утвердив приговор суда, губернатор распорядился собрать на лобном месте также и тех 140 крестьян, которые еще ожидали суда, и до трех сот понятых из других помещичьих вотчин, чтобы „строгим примером поступления по законам с нарушителями повиновения истребить повсюду и самые распространившиеся слухи об ожидаемой помещичьими крестьянами вольности“. 14 мая, когда всё было готово, 8 главнейших зачинщиков были подвергнуты наказанию и под конвоем с лобного места отправлены в Сибирь, а остальным было объявлено всемиждивейшее прощение со внушением впредь пребывать в должном порядке. Но когда, по выслушании сего, конвою приказано было отвести крестьян по своим местам, то из числа осужденных палатой трое — Котов, Буров и Дмитриев, остановясь, закричали: „не идем, секите нас, не повинемся“. По примеру этих бунтовщиков и прочие 29 человек из находящихся с ними в одной партии присоединили к ним свои крики. Прочие затем крестьяне, 184 человека, во всё время производимого наказания сохраняли полное благочиние, но по приводе в полицию для отобрания подписки о пребывании на будущее время в повиновении решительно отказались от этого, заявив, что, до возвращения своих поверенных, они ни под каким предлогом вотчинному управлению повиноваться не будут. Тогда они вновь были заключены под стражу, и губернатор приступил к изысканию новых мер к их вразумлению.

Между тем трое поверенных, на поимке которых, как главных смутьянов, так настаивал губернатор, были арестованы в Петербурге и высланы на место жительства; но один из них с дороги бежал, при чем сопровождавший их квартальный чиновник за явное послабление побегу был предан суду. По распоряжению губернатора, главный из поверенных Гусев был показан каждому из содержащихся в заключении крестьян с объяснением, что просьба их не уважена и что он выслан под караулом из Петербурга. Но и эта мера

но имела почти никакого успеха, ибо из всех упорствующих крестьян только пятеро пришли в раскаяние, остальные же заявили, что делают, что хотят, и повиноваться не будут.

Вскоре затем последовало издание высочайшего манифеста о пребывании крестьян в должном повиновении у своих помещиков. По этому поводу упорствующие крестьяне вновь были собраны и в течение нескольких часов подвергались вразумлению со стороны высших чинов администрации порознь и сообща, но „и сия мера осталась совершенно без успеха“.

Между тем, из имени Гагарина поступило сообщение, что часть крестьян вновь стала обнаруживать неповиновение или скрываться из мест своего жительства. Пришлось снова посылать туда воинскую команду, и командированный вместе с кею чиновник донес, что неповиновения крестьян найдено 58 человек, из коих 54 удалось обратить к порядку, а 4 непреклонных взяты под стражу; сверх того самовольно отлучившихся значится 107 человек.

В спешном порядке было произведено судебное разбирательство, и 6 июля мятежные крестьяне на лобном месте подверглись наказанию: Котов и Буров, как главнейшие виновники — 40 ударами кнута, 9 человек — по 70 ударов плетью и 20 — по 40 ударов. По наказании таким порядком виновнейших, в полиции стали отбираться от них подписки в повиновении вотчинному начальству, но и тут 23 человека „дерзнули еще пребыть упорными“, почему тотчас же были отправлены в крепостные работы. Остальным всем крестьянам было объявлено прощение, и они возвращены на место жительства. Из числа подвергшихся телесному наказанию 26 человек должны были отправиться на крепостные работы. Но для 18 из них, в виду их раскаяния и прежнего хорошего поведения, мера эта была отменена, остальные же 8 в возрасте от 35 до 55 лет во главе с Гусевым отправлены в Кронштадт, Динабург и Бобруйск.

Так кончилось „необыкновенное по упорству и ожесточению“ дело, „только вредное — по выражению красноречивого губернатора — благосостоянию простодушных поселян, невинно вовлеченных злонамеренными разглашениями в пагубные для них последствия“.

Дело это было не единственным в этой губернии за данный год и имело несомненную связь с событиями 14 декабря 1825 г., как это видно и из нижеследующей переписки того же губернатора с полковником Строгановым.

„Со времени бывших в С.-Петербурге в декабре месяце происшествий различные нелепые слухи в народе непрерывно распространялись и доселе распространяются. Слухи сии в Ярославской губ. более, нежели в другой, имеют возможность доходить и сосредоточиваться в мнении народа, ибо треть жителей губернии беспрестанно в отлучке, по торговле и промыслам большею частью проживают в Петербурге и Москве и из сих мест, обращаясь в дома свои, приносят вести, часто самые нелепые, но тем не менее среди собратий своих доверие заслуживающие. Сии-то люди, приходящие из столиц, распространили слухи между помещичьими крестьянами о мнимо ожидаемой к весне вольности, а между казенными крестьянами и прочими состояниями, что все недовмки прощены будут“... Требуя усиления воинских сил в виду неспо-

койного состояния губерний, губернатор обращает внимание на ее особенное положение, ибо „Рыбинская пристань с открытием сплава судов ежедневно сосредоточивает от 50 и до 100 тысяч народа, со всех почти южных губерний Империи нашей прибывающих, а потому... в особенности следует отвращать всякое народное неурядице, от неблагонамеренных слухов начало получающих, дабы тем остановить и самое влияние на приходящий народ к пристани, который, возвращаясь в дома свои, не мог бы рассеивать слухов нелепых, которые пагубны могут быть их благосостоянию“⁴⁶).

В 1829 г. происходили большие волнения среди заводских крестьян кн. Белосельской в Оренбургской губ. Крестьяне Юрезань-Ивановского завода, собравшись толпой в 300 человек, избили мастера Сурина и посадили его под караул при заводской полиции. Затем сюда же собралось большое число крестьян также с Минского завода и принадлежащих к нему селений. Прибывший на место происшествия вице-губернатор „с первых почти минут заметил особенную строптивость и дух своеволия“. Но затем после переговоров крестьяне, „став на колени, просили войти в их положение и тут же хотели подать особенное прошение о всех своих прежних угнетениях и обидах“, но его не оказалось под рукою. Это прошение было подано на следующий день от имени 2.571 человека и содержало жалобу на бывшего заводского исправника Гоферланда и на несправедливое следствие, произведенное прежде о крестьянине Тараканове, содержащемся в Уфе под стражей. Проверив список и обнаружив в нем преувеличение числа подписей, вице-губернатор всё же должен был констатировать, что „количество недовольных, бывших на лицо, оставалось весьма велико и простиралось более 1.200 человек, которые с решительным домогательством все желали освободить из под стражи Тараканова, без коего они — по их словам — не могут быть покойны и никому другому не доверяют..., а некоторые из них отзывались таким образом, что они миром дали присягу стоять за Тараканова и друг за друга“. По наведенным справкам выяснилось, что еще ранее крестьяне выказывали неоднократно грубость и неуважение к заводскому начальству, а именно: заставили исправника удалиться с завода; запрещали управляющему ехать туда, куда призывали его обязанности; не исполняли приказаний и нарядов заводской конторы; самовольно собирали с миру деньги и самовольно отлучались; действовали самоуправно, заключая некоторых под стражу, а других, содержащихся по распоряжению заводского начальства, силою освобождали; заставили безвременно удалить от должности приказчика и его помощника, объявив, что не потерпят никакой над собой власти, из Катавского завода поставленной; самовольно отрешили мастера Сурина от должности, нанеся ему толпой тяжкие побои; задержали посланного администрацией нарочного с донесением главному начальству с намерением принудить исправника прочитать его им и принуждали наказанием и угрозой некоторых крестьян быть в общем заговоре. Причиною волнения послужили следующие обстоятельства, изложенные в поданной ими записке: 1) жалоба на малую против других заводов плату и на неумеренные и отягчительные вычеты из нее за долги; 2) на дороговизну хлеба, который отпускается по

70 к. за пуд, тогда как по вольной цене он стоит 40 — 50 к.; 3) на то, что контора не делает с ними расчета в долгах их и несвоевременно выдает заработанные деньги; 4) на несоразмерность возлагаемых на них работ, особенно по вырубке дров; 5) на употребление некоторых стариков в работы, силам их не соответствующие; 6) на то, что контора, по прошествии двух или трех лет, отбирает у некоторых лошадей не по той цене, по которой они выдавались, а по гораздо низшей, засчитывая остальную сумму в долг, вычитаемый из заработанных денег; 7) на то, что устройство больших дорог падает на их счет, тогда как они, „быв непрерывно заняты заводскими работами, не могут нести этой повинности в натуре“.

С прибытием воинской команды, крестьяне были собраны на площади и оцеплены со всех сторон солдатами, часть коих была введена и внутрь толпы. После этого часть крестьян принесла раскаяние в своих поступках; остальные же, в количестве более 1.100 человек, „пребывали в величайшем упорстве и непреклонности“. После телесного наказания, произведенного над девятью зачинщиками и еще некоторыми из крестьян, а также увещаний со стороны священника большинство, наконец, принесло повинную, но двадцать человек „остались совершенно непреклонными ни к какому повиновению под тем предлогом, что не хотят изменить присяге, данной за Тараканова и друг за друга“⁴⁷⁾.

В том же году происходили волнения на Нижнесергинском и Атингском заводах в Пермской губ. Вследствие жалоб мастеровых и рабочих людей на низкую плату и тягость работ в 1822 г., с согласия министра финансов, было предписано владельцу этих заводов содержать их на том положении, какое существует на казенных Гороблагодатских заводах. Однако, приведение в исполнение этого постановления затянулось, и только в 1829 г. был прислан чиновник Максимов, которому крестьяне Нижнесергинского и Атингского заводов заявили, что желают перейти на казенное положение, но просили прочитать им новые штаты, только что изданные для Гороблагодатских заводов. Когда Максимов отозвался, что нового положения у него нет, крестьяне „с дерзостью возразили, что старых положений и указов слушать не будут и к работам не приступят“. После этого они действительно ушли с завода, и вскоре часть их отправилась в Екатеринбург для подачи жалобы. Там их окружили солдаты и препроводили в тюрьму. Оттуда 83 человека были возвращены на завод, а пятеро зачинщиков отправлены на казенные Березовские золотые промыслы „сколько для того, чтобы впредь не могли расстраивать других к неповиновению, столько и на тот самый конец, чтобы после, по окончании исследования, предать их военному суду“⁴⁸⁾.

В 1830 г. крестьяне Широгорской писчебумажной фабрики в Вологодской губ. вышли из повиновения арендатору Эгансону, принеся жалобу ревизующему сенатору на жестокое обращение. Когда дело поступило в Уголовную палату, последняя приговорила 15 человек наказать через палача плетью по 50 ударов каждому, а одного сослать в Сибирь на поселение. На это решение палаты прокурором был подан протест, в котором, между прочим, отмечалось,

что бесчеловечное обращение Эгансона подтверждается следующими фактами: 1) неестественной смертью рабочего Петрова, последовавшей от понесенных им истязаний, 2) фабричному Тройникову была проломлена им голова камнем и 3) согласно свидетельским показаниям, телесные наказания розгами, линьками и кулаками широко практиковались Эгансоном, как „следствие своевольного произвола, без всякого разбора и даже раскрытия вины обвиняемого“⁴⁹⁾.

В этом же году имел место своеобразный случай на фабрике Мертваго в Клинском уезде.

Трое вольнонаемных рабочих, получив расчет, подговорили нескольких крепостных фабричных к побегу, прельстив их обещанием доставить хорошие места. Всего бежало 14 человек, но из них двое вернулись в тот же день, а семь, некоторое время спустя, были пойманы. Последние были представлены помещицей в суд с просьбой подвергнуть четырех из них наказанию при прочих рабочих. Когда один из бежавших просил о прощении, признавая свою вину, то фабричный Петров заметил: „коли виновен, ложись“. Присутствовавший в качестве поверенного помещицы чиновник Матов „принимая сии слова за возмутительные“, приказал подвергнуть этого рабочего полицейскому наказанию вместо бежавшего, но он оказал против сего ослушание и скрылся в толпе. Распорядившийся ведением дела земский заседатель, видя упорство Петрова, отдал приказание заковать его в цепи, но тогда прочие фабричные подняли шум и всей толпой отправились в г. Клин и пришли к городской тюрьме, где 27 человек и были посажены под арест.

Так как они не противились признанию власти помещицы, то за отсутствием каких бы то ни было признаков бунта почти все они скоро были возвращены на местожительство. Этот случай интересен в том отношении, что вместо бунта или ослушания против полиции мы имеем здесь в действительности дело с превышением власти со стороны представителя власти, желавшего подвергнуть наказанию вместо бежавшего ни в чем неповинного человека⁵⁰⁾...

В следующем году зарегистрированы волнения среди крестьян Унженского завода Шепелевых в Тамбовской губ. по случаю опасений, что они будут братья в рекруты не по жребию, а по усмотрению вотчинного управления. Когда три эскадрона гусар прибыли в селение, крестьяне заперлись в одном дворе и в течение двух дней не сдавались ни на какие увещания, а когда стены сарая стали взламываться, то они пустили в ход камни, поленья и дубины. 155 человек было арестовано и предано военному суду⁵¹⁾.

В 1833 г. крестьяне, работавшие на бумажной фабрике Груздева в Клинском уезде, бросили работы и отправились в количестве 200 человек в город с жалобой на различные притеснения и отягощения, заявляя, что не будут повиноваться помещику до тех пор, пока правительство не определит, сколько должны они платить оброку, и какие обязанности исправлять работы. Зачинщики были преданы военному суду, а Груздеву сделано внушение без огласки, чтобы он озаботился о благосостоянии своих крестьян и сделал по имени необходимые перемены. Дело это послужило затем поводом

к выработке правил, регулирующих отношения между крестьянами и помещиками в заводимых последними фабриках⁵²).

В 1834 г. произошли крупные беспорядки на посессионной Кулавинской фабрике. Сначала рабочие подали прошение, чтобы их плата была сравнена с платой вольнонаемных рабочих, а затем бросили работу, и толпа мастеровых явилась к конторе, требуя немедленной выдачи хлеба, который выдавался обыкновенно позже, и вместе с тем „с дерзостью спрашивая, почему Бабкины (новые владельцы) их имеют, и чтобы показали им указ на право владения“. Один рабочий был арестован, но при отправлении в Богородск товарищи по дороге его освободили. Прибывшая полиция хотела арестовать еще трех зачинщиков, но безуспешно, ибо прочие фабричные, „собравшись большой толпой, решительно и с азартом кричали, что людей сих не дадут, и в заключение самовольно сменили голову и выбрали нового“. По прибытии воинской команды 5 человек рабочих были наказаны плетью, а с прочих потребована подписка в повиновении, но они ее не дали. По распоряжению московского генерал-губернатора Голицына была назначена комиссия, которая выяснила, что заработная плата у Бабкиных ниже, чем на соседних фабриках.

В 1837 г. фабричные крестьяне полотняной фабрики Бровкиных в Тульской губ. подали жалобу на различные притеснения хозяина и, главным образом, на неплатеж денег за работу. Расследование выяснило, что на фабрике работает 111 мужчин, из которых только 44 получают плату; остальные же вместо платы пользуются землей, которую обрабатывают на себя. Несмотря на все меры владельца и местных властей, крестьяне решительно отказались работать на фабрике без платы. Несколько человек из них было арестовано, другие наказаны розгами; тем не менее рабочие стояли на своем. По прибытии воинской команды восемь человек „в страх другим“ были наказаны плетью и сосланы в Сибирь; прочие наказаны розгами, а в село поставлена команда солдат. Крестьяне были усмирены и принялись за работу, при чем суд обязал владельцев подпиской, чтобы они „употребляли на фабричные работы из крестьян только половинное число“⁵³).

Из ряда случаев борьбы рабочих за улучшение своего положения при крепостном праве одним из очень ярких является дело о возмущении на Ревдинском заводе Демидовой на Урале.

В 1841 г. крестьяне этого завода, занимавшиеся вспомогательными работами по поставке угля, обратились к исправнику с просьбой объявить им штат на заводские работы и выдать провианта по 50 к. за пуд, основываясь на частных слухах о получении такового штата. После разъяснения со стороны исправника, что закон воспрещает приносить просьбы или доносы скопом или заговором, они от шести человек из среды своей подали прошение на высочайшее имя, в котором жаловались на слишком высокий вычет из платы за выдаваемый им провиант, именно по 1 р. 25 к. за пуд, и просили ввести по всем цехам штат Златоустовских казенных заводов.

Со стороны исправника им было сделано внушение, что размер урока не увеличился против прежнего, который был признан горным департаментом

в 1826 г. необременительным, что вычет из платы за провиант по покупной цене дозволен заводчикам высочайше утвержденным положением комитета министров от 26 ноября 1840 г. и что плата, выдаваемая ревдинским крестьянам, по сравнению с платами казенных заводов, оказалась значительно выше, особенно по перевозке угля. Однако, через две недели крестьяне вновь явились в количестве 200 человек с настоятельной просьбой объявить новый штат и освободить из под стражи трех арестованных поверенных. Впрочем, последние сами разломали загородку в полиции и присоединились к толпе. При отъезде исправника из полиции толпа покушалась остановить его и вытащить из экипажа. На следующий день волнение продолжалось, при чем крестьяне задержали приказчиков завода, угрожая им и другим служащим смертью за наблюдение за ними. Затем, по прибытии в завод советника горного правления Карпова, командированного для проверки претензий углежогов и приведения их к повинности, они, собравшись на горе против церкви сделали условие быть во всем единодушными и никого не выдавать, в чем дали клятву и целовали икону; убеждения же, делаемые Карповым и местным священником, отвергли с „буйством и ругательством“. При этом трое поверенных, приступив к советнику Карпову, требовали, чтобы он шел с ними в церковь и, приняв присягу, дал им подписку об отсутствии штата для их завода и дал им билеты для принесения просьбы лично государю. Карпов приказал было бывшим с ним военнослужителям взять их под арест, но вся толпа закричала: „ребята, не выдавай“ и, схватясь руками, увлекла их с собой, при чем некоторые углежогои бросали камнями, и даже жены возмущившихся вынимали из палисадника бруску с криком „бейте“. Вечером того же числа бунтовавшие согласились идти в Екатеринбург для испрошения штата Ревдинскому заводу, но дойдя до Еланской ул., где большая часть углежогов квартирует, вошли в свои дома, увлекая за собой и остальных, разместились человек по 20 в каждом доме, выставили на ночь значительный караул и, недопустив туда полицейского дозора, угрожали ему побоями, если будет сделано покушение пройти к ним. 10 апреля в 6 часов утра толпа бунтовавших вновь вышла на площадь в числе 300 человек, повторяя прежние требования и угрожая советнику Карпову ответственностью за сокрытие штата, а бывшему с ним горному исправнику Борису говорил: „Мы вас не знаем, что вы за люди, и имеете ли письменные виды, подождите — увидите, что вам будет; теперь не прежнее время, чтоб покорились; мы готовы каждый друг за друга умереть“.

Для прекращения беспорядков в Ревдинский завод были отправлены две роты в составе 170 нижних чинов, с коими 14 апреля прибыл и сам исправляющий должность главного начальника Уральских горных заводов полковник Порозов в сопровождении инженер-майора Клейменова. С получением известия о приближении воинской команды, толпа бунтовавших явилась на площадь, вооруженная палками и камнями, в числе более 500 человек, крича, что солдат забросают шапками и что батальонный командир не смеет против них строиться; когда же явились на площадь главный на-

чальник и инженер-майор и делали им внушения и убеждения, то бунтовавшие повторяли прежние требования и некоторые из них поднимали колья, крича, что до объявления штата не разойдутся и в работу не пойдут, что умрут все и никого не выдадут, что решились стоять до последней капли крови все за одного, что они все равны и зачинщиков между ними нет и что ныне не так просто, как были 15 лет тому назад, когда при подобном их сборище покорились воинской команде и когда на глазах их брали виновных и наказывали. Увещаний священника бунтовавшие не приняли, они поносили его, называя грабителем, душепродавцем и т. п. Один из бунтовавших на слова майора Клейменова, что при неповиновении будет употреблено оружие, с „дерзостью“ отвечал: „Еще посмотрим, чья возьмет“. Этому крестьянину приказано было выйти и отдаться воинской команде, при чем полковник Порозов сам взял его за рукав; но стоявшие рядом крестьяне ухватились за него, и вся толпа закричала — „Не дадим его“.

Полк. Порозов, „желая дать бунтовавшим время одуматься“, назначил для того срок до следующего утра. 15 апреля толпа, ночевавшая в сборе на мосту, явилась на площадь в большом количестве, при чем уже все бунтовавшие до одного вооружены были кольями; за ними следовали женщины и малолетние, собирая поленья, колья и камни. Тогда полк. Порозов, пригласив священника, вышел к толпе в сопровождении майора Клейменова, спрашивая собравшихся крестьян, одумались ли они и понимают ли, что противятся царской власти и законам; но крестьяне отвечали, что они требуют прочтения штата. Когда приказано было полицейским служителям отогнать женщин и детей, в толпе раздавались крики: — „Не тронь, они наши жены и с нами умрут“. Полк. Порозов еще „старался остановить буйство, но, не видя в том успеха“, дал знак батальонному командиру начать огонь. После первого залпа из нескольких ружей двух взводов, поставленных в некотором расстоянии впереди орудия, бунтовавшие, ударив тревогу, пустили град камней и обломков чугуна и в то же мгновение кинулись на оба взвода. Тогда произведен был выстрел из орудия картечью.

Это хотя и расстроило несколько толпу, но не принудило ее к полному бегству, так что стоявшие против взвода на правом фланге сильно продолжали осыпать его камнями и поленьями, подвигаясь даже несколько вперед, несмотря на живой батальонный огонь. Между тем орудие было заряжено вторично, и крестьяне тогда лишь обратились в бегство, когда увидели, что оно направлено против них; но и тут, вбежав на пригорок и заметив, что стрельба прекратилась, они вновь начали собираться кучами, поднимая колья и бросая камни, и разбежались только от вторичного выстрела, который с намерением был направлен ниже их, в пригорок. Разбежавшись в разные стороны, бунтовавшие произвели затем целый ряд буйств. Увидев на лестнице господского дома одного из чиновников, сопровождавших берг-инспектора, бросали в него палками и камнями, а находившемуся с ним казаку нанесли жестокие побои, отняв у него саблю; некоторые, встретив священника, избili его.

В результате столкновения оказались убитыми 25 мужчин и 8 женщин и ранено обоюго пола 114 чел.; батальонный командир, два офицера и 17 нижних чинов отделались ушибами от брошенных поленьев и камней, при чем у солдат было переломано, изорвано и помято во время схватки значительное количество амуниции. При преследовании воинскою командою взято 8 человек и отставной унтер-офицер Десятков, оговоренный в подстрекательстве к бунту. Затем через нарочных было объявлено разбежавшимся крестьянам требование о принесении покорности, и большая часть их вскоре явилась к своим работам, остальные же были постепенно пойманы.

Значительность числа принимавших участие в возмущении людей и необыкновенное упорство, проявленное ими, невольно возбуждают мысль о том, что в основе их действий должны были лежать какие-нибудь реальные обстоятельства. Трудно допустить, чтобы толпа около тысячи человек волновалась в течение нескольких недель и проявила готовность идти на смерть, не подчиняясь даже вооруженной силе, из-за ея же самой сочиненных слухов о штате. Действительно, в дальнейшем выяснилось, что донесения исправника о большей легкости уроков ревдинских крестьян сравнительно с окрестными заводами были ложны, и что имелись некоторые официальные акты, принятые ими за штаты.

По водворении спокойствия для расследования происшествия была учреждена военно-следственная комиссия, которая открыла, что главною причиною означенного возмущения были распространившиеся между поставляющими уголь крестьянами слухи, что для Ревдинского завода есть штат, который скрывается от них местным управлением. Поводом к этому послужил указ Пермского горного правления от 3 октября 1840 г., которым предписывалось, как ревдинскому исправнику, так и по другим заводам к исполнению, чтобы угольный короб имел определенную законами меру 22.400 куб. вершков и чтобы отступление от этого допускалось только при согласии на то самих работников. Между тем на Ревдинском заводе прием угля производился коробом, вмещающим в себе до 27.189 вершков, т.-е. на 22% более; контора же медлила ввести его в действие, не желая укреплять крестьян в мысли о существовании какого-то штата. В это время один из писарей местной управы благочиния, списав с указа тайно копию, прочитал ее углепоставщику Драгину, а тот разгласил его между остальными, назвав указ горного правления положением или штатом, утвержденным его величеством. Кроме того, крестьянам сделалось известно, что мастеровые соседних Сергинских заводов испросили уже для себя с 1838 г. штатное казенное положение, по которому работы исполняются в меньшем размере, нежели в Ревдинском заводе, и получают провиант без вычета. Мастеровые этих заводов написали им просьбу о введении нового штата, снабдив выписками из положения для Сергинских заводов. К толкам о штате присоединилось еще общее неудовольствие на отягощения работами и на притеснение и жестокости куренных надзирателей и других служителей завода. Для поддержания духа непокорности зачинщики уверяли своих сообщников, что войска стрелять будут только холостыми зарядами и что

к ним присоединятся по условленному набатному звону мастерские других цехов и рабочие Бисерского завода; сверх того, употребляли подметные письма, в которых призывали стоять твердо и ожидать штата. Главными зачинщиками высказывалась даже мысль об обезоружении воинской команды.

Некоторые из мастеровых горного цеха, действительно, собирались оказать углежогам помощь и приглашали к тому других; точно также мастерские коломенного и доменного цехов во время усмирения, вопреки запрещению, прибегали на площадь и разбежались лишь тогда, когда воинская команда преследовала бунтовавших.

Независимо от произведенного комиссией следствия, жалоба крестьян была рассмотрена Уральским горным правлением, которое пришло к заключению, что работы, налагаемые в Ревдинском заводе на углепоставщиков, превышают урок не только казенных, но и всех окрестных частных заводов. Другое важное обременение, которому подвергались углежогии на Ревдинском заводе, происходит от того, что рубка леса и выжог угля одним работником производится в двух и трех местах на далеком одно от другого расстоянии, и что они привлекаются еще к выполнению других работ сверх окладных — напр., к сплаву караванов и т. п. Выжог угля из березового леса, требующего против соснового более времени, был введен местным заводоуправлением без всякого разрешения, а крестьяне деревни Краснояра были обложены приготовлением угля из нарубленных дров. Хотя взамен того они освобождались от сплава куренных дров, но всё же существующие на Ревдинском заводе по угольному цеху работы превышают бывшие в 1825 г., и потому Горное правление нашло желательным допустить в них некоторые облегчения.

По рассмотрении дела военный суд нашел, что право хозяйственного распоряжения, предоставленное заводчику или его конторе ст. 942 Устава Горного, не было превышено Ревдинским заводоуправлением при изменении им работ без разрешения начальства. Находя его виновным только в обременении углежогов работами и принимая в соображение, что поводом к возмущению их служила не одна тягость работ, но и ложное разглашение о сокрытии штата, будто бы изданного для Ревдинского завода, суд постановил освободить заводоуправление от ответственности, возложив на него лишь расходы по всему этому делу. Что касается остальных лиц, то по отношению к ним было постановлено принять следующие меры:

- 1) 4 главных зачинщиков (Дрягина, Еремина, Бороздина и Козырина) сослать в каторжную работу;
- 2) 25 крестьян, участвовавших в возмущении, отдать в военную службу, а если окажутся неспособными к ней — обратиться в арестантские роты или сослать в Сибирь;
- 3) из 270 подсудимых третьего и четвертого разряда десятого по жребью наказать розгами — первых по 50, а вторых — по 30 ударов, с оставлением на месте жительства;
- 4) куренного надзирателя Камаганцева, сместив с этого звания, впредь не допускать ни к какой должности, сопряженной с властью над другими;
- 5) бывшего управляющего Ревдинским заводом унтер-шихтмейстера Криночкина, как уже пре-

жде сего по подобному возмущению крестьян в 1826 г. удаленного в Бого-словский завод, перевести на службу в Нерчинский округ; 6) отставного унтер-офицера Десятова выслать из Ревдинского завода с воспрещением въезда в какой бы то ни было из заводов или селений Уральской горной области и отдачей под строгий надзор местной полиции; 7) остальным около 250 чел. объявить, что они освобождаются от заслуженного наказания только в силу высочайшего манифеста 16 апреля 1841 г.

Невольно бросается в глаза, что ни суд, ни высшая администрация не сочли нужным подвергнуть взысканию ни исправника за его ложные донесения о положении ревдинских крестьян, ни исправляющего должность главного начальника горных заводов Порозова за его явную нераспорядительность. Ибо, если бы он на месте выяснил историю со слухами о штате, то тогда, вероятно, не было бы и самого возмущения с таким огромным количеством человеческих жертв. Забота об охране, прежде всего и во что бы то ни стало, престижа власти поглощала всё внимание органов государства, и эта характерная черта николаевского режима чрезвычайно ярко отразилась в деле о возмущении крестьян Ревдинского завода.

В начале 1844 г. крестьяне помещицы Бутеро, командированные на Крестовоздвиженские золотые промыслы, отказались идти на работы, требуя изменения положенных им уроков. Получив отказ, они вернулись в казармы и увлекли за собой также тех крестьян, которые не предъявляли никаких претензий, держа их в продолжение всей ночи под присмотром. Все усилия заводского начальства обратить их к повиновению не имели успеха, и они, придя на другой день на место работы, отказались встать на нее, снова взволновали прочих крестьян и вернулись домой с намерением отправиться в г. Пермь для подачи прошения. Губернатор собирался было отправиться им на встречу с воинской командой, но вскоре было получено сообщение, что крестьяне изъявили покорность и приступили к работам, возложенным на них согласно утвержденному в 1841 г. положению, с некоторыми изменениями в способе их исполнения по желанию крестьян ⁵⁷).

В этом же году происходили крупные волнения на Вознесенской бумаго-прядильне близ Москвы, вызвавшие вмешательство вооруженной силы. Поводом к ним послужило распоряжение об удержании части заработной платы для отсылки ее главам семейств или обществ помимо самих рабочих ⁵⁸).

В 1845 г. мастеровые Тальской бумажной фабрики Ульяновой в Симбирской губ., принадлежавшие ей на possessионном праве, подали жалобы на неудовлетворение их достаточной платой, употребление, кроме фабричного мастерства, на другие работы и иные притеснения. Владелица же обвиняла их в том, что они, называя себя казенными, добиваются свободы, самовольно отлучаются от работ и устраивают частые сходы, чем причиняют крупные убытки. При производстве следствия крестьяне заявили, что без своего поверенного цвильского мещанина Кудрявцева, который по решению суда был выслан на место жительства, они не станут прикладывать руку под сделанными ими показаниями, а взятые под караул двое зачинщиков, сбив с ног

жараульных солдат, присоединились к толпе. По прибытии военной команды главнейшие виновники „для примера“ были наказаны розгами; для разбира- тельства же дела была учреждена военно-судная комиссия, по приговору которой девять главных ослушников подверглись наказанию шпирутенами ⁵⁹).

В 1850 г. 198 крестьян, производивших земляные работы при постройке Николаевской ж. д., прекратили работы и отправились в Москву с жалобой на непосильные работы, несправедливый контракт и скудную плату. По до- роге они были встречены губернатором с солдатами и казаками, который убе- дил их вернуться на работы. Это были, очевидно, так называемые „кабальные“ рабочие, ибо они заявили, что жалуются на своего волостного голову, который обманул их легкой работой ⁶⁰).

В 1858 г. мастеровые Авгорского посессионного чугуноплавильного завода и вспомогательные заводу крестьяне отказались работать, пока не будет увеличена задельная плата с 7 ¹/₄ коп. до одного рубля ассигнациями и дано разрешение рубить лес в заводских дачах без всякого ограни- чения. Вызванная на место происшествия военская команда застала крестьян в числе 200 человек, собравшихся в одной узкой улице деревни, вооруженных дубинами, топорами и ножами. Когда солдаты стали окружать их, толпа, по увещанию одного бывшего ратника, с криком бросилась на них, пустив в ход имевшееся у них оружие, но в конце концов крестьяне были усмирены. Шестнадцать человек из них были арестованы и преданы военному суду, который многих подверг жестокому наказанию и ссылке в Сибирь. В конце того же года здесь снова вспыхнули волнения. Хотя приехавшим для разбора жалоб берг-инспектором поденная плата была несколько увеличена, но крестьяне оста- лись недовольными и выразили это новым возмущением и противодействием военной команде. Семнадцать зачинщиков были посажены в острог, но в следующем году мастеровые снова подали жалобу на притеснения владельца, и ревизовавший губернию сенатор признал необходимым повысить поденную плату на пять копеек ⁶¹).

В 1859 г. крестьяне, принадлежащие Юрюзанскому заводу ген. Сухоза- нета (Оренбургской губ.), по окончании сенокосов разбежались с работ в руд- никах и дровосушен и отправились на работы в соседние уезды. Владелец завода просил о предании их военному суду. Однако, эта просьба не встретила сочувствия, так как произведенное дознание выяснило, что сообщение заводо- управления, известного своими притеснениями, не вполне точно. Крестьяне не уклонялись от работ, а уходили в льготное время с единственной целью зара- ботать на стороне насущный хлеб и одежду, в виду нищенской им платы на заводе. К тому же большинство отлучившихся крестьян по возвращении были наказаны распоряжением заводской конторы с превышением власти, т.-е. большим количеством ударов. По настоянию администрации, заработная плата была здесь повышена, а цены на отпускаемый провиант понижены ⁶²).

К третьей группе относятся рабочие казенных фабрик и заводов. Здесь волнения были сравнительно более редки. Наиболее ранним является неповиновение крестьян Починковской волости Нижегородской губ., наряженных в 1758 г. на судовые работы. Поддавшиеся неизвестно от чего распространившемуся слуху, что сенатский указ о наряде их на эту работу — фальшивый, около 300 человек ушли с пристани домой. „И шли они по дороге к селу Починкам с великим озорничеством, называясь войском, и в других местах армией“. По приходе же в село произвели там буйство и избili старосту. По разборе дела 15 зачинщиков было отправлены в Нерчинские горные заводы ⁶³).

В течение 1769—1771 г. г. происходили крупные волнения среди крестьян, приписанных к Олонецким заводам. По донесению комиссии, они „днем и ночью собираются большими толпами и чинят какие-то особенные свои советы“. В некоторых местах крестьяне, готовясь встретить воинские части, и ночью спали вооруженные, имея кроме того наготове лыжи. Жен, детей и свое имущество они развозили по селениям, не приписанным к заводам; в деревнях же оставляли для присмотра только стариков. Когда посланный для умирения капитан Ламздорф прибыл в село Кижы, там собралось до 9.000 человек, вооруженных виютовками, рогатинами и чем попало. Все увещевания Ламздорфа оказались напрасными; крестьяне заявили, что они не дадут ни одного человека, и настаивали, чтобы им был прислан именной указ, писанный „хоть на трех строчках золотыми буквами“ ⁶⁴).

В начале царствования Павла упоминается о беспорядках на Тульском оружейном заводе ⁶⁵). В 1799 г. происходили волнения среди рабочих Березовского золотопромывального завода по поводу распоряжения об употреблении их за двойную плату в праздничные дни при доменных печах, водоотливных работах и промывке золота, во избежание расстройств работ и больших убытков. Порядок был восстановлен только после „примерного наказания зачинщиков при содействии... батальона мушкатерского полка“ ⁶⁶).

В 1813 г. перестали выходить на работу крестьяне Чаусской волости, приписанные к Алтайским заводам кабинета его величества. Один из сельских старшин, ездивший в Томск, привез оттуда известие, что Чаусская волость отчислена от заводов в губернское ведомство. Основанием этих слухов послужило, вероятно, освобождение приписных крестьян на Урале согласно указу 1807 г. о так называемых неперменных работниках. К этому присоединилось еще недовольство крестьян канцелярией горного начальства, которая не разрешала выдачи хлеба из запасных магазинов, несмотря на крайнюю нужду в том. Для подачи жалобы в Томск был отправлен в качестве ходока Мингалеев, который по пути в город склонял крестьян Ояшинской и Варюхинской волостей к совместным действиям. Губернатором был командирован для расследования дела чиновник, который распорядился отпускать, кому нужно, хлеб из магазинов. Однако, крестьяне как Чаусской, так и соседних волостей, продолжали упорствовать и отказывались выходить на работы. И только после ареста с прибытием воинской команды 29 зачинщиков наступило успокоение ⁶⁷).

В 1820 г. оказали неповиновение мастеровые Березовских золотых промыслов, которых администрация нарядила на работу в среду на Пасхе, руководствуясь указом 1799 г., разрешавшим употреблять рабочих при доменных печах, водоотливных работах и промывке золота также в праздничные дни, за двойную плату. Несмотря на то, что более 20 главных зачинщиков были преданы военному суду, остальные продолжали пребывать „непреклонными в своем буйстве, объявляя с дерзостью, что в праздничные дни они повиноваться не будут, не взирая ни на какие принуждения“⁶⁸).

В 1826 г. обнаружено было массовое бегство крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским горным заводам. В два приема скрылись 41 человек с намерением, перейдя границу, поселиться между гор на свободном, никем не обитаемом месте, пользоваться свободой и совершенной независимостью, не платить подушной подати и не отбывать заводских работ⁶⁹).

Летом 1831 г. вновь повторились волнения среди приписных крестьян Колывано-Воскресенских заводов. Именно, крестьяне Ояшинской волости, получив предписание горного правления о выполнении заводских работ по положению 1828 г., отказались от этого под тем предлогом, что они со времени поступления заводов в управление министерства финансов свободны от заводских работ. После ареста главнейших подстрекателей некоторые деревни начали „оставлять свою непокорность“. Но деревни, ближе расположенные к г. Томску и раньше уже замеченные в наклонности к неповиновению, продолжали упорствовать, особенно деревня Варюхина, служившая центром движения. Здесь крестьяне не только „отвергли с ожесточением“ все попытки склонить их к выполнению обязанностей, но и отказывались „с явным упорством“ доставлять кого-либо к допросу из своей среды и выбирать новых старшин вместо взятых под стражу. Не останавливаясь на этом, крестьяне дер. Варюхиной и селений Зелеевского и Ярского стали рассылать своих единомышленников в окрестные волости. Прибывшим воинским отрядом около 200 крестьян дер. Варюхиной было арестовано и заперто в этапном здании. Тогда крестьяне соседних деревень явились толпой с требованием или освободить арестованных, или задержать их вместе с ними. После окружения толпы солдатами священник пробовал-было увещавать их, но это увещавание было „отвергнуто ими с ожесточением“. После полковой наказания наиболее упорных толпа была приведена к покорности. Запертые в этапном здании крестьяне также сделали попытку оказать сопротивление воинской команде, и лишь после того как властям удалось захватить трех главных руководителей, а некоторые из упорствующих были подвергнуты наказанию — „неповиновение было в корне уничтожено“⁷⁰).

Этот случай был последним, и в дальнейшем о волнениях на казенных заводах уже не было слышно.

Наконец, четвертую группу составляли вольнонаемные рабочие. В горнозаводской промышленности они были распространены только на сибирских

золотых промыслах, в обрабатывающей же— их к концу существования крепостного права насчитывалось до половины общего числа. Случаи массовых выступлений встречаются здесь гораздо реже, чем во второй группе, и ограничиваются почти исключительно золотопромышленностью.

В 1833 г. взбунтовались и ушли самовольно с приисков Рязанова и Баландина 78 рабочих из крестьян и поселенцев Ачинского округа, а затем 56 человек с Воскресенского прииска тех же владельцев и около 500 рабочих ушло с приисков Поповых—из-за недоразумений с старательскими работами; кроме того, подобные случаи отмечены были на промыслах Черепанова и Осипова.

Донеся обо всех этих событиях, томский губернатор пояснил, что причиной их, „кроме своевольтва и наклонности к бродяжничеству“ рабочих, служат также и „поступки с ними если не хозяев, то местных приказчиков“ ⁷¹).

В 1836 г. самовольно ушло 30 рабочих с Талаюльских приисков Поповых на Закожухские прииски тех же владельцев. Посланные за ними казаки вернули их, но они, захватив с собою еще 40 человек, вновь туда отправились, под предлогом отсутствия старательских работ. Так как в контракте об этом ничего не говорилось, то их заставили возвратиться на промыслы, при чем двое, признанных зачинщиками, были арестованы ⁷²).

В следующем году беспорядки повторились вновь. На приисках Мясникова рабочие, в количестве 230 чел., произвели буйство, по поводу замечания рабочему, который, не явившись под предлогом болезни на хозяйскую работу, вышел на старательскую, избili двух служащих и перебросили через себя нарядчика, который должен был скрыться. На приисках Боскова рабочие заявили, что они не станут работать за условленную плату 12 руб. в месяц, угрозами принудили приказчика повысить ее до 15 р., а затем снова прекратили работу, требуя повышения до 20 р. На промыслах Рязанова и Баландина рабочие не дали казачьему отряду арестовать двух своих товарищей, обвиняемых в подстрекательстве толпы к оставлению старательских работ в один из бывших праздничных дней. На приисках Попова рабочие требовали прибавки платы за старательские работы, вместо 3 по 4 рубля, и в случае отказа грозили уйти. 12 зачинщиков были наказаны розгами, и спокойствие восстановилось. На приисках Мясникова также пришлось прибегнуть к мерам полицейского исправления.

„Своевольтво работающих на частных золотых промыслах,—доносил по этому поводу томский губернатор,—происходит не от того, что им дают малую плату или плохо их содержат, ибо к найму их никто не принуждает, но от той уверенности, что всякий их проступок и даже всякая дерзость останутся без наказания, когда они будут стоять все за одно. Вот мысль, которую необходимо должно истребить: иначе никогда нельзя ожидать надлежащего порядка. Слова арестантов при отправлении их под стражу, что мир их выдал, удостоверяют в том совершенно. Этот мир, т.-е. толпа подобных им буйных поселенцев, без сомнения, готова будет оправдать их в своих показаниях. Почему я признаю совершенно необходимым, как сих арестантов...

так и на будущее время, за всякое буйство рабочих и явное сопротивление местной полиции подвергать военному суду. Сям способом прекратятся самовольства и буйства, начинающие входить у рабочих в привычку⁷³).

В начале 1838 г. было обнаружено буйство среди рабочих, нанятых по вольному найму на Всеволодблагодатских промыслах Пермской губ., при чем около 300 человек ушли с работы⁷⁴). Эти волнения, несомненно, не остались без влияния на выработку положения 1838 г. о регулировании частной золотопромышленности Сибири.

В 1842 г. были сильные волнения в Енисейском округе: на приисках Асташева, Малевинского, Голубкова, Пашкова, Красильникова, Зотова, Мясникова, Сосулина, Кузьмина, Рязанова и Толкачева, сопровождавшиеся прекращением работ или уходом с промыслов до срока и потребовавшие применения вооруженной силы и военного суда⁷⁵). После этого наступило продолжительное затишье, продолжавшееся (за исключением одного случая коллективного протеста на прииске в Забайкалье) до семидесятых годов.

В 1850 г. бежало с работы 80 крестьян, работавших при постройке Николаевской ж. д.

В 1856 г. с Александровского прииска Оренбургской губ. бежали рабочие из башкир, нанятые по контракту. Вскоре после этого бежали рабочие из башкир с соседнего Маринского прииска в количестве 180 человек. Когда же горный ревизор с помощью казаков задержал старосту их, они толпой бросились на казаков и освободили арестованного. В дальнейшем выяснилось, что причиной побега были „злоупотребления промыслового управления, заключающиеся главнейше в том, что их дурно и недостаточно кормили жестоко обращались с ними, заставляя в противность условиям работать в сырых и темных местах, не платили по условиям заработанных денег, а в расчетных листах даже написали, что в задаток дано башкирам более, чем в действительности ими получено“. Между возвращенными на место рабочими и управлением приисков состоялось полюбовное соглашение, и дело о возбуждении против них преследования было прекращено⁷⁶).

Наконец, около 1 января 1858 г. с постройки Варшавской ж. д. около Луги бежало 324 человека из артели работавших у подрядчика, частью по добровольному соглашению, частью за поручительством помещика. Причиной побега служили распространившиеся среди них слухи о предполагаемом объявлении воли⁷⁷)...

Как видно из сделанного перечня, в котором, возможно, имеются пробелы, рабочие массы, связанные с крупной промышленностью, начиная с середины XVIII века, т.е. с того момента, когда эта последняя становится крупным и непреложным фактом в жизни страны и в сознании самого населения, на протяжении целого столетия, или даже более, с большой настойчивостью и энергией, стремились отстаивать свои права и интересы.

Теперь возникает вопрос, были ли какие-нибудь зачатки организованности в этом движении, и кто именно выступал в таких случаях в качестве представителя и выразителя коллективных нужд. В изучаемый период не было ни союзов, ни обществ, ни брошюр, ни прокламаций, которые бы возбуждали и оформливали требования рабочего населения и содействовали его сплочению. Тем не менее, ближайшее изучение материалов показывает, что в рабочем населении существовал живой дух солидарности и имелись активные элементы, стремившиеся придать выступлениям до некоторой степени организованный вид. Почти всегда в делах фигурируют ходоки или поверенные, которые, вместе с тем, обычно являются и наиболее деятельными зачинщиками. У них на квартирах происходили сходки и выработывались петиции; затем собирались деньги, и жалоба направлялась, куда следует. Поэтому на них прежде всего и обрушивалась ярость администрации. По отношению к некоторым, может быть, не лишено было основания обвинение их администрацией в стремлении к своекорыстному использованию легковерия своих сотоварищей, но многие из них были действительно душою дела и пользовались огромным авторитетом в их глазах. Так, в деле о возмущении заводских крестьян кн. Белосельской отмечается, что одной из причин его было стремление добиться освобождения некоего Тараканова, „без коего они не могут быть покойны и никому другому не доверяют... а некоторые отзывались таким образом, что они миром дали присягу стоять за Тараканова и друг за друга“.

Во время волнений на заводах Расторгуева (Пермской губ.) в 1822 г. роль диктатора играл мастеровой Косолапов, который открыто говорил, что под его распоряжением находится до 8 тысяч человек из разных заводов целой округи. По его распоряжению устраивались сборы денег, собирались большие толпы для оказания воздействия на органы власти, расставлялись пикеты по дорогам, арестовывались и освобождались служащие и даже чиновники.

Войдя в квартиру земского заседателя в сопровождении большой толпы, он заявляет, что ему известно о командировании войск на заводы, но если они придут и откроют огонь по мастерovým, то последние будут отвечать тем же, ибо имеют в достаточном количестве запасы пороха, огнестрельного оружия и других принадлежностей к обороне; живыми же в руки ни под каким видом не дадутся. Для усмирения волнения была направлена воинская команда в составе свыше трех тысяч человек. Когда приказано было арестовать Косолапова и заковать в ножные кандалы, он сказал, что „кроме него, есть еще люди, которые будут стоять за общество, и хотя его ноги и руки будут скованы, но язык его никто не в силах связать, и что общество его не выдаст“.

Во время возмущения на фабрике кн. Гагарина никакие меры ни увещания, ни репрессии не могли склонить к повиновению крестьян, которые решительно и единодушно отвечали, что, пока не возвратятся их поверенные из Петербурга, они „ни под каким предлогом“ вотчинному управлению подчиняться не будут и т. д.

Поверенные или ходоки, составляющие непременную принадлежность коллективных выступлений, выходили из среды самого рабочего населения. Но, кроме них, в движении нередко принимали участие и иные элементы. При неповиновении крестьян, купленных к фабрике купца Лугинина, ими были приглашены священники для отслужения молебна, и они дали присягу не выдавать друг друга и не слушать содержателя фабрики. Эта черта является характерной для наших массовых выступлений, и с ней постоянно приходится встречаться при изучении архивных материалов. Молебен или присяга рассматривались готовящимися к борьбе элементами, как лучшее средство придать авторитет их выступлению и создать внутреннюю спайку в толпе, не приученной к совместному отстаиванию своих интересов.

В некоторых случаях священнослужители принимали даже более активное участие. В Пугачевском бунте роль их была весьма заметна, и по словам автора специального исследования Фирсова, „кое-где в наиболее глухих местах духовенство настолько увлеклось общим народным потоком, что давало стратегические советы инсургентам или даже прямо вставало во главе мятежных отрядов; так, шайки, оперировавшие под Тюменью, Туринском, Краснослободском и Курганом, имели своими предводителями священников, дьячков и пономарей; во втором периоде мятежа в числе возмутителей населения в г. Осе были поп и дьякон, в селе „Горах“ тоже поп и дьякон“. Объясняется это тем, что представители духовенства стояли близко к народным массам и разделяли с ними многие невзгоды, шедшие от сильных мира сего; приниженность социального положения толкала поэтому некоторых из них в ряды активной народной оппозиции, основные причины кося лежали в общих условиях жизни и тогдашних настроениях простого народа.

Во время волнения на заводах Яковлева и Демилова в 1812 г. заседатель земского суда, в виду безуспешности своих переговоров с крестьянами, решил пригласить местного священника, но последний, „пришел в волостное правление, сказал крестьянам, в большом количестве на сходе бывшим, что заседатель их обманывает, чем и произвел величайшее между ними буйство, так что после того все делаемые заседателем внушения остались тщетными“.

В деле о возмущении крестьян на фабрике кн. Гагарина в 1826 г. большую роль играл священник Михаил из села Плещеева, которого администрация считала одним из главных зачинщиков. Под предлогом избавления от существовавшей будто бы между фабричными горячки он служил молебен об избавлении их от тягости господских работ, а по окончании его с крестом произносил „неприличествующее фабричным увещание...“

Однако, вследствие той зависимости, в которой находились священнослужители как у фабрично-заводской, так и общей администрации, они обычно уклонялись от этого активного вмешательства, а нередко их авторитет использовался для увещания волнующихся к повиновению. Между тем, среди последних всегда чувствовалась потребность в укреплении внутренней дисциплины и солидарности между собою. В таких случаях прибегали к торжественной клятве перед иконой или присяге или другим каким-либо символическим обрядам.

Так, напр., в одном из самых ранних дел о рабочих волнениях, именно в деле о починковских работных людях, отказавшихся в 1758 г. от выполнения возложенной на них повинности, отмечается, что они „собрались все к околице и умыслили, чтобы друг за другом померли и ни в каких случаях не выдавали; вместо присяги всех перегнуть через лутошку, почему и действительно учинили, что все работники через тое лутошку перепрыгивали, и, стоя у той лутошки, Илья Лазарев собирал со всех работников по полуденьге, а потом с того места послали они для написания и подачи... челобитей города Василя в ратушу“.

Во время волнения на Гусевском заводе мастеровые, собравшись в количестве 500 человек, явились к священнику и потребовали отслужить молебен, желая приложиться к кресту и евангелию, чтобы не выдавать друг друга. После отказа священника они, сошедшись на улице и приложась к образу, пошли всей толпой в город для подачи жалобы. При возмущении на Ревдинском заводе рабочие, „сбравшись на горе против церкви, сделали условие быть во всем единодушными и никого не выдавать, в чем дали клятву и целовали икону; убеждения же, делаемые присланным чиновником и местным священником, отвергли с буйством и ругательством“...

Упоминается в делах об участии в некоторых случаях городских чиновников, которые отыскивали нужные для рабочих законы и документы или сочиняли им „затейные“ жалобы. Это также считалось преступлением в то время, и такие люди подвергались преследованию. Иногда же в дело замешивались некоторые из высших служащих заводууправления, почему-либо очутившиеся в опале и дававшие в руки рабочего населения тот или иной материал. Но в общем, и целом движение было вполне самобытным, питалось соками изнутри себя и обходилось своими собственными силами. Но, может быть, именно вследствие этого ему недоставало общей руководящей идеи. Попыток устройства кружков, которые, отвлекаясь от частных требований, доходили бы до постановки вопроса об отмене крепостного состояния и освобождения рабочего, как такового — известно очень немного, всего только две (о них см. XI главу).

Подготовка и обсуждение коллективных жалоб всегда сопровождалось, конечно, сходками и собраниями, носившими обычно случайный характер; но в некоторых случаях эти последние приобретали организованную форму, явно дисгармонизировавшую с духом того времени, с точки зрения которого обязанности рабочих, по выражению одного губернатора, „требуют от них единственно токмо повиновения“.

Так, во время волнения на Невьянском заводе в 1762 г. впервые упоминается о мирской избе, которая служила очагом движения. Налуганное ее деятельностью, заводское управление не замедлило обратиться с просьбой „самовольно учрежденную земскую для безрассудных их собраниев избу, которой до сего никогда не бывало, уничтожить“. В следующем году мастеровые Нижнетагильского завода, отбив у конторы выставленную ею пушку, с торжеством отвезли ее к мирской избе, где имели свое пребывание их поверен-

ные Салаутии и Палтов. Когда в 1769—1771 г.г. происходили волнения ереди приписных к Олонецким заводам крестьян, то посланная для обследования дела комиссия доносила, что они „днем и ночью собираются большими толпами и чинят какие-то особенные свои советы“. При обследовании Ярославской мануфактуры чиновником Бурнашевым, последний также счел нужным отметить, что от своевольных мыслей у мастеровых „бывают беспрестанные сходки, совещания, на которых сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хождения по делам“. Владелица Красносельской бумажной фабрики жаловалась, что мастеровые „отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство“ и т. д.

Если поставить теперь вопрос о том, имело ли какие-нибудь результаты это движение, то нельзя не отметить, что во многих направлениях оно оставило по себе вполне очевидные и непосредственные следы. Так, волнения приписных горнозаводских крестьян привели сначала к приостановке дальнейшей их приписки, а затем к изданию манифестов 1769 и 1779 г.г., которые внесли значительное улучшение в их положение. Волнения посессионных рабочих вызвали составление целого ряда положений для крупнейших фабрик, а затем общего закона 1840 г. о переходе посессионных предприятий в полную собственность владельцев с увольнением их рабочих в свободное состояние. Возмущение на Березовском казенном заводе имело последствием назначение особой комиссии, доклад которой послужил основанием для издания ряда актов по улучшению быта казенных горнозаводских рабочих. Волнение на фабрике Груздева в 1833 г. дало толчок к составлению секретного циркуляра о порядке устройства вотчинных фабрик. Беспорядки вольнонаемных рабочих на сибирских золотых промыслах в половине тридцатых годов отразились на составлении положения 1838 г. Закон 1845 г. об отмене ночной работы для детей связан с волнениями предшествующего года на Вознесенской бумагопрядильне. Другие волнения нередко имели своим последствием устранение тех или иных отрицательных явлений в пределах данных предприятий, и мнение о том, что рабочие беспорядки имеют своей почвой различные неустройства или злоупотребления со стороны хозяев или их приказчиков, стало с течением времени довольно обычным для правящих сфер. Таким образом, рабочие массы в период крепостного права вовсе не находились в полной неподвижности или протрации; давление снизу, несмотря на все припятствия, ему полагаемые, проявлялось довольно ощутительно, и рабочее движение, начавшееся у нас после эмансипации с семидесятых годов, вовсе не явилось чем-то новым и неожиданным, а имело перед собою уже богатое историческое прошлое.

Источники: 1—7) В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2. 8) С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XXIII. 9—17) Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2. 18) Фирсов. Пугачевщина. 1919 г.;—А. Пушкин. История Пугачевского бунта. Изд. 1914 г. сочин., т. 11. 19) Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1. 20) Полное Собрание Законов, № 9643. 21) С. Соловьев. История России, т. XXIII. 22) Семевский.

- Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1. 23) Полное Собрание Законов, № 11514. 24) Семевский й. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2. 25) Семевский й. т. 1. 26) Пушкин. История Пугачевского бунта, т. 11. 27) Пермский Сборник 1859 г., книга 1: Зырянов. Пугачевский бунт в Шадринском уезде;—Планер. О мерах предосторожности, кои принимаемы были Пермскими заводами во время Пугачевского бунта. 28) Архив III-го отделения собственной е. в. канцелярии, 4 экспед., дело № 81 за 1826 г. 29) Туган-Барановский й. Русская фабрика. 1898 г. 30) Архив мин. внутр. дел, по д-ту полиции исполнительной № 24 за 1820 г. 31) Ibidem, дело № 29 за 1810 г. 32) Туган-Барановский й. Русская фабрика. 1898 г., гл. III. 33) Ibidem. 34) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 158 за 1812 г. 35) Ibidem, дело № 111 за 1815 г. 36) Ibidem, дело № 121 за 1815 г. 37) Ibidem, дело № 147 за 1816 г. 38) Ibidem, дело № 129 за 1816 г. 39) Ibidem, дело № 24 за 1820 г. 40) Ibidem, дело № 33 за 1822 г. 41) Ibidem, дело № 24 за 1822 г. 42) Ibidem, дело № 258 за 1823 г. 43) Архив III-го отделения собств. е. в. канцелярии, дело № 81 за 1826 г. 44) Ibidem, дело № 150 за 1830 г. 45) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 158 за 1825 г. 46) Ibidem, дело № 325 за 1826 г. 47) Архив III-го отделения собственной е. в. канцелярии, 4 экспед., дело № 151 за 1829 г. 48) Ibidem, дело № 222 за 1822 г. 49) Ibidem, дело № 150 за 1830 г. 50) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 391 за 1830 г. 51) Архив III-го отделения собственной е. в. канцелярии, дело № 85 за 1831 г. 52) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 398 за 1833 г. 53) Туган-Барановский й. Русская фабрика. 1898 г. 54) Ibidem, гл. III. 55) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 228 за 1841 г. 56) Ibidem, дело № 217 за 1841 г. 57) Ibidem, дело № 338 за 1844 г. 58) Туган-Барановский й. Русская фабрика. 1898 г. 59) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 366 за 1845 г. 60) „Архив истории труда в России“ кн. 3, 1922 г. 61) Архив III-го отделения собств. е. в. канцелярии, дело № 116 за 1858 г. 62) Ibidem, дело № 261 за 1858 г. 63) „Дела и Дни“, книга первая, 1920 г. 64) Семевский й. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2. 65) Зыбин. История Тульского оружейного завода, 1912 г. 66) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 230 за 1820 г. 67) Алтайский Сборник, вып. I. 1894 г. 68) Архив д-та полиции исполнительной, дело № 230 за 1820 г. 69) Архив III-го отделения собственной е. в. канцелярии, 4 экспед., дело № 77 за 1826 г. 70) Ibidem, дело № 122 за 1831 г. 71) Семевский й. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 1. 1898 г. 72) Ibidem, гл. 1. 73) Архив д-та полиции исполнит., дело № 248 за 1837 г. 74) Архив III-го отд., 4 экспед., дело № 78 за 1838 г. 75) Семевский й. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I. гл. V. 76) Архив III-го отд. 4 экспед., дело № 199 за 1856 г. 77) Ibidem, дело № 104 за 1858 г.

ГЛАВА X.

Законодательство о труде.

Первый по времени исследователь фабрично-заводского законодательства в России, опровергая мнение, будто до закона 1882 г. об ограничении работ и об образовании малолетних и подростков у нас не было фабричного законодательства, указывает, что уже начиная с Петра у нас появляются „постановления, специально трактующие о фабричных рабочих, и к чести законодателей прошлого столетия нужно сказать, что этот вопрос составлял предмет их постоянных и неустанных забот“¹⁾. Но при этом из приводимого им

¹⁾ Л. Нисселович. История заводско-фабричного законодательства в Российской Империи, ч. I, 1883 г., стр. XIV—XV.

материала большая часть относилась к истории промышленности, история же развития законодательства о труде изображалась весьма неполно. Поэтому прежнее мнение не исчезло и продолжает держаться до сих пор. Так, напр., в курсе А. Быкова о фабричном законодательстве в России подчеркивается, что „время, предшествовавшее 1861 году, ... в смысле развития фабричного законодательства не только ничего не дало, но и не могло дать“. Объяснение этому автор находит в том, что „хотя в рабочей массе и до 1861 г. было уже немало как совершенно свободных людей, так и крестьян, отпущенных на оброк, т.-е. не состоявших крепостными фабриканта, однако значительная часть рабочих являлась или юридической собственностью предпринимателя и была даже лишена права на него жаловаться, или числилась прикрепленною к предприятию, при чем рабочие последней категории, обладая по закону некоторыми правами, всё же находились в крайне тяжелой зависимости и от фабриканта, и от казны; положение их иногда мало чем отличалось от положения вотчинных фабричных рабочих, над которыми власть помещика была столь всеобъемлюща, что ни о какой законодательной охране труда здесь не могло быть и речи, тем более, что государство в те времена считало необходимым всеми средствами поддерживать престиж власти помещика. Крайне тяжелое... положение крепостных... вызывало, конечно, острые вспышки неудовольствий и целые заводские бунты, иногда кончавшиеся кровавыми усмирениями, но не влекло вмешательства законодательной власти¹⁾).

В этих словах много верного, но общее заключение автора, построенное на некоторых априорных положениях, не может быть признано отвечающим действительности. И причина этого заключается в том, что в книге Нисселовича, следовавшего, повидимому, примеру Левассёра в его *Histoire des classes ouvrières en France*, большая часть материала относится к истории промышленности, история же развития законодательства о труде изображена отрывочно и весьма неполно. В предыдущих главах мною были уже восполнены эти пробелы и изложены все относящиеся сюда материалы, и из них видно, что не только действительно можно говорить о существовании у нас рабочего законодательства в крепостном периоде, но что последнее в России было даже относительно более развито, нежели в Англии, Франции или Пруссии. Само собой разумеется, что причину этого нужно искать не в большей просвещенности или заботливости нашей государственной власти о нуждах рабочего населения; она заключается в различии условий возникновения и развития крупной промышленности у нас и на Западе. В странах Западной Европы фабрики и заводы с самого начала своего появления пользовались трудом свободных рабочих; у нас же преобладал крепостной труд. Отсутствие свободы в распоряжении своим трудом у рабочего населения послужило, правда, основанием к предположению о невозможности существования у нас при таких условиях сколько-нибудь значительного рабочего законодательства;

¹⁾ А. Н. Быков. Фабричное законодательство и развитие его в России. 1909 г. стр. 127—128.

но подобное заключение не может претендовать на абсолютное значение. При наличии некоторых условий именно отсутствие свободы распоряжения своим трудом у тех или иных групп населения служило, наоборот, толчком к усилению мер попечения о них со стороны государства, являющихся как бы заменой этой свободы. Правда, на вотчинных фабриках и заводах государственное регулирование не получило распространения, вследствие противодействия помещиков, державших в своих руках государственную власть; но особенностью России является то обстоятельство, что очень значительную роль у нас, как нигде за границей, играли казенные и посессионные предприятия, на которых это государственное регулирование могло проявляться сравнительно более свободно. Поэтому, уже в XVIII и в начале XIX века в нашем законодательстве встречаются такие нормы, до которых передовые страны Западной Европы дошли только много лет спустя.

Наиболее детально разработанным является законодательство о труде лиц, занятых на казенных предприятиях. Начавшись с отдельных, случайных постановлений, оно затем, к концу изучаемого периода, превращается в довольно стройную систему, охватывающую все важнейшие стороны жизни рабочего.

Раньше всего регулирующее воздействие государственной власти коснулось продолжительности рабочего дня. В Московской Руси это регулирование существовало только для служащих в правительственных учреждениях. По обычаю того времени судьи и приказные люди сидели в приказах по 10 и 12 часов. В указе 20 октября 1658 г. предписывается „приказным людям, дьяком и подьячим в приказах сидеть во дни и в ночи 12 часов“. Таким образом, рабочий день для лиц, занимавшихся умственным трудом, не отличался по продолжительности от такового же для физического труда ¹⁾.

Познакомившись с западноевропейскими порядками, Петр круто порывает с установившимся обычаем. Генеральным регламентом 28 февраля 1720 г. предписывается вновь учрежденным коллегиям „сидение иметь... в самые кратчайшие дни в 6 часу, а в долгие в 8 часу и быть по 5 часов, а канцелярским служителям сидеть по все дни и съезжаться за час до судей“ ²⁾.

Регламент Адмиралтейства 1722 г., между прочим, содержал статьи, регулировавшие продолжительность рабочего дня (10 часов в среднем зимою и 13—летом), а также вопросы врачебной помощи, рабочей дисциплины и отпусков. В следующем году 16 октября появляется наказ заводскому комиссару Неклюдову (выработанный начальником Уральских заводов Генниным), касающийся всех важнейших сторон положения рабочих на казенных горных заводах. Постановлением Берг-коллегии от 1725 г. санкционировалось введение двухсменной 12-часовой работы с перерывом в один час для обеда, так что фактическая продолжительность рабочего дня определялась в 11 часов.

¹⁾ Полное Собрание Законов, № 237.— Ю. Готье. История областного управления в России. „Чтения в обществе истории и древностей российских“, кн. 1 за 1913 г.

²⁾ 1-е Полное Собрание Законов, № 3534.

Размер платы определялся штатами, которые вначале утверждались местной административной властью (таковы штаты Уральских заводов, выработанные в 1723 г. Генниным и в 1737 г. Татищевым), но затем они стали проходить уже в законодательном порядке. В 1786 г. на Алтайских заводах введена трехменная работа, а двадцать лет спустя разрешено было применять ее также и на Урале. Указом 1799 г. положено было начало регулированию в деле снабжения казенных рабочих и семейств продовольственными пайками. В 1806 г. утверждено было Горное положение, регулировавшее быт рабочих на Уральских заводах и в Подмосковном районе, а 1828 г. издано подобное же положение для Алтайских заводов. В 1847 и 1849 г.г. оба эти положения подвергались пересмотру.

Второе место занимают государственные крестьяне, приписанные для выполнения вспомогательных или основных по производству работ на частных заводах и фабриках. Эта группа составляет переход от казенных к вотчинным или частновладельческим крепостным людям. Первоначально государственные крестьяне приписывались к заводам лишь на время; но даже после того, как они превратились в постоянную и неотчуждаемую собственность предприятий, владельцы последних продолжали оставаться ограниченными в своих правах. Поэтому государство считало возможным принимать на себя некоторую заботу об их положении. Ранее всего это было сделано по отношению к приписным крестьянам, выполняющим вспомогательные работы на горных заводах.

Плакатом 13 января 1724 г. была урегулирована поденная плата для пеших и конных рабочих. Согласно выс. утвержд. 8 августа 1740 г. постановлению, приписные крестьяне обязаны были работать не круглый год, а только то время, которое достаточно для оплаты приходящегося на них подушного оклада; но если нельзя нанять посторонних лиц или последние будут просить слишком дорого, то разрешалось употреблять приписных крестьян и долее вышеуказанного срока, уплачивая им по плакату. В 1741 г. был издан регламент для суконных и каразейных фабрик, в котором содержится целый ряд пунктов, касающихся разных сторон быта рабочих. Что он предназначался, между прочим, также для посессионных фабрик, видно из того, что отдавать жен и дочерей мастеровых на фабричные работы представлялось по своему умотрению только тем фабрикантам, которые имеют „собственных крепостных мастеровых и работных людей“; в остальных же случаях они должны определяться по собственному их желанию и при условии назначения им такой же платы, какую получают мужчины.

Указом 1752 г. запрещалось при приписке крестьян к фабрикам отрывать их всех целиком от земледельческих занятий: на шелковых фабриках можно было употреблять на фабричную работу только четвертую часть, а на суконных, полотняных, шляпных и прочих — третью часть общего числа приписных крестьян; остальные же должны оставаться при земледельческих работах.

После крупных волнений, имевших место среди приписных крестьян на Уральских горных заводах, манифестом 27 мая 1769 г. была повышена не-

сколько поденная плата пешим и конным рабочим и установлено вознаграждение за проход на завод и обратно.

Пугачевский бунт побудил Екатерину принять более решительные меры к улучшению положения горнозаводских крестьян, и манифестом 21 мая 1779 г. было предписано повысить поденную плату вдвое против плаката 1724 г. и точно установлены обязанности крестьян, а также сроки и порядок выполнения лежащей на них трудовой повинности.

30 июня 1803 г. было установлено, что, в случае злоупотреблений или притеснения рабочих, фабрики или заводы должны отбираться от владельцев в казну с уплатою им вознаграждения или бесплатно — в зависимости от того, на каких условиях были приписаны к ним рабочие люди. В 1807 г. вышло положение о непременных работниках, в силу которого небольшая часть приписных крестьян Уральского хребта (58 на 1000 душ) превращалась из временных в постоянных горнозаводских рабочих, остальные же освобождались совершенно от той повинности, которую они до сих пор выполняли. В 1811 г. министром внутренних дел Козодавлевым был выработан проект положения о посессионных суконных фабриках, где, между прочим, содержались некоторые правила, касающиеся положения рабочих. Этот проект не получил утверждения, но зато на отдельных крупнейших фабриках были введены особые положения подобного же содержания. Первое из них было утверждено 11 декабря 1803 г. для Купавинской шелковой фабрики. В 1818 г. департамент мануфактур обратил внимание на то, что неудовольствие фабричных людей на держателей фабрик существует на многих посессионных фабриках⁴. Ссылаясь на жалобы рабочих фабрик Кознова, Лазарева, Яковлева и Осокина, департамент указывал, что „все сии и многие другие, сим подобные дела, .. главнейшее получили свое начало от того, что со стороны правительства поныне еще не сделано никакого положительного постановления как в рассуждении взаимных соотношений и обязанностей владельцев посессионных фабрик и мастеровых, так и на счет производимой задельной платы. Поныне назначение задельной платы зависит от произвола хозяина фабрики, который, не быв обязан давать по сему предмету отчет правительству, естественно действует более в свою пользу... Сие делает мастеровых к работе небрежными, штрафы и наказания, за то на них возлагаемые, приволят их в необходимость вопиять о таковой несправедливости перед правительством..., почему и настает крайняя и необходимая нужда в сочинении для всех посессионных фабрик общего положения, ... и чем скорее намерение таковое будет приведено в исполнение, тем скорее будут пресечены существующие на фабриках раздоры“.

Министр внутренних дел, в ведении которого находился тогда департамент мануфактур и внутренней торговли, командировал с разрешения комитета министров чиновника Буриашева для ознакомления с положением дел на разных фабриках. В результате были выработаны и введены в действие положения для фабрик Яковлева, Осокина и Лазарева, регулировавшие заработную плату, продолжительность рабочего дня (на Ярославской мануфактуре — 14, на Купавинской, у Лазарева и Осокина — 12 часов), количество

праздников, медицинскую помощь, выдачу пособий, штрафы и т. п. В виду того, что цены на предметы первой необходимости подвергались резким колебаниям вследствие падения курса рубля, в положениях установлен был принцип периодического пересмотра ставок заработной платы — на Купавинской фабрике через каждые 10, а на остальных через каждые 5 лет.

Подобные правила министерство внутренних дел, озабоченное прежде всего поддержанием порядка между рабочими, предполагало ввести, мало по малу, и на других фабриках. Но в 1819 г. департамент мануфактур перешел в ведение министерства финансов, которое стояло ближе к предпринимательским кругам, и за исключением одной Купавинской фабрики все остальные предположения о введении новых правил или пересмотре старых были отвергнуты министром финансов Канкриним, так как, по мнению департамента мануфактур, с одной стороны „дробность предметов, входящих в состав положений, и непостоянство цен на съестные припасы“ делают положения недолговечными, а с другой стороны таковые „положения, предписывая содержателям посессионных фабрик правила управления мастеровыми, дают повод сим последним считать себя независимыми, так что владелец в каждом предприятии своем встречает упорство в крестьянах“. Однако, жалобы и волнения рабочих продолжались и там, где не было никаких положений, и потому движение законодательства не прекратилось. Рост цен на предметы первой необходимости тяжело отзывался на положении рабочих, заработная плата которых не поспевала за дороговизной.

В 1827 г. комитет министров постановил: обязать частных горных заводчиков платить рабочим не меньше, чем получают (провиантом) казенные рабочие; отобрать — без всякой, однако, огласки — у заводчиков подписки, чтобы они „по долгу христианских владельцев“ входили в положение рабочих и „по совести назначали им достаточное содержание, удаляя всякую жестокость и притеснения, под опасением взятия их заводов в казенный присмотр; обязать владельцев выдавать рабочим провиант или безденежно, как казенным, или по умеренной цене; если же рабочие получают только денежное жалование, то последнее должно повышаться по мере повышения цен на хлеб ¹⁾.

Вследствие многочисленных жалоб приписных олонецких горнозаводских крестьян 3 апреля 1828 г. был издан указ об улучшении их положения путем сокращения количества обязательных уроков и повышения вознаграждения за их выполнение. Возбуждался даже вопрос об их полном освобождении от обязательной трудовой повинности с выделением группы непрременных работников, но, вследствие ссылки местной администрации на различные затруднения, могущие произойти от этого, он не получил положительного разрешения. Но приписным Луганского завода удалось вскоре добиться освобождения от этой повинности, и указом 10 января 1821 г. на них было распространено положение о непрременных рабочих.

В 1835 г. владельцам посессионных фабрик было дано право отпускать по паспортам своих крестьян и мастеровых с соблюдением известных условий.

¹⁾ Положение комитета министров, выс. утвержденное 23 августа 1827 г.

Это разрешалось неоднократно и раньше, но только по особым постановлениям Сената. А 18 июня 1840 г. последовало издание нового закона, направленного к постепенной ликвидации посессионных фабрик. Число их, действительно, стало быстро сокращаться вследствие стеснительности этой формы владения, с одной стороны, и малой производительности труда или волнений рабочих — с другой. Так, напр., по заявлению купца Губина „вследствие поступков самовольно отлучившегося крестьянина Кулакова, кловящихся к возмущению всех фабричных, он не надеется водворить между крестьянами совершенное спокойствие и даже страшится быть в имении, а потому, будучи не в силах управлять фабрикой“, просит министерство финансов взять ее в казну. В прошении Гусятниковой ходатайство о ликвидации фабрики мотивируется тем, что это — „единственное средство привести в тихое положение фабричных людей и избавить владельца от тяжкой обязанности утруждать местное начальство жалобами о приведении их в повиновение“ и т. д.

Около этого же времени правительству вновь пришлось заняться продовольственным вопросом. 16 января 1836 г. высочайше утвержденным журналом комитета министров предписывалось владельцам посессионных и вотчинных промышленных предприятий, для продовольствия заводских людей и мастеровых, занимающихся постоянной заводской работой, содержать всегда годовой запас хлеба в количестве, сообразном с количеством этих людей и их семейств. Те же заводские люди, кои при временном занятии работою имеют возможность заниматься хлебопашеством, должны облагаться хлебным и денежным на продовольствие сбором наравне с прочими поселянами; но те из заводских людей, кои не имеют достаточного хлебопашества и, занимаясь постоянно работами на заводе, получают задельную плату, облагаются одним денежным по 15 коп. с ревизской души сбором.

Исполнение этих правил было для заводчиков, по их словам, более или менее обременительно. Заводчики просили оставить это дело на прежних основаниях, т. е. предоставить одним из них производить задельную заработную плату без выдачи провианта; другие же обязывались (и таких было большинство) иметь постоянные хлебные магазины, но настаивали лишь на том, чтобы им разрешено было содержать запасы хлеба не по тому наличию душ и не в том количестве, какое определено для казенных рабочих, а по действительному расходу провианта за последние годы. Министерство финансов пошло на встречу этим ходатайствам, и высочайше утвержденным постановлением комитета министров было предписано: 1) заводчикам, владеющим крепостными людьми, состоящими на праве заводском или помещичьем, кои не имеют достаточного хлебопашества, предоставить производить выдачу провианта сообразно местным обстоятельствам в счет заработной платы, безденежно или за наличные по тем ценам, по каким он сам обходится заводчикам. Заводчикам этого рода должно иметь всегда при своих заводах или в селениях, к ним принадлежащих, годовую пропорцию провианта в размере действительного его употребления по сложности за последние пять лет. сверх того, обязать их постепенно входить в двухгодичный запас хлеба. 2) Так как

на некоторых заводах, по особым местным обстоятельствам, с самого почти их основания производилась только денежная плата за работы без выдачи провианта, то они оставляются в прежнем положении, но владельцам вменяется в обязанность, в случае повышения цен на провиант, непременно увеличивать и заработную плату в размере, достаточном для рабочих людей; однако, правило это предписывается одним заводовладельцам без огласки между принадлежащими им рабочими. 3) Заводчики обязываются содержать людей, данных им от казны, на том же положении, как на казенных заводах. 4) Заводы, подходящие под 1 и 3 пункты, освобождаются от хлебных и денежных взносов за своих людей; подходящие под 2 пункт — облагаются наравне с прочими поселянами хлебным и денежным сбором за тех из принадлежащих им людей, которые занимаются хлебопашеством, а которые находятся только в заводских работах, подлежат одному денежному сбору. 5) В случае справедливых жалоб рабочих на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев, заводы на праве помещичьем должны отдаваться в управление опеки, а посессионные — в присмотр со стороны казны ¹⁾.

В 1845 г. министерство финансов составило проект положения о посессионных фабриках, которые продолжали еще свое действие. Правда, в виду недостатка фактических данных о современном состоянии этих фабрик, окончательное рассмотрение проекта было отложено, и он так и не увидел света; но так как это положение получило уже одобрение департамента экономии государственного совета, то оно представляет значительный интерес для характеристики взглядов правительственных сфер того времени. В проекте имеется ряд статей, регулирующих положение рабочих. Согласно § 13, владельцы обязаны производить посессионным рабочим такую задельную плату, которая соответствовала бы различным на фабрике работам, была бы достаточна для пропитания с их семействами и равнялась плате, получаемой на соседних фабриках вольнонаемными, с принятием, впрочем, в расчет разных угодий, если ими пользуются посессионные рабочие люди. Малолетним фабричным до семилетнего возраста, не имеющим ни родителей, ни родственников, владельцы обязаны (§ 17) отпускать безденежно по одному пуду муки в месяц и иметь о них надлежащее попечение; а увечным и престарелым мужеского пола 60 лет и свыше, не могущим заниматься на фабрике никакими работами — по полтора пуда муки в месяц и производить по 7 р. 20 коп. пенсии в год или более, смотря по оказанным ими услугам, отнюдь не допуская их до нищенства. В случае болезни мастерового владелец обязан (§ 18) пользоваться его без вычета за медикаменты, а ежели болезнь продолжится более четырех недель, то отпускать семейству его безденежно по одному пуду муки и по три копейки серебром на день во всё продолжение болезни; но дабы мастеровые, по лености и нерадению, не могли по притворной болезни уклоняться от работы, то больными признавать только тех, коих таковыми найдет врач. Работы на фабриках должны продолжаться круглый год не более 12 часов в сутки (§ 43); время же начала и

¹⁾ Архив комитета министров — журнал от 26 ноября 1840 г.

окончания оных назначается владельцем. В субботние дни работы должны продолжаться не более 6 часов до обеда, а в воскресные и праздничные дни мастеровые от работ освобождаются.

Буде мастеровой по нерадению, без дозволения владельца или приставленных от него лиц, прогуляет рабочий день или не явится на работу в установленный час, то с него за первый и второй раз в каждый месяц контора фабрики вычитает столько, сколько он в потерянное время должен был заработать; в третий же раз и более виновный подвергается сверх вычета полицейскому исправительному наказанию, буде владелец или управляющий фабрики признает то нужным (§ 44). За порчу или утрату материалов и инструмента мастеровые подвергаются штрафу. Степень порчи и мера взыскания определяются на каждой фабрике особым положением, которое составляется конторой и избираемыми от всего общества фабричных старостами (§ 46).

Старосты наблюдают, чтобы контора при производстве мастеровым задельной платы не делала несправедливых вычетов; а дабы и контора была устранена от неосновательных притязаний мастеровых и старост, то каждый день должен при фабрике находиться дневальный староста, который обязан подписью своею свидетельствовать на ярлыках, что выписанные в них конторщиками количества материалов действительно мастеровым выданы, задельная плата определена верно и несправедливых вычетов не сделано (§ 47).

Старосты вознаграждаются владельцем соразмерным жалованием. Ограничиваясь вышеозначенными обязанностями, старосты не должны входить ни в какие внутренние разбирательства и распоряжения по фабрике под опасением строгого за то наказания, так как внутреннее управление зависит совершенно от самого владельца и от власти, предоставленной им конторе (§ 49).

Значительно слабее проявлялось вмешательство государственной власти по отношению к фабрикам, устраиваемым на вотчинном праве. Боясь нарушать привилегии господствующего класса и колебать основы патриархального быта, правительство не шло далее рассылки циркуляра министерства внутренних дел, которым, на основании высочайше утвержденного 23 декабря 1833 г. постановления комитета министров, рекомендовалось предводителям дворянства иметь наблюдение за тем: 1) чтобы при учреждении новых фабрик и заводов помещики по возможности избегали обращения пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам, или, по крайней мере, приступали к этому не вдруг, а постепенно, приохочивая крестьян к новому роду занятий некоторыми, хотя бы незначительными, выгодами и облегчениями, и во всяком случае не расстраивая их собственного земледелия и хозяйства; 2) чтобы не принуждали работать более трех дней в неделю, или же чтобы работали брат на брата, дабы половина семейства оставалась при своем хозяйстве; там же, где рабочие не имеют своего земледелия, выдавалась бы вместо того соразмерная трудам задельная плата; и 3) чтобы помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей на их фабриках, не принуждая их к работам в воскресные дни, двенадцатые и храмовые праздники, не изнуряя трудами слишком тягостными и принимая в соображение пол, возраст и силы каждого.

Несмотря на невинный характер этих правил, комитет министров постановил представить на усмотрение его величеству, не лучше ли будет отложить их введение, ибо „всякое отдельное ограничение власти помещиков — пока существует настоящая система крепостных прав и обязанностей — вообще, едва ли удобна и скорее имеет может последствия вредные, нежели полезные, особенно в нынешнее время, когда между крестьянами приметнее обнаруживаются беспокойства и непокорность“.

Однако Николай не согласился с этим, и правила были изданы в виде внушения помещикам, которое должно было производиться предводителями дворянства секретно, не делая огласки.

Далее нужно отметить постановление комитета министров от 26 ноября 1840 г. об организации продовольственного дела, которое было распространено также на вотчинные фабрики и которым предписывалось помещикам, под угрозой отдачи имения в опеку, держать запас хлеба для продовольствия рабочих и повышать заработную плату по мере возрастания цен на предметы первой необходимости.

Наконец, незадолго до падения крепостного права, был издан указ (9 декабря 1853 г.) об урегулировании положения крепостных крестьян, отдаваемых помещиками Западного края на землекопные, славные, лесорубные и т. п. работы. Здесь мы находим детально разработанные правила, касающиеся всех сторон жизни рабочего. Отданные в наем крестьяне должны довольствоваться достаточной и здоровой пищей за счет подрядчика. При этом, впервые в законодательной практике, точно определяется количество и состав последней: хорошо выпеченного ржаного хлеба досыта с достаточным количеством соли, а для питья — хлебный квас и два раза в день щи или похлебка и каша из гречневой или другой крупы с салом или постным маслом; в воскресные, праздничные и табельные дни — мясная или рыбная порция по одному фунту на человека. Пища выдается как в оба пути, так и на работе. Затем, крестьяне получают от подрядчика при отправке на работу кафтан, шапку и, по крайней мере, две смены белья, а для обратного пути — в осеннее время овчинную шубу или полушубок и обувь, сапоги или лапти с суконными ошунками. До прибытия крестьян на место работы подрядчик обязан приготовить для них достаточные помещения в домах или устроенных временно деревянных шалашах, снабдить нужными инструментами и предоставить им возможность хоть раз в неделю пользоваться баней. Срок работ определяется в полгода, с 1 мая по 1 ноября. Продолжительность рабочего дня — от 10 до 13 часов в зависимости от месяца, согласно положению 1843 г. об урочных работах; в воскресные и табельные дни работы не производятся, кроме экстренных за особое вознаграждение. Заболевших на работе подрядчик обязан немедленно отправить в ближайшую городскую или другую какую-либо больницу, где они и призрываются на его счет. Из договоренной по контракту платы за работу помещику предоставляется получить в свою пользу не более одной половины; остальная же часть (за вычетом лишь суммы, внесенной помещиком в счет текущих податей за лиц, посланных на работу) выдается подрядчиком непременно при старо-

сте или приказчике каждому рабочему на руки без малейшей задержки и всяких вычетов. Подрядчику (которым не может быть еврей) строго воспрещается наказывать крестьян самому или прекращать им довольствие. В случае недоразумений с крестьянами ему предоставляется воздействовать на них через старосту или жаловаться местному начальству. Для мытья белья и приготовления пищи отданным крестьянам могут быть отправляемы, по взаимному соглашению помещика с подрядчиком, несколько женщин из числа жен рабочих, но только те, которые сами изъявят на то желание. Помещик обязан отпускать с партией отдаваемых в работу крестьян благонадежного старосту из той же вотчины, из коей следуют рабочие, по выбору их самих и с одобрения помещика. Жалование ему должно уплачиваться подрядчиком в размере не менее семи рублей серебром в месяц, а пища—наравне с рабочими.

Этот указ явился результатом неоднократных официальных донесений о беспомощном и жалком положении крестьян Могилевской, Витебской и других соприкасающихся с ними губерний, отдаваемых помещиками разного рода подрядчикам. Возможность его издания объясняется тем, что им затрагивались интересы только узкого круга помещиков определенной местности, находящейся на особом положении, и главное — расплачиваться за эту заботливость правительства приходилось не им, а подрядчикам, с которыми не принято было много считаться.

Там же, где дело шло об эксплуатации крепостных крестьян на фабриках самими помещиками, и где затрагивались общие интересы господствующего класса, власть действовала очень осторожно, и ее веления облекались в гораздо более туманную форму.

Столь же в общем пассивно, хотя и по иным мотивам, держалась она по отношению к вольнонаемному труду. В первом случае объяснение малодетельности органов правительства можно найти в нежелании колебать власть помещиков над принадлежащей им живой собственностью, в боязни того, как бы неосторожным движением не выветрить духа „патриархальности“, лежащего в основе крепостного строя; а во втором — во взгляде руководящих сфер на договор свободного найма, как на лучшее само по себе средство охраны интересов рабочих. Стоя на этой точке зрения, правительство в течение всего семнадцатого и первой трети девятнадцатого века воздерживалось от вмешательства во внутренние отношения между трудом и капиталом и предоставляло им устраиваться по своему усмотрению. При существовании крепостного права свободное распоряжение своим трудом, конечно, представляло ценное преимущество, и оно недаром служило венцом желаний для остальных групп трудящегося населения. Однако, в отдельных случаях и на почве свободного договора возникали такие неблагоприятные явления, которые заставляли правительство принимать некоторые меры в интересах общего блага, подобно тому как это приходилось ему делать и по отношению к вотчинным фабрикам.

Ссылаясь на то, что на местных фабриках как хозяева, так и рабочие „подавали беспрестанные жалобы друг на друга“, московский генерал-губернатор Голицын выработал в 1832 г. проект мер для их прекращения.

Главным предметом жалоб фабрикантов было то, что рабочие из крепостных крестьян сплошь и рядом покидали работу до истечения срока найма на основании, или под предлогом, приказа своего помещика вернуться в деревню. Признавая подобное положение вредным для развития промышленности, проект запрещает помещикам требовать к себе крепостных, нанявшихся на фабрику, до истечения срока паспорта. Вместе с тем, владельцам фабрик вменяется в обязанность завести особые книги для записывания как условий найма рабочих, так и всех расчетов с последними. Мера эта тем более необходима, — говорится в проекте, — что „частые жалобы рабочих на хозяев и обратно бóльшую частью происходят от беспорядка в ведении счетов на заведениях и несправедливостей самих хозяев. А у аккуратных и честных хозяев и ныне рабочие весьма редко входят к начальству с жалобами“.

После рассмотрения в мануфактур-совете и его московском отделении, где он подвергся исправлениям, проект был представлен в государственный совет и 24 мая 1835 г. получил утверждение. Согласно § 2, до истечения договорного срока рабочих не имеет права оставлять работу или требовать прибавки заработной платы; точно также начальство, выдавшее паспорт, или владелец не имеют права требовать обратно рабочего до истечения срока договора. Хозяину же предоставляется право отпустить рабочего и до срока договора при невыполнении им обязанностей или дурном поведении, предупредив рабочего об увольнении за две недели (§ 3). Хозяева обязаны иметь особую книгу для записывания расчетов с рабочими; заключение же при найме рабочих письменного условия или выдача последним особых расчетных листов предоставляется на их усмотрение (§ 5). Правила о порядке, которые надлежит соблюдать на фабрике, должны быть вывешены на ней (§ 6).

Это положение было сначала введено в действие в Петербурге и Москве, но затем постепенно распространялось и на другие промышленные губернии.

В конце того же 1835 г. министром финансов Канкриним была представлена всеподданнейшая записка, в которой намечались некоторые дальнейшие мероприятия в данном направлении. Именно, для того чтобы „дать лучшее направление нравственному образованию рабочего класса людей на фабриках и оградить их вместе с тем от своевольного иногда обращения хозяев, не ослабляя впрочем власти их, необходимой для порядка и благоустройства заведений“, Канкрин проектировал предложить московскому отделению мануфактур-совета сделать следующее внушение местным фабрикантам: 1) чтобы содержатели фабрик в Москве пеклись о чистоте воздуха в мастерских и рабочих палатах, не позволяя в оных оставаться рабочим по ночам, и имели бы для сего отдельные покои; 2) чтобы мужчины и женщины имели для ночлега отдельные и не слишком тесные помещения; 3) чтобы на заведениях, где рабочих до 50 человек, был особый покой с двумя кроватями и нужным прибором, до 100 человек — с 4, и т. д.; 4) чтобы малолетние дети не подвергаемы были изнурению слишком продолжительной работой, и чтобы их хозяева, по мере удобства, пеклись об учении; 5) чтобы фабриканты имели попечение, дабы артели работников получали свежую и добротную пищу; 6) чтобы хозяева

старались удерживать рабочих от неумеренного употребления спиртных напитков, изыскивая при том способы, чтобы заработанные ими деньги доходили до семейств сих рабочих; наблюдая равномерно за нравственностью между рабочими на самых фабриках и в особенности там, где занимаются многие жены нижних воинских чинов.

Внушение это предполагалось „производить с кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить в работниках преждевременных притязаний и духа неповиновения и ропота“. Ознакомившись с запиской министра финансов, Николай сделал на ней собственноручную надпись: „Прекрасная мысль; стоит повсеместного введения“. Но, несмотря на высочайшее одобрение, предложение Канкрин не только не получило повсеместного применения, но и в самой Москве не встретило ожидаемого отклика. По докладу председателя отделения мануфактур-совета новому министру финансов Вронченко в 1844 г. выяснилось, что „в результате двухлетних его усилий не более 20 самых благонамеренных по Москве фабрикантов последовало внушениям отделения, приняв по возможности к исполнению высочайшую волю“, и это сообщение не только не побудило Вронченко предпринять более энергичные меры, но, напротив, он, с своей стороны, вновь напомнил о том, что нужно действовать „с крайней осторожностью в предупреждение как неудовольствия фабрикантов, так и притязаний рабочих, которые по необразованности и неразумению могут придать положительному вмешательству ложный толк“.

31 декабря 1836 г. появляется закон об отношениях между судохозяевами и рабочими. Толчком для его издания послужил доклад главноуправляющего путями сообщения гр. Толя, который во время своей поездки по Волге обратил внимание на частые побеги бурлаков и на то, что они „не защищают судна, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца“, и высказал предположение, что означенное явление происходит от бедственного положения бурлаков, побуждающего их видеть в судовладельце „как бы своего врага“. Собранные по этому поводу материалы действительно подтвердили это предположение и послужили основанием для выработки означенного закона, в котором, между прочим, проводился принцип обязательного объединения судорабочих в артели.

Вскоре после этого правительству пришлось заняться урегулированием положения вольнонаемных рабочих на золотых приисках Сибири, где в 1836—1837 г.г. происходил ряд волнений, не говоря уже о частых побегах. Положением 30 апреля 1838 г. запрещалось заключать договор найма на срок свыше одного года, по истечении которого он мог быть возобновляем. Если на приисках не было устроено зимних промыслов, то промышленник не мог заставить рабочих производить промыску золота позже 10 сентября. Работа должна производиться не более как с 5 часов утра до 8 часов вечера с некоторым перерывом на обед и с исключением воскресных и торжественных дней. Всякая уплата рабочему деньгами или вещами, а также вычеты, сделанные на основании договора или по приговору артельной расправы за прогулы и иные проступки, должны вноситься своевременно в присутствии артели в расчетный лист, выда-

ваемый рабочему; выдача денег при окончательном расчете также должна быть отмечена в этом листе. Сверх расчетных листов промышленники должны были завести у себя особые книжки и записывать в них всё вносимое в эти листы. В целях предупреждения мотовства промышленникам запрещалось отпускать рабочим в счет заработной платы вещи, принадлежащие к роскоши, а также обувь и платье, не свойственные их званию — под опасением потери их стоимости при окончательном расчете. Затем положением предписывалось, чтобы договор найма заключал в себе пункты о других сторонах жизни рабочего, но содержание их предоставлялось на усмотрение сторон.

В декабре 1840 г. по высочайшему повелению, вследствие неблагоприятного впечатления, вынесенного имп. Николаем при посещении городских больниц, была образована комиссия под председательством Буксгевдена для рассмотрения быта рабочих людей в Петербурге и для изыскания средств к улучшению их положения. В качестве таковых комиссией, после осмотра промышленных заведений столицы, были намечены следующие мероприятия: 1) настоять, чтобы для ткачей, пирожников, калачников и пряничников были устроены надлежащие ночлеги вне мастерских и чтобы во всех вообще заведениях были устроены форточки для очищения воздуха; 2) надзирать, чтобы содержатели тех квартир, где проживают чернорабочие, соблюдали в них опрятность и чистоту; 3) убеждать фабрикантов, заводчиков, мастеров и подрядчиков к человеколюбивому и совестливому обращению с мастерами и рабочими во всех отношениях и в особенности в случае болезни. Вместе с тем, подрядчикам было вменено в обязанность иметь для рабочих квартиры не сырые и не вредные для здоровья, а чиновникам полиции приказано строго следить, чтобы рабочие размещались столь возможно просторнее и в сухих помещениях и чтобы больные не оставались в них без медицинской помощи, но немедленно отправлялись в больницу.

Для того, чтобы входить во все нужды рабочих и оказывать им должную защиту, постановлено было образовать особый попечительный комитет. В 1842 г. было утверждено положение об устройстве больницы для чернорабочих в Петербурге, а затем — также в Москве и Иванове-Вознесенске.

7 августа 1845 г. был издан указ о запрещении производства работ малолетними до 12 летнего возраста на фабриках в промежутке от 12 часов ночи до 6 часов утра; в этом указе нашли себе отражение данные обследования московских фабрик, обнаружившие широкое распространение ночного детского труда.

Во второй половине сороковых годов снова усилились жалобы рабочих, при чем поводами к ним служили: 1) уплата некоторыми фабрикантами заработка не деньгами, а фабричными изделиями; 2) негодность харчей; 3) штрафы и разные произвольные вычеты из заработной платы (за станы, свечи, региральные места, чистку мостовых и т. п.). Под влиянием этих жалоб московский генерал-губернатор кн. Щербатов составил в 1847 г. проект расчетной тетради для рабочих, а также письменного условия, которое они должны обязательно заключать с хозяином. Хотя по этому проекту почти за каждое действие рабочего, неудобное хозяину, угрожало наказание в полиции, тем

не менее мануфактур-совет, на рассмотрение которого он поступил, высказался против него, считая требование письменных условий стеснительным для промышленности.

Этот протест в обычное время мог бы затормозить движение дела; но революция 1848 г., разразившаяся на Западе, заставила правящие круги насторожиться и выдвинула вперед администраторов, желавших показать, что они бодрствуют. Преемник Щербатова гр. Закревекий представил в конце этого же года записку, в которой настаивал на запрещении устройства в Москве новых фабрик или расширения существующих, ибо это угрожает порядку: „Кроме 36 тысяч фабричных в Москве считается временных цеховых, вольноотпущенников и дворовых 37 тысяч человек. Все эти люди состоят в знакомстве, приятии и даже родстве с фабричными людьми. Для охранения тишины и благоденствия, коими в настоящее время наслаждается одна Россия, правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие“. Сверх того, по отношению к существующим уже предприятиям необходимы, по его мнению, следующие меры.

1) Принимать работников не иначе, как по билетам от волостных и вотчинных правлений или от мещанских старост. 2) В билетах прописывать, кому хозяин должен выдать задельную плату, т. е. самому ли работнику, его отцу или старшине семейства, волостному или вотчинному начальству, и обозначать время, на которое нанимающийся должен быть отпущен, — последнее необходимо для того, чтобы крестьяне не отставали от полевых работ. В Московской губернии рабочие приходят обыкновенно в деревню к 8 июля и остаются там до 20 августа для уборки трав, хлебов и посева озими, а фабриканты отправляют в это время товары на Нижегородскую ярмарку и до окончания там расторжки не знают, какие изделия усилить или сократить. 3) При поступлении рабочего на фабрику или завод он снабжается расчетною тетрадью или книжкою, в которой подробно должны означаться условия платы, и затем всякая выдача денег своевременно отмечается в книжках, которые должны быть писаны по русски, а не на иностранных языках, как это делается некоторыми фабрикантами. 4) Для получения заработных денег родители рабочих или старшины семейств должны представить о себе от волостных или вотчинных начальников удостоверение; известные же лично фабрикантам или их управляющим получают заработную плату и без сих удостоверений и во всяком случае расписываются. 5) Условленную задельную плату производить не иначе, как наличными деньгами, а товаров или изделий, взамен оной, ни в коем случае не выдавать под опасением взыскания условленных денег, с потерю данных изделий. 6) Денег рабочим вперед или в долг не выдавать. Подобные заборы делаются приобывшими к разгульной московской жизни рабочими, которые, оставаясь всегда в долгу, не делают никакого пособия своим семействам и ищут разные способы к обману своих хозяев и семейных, к переходу с одной фабрики на другую и к прочим изворотам. 7) Хозяева должны строго смотреть за нравственностью рабочих, удерживать их от лености, пьянства, мо-

товства и всякого разврата. В случае неповиновения их или неисправления должны немедленно отсылать их в местную городскую часть при объявлениях, где, не входя ни в какое разбирательство, люди сии подвергаются полицейским исправительным наказаниям, с возвращением к хозяевам. 8) Хозяева и управляющие не должны допускать между рабочими никаких вспрысков, могарычей и пирушек; с нарушителями же сего поступать, как сказано в предыдущих пунктах. 9) Фабричных рабочих не впускать в трактиры и рестораны на основании 144 пункта положения о трактирных заведениях, распространив сие и на харчевни, ибо рабочие получают от своих хозяев необходимую пищу, а харчевни приучают их только к губельному мотовству и разврату.

Несмотря на энергичное сопротивление промышленников и министерства финансов, доказывавших, что русские фабричные рабочие, в отличие от западно-европейских, благодаря своей связи с деревней, не составляют особого класса, и потому увеличение числа их в Москве не угрожает опасностью порядку в государстве, Закревский одержал верх, и 28 июня 1849 г. был издан закон о запрещении устраивать в Москве новые фабрики, требующие большого количества топлива или рабочих рук.

Что касается выработанных им мер для охранения „нравственности“ рабочих, то мануфактур-совет высказался решительно против них, находя их излишними или даже вредными, и министерство финансов также присоединилось к этому. Тогда Закревский, в пределах предоставленной ему власти, приступил в 1850 г. к водворению порядка на московских фабриках. На хозяев возлагалась обязанность выдавать рабочим расчетные тетради, в которых были напечатаны новые, более детальные правила. Хозяевам запрещалось нанимать рабочих, хотя бы поденных, иначе как по паспортам, выдавать вперед им деньги на сумму более 10 руб. сер., платить товарами; фабричные и мастерские имели право принести жалобу на хозяев за дурную пищу, и местное начальство подвергало хозяина ответственности „по своему усмотрению“. С другой стороны, рабочие подвергались строжайшей субординации. Им запрещалось в праздничные дни отлучаться из своих квартир (если они помещаются в фабричном здании) позже известного часа; принимать у себя на квартире знакомых и родных ни для ночлега, ни на какое время, которое превосходит краткость обыкновенного свидания; хранить чужое имущество, деньги и пр. Они не имеют права курить сигары и папиросы ни во время работ, ни в застольных помещениях и на дворе фабрики; заводить кулачные бои и всякого рода вредные для других игры и шутки, игру в орлянку и в карты на деньги, а также употреблять бранные неприличные слова, под опасением взыскания в пользу доказчика 50 коп. сер. и наказания исправительного со стороны полиции. По воскресеньям и праздничным дням должны ходить в церковь под опасением штрафа в 5 коп. сер. в пользу доказчика.

Правила эти были введены в действие, но, судя по тому, что при обсуждении в 1854 г. общего проекта об установлении расчетных тетрадей для фабричных рабочих в мануфактур-совете, министерстве финансов и государственном совете они нигде не встретили себе поддержки, можно думать, что

введение их не сопровождалось теми блестящими результатами, которые рисовались московскому генерал-губернатору. В замечаниях, представленных мануфактур-советом, указывалось с плохо скрываемою иронией, что „по необразованности рабочего класса невозможно удержать рабочих от произнесения бранных слов, без всякого впрочем намерения браниться, и если бы за каждое такое слово с них взыскивался штраф, то у иных вышла бы на это вся задельная плата; следственно статью эту невозможно было бы приводить в исполнение“; установление же взысканий в пользу докащика „может поселить дух ябеды между рабочими“. Представители промышленности высказались также против требования о найме поденных рабочих по паспортам, находя его стеснительным и неисполнимым, а равно и против запрещения выдачи рабочим платы с их согласия не деньгами, а товарами. Вместе с тем, они высказали пожелание об изменении статьи закона, на основании которой хозяин мог увольнять рабочих до истечения срока договора, с предупреждением их за две недели до увольнения. Взамен же они предлагали предоставить хозяевам право увольнять рабочих „по причине невыполнения ими своих обязанностей или за дурное поведение“ до срока договора без всякого предупреждения.

Замечания фабрикантов были приняты во внимание министерством финансов, и с соответствующими изменениями проект был внесен в государственный совет. Последний, одоблив в общем составленный министерством финансов проект расчетной тетради, „остановился только на вопросе о благовременности ее введения и в сем отношении не мог не заметить, что при настоящих политических обстоятельствах, когда С.-Петербург и вся Петербургская губерния объявлены на военном положении и когда необходимо иметь за фабричными рабочими особый усиленный надзор, весьма было бы неудобно делать какие либо изменения в существующем порядке отношений фабрикантов и рабочих“. Поэтому Государственный совет признал полезным введение расчетной тетради по С.-Петербургу, а кстати и по Москве, отложить до более теперешних благоприятных обстоятельств. Вместе с тем, принимая во внимание, что порядок введения расчетной тетради в действие предположен как в С.-Петербурге, так и в Москве на одних и тех же общих основаниях, Государственный совет полагает, что, отложив введение ее здесь, было бы неудобно вводить ее в одной только Москве и тем более порознь в каких-либо других городах“.

Это представление получило высочайшее одобрение 12 мая 1854 г., и таким образом законопроект был положен под сукно ¹⁾.

Сожалеть об этом, конечно, не приходится, ибо из того обстоятельства, что Государственный совет мотивировал необходимость отсрочки введения законопроекта в действие нежеланием вносить возбуждение в рабочую среду при наличии военного положения, видно, что он хорошо сознавал его реакционный характер. Отмена двухнедельного срока предупреждения была, конечно, шагом

¹⁾ Архив государств. совета, дело № 6337—Об установлении расчетной тетради для фабричных рабочих.

назад гораздо бóльшим, чем те частичные поправки, которые заключались в некоторых других пунктах.

На этом и заканчивается деятельность правительства по урегулированию положения рабочего класса, ибо на очередь дня стал выдвигаться уже другой вопрос—о ликвидации всего вообще крепостного режима.

ГЛАВА XI.

Рабочие организации.

Следы существования каких-то объединений среди работающих по найму теряются в глубокой древности.

Одно из известий XII века указывает, что строительные рабочие организовывались иногда в „братии“, а в следующем столетии встречается указание, что „братство“ присуще и другим ремесленникам — напр., кузнецам, ливцам, древоделам и т. д. В 1420 г. псковичи „наняша мастера Феодора и дружину его побивати церковь“. В других источниках неоднократно упоминается о „старейшинах древодельских“¹⁾. К сожалению, нам ничего не известно о характере внутренних отношений между этими старейшинами и членами братства, между мастерами и их дружинниками: были ли первые выборными старостами самостоятельных артелей или же подрядчиками, собирающими рабочих по найму на свой страх и риск.

Более подробные данные появляются лишь с конца XVI века и они показывают, что наемные рабочие нередко объединялись в различного рода артели. На существование плотничьих артелей указывают две записи о постройке и починке мостов, заключенные разными крестьянами с казначеем Вязицкого монастыря в 1598 г., а также запись, в которой верхотурские ямские охотники обязывались казенным целовальникам сделать в казну два дощанника. Кроме условий о наемной плате, в них содержится оговорка со стороны плотников, что, в случае неисполнения взятых на себя обязательств, они подвергаются пени, что государь укажет, а работу должен всё-таки окончить тот, кто из них будет в лицах.

Об артелях ярыжных, весьма схожих с позднейшими бурлаками, говорят две записи, относящиеся одна к 1642 г. и другая—к 1653 г. Обе они представляют собою поручные, взятые Василием Обросимовым из Лыскова (Нижегор. губ.), который называет себя в первой записи приказчиком, а во второй — торговым человеком по ярыжных, обязавшихся ему итти в тягу на астраханском суде от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, а по второму акту — нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге вниз по Волге в Астрахань. Сверх этих работ, они обязывались построить в Астрахани

¹⁾ В. Гессен. К истории ремесленного труда в древней Руси. „Архив истории труда в России“. 1922 г., книга четвертая.—Н. Аристов. Промышленность древней Руси. 1866 г.

лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товары, а прочую кладь выгрузить из струга „на обруб“. Всех ярыжных по первому акту значилось 6 человек, и все они приняты за поруками; по второму же — 8 человек, принятых также с поруками, но из поручившихся двое — сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину на тот же струг. Наемной платы дано первым по 3 рубля и по 4 руб. без 10 алтын на человека; сверх того, они должны были получать „готовый хлеб и харчи“; о наемной плате вторых сведений в акте не уцелело, но „на хлеб и вологу“ они уговорились получать по одному рублю на человека. Часть наемной платы взята была теми и другими вперед, в задаток, а остальную сумму они должны получить по выполнении договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него отвечают поручители уплатою понесенных хозяином убытков и, сверх того, за выданный задаток — вдвое. С другой стороны, хозяин не в праве делать вычеты за лыки, канаты и пр. или заставлять их выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, а если судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные должны получить условленную плату сполна. А в случае болезни хозяин обязан привезти ярыжного в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу ¹⁾.

В некоторых случаях среди судорабочих образовывались более обширные и прочные объединения, проводившие энергичные меры, вплоть до объявления стачки, для защиты своих интересов. Так, сохранилась запись от 15 марта 1653 г., в которой двадцать нижнесухонских носников (т.-е. лощманов) заключили между собою договор, чтобы „промеж себя в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем“; а если местные власти „не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять за один человек, и в обиду не давать, и государю бить челом; и нам, носникам, докамест не выпустят из тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать“ и, выбрав из своей среды ходока, бить челом государю в воеводских обидах. „А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры начнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и свои братья, носников, не отпущати на те казенные суда на Меженские на осенние, опричь вешних сплавов, ладей и дощаников, которые лады и дощаники с хлебом и с иным товаром поплвут в весну“. Это соглашение не осталось только на бумаге. В начале летней навигации 1655 г. иноземец Вахрамей Петров отправился из Москвы в Архангельск со своим товаром на собственном дощанике. В Вологде он нанял тотемского носника Якунку Жукова плыть Сухоною до Великого Устюга. Но когда судно дошло до Тотьмы, то оно было задержано вышеупомянутой артелью носников, которые сняли Жукова с работы и даже подали жалобу на него воеводе. С своей стороны, Вахрамей Петров также предъявил обвинение, что они, носники, оставили его в Тотьме без лощмана и тем причинили большие убытки как ему, так и казне.

¹⁾ Н. Калачов. Артели в древней и нынешней России, стр. 8, 1864 г.

Обнаружив из жалобы сторон существование формального соглашения, или записи, у носников, воевода распорядился положить ее „перед себя в съезжей избе, какая у них та заодиначная запись, и нет ли у них какво заводу“. Однако допрошенный им носник Васька заявил, что „такая-де заодиначная запись за руками у него есть, только-де не положит (ее), потому что на него, Ваську, у товарищей его крепость есть, только-де товарищи ему велют положить—и он положит“. Чем кончилось дело, остается неизвестным. По мнению комментатора А. Введенского, „очевидно, носники считали своим правом как сплачиваться в артель, так и защищать общие интересы артели организованной стачкой. Это право могло вырости из бытовой практики самоуправляющихся мирских союзов Поморья, в социальной жизни которого можно отыскать достаточно примеров к привычке действовать солидарно и сообща“¹⁾.

Существование артелей, как бытового явления, не подлежит оспариванию; но другое дело—проведение организованной стачки.

Из того факта, что воевода обратился за инструкциями в Москву, можно скорее сделать противоположное заключение, что дело это было новое и на практике еще не встречалось...

Из других свидетельств отметим еще рядную запись Ив. Коробова, заключенную в 1695 г. с артелью в 30 человек, которые нанялись итти на его струге с товаром из Нижнего Новгорода вверх по Оке до г. Калуги. Подобных записей в бумагах торгового дома Коробовых было несколько, что свидетельствует о широкой распространенности этого явления. Артели, очевидно, вполне справлялись со своей задачей, так как при разборе дел не обнаружено никаких претензий со стороны отправителя товаров²⁾.

Существовали также артели среди каменщиков, как об этом можно судить по одному договору, относящемуся к 1686 г. В нем 14 человек монастырских и помещичьих крестьян разных селений Ярославского и Костромского уездов обязывались сделать у колокольного мастера Моторина в Москве два погреба с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами.

Возникновение и развитие крупного производства повлекло за собою объединение значительного количества рабочих рук в пределах одной хозяйственной единицы.

Но это было объединение чисто механическое или техническое, производимое исключительно в интересах производства, и оно достигалось мерами суровой дисциплины—штрафами, рукоприкладством, батогами и пр. Конечно, на почве его создавалось известное психическое взаимодействие среди трудящихся, сближение их между собою, появлялось сознание общности интересов и стремление к совместному отстаиванию их. Но в обстановке крепостного строя не было благоприятных условий для нормального выявления результатов воздействия новых форм производства, и они давали о себе знать только

¹⁾ „Архив истории труда в России“ 1922 г., книга третья.

²⁾ „Калужские Губернские Ведомости“ 1872, № 30—Рядная запись рабочей артели XVII столетия.

разве во время волнений и беспорядков. Изучение последних показывает (см. гл. IX), что в этих случаях рабочими проявлялись нередко такая стойкость, единодушие и солидарность, которых никак нельзя было ожидать в виду полного отсутствия каких бы то ни было организаций, воспитывающих эти свойства, и которые только и могут быть поняты, как непредвиденный и бессознательный результат совместного трудового процесса.

Однако, эти вспышки рабочей солидарности погасали вместе с прекращением волнений и в мирном быту не находили себе места для проявления. Только в виде редкого исключения можно отметить некоторые зародыши организации, которые относятся, с одной стороны, к вольнонаемным, а с другой — к вспомогательным рабочим.

Даже среди крепостных помещичьих крестьян начало самоуправления никогда не замирало совершенно. По словам Ив. Забелина, „выборные составляли необходимое, по понятиям времени, вотчинное представительство, которое существовало не для одного только суда, но и для всяких дел вотчины, как крестьянских, так и помещичьих... Староста имел обязанность наряжать крестьян по всякому делу. Вообще, в помещичьем быту деревенский мир являлся какой-то натуральной силой, хотя и бесправной перед самовластием вотчинника или его приказчика, но без которой всё-таки, по понятиям старины, немыслимо было устройство вотчинных дел и вотчинного управления“¹⁾.

А так как работы, выполняемые приписными к горным промыслам крестьянами, не были непосредственно связаны с заводским процессом, то это облегчало предоставление им известной самостоятельности.

По Екатеринбургскому учреждению 1722—1739 г.г. „с каждой слободы, из острогов и из больших деревень в феврале и марте собираются выборные по 3, а по нужде и по 2 человека, и разверстывают все работы на наличных годных работников при священниках, старостах и сотских“.

В конце XVIII века на Алтайских заводах администрацией установлены были еще уездные съезды мирских выборных, по 2 человека от каждой волости или слободы, для распределения работ по волостям, так как горная экспедиция назначала количество работ только по уездам. Но этот порядок не был определенно санкционирован законом и продержался недолго. В положении 1828 г. об уездных съездах выборных не говорится ни слова; вместе с тем, им отмечалось присутствие при раскладке священников и сельских властей, а вместо выборных от каждого острога и больших деревень предписывалось выбирать раскладчиков общим сходом всей волости по одному на каждые 15 дворов. Эти выборные или раскладчики приводились к присяге и затем составляли в земских избах или заменявших их потом волостных правлениях раскладные росписи работ „каждый по месту жительства своего“, т.-е. каждый для своей деревни.

Во время работ, которые продолжались 1¹/₂—2 месяца, а иногда и более, крестьяне также имели свою организацию.

¹⁾ „Вестник Европы“ 1871, т. 1.

Учреждением о Ижевских и Воткинских заводах, которое было утверждено 9 апреля 1763 г. и рекомендовано к употреблению и в других местах, предписывалось в сотнях, на которые разбивались крестьяне во время выполняемых ими работ, „выбирать с общего согласия ежегодно сотника выборного, в больших (сотнях) по 3, в малых—по 2 старосты и по 2 пищика (писаря); оным в сотнях разбирать между народом всякие ссоры и решать по числу голосов, разве где какое особое несогласие произойдет, и в таком случае таковые дела решить миром“.

Указом 30 января 1781 г. на имя пермского и тобольского генерал-губернатора вновь подтверждалось запрещение наказывать приписных крестьян самим приставам или управляющим казенных и частных промыслов и предписывалось отсылать виновных или к их выборному начальству, или в общие судебные места.

Наконец, в положении 16 апреля 1828 г., которым определялись права и обязанности алтайских приписных крестьян вплоть до самого падения крепостного права, точно также нигде не упоминается о власти заводских управляющих наказывать крестьян. Очевидно, правительство имело в виду сделать полицию и суд над приписными крестьянами одинаковыми, независимо от того, будут ли они находиться дома или на работе для заводов.

Подобные правила действовали также в Олонецком горном округе.

После освобождения приписных крестьян на Урале от обязательных вспомогательных работ и учреждения для этой цели особого разряда непременных работников, следы прежней организации были сохранены за ними. Согласно указу 15 марта 1807 г., все непременные работники при каждом заводе (казенном или частном, безразлично) разделяются на сотни и десятки. Каждая сотня имеет своего сотника, а десяток — десятника, всё же общество — одного старшину как для конных, так и для пеших рабочих. Избираются они ежегодно самими непременными работниками и утверждаются: старшина — горным начальником, а остальные — местной заводской администрацией. Эти выборные должностные лица распоряжаются и наблюдают за ходом работ и, в случае неисправности, лениности и т. д., могут подвергать виновных наказанию или даже исключению из общества непременных работников. Вопрос о виновности в таком случае рассматривается старшиною с двумя депутатами той сотни, к которой принадлежит непременный работник, совместно с двумя депутатами, избираемыми со стороны последнего.

Что касается заводских и фабричных рабочих в собственном смысле слова, то они никаких выборов не имели, и никаких организаций у них не было — ни на казенных, ни на помещичьих, ни на частных предприятиях.

Совершенно исключительный случай представляет помещичья Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга, которая в течение долгого времени находилась в управлении самих рабочих. Именно, рабочие этой фабрики заключили в 1803 г. с владельцем ее Хлебниковым следующий договор, утвержденный в уездном суде. Они получают в свою пользу $\frac{1}{5}$ часть цены всей продаваемой бумаги, которая должна определяться каждый год предста-

вителями хозяина и мастеровых. Сверх того, им предоставляются от хозяина даром дрова. Необходимый ремонт фабричных зданий и машин обязывались мастеровые производить за свой счет, кроме „знатных в машинах перемен“. На владельца возлагалась обязанность поставлять тряпье; в случае неисполнения этого условия рабочие получали от него определенную плату за каждый прогульный день; рабочие же обязывались выделывать из доставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги хорошего качества, в противном случае она могла не приниматься конторой.

Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведывал мастер, выбранный самими рабочими, которых насчитывалось 181 чел. муж. пола. Распределение суммы, причитающейся рабочим, производилось их выборными, продолжительность же рабочего дня определялась всем обществом.

Это было, в сущности, не что иное, как осуществление на практике той идеи коопартнершипа, т.-е. участия рабочих в управлении и прибылях, которая много лет спустя привлекла к себе внимание на Западе в кругах, интересующихся социальным вопросом.

От Хлебникова фабрика перешла затем к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих и обратно; при чем главным поводом к раздорам был названный договор. Полторацкая жаловалась, что „мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое от себя начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги. В сутки более они не работают 4-х часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству“. В виду этого она просила или совершенно уничтожить договор 1803 г. или же составить новое положение для фабрики. С другой стороны, рабочие жаловались на то, что Полторацкая не исполняет договора, не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и пр.

Министерство внутр. дел командировало для осмотра фабрики чиновника, обнаружившего ряд „неправильностей“, из которых наиболее значительные сводились к тому, что рабочий день по показаниям самих рабочих не превышал 10 часов; женщины на фабрике совсем не работали, из мальчиков иные и до 15 лет также не ходили на работу.

В 1813 г. сенатом было утверждено новое положение, которое в общем сохраняло прежний договор в силе, но вносило в него некоторые изменения: 1) мастер и подмастерье должны выбираться уже не рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа продолжается не менее 12 часов в сутки; 3) дети должны работать на фабрике с 12 лет.

Тогда рабочие подали в 1814 и 1816 г.г. жалобу государю, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100.000 руб. с тем, чтобы они сами заведывали фабрикой на условиях платежа казне по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги ¹⁾.

¹⁾ Туган-Барановский. Русская фабрика, 1898 г., стр. 137—139.

Жалоба на несправедливые вычеты была признана основательной, просьба же о передаче фабрики в пользование рабочим на артельных началах осталась неудовлетворенной. В этом нет ничего, конечно, удивительного, но самый факт возбуждения рабочими подобного ходатайства очень знаменателен: ибо в нем содержится та самая идея о социальных мастерских или рабочих производительных товариществах с помощью государственного кредита, которая прославилась именем Луи-Блана, когда он двадцать пять лет спустя развил ее в своей брошюре об организации труда...

Особо стоит группа вольнонаемных рабочих, которые нередко образовывали артели, цехи и общества, а иногда даже принуждались к этому самой властью.

Согласно уставу о цехах, утвержденному 12 ноября 1799 г., последние, „по свойству их упражнений“, разделяются на три рода: 1) по мастерствам и рукоделиям на ремесленные, 2) на служилые и 3) на рабочие цехи ¹⁾. Ближайшее отношение к нашей теме имеют именно рабочие цехи, ибо к первой группе относятся преимущественно ремесленники, работающие в особых мастерских (хотя могущие иногда наниматься на фабрики и заводы), а ко второй — лица, служащие по личному найму (лакеи, камеристки, кучера, повара и т. п.). К рабочим же цехам принадлежат те, кои производят за условленную плату такие работы, для отправления коих особые мастерские учреждать нет надобности, или кои промысел свой на открытом воздухе отправляют. Сюда относятся штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, каменщики, дрягили, крючники, купора, мостильщики и землекопы, огородники, ночные чистильщики и тому подобные, а для лучшего порядка каждый из них по различию их работ в особенном виде учреждаться долженствует. сверх того, в законе упоминается еще о цехе присяжном, браковом и цехе приказчиков или лавочных сидельцев.

Для ближайшего заведывания делами этих цехов учреждаются три цеховые управы: одна — для ремесленников, другая — для служителей и третья — для рабочих; каждый цех в свою очередь должен иметь алтермана или старшину.

„Буде кто имеет надобность в слуге, служанке или работных людях, то объявляет о том состоящему при цехе маклеру, который обязан стараться о скорейшем каждому из жителей доставлении людей, потребных для услуг и работ его. Всякий, ищущий услужения или работы, также должен с своей стороны являться к маклеру, который, буде такой не записан в цех, то представляет в управу о записи его; буде же он записан, то старается о немедленном доставлении ему служения или работы, дав знать о нем тем людям, кои объявили ему в том свою надобность“.

Алтерманы, по принесенным на состоящих в их цехе жалобам в худобе работы, порче вещей, недоставлении в срок и тому подобном, судят цеховых, не затягивая решения более двух суток, если подсудимый состоит налицо

¹⁾ 1-ое Полное Собрание Законов, № 19187.

Несоразмерные силам одного человека служения и работы производятся некоторым числом людей по добровольному их между собою соглашению, и таковые общества называются артелями.

Вступающий в какую-либо артель должен по принадлежности промысла состоять в цехе. В каждой артели все друг за друга должны быть поручкою и за утраченное или поврежденное ответствовать.

Каждая артель имеет своих старост и казначеев, избираемых на год и не меньше, как третьей частью артели. Артели, образующиеся для временных работ, должны состоять не менее, чем из 6 человек. Старосты или казначеи за случающимися по артельным делам отлучками, хотя и не работают, но получают пай, равный с лучшим в артели работником.

Как видно отсюда, законом 1799 г. имелось в виду создать для черно-рабочих и целого ряда отраслей квалифицированного труда особый цех во главе с управой, которая должна вести регистрацию спроса и предложения на рабочие руки, оказывать защиту рабочим, наблюдать за выполнением ими своих обязанностей и т. д.

Однако, на практике из этого ничего не вышло, ибо уже указом 12 февраля 1802 г. было постановлено „сбор с рабочих и нанимающихся в услужение людей, тягостный для народа, сколько по существу своему, столько и по образу взимания его и по состоянию сих людей, в обеих столицах отменить“, а равно и самую запись их в рабочий и служебный цехи¹⁾.

После этой неудачи вопрос, однако, не заглох окончательно. В своем докладе 13 июля 1806 г. министр финансов Васильев выдвинул, между прочим, проект учреждения вольных горных городов с целью создания кадра вольных горных людей (Bergleute), которые бы занимались горными работами не по принуждению, а по собственному побуждению, заявив, что, если бы со времени основания горных заводов в России правительство следовало примеру иностранных государств относительно образования означенных городов, то многие заводы были бы исправляемы уже вольными людьми.

В 1811 году министерством внутренних дел было составлено затем „Положение об учреждении особого состояния свободных мастеров“. Составляться оно должно было из свободных людей, обучавшихся какому-либо мастерству, и чернорабочие входить в него не имели права. Мастерским этим предоставлялись некоторые привилегии (напр., во время пребывания их на фабриках они освобождаются от рекрутчины, налогов, городских повинностей и т. п.); но вместе с тем они ставились в известную зависимость от нанимателей, паспорта им предполагалось выдавать лишь по представлении от фабрикантов, у которых они работали, особых аттестатов, свидетельствующих об их искусстве и поведении на фабрике.

Проект был внесен в государственный совет, но дальше не пошел.

В более счастливом положении оказались отрасли труда, связанные с водным транспортом. Здесь, как уже упоминалось выше, издавна существовали

¹⁾ 1-ое Полное Собр. Законов, № 20143.

артели ярыжных или бурлаков, занимавшиеся перевозкой грузов и людей на речных судах. С развитием у нас морского судоходства этот обычай стал проникать и сюда, ограничиваясь, впрочем, только некоторыми, наиболее подходящими для объединения отраслями. Так, напр., для нагрузки и выгрузки кораблей в Петербургском и Кронштадтском портах существовали особые общества мастеровых, известных под именем штуров, начало возникновения которых скрывается в неизвестности. Занимаясь снабжением шкиперов приходящих из-за границы судов рабочими людьми и домкратами, эти общества настолько окрепли, что стали даже стремиться к монополии, чем вызвали многочисленные жалобы заинтересованных лиц, которые побудили правительство к вмешательству. Положением 24 марта 1830 г. и 29 сентября 1831 г. обществам штуров вменено было в обязанность всегда предоставлять, за плату в три рубля за поденного рабочего, для нагрузки и выгрузки коммерческих судов потребное число рабочих людей безостановочно (§ 3), но вместе с тем дозволялось шкиперам нанимать рабочих и домкраты также у других людей по вольной цене или производить погрузку своими людьми, если того пожелают (§ 6).

Тогда кронштадтские мастеровые подали всеподданнейшее прошение, что, имея обязанность поставлять на летнее время полное число рабочих, они терпят подрыв от вольных, у которых шкипера, помимо них, нанимают рабочих людей и домкраты. Так, в течение навигации 1830 г. у них ежедневно оставалось от 100 до 200 человек без работы — всего они дали от себя 64.523 человека, а уволенных шкиперами нанято было 31.893 человека (считая по дням). В 1831 г. от трех только человек отпущено вольных мастеровых не менее, чем от всего цеха штуров. В виду этого они просили отменить § 6 положения и оградить их от всяких консулов и других чужеземных агентов, запретив сим лицам вмешиваться в дела, до них вовсе не касающиеся.

Кронштадтский генерал-губернатор поддержал эту просьбу, найдя ее совершенно справедливой; но интересы иностранной коммерции одержали верх, и указом 13 декабря 1832 г. отменен был не 6-ой §, о котором просили мастеровые, а 3-ий, содержавший в себе обязательство для общества штуров поставлять во всякое время шкиперам необходимое количество рабочих, на котором не настаивали и иностранные консулы ¹⁾.

В Архангельске также издавна существовали артели лоцманов и дрягилей, деятельность которых выражалась в обслуживании приходящих морских судов ²⁾. При издании в 1830 г. правил о торговом судостроении и мореходстве местному начальству было предоставлено учреждать в азовских, черноморских и дунайских портах цехи „вольных матросов“. Мысль эта была выдвинута начальником Новороссийского края кн. Воронцовым, который стремился, путем образования из прибрежных жителей особого сословия матросов, создать отечественный каботаж и освободиться от иностранных судов.

¹⁾ 2-ое Полное Собрание Законов, №№ 3554, 4337 и 5324.

²⁾ Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. 1873 г.

Однако, желающих вступить в эти цехи оказалось очень немного, и тогда правилами 26 января 1834 г. были установлены уже более значительные льготы. Мещане и государственные крестьяне, записавшиеся добровольно в морские цехи в городах Алешках и Никополе, освобождались от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутчины—с тем, чтобы из них половина молодых людей, имеющих от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имеют от 20 до 35 лет, десятый человек поступал в Черноморский военный флот сроком на пять лет; в дальнейшем же ежегодно поступают во флот по одному человеку от 20 душ. Поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходит к службе на купеческих судах.

По окончании этого стажа, каждый матрос получал патент на звание „опытного матроса“, служивший ему и паспортом, с которым он мог отправиться в плаванье и за границу.

В 1835 г. в означенные цехи записалось 1.143 души, из которых 120 человек поступило на пятилетнюю службу в Черноморский флот. Получив отзыв морского начальства, что они оказали хорошие успехи в изучении морского дела, Воронцов возбудил ходатайство о дозволении учредить цехи вольных моряков и в других местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало в 1837 г. высочайшее разрешение, распространенное затем на черноморские и дунайские порты.

В 1853 г. ревизских душ вольных матросов насчитывалось уже 12.925, а число поступивших на пятилетнюю службу повысилось до 353 челов.¹⁾

Около этого же времени новый главноуправляющий путями сообщения Толь, совершив поездку по Волге, обратил внимание на частые случаи побегов бурлаков в пути, а также на то, что они не обнаруживают охоты защищать судно, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца.

Объясняя это бедственным положением бурлаков, Толь выработал проект урегулирования вопроса.

По его мысли, на каждом судне рабочие должны составлять артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной перед судовладельцем за поступки всех ее членов, а с другой—заботится о них в случае нужды. На ряду с возложением на артель ответственности за поведение всех входящих в нее членов, ей предоставлялось право налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем, в ее распоряжение поступают известные средства—в виде штрафов, налагаемых на судовладельцев за неисполнение законов: это рассматривалось, как компенсация артели на случай, если ей придется понести убыток вследствие побега рабочих, за которых она должна была рассчитываться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих также падало на ее счет. Министр внутренних

¹⁾ „Архив истории труда в России“ 1921 г., книга вторая. А. Путилов, Цехи вольных матросов в Новороссийском крае.

дел отнесся отрицательно к проекту Толя, указывая, что судовые команды состояются из людей различных местностей, не знающих друг друга и ничем взаимно не связанных; нельзя поэтому обязывать рабочих ручаться друг за друга и заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Оздоровить же ту атмосферу, в которой происходит наем бурлаков и протекает их работа, может только одобрение или поручительство со стороны общества или помещика, которым принадлежат нанимающиеся рабочие.

Соединенные департаменты законов и экономии Государственного совета также стали на ту точку зрения, что учреждение артелей с круговой порукой нежелательно, так как, если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежит судохозяину, то невозможно заставить рабочих материально отвечать друг за друга перед хозяином; обычно артели образуются в целях удешевления и удобства продовольствия без всякой ответственности одного за другого перед хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь позволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому, или же в видах поощрения установить некоторые преимущества для хозяина и рабочих, добровольно организующихся на артельных началах.

В этом смысле Толю предоставлено было исправить проект и вновь внести в Государственный совет.

Между тем, в это время Николай I при своей поездке по Волге лично заинтересовался вопросом о положении бурлаков. Воспользовавшись этим, сопровождавший его Толь сообщил, что Государственный совет вернул законопроект, составленный ведомством путей сообщения, на что Николай заметил, что, каков бы ни был законопроект, необходимо „учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговую друг за друга ответственностью“.

Эта резолюция дала перевес точке зрения Толя и помогла ему преодолеть оппозицию министерства внутренних дел и Государственного совета. Последний, после внесения некоторых поправок в законопроект, согласился принять идею принудительного составления артелей, и 1 марта 1837 г. был опубликован закон о взаимных отношениях между судохозяевами и судорабочими¹⁾.

Следы этой идеи принудительного объединения рабочих мы находим также в положении 1838 г. о частной золотопромышленности в Сибири. Так как на золотых промыслах очень часто были случаи неявки взявших задаток лиц на место работы или побега с приисков, то для борьбы с этим злом были приняты следующие правила. Если из одного селения, волости или города нанималось несколько человек, то им вменялось в обязанность отправляться на работу артелями, избрав в каждой из них на весь путь для сохранения порядка старосту с двумя или более помощниками и вручив ему свои паспорта с круговой порукою в том, что рабочие не будут ослушаться

¹⁾ 2-е Полное Собрание Законов, № 9818.—Ю. Гессен. Бурлаки в первой половине 19 века. „Архив истории труда в России“, книга вторая за 1921 г.

от артели и будут повиноваться старосте. Артельный староста имел право, по совещании с помощниками, наказывать за всякое буйство рабочего, принадлежащего к его артели, применяясь к постановлениям об артельной расправе на приисках.

По прибытии на место работы каждый нанявшийся должен был отдать свой паспорт промышленнику и взамен его получить расчетный лист. Если с нанимателем не заключено явочного договора, то, по крайней мере, в этом листе должны быть кратко означены условия его с промышленником. Для сохранения порядка между рабочими и большего удобства в производстве хозяину дозволялось разделять рабочих на новые артели, при чем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие с своей стороны — двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право „умеренного домашнего исправления“ рабочих, составляющих артель; она имела право по словесному постановлению наказывать ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных и пытавшихся бежать — нававлением на них работ, удержанием в пользу артели части заработной платы и даже, смотря по вине и последствиям поступка, розгами, в количестве не более ста ударов.

По окончании расчета рабочим предписывалось „безостановочно следовать в места их жительства такими же артелями, как они обязаны отправляться на работы“ ¹⁾.

Как видно отсюда, закон 30 апреля 1838 г. идет уже далее закона 1 марта 1837 г.: судорабочие должны были обязательно составлять артели только уже на месте исполнения работ; при отправлении же с места жительства им только рекомендовалось делать это; по отношению же к золотопромышленным рабочим начало принуждения проведено от начала до конца, т.-е. с момента выхода нанявшихся людей до их возвращения домой.

Но целью этих артелей было не содействие общими силами материальному и духовному благосостоянию своих членов, а лучшее обеспечение заключенного ими контракта. Это было, таким образом, объединение в интересах не самих собственно рабочих, а их нанимателей, и потому комиссия, образованная в конце шестидесятых годов для пересмотра существующего положения о частной золотопромышленности, совершенно правильно нашла, что им должно быть присвоено название не артели, а партии, ибо слово артель „неприменимо к обществам, составляемым принудительно“. Практическое значение этих объединений остается к тому же невыясненным, ибо случаев материальной ответственности одних рабочих за побеги или неисправности других мне не удалось установить.

В 1846 г. чиновник Копытовский обратился в министерство внутренних дел с просьбой о дозволении ему учредить в г. Астрахани посредническую контору по найму рабочих и сбыту сельских произведений. Местный генерал-губернатор в своем заключении высказался в том смысле, что этот проект

¹⁾ 2-ое Полное Собрание Законов, № 11188.

является неудобным и стеснительным для промышленности и рабочего класса, а потому министерство ответило Копытовскому отказом. При этом, однако, генерал-губернатор счел нужным добавить, что в самой Астрахани, в отличие от прочих мест губернии, имеется „класс людей, сильно избалованный и погруженный в пороки, как-то: пьянство, невежество, разврат и воровство. Этот класс составляют дворовая и домовая прислуга, чернорабочие люди, работающие у фабрикантов и заводчиков. Обыкновенные меры полиции не действуют на улучшение их нравственности, и слышны жалобы повсюду в городе на безнадежность служителей обоего пола как крепостного, так и свободного состояний, которые грубостью, леностью и поведением своим выводят господ и хозяев своих из всякого терпения, порождая непрерывные жалобы к крайнему обременению начальства, особенно полицейского управления в Астрахани. Люди, обращающиеся в услужении при дворах, в домах и на заведениях по г. Астрахани, большею частью приезжие из верховых губерний: крестьяне помещичьи и казенные; последние преимущественно татары, склонные к обманам, воровству и мошенничеству... „К обузданию такого разряда людей и для улучшения нравственности их на будущее время“, генерал-губернатор ходатайствовал о разрешении устроить адрес-контору по образцу существующих в столицах. Однако, министерство довело до сведения генерал-губернатора, что эти адрес-конторы предназначены к закрытию, так как не оправдали возлагавшихся на них надежд ¹⁾).

В 1846 г. несколько вольных русских шкиперов, штурманов и матросов Петербургского и Кронштадтского портов обратились в министерство финансов с просьбой об учреждении в Петербурге, по примеру других наших портов, цеха вольных русских штурманов и матросов на следующих основаниях: а) в цех надлежит принимать одних русских экзаменованных шкиперов и штурманов и только русских матросов; б) хозяевам купеческих судов Петербургского и Кронштадтского портов вменить в обязанность составлять экипажи из мореходцев сего цеха, дозволяя лишь при неимении их в оном принимать иностранцев, и в) для поощрения к поступлению в вольные матросы предоставить сим людям некоторые облегчения. Таковым учреждением может устраниться для русских мореходцев затруднение в прискании себе мест на судах наших, коими в настоящее время по большей части начальствуют иностранные шкиперы, составляющие экипажи преимущественно из своих единоземцев и заставляющие через то русских мореходцев обращаться к другим промыслам для снискивания пропитания.

Признавая эту мысль „небесполезной“, министерство финансов выработало соответственный проект устава и препроводило его на заключение в министерство внутренних дел. Согласно проекту, все шкипера, штурманы и матросы обязаны записываться в цех; ежегодный взнос устанавливался для шкиперов в 6 руб. сер., штурманов — 3 руб. и матросов — 1 руб. Число русских матросов в цехе устанавливалось каждые пять лет Петербургской городской

¹⁾ Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., № 101 за 1846 г.

думой вместе с биржевым комитетом соответственно потребности и с утверждения гражданским губернатором. Иностранцы допускались до 1851 г. — согласно изданным уже ранее законам — в количестве $\frac{1}{3}$, а после этого — не более $\frac{1}{4}$.

Этот проект подвергнут был рассмотрению городской думы, которая высказалась за то, что, если такой цех будет учрежден, то лишь „на правах совершенной свободы, т.-е., не обязывая никого к записи в цех, предоставить сие собственному желанию каждого; купечеству же дозволить нанимать как цеховых, так и других вольных мореходцев, без всякого ограничения правилами цеха“. К этому заключению присоединились как военный генерал-губернатор, так и министерство внутренних дел. Тогда и настроение министерства финансов также изменилось, и было постановлено оставить проект без исполнения, так как „не представляя пользы для торгового мореплавания, он мог бы послужить к стеснению оного“ ¹⁾.

Подобная же судьба постигла проект учреждения в Астрахани общества или цеха вольных матросов, представленный в конце 1854 г. местным генерал-губернатором в министерство внутренних дел. После длинной ведомственной переписки советом министерства государств. имуществ было высказано мнение, что в настоящее время неудобно постановить какое-нибудь заключение относительно проекта и потому надлежит приостановить разрешение этого дела впредь до окончания общего рассмотрения вопроса об основаниях для учреждения цехов вольных матросов на будущее время, ибо в настоящем своем виде они „не принесли всей ожидаемой от них пользы“ ²⁾.

В 1849 г. канцеляристом Андреевым была подана министру внутренних дел записка, в которой указывалось, что, согласно ст. 416 т. XI свода законов, от записи в цехи освобождаются мостовщики, землекопы, каменщики, каменотесы, плотники и штукатуры, а также катальщики, ломщики и порядовщики (или кирпичные мастера); между тем эти именно ремесла являются главнейшими при производстве построек, и ежегодно для них приходит в Петербург и его окрестности до 350.000 человек. Поэтому он предлагал, для предотвращения многочисленных взаимных жалоб при расчетах, а также в целях предоставления казне новых источников дохода, учредить цехи и для этих профессий. Каждый подрядчик, желающий заниматься подобными работами, должен записаться в соответствующий цех и завести расчетные книжки для рабочих, куда заносились бы все выдачи.

Автору было отвечено, что соответственные предположения уже разработаны в министерстве ³⁾.

Действительно, при обсуждении нового устройства городского самоуправления в Петербурге правительство вновь вернулось к мысли об учреждении служебных и рабочих цехов, которые были уже намечены указом 12 ноября

¹⁾ Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., № 105 за 1846 г.

²⁾ Там же, дело № 235 за 1854 г.

³⁾ Там же, № 48 за 1849 г.

1799 г., но затем приостановлены в 1802 г. По новому положению, изданному 13 февраля 1846 г., служебные и рабочие цехи должны состояться из всех людей, промышленяющих в городе всякими видами наемных работ и услуг, а именно: 1) домашней прислуги всякого наименования, 2) служителей в промышленных заведениях и 3) чернорабочих, кроме прибывающих на время. Вступление в цех совершается самым простым образом, без предварительного разрешения цеха, по распоряжению его непосредственного начальства. Вследствие этого приписавшийся отвечает лично за исправность платежа податей и исполнения других повинностей, без всякой в том ответственности со стороны цеха. Число цехов устанавливается сообразно с числом принадлежащих к нему людей; учреждаются они по роду промысла и, кроме того, по частям города, в случае многочисленности приписавшихся.

Цехи могут быть подразделяемы на артели, которые состояются в количестве не менее 10 человек, с ведома и разрешения цехового начальства из людей, имеющих однородное занятие и принимающих круговое друг за друга ручательство, по примеру издавна существующих биржевых артелей.

Управа, заведующая цехами наемных служителей и рабочих, составляется из председателя и определенного числа членов. Председатель избирается распорядительной думой из числа чиновников, а члены — частью той же думой из чиновников, частью собранием вечно-цеховых из числа коренных членов городского общества ¹⁾.

В положении об общественном управлении г. Петербурга изложены были лишь главные начала для устройства рабочих и служебных цехов; подробные же правила о порядке вступления в цехи и увольнения из оных, об отправлении разных повинностей, об отношениях рабочих и слуг к хозяевам и пр. разрабатывались в министерстве внутренних дел вместе с министерством юстиции.

По утверждении этих дополнительных правил предполагалось приступить к немедленному открытию означенных цехов в столице, распространяя затем постепенно это „новое учреждение“ и на прочие города ²⁾.

Но практически и на этот раз дело не подвинулось вперед. Если цехи ремесленников успели всё же получить большее или меньшее распространение, то служилые и рабочие цехи остались лишь на бумаге. Только в провинции кое-где возникали цехи трубочистов, которых настойчиво требовало м-во внутренних дел в целях борьбы с пожарной опасностью.

Соответственный циркуляр был разослан министерством еще в 1837 г., но действие его было очень слабое. В Вятской губ. отмечено к началу 50-х годов существование цехов трубочистов без всяких уставов в г. Вятке, Слободском, Сарапуле и Орлове; в Тверской губ. — в г. Твери, Торжке и Ржеве, в прочих же городах „по малому числу мастеровых учреждение цехов оказывается затруднительным“.

Под влиянием напоминания из министерства местное начальство распорядилось подтвердить городским думами и магистратам непременно в месячный

¹⁾ 2-ое Полное Собр. Законов, № 19721.

²⁾ Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 г-р. отд., дело № 77 за 1846 г.

срок учредить цехи, где их нет, по всем мастерствам, присоединяя ремесленников, в случае недостаточного количества их, к родственному цеху, с установлением для каждого из них особых обрядов¹⁾. Но едва ли это имело какое-нибудь отношение и значение для служащих и рабочих людей, занятых вне ремесленных мастерских.

В конце 1859 г. отставным канцеляристом Петровским был представлен министру внутренних дел проект устава общества рабочих людей при С.-Петербургском порте под названием С.-П.Б. Биржевая артель. В пояснительной записке автор сообщает, что при настоящем существовании в порте 25 биржевых артелей, весьма недостаточно управляемых добровольными, домашними постановлениями, составленными частными лицами и правительством не утвержденными, постоянно возникают между членами внутренние несогласия, раздоры и даже обиды, а это — от того, что в тех постановлениях включены такие условия, которые противны не только народному духу, но и существующим законам. Например: в 14 пункте постановления Московской биржевой артели от 29 дек. 1858 г. между прочим сказано, что „на решения общего собрания артели члены ее обязываются жалоб не приносить и судебным местам таковых не принимать“. Где же после этого обиженному искать защиты, как не у закона в судебных местах? Между тем, существующие артельные добровольные постановления обязывают даже и судебные места жалоб не принимать, хотя, на основании ст. 1302 XI т., артельщики могут разбираться коммерческим судом... Само собой разумеется, что подобный деспотизм должен быть пресечен, и для того, чтобы устранить затруднения правительственных лиц и судебных мест при разрешении поступаемых на артели жалоб, по неудовлетворению ими правильных расчетов биржевых рабочих, необходимо составить запасный капитал, коего в настоящее время нет, потому что вкупные суммы делятся по рукам артельщиков. Без запасного же капитала никакое общество не может иметь особого доверия от хозяев. Бывают также в существующих артелях несогласные с духом закона постановления при увольнении рабочих из артели по возведенным на них подозрениям без выдачи вкупных сумм, от чего часто поступают жалобы, требующие не малых трудов для открытия истины, чтобы оказать невинно пострадавшим законную защиту.

По справке, приложенной автором, в Петербургском порте насчитывалось 25 артелей с общим количеством членов около 2.000 человек (от 50 до 140 чел. в каждой).

Все эти артели проект имел в виду объединить в одну организацию, подчинив изданным от правительства правилам, которые должны определять как взаимное отношение членов, так и вообще всю деятельность общества. Однако в министерстве он не встретил сочувствия, так как, согласно закону, „под артелями разумеются совершенно свободные общества, устройство которых вполне предоставляется взаимному соглашению членов“²⁾.

¹⁾ Архив мин. вн. д. хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., дело № 214 и № 215 за 1851 г.

²⁾ Там же, дело № 64 за 1860 г.

В Москве насчитывалось к этому времени, по сведениям Калачова, девять биржевых артелей с числом членов от 25 до 110 в каждой, при чем, если временно встречается надобность в людях, то, по усмотрению старосты, нанимаются рабочие из посторонних, за которых артель ручается, как за своих.

Других типов организаций, кроме артелей, почти совсем не встречается. Только на западной окраине, в пределах Царства Польского, мы встречаемся с организациями взаимопомощи, возникновение которых относится к отдаленному прошлому. Горнозаводские рабочие образовывали здесь особые товарищества, в кассы которых делались регулярные взносы в размере 6% заработной платы для постоянных и 4% — для временных рабочих. За счет этой кассы рабочие той и другой категории, пока состояли на службе, пользовались во время болезни госпиталем и лекарствами. Сверх того, постоянные рабочие, получившие повреждение или утратившие трудоспособность, — а в случае смерти — их жены и малолетние дети, получали из той же кассы вспомоществование или пенсию, какая полагалась при отставке. Со всех рабочих вычиталось также $\frac{1}{3}$ % заработной платы на содержание школ для обучения их детей¹⁾.

В 1852 г. финляндским торговым стряпчим в г. Одессе был представлен проект учреждения вспомогательной кассы для финляндских мореходцев. Средства кассы состояются из добровольных пожертвований шкиперов и экипажей финляндских судов и употребляются на выдачу пособий не свыше 10 руб. сер. нуждающимся матросам, в особенности — остающимся в Одессе по болезни; на счет же кассы должны выписываться финляндские газеты для бесплатного пользования матросов.

Министерство внутр. дел признало проект „весьма полезным в виду значительного количества финляндских матросов, прибывающих в Одессу“, и на утверждение устава последовало высочайшее разрешение²⁾.

Но среди коренного русского населения подобные учреждения оставались неизвестными. Редкое исключение составляла табачная фабрика Жукова, где ежемесячно, при выдаче рабочим жалованья, у каждого из них удерживалась некоторая сумма, которая постепенно накапливалась и выдавалась сполна рабочему не иначе, как при увольнении его в домашний отпуск. При этом всякий отпускаемый в виде награды получал проценты за удерживаемые суммы; лица же хорошего поведения пользовались еще дополнительным вознаграждением, состоящим в месячном и в большем окладе жалованья. Эта своеобразная касса держалась, однако, не на самодеятельности рабочих, а исключительно на благожелательности хозяина, усмотрением которого определялись как размеры удержания из жалования, так и выплаты из кассы — „смотря по домашним нуждам всякого получателя“³⁾.

¹⁾ „Горный Журнал“ 1859, № 10.

²⁾ Архив м-ва внутренних дел, департ. хоз., дело № 147 за 1852 г.

³⁾ „Журнал Мануфактур и Торговли“ 1840 № 1 — О внутреннем устройстве табачной фабрики Жукова.

Как видно из изложенного, наиболее часто встречающимся типом организации были различного рода трудовые артели, выполнявшие функции частью обществ взаимопомощи, частью профессиональных союзов, которые организовывались рабочими на Западе. Но неблагоприятные условия крепостного режима мешали им получить надлежащее развитие, и они никогда не могли возвыситься до роли учреждения, сосредоточивающего на себе внимание и надежды широких рабочих масс.

В заключение отметим те немногие случаи, когда дело выходило за пределы повседневных мелочей жизни, затрагивая более широкие или общие вопросы и приобретая таким образом характер политический.

В 1827 г. в руки администрации Верхне-Исетского завода Яковлева попала бумага, адресованная „президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу Мордвинову“. Автором ее оказался крепостной Яковлева А. Лоцманов, занимавшийся письменной частью в конторе и учительством в заводской школе. Будучи сыном приказчика, он детские годы провел в Москве, где побывал в нескольких пансионах. Он любил читать книги, из которых упоминает о романах Шпица „Рыцари Льва“, записке о якобинцах и сочинении Гельвеция „Дух разума“. Несколько раз предпринимавшиеся им попытки выйти из очень тяготившей его крепостной зависимости не привели к желанной цели, и это дало толчок мыслям о составлении общества для распространения идей свободы. Отправленный в возрасте шестнадцати лет на завод для определения на службу, он познакомился там с конторщиком Махотиным, в котором думал найти себе единомышленника. Последний спрашивал Лоцманова о масонских ложах и его отношении к ним, и эти разговоры навели его на мысль о составлении вышеозначенного документа, который настолько заинтересовал Махотина, что он взял его себе из стола тайно от Лоцманова. Впоследствии, однако, их отношения расстроились, и письмо попало в руки начальства. Лоцманов был арестован и посажен в Бобруйскую крепость, откуда был освобожден лишь через пять лет ¹⁾.

В 1836 г. на заводе Лазаревых в Пермской губ. возник небольшой кружок из числа служащих, учителей и учеников горнозаводской школы, которым был выработан устав организации приверженцев свободы, т.-е. противников крепостного права, и вышущено соответствующее воззвание. „Во всех известных странах света,—говорится здесь,—не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью не только от своих господ, но и от равных крепостных людей“...

Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательного труда в пользу господ, доказывающаяся неосновательность

¹⁾ Архив III отдел. собств. е. в. канцелярии, 1 экспед., дело № 441 за 1827 г.—О возмутительном письме, написанном заводским служителем Лоцмановым.

санкционирования этого порядка авторитетом священного писания, ибо бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство, и, наконец, делается ссылка на пример „граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами... Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно станет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе; следственно, она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и об ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, испровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства“.

Воззвание это попало в руки начальства, послужив поводом к производству дела о „противозаконном обществе“, состоящем из шести человек в возрасте от 18 до 25 лет. При допросе Петр Поносов, первым подписавший бумагу, сознался, что он был первоначальным зачинщиком составления общества для ниспровержения власти сначала ближайших из среды их начальников; впоследствии же возымел намерение „отторгнуться от власти помещиков“ и в заключение решил составить общество, которое бы старалось объединить возможно более членов с тем, чтобы, когда разрастется оно до такой степени, что станет возможным уже начать явно действовать, тогда „распространить о восстановлении всеобщей вольности“. Мысли эти возникли в нем под влиянием „читанности книг“, а именно сочинения под названием Куно фон-Кибург; при обыске у него были найдены также стихи декабриста Рылеева. О намерении составить общество было сообщено им весною 1836 г. трем товарищам по учению, которые обещали ему полное содействие. Впоследствии были приглашены еще пять учеников, и в общем собрании были составлены воззвание и правила общества. Затем приглашены были некоторые из должностных заводских лиц, но им о существе дела и составленных правилах ничего не говорилось.

По распоряжению из Петербурга было произведено тщательное расследование, нет ли в этом деле других сообщников среди населения окрестных заводов и лиц иных состояний, и в особенности — нет ли руководителей из посторонних, более „дальновидных людей“. Однако таковых обнаружено не было; округ Лазаревских заводов очень глухой, население отличалось спокойствием, и все дело — „лишь плод безрассудной мечтательности Петра Поносова, превратного понятия читанных им книг и своего состояния“. По высочайшему повелению шестеро подписавших правила общества были сданы в рядовые финляндских батальонов; трое участвовавших в составлении общества, но не подписавших правил — рядовыми в отдельный кавказский корпус; трое же оговоренных в знании о составленном обществе, но не уличенных в этом — отданы под секретный надзор полиции ¹⁾.

¹⁾ Там же, 4 экспед., дело № 58 за 1837 г. — О противозаконном обществе на заводах г. Лазаревых в Пермской губ.

В конце 1839 г. владелец Суксунского горного завода Демидов препроводил по начальству две выписки, найденные в числе забранных у бывшего управляющего его заводом Кузнецова, содержавшие в себе либеральные идеи, противные учреждениям правительства. При разборе конторских бумаг, находившихся в кабинете Кузнецова, найдены были между прочим: 1) выписки из неизвестной книги какого-то графа Валериана С. С. об условиях помещика с крестьянами и о быте земледельцев; 2) день казни — письмо Рылеева от 13 июля 1826 г.; 3) при повторном обыске в доме найдена была еще выписка из проекта комиссии составления законов, наполненная неприличными отзывами о правительстве, и некоторые др. По мнению администрации заводов, Кузнецов имел в виду „восстановить крестьян на заводах против помещиков“, и потому, в предотвращение беспорядков, необходимо его переселить на жительство в Сибирь, чтобы показать пример взыскания за непокорство. На этом ходатайстве Николаем была положена отметка: „справедливо“¹⁾.

Как ни невинны и робки были эти первые проявления пробуждающегося народного сознания, однако они напугали правительство тем, что здесь оно впервые столкнулось с протестом, возникшим не на почве экономических жалоб зависимого заводского населения, а идущим от „превратных мыслей“ или „начитанности книг“ среди тех элементов его, которые, благодаря получению некоторого образования, могли рассчитывать на привилегированное положение. Поэтому, вскоре после обнаружения кружка Поносова на заводе Лазарева состоялось высочайшее повеление о составлении особого комитета для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения лиц несвободного состояния и их программ.

¹⁾ Там же, 1 экспед., дело № 12 за 1840 г. — О крепостном человеке Демидова Я. Кузнецове и о найденных у него записках предосудительного содержания.

Указатель личных имен.

- Акема Т. 18.
 Александр I Павлович 14, 82, 113, 156, 162.
 Алексей Михайлович 11, 61, 81, 83, 91, 103.
 Андреев 171, 232.
 Андросов 78, 114.
 Анин И. 83
 Анна Иоановна 7.
 Анна Леопольдовна 61.
 Антонов Трофимка 81, 91.
 Ануфриев 151.
 Аристов Н. 219.
 Арсеньев К. 108.
 Артемьев 140.
 Асташев 158, 197.
- Бабкин 187.
 Баландин 10, 158, 196.
 Баташев 6, 175
 Безобразов В. 32, 33, 62, 96, 97.
 Белосельская кн. 184, 198.
 Белобородов 170.
 Берх В. 90, 151.
 Бибииков А. 169, 172.
 Блан Луи 225.
 Близр 85.
 Блудов Д., гр. 44.
 Болотин 170, 171.
 Болховская 49.
 Борисов 188.
 Борисовский 121.
 Бороздин 191.
 Бранденбургский Н. 84.
 Бржезолдовский 50.
 Бровкин 187.
 Буксгевден, гр. 192, 215
 Бульмер 6.
 Бураков 167.
 Бурнашев 78, 201, 206.
 Буров 182, 183.
 Бутеро 192.
 Бутковский А. 49.
 Быков А. 61, 73, 203.
- Варгунин 119, 149.
 Васильев, мин. фин. 226.
 Васька, носник 221.
 Введенский А. 221.
 Виниус А. 6, 18.
 Витер 27.
 Воронцов М., кн. 168, 171, 227, 228.
 Вронченко Ф. 214.
 Вяземский, кн. 55, 56, 153—155, 168, 169.
- Гаврилов П. 126.
 Гагарин, кн. 177, 178, 179, 180, 183, 198, 199.
 Гакман Я. 136.
 Гакстгаузен А., бар. 123.
 Гамель И. 65, 81, 152.
 Ганешин 120.
 Гарденин 173.
 Гарелин Я. 121, 130, 135.
 Гаскойн, 29.
 Генике 175, 176.
 Геннин В. 7, 20, 35, 61, 63, 83, 86, 136, 140,
 152, 204, 205.
- Георги И. 105—107.
 Герман И. 5, 62, 63, 65, 66, 71, 82, 85, 86
 89, 141, 152, 157.
- Гессен В. 219.
 Гессен Ю. 229.
 Гмелин И. 56, 90, 126, 137.
 Голицын, ген.-губ. 187, 212.
 Голицынский А. 131.
 Голубков 197.
 Горчаков, ген.-губ. 37.
 Готье Ю. 204.
 Гофферланд 184.
 Груздев 42, 43, 186, 201.
 Гудович 46.
 Гурьев 168.
 Гусев 178, 181—183.
 Гусятников 208.
- Дебосис П. 5.
 Девятисильная Д. 13.
 Демидова 187.
 Демидов, заводч. 6, 7, 19, 27, 37, 50, 55, 56,
 69, 151, 153, 165, 167, 168, 171,
 172, 174, 199, 238.
- Ден В. 5.
 Дерби А. 8.
 Десятов 190, 192.
 Дитре 163.
 Дмитриев 167, 178, 179, 182.
 Довнар-Запольский М. 80, 103.
 Докучаев 171.
 Дряблов 161.
 Дрягия 190, 191.
 Дуббельт 50.
 Дудышкин 162.
 Дурново 50.
- Екатерина Алексеевна 7, 14, 20, 55, 58, 86,
 105, 113, 153, 155, 168, 169, 201, 206.
 Елизавета Петровна 7, 13, 114.

- Еремин 191.
Ермолаева 49.
- Жуков фабрикант 235.
Жуков Якушка 220.
- Забелин И. 91, 164, 222.
Заблоцкий-Десятковский А. 9.
Закревский, ген.-губ. 15, 123, 124, 148, 164, 216, 217.
- Занегина 121.
Заозерский А. 81.
Зеленцов 176.
Зобнин Н. 23, 57, 62, 64, 65, 71, 72, 82, 87, 96, 134, 145, 146, 156.
- Зотов 197.
Зыбин 141, 202.
Зырянов 202.
- Иван IV Васильевич 5, 11.
Ирман, ген. 35, 86.
- Казанцев 10.
Калачов Н. 147, 220, 235. —
Калитин 166.
Камаганцев 191.
Канкриш Р. 38, 41, 44, 46, 50, 58, 86, 132, 207, 213, 214.
- Карпов 188.
Кафтырева 176.
Кибург Куно фон 237.
Кильбургер 84, 103, 122.
Киселев, гр. 9.
Китгары М. 79.
Клейменов 188, 189.
Ключевский В. 13, 103.
Клюшин 182.
Козлов 178, 181.
Кознов 174, 206.
Козодавлев О. 206.
Козырин 191.
Копытовский 230, 231.
Коробов 221.
Корт 8.
Косолапов 198.
Костомаров Н. 90.
Котляревский 9.
Котов 182, 183.
Кочубей В. 162.
Коэт 11, 83.
Красильников 197.
Кривошалкин 129, 130.
Криночкин 191.
Крылов 171.
Кудрявцев 192.
Кузьмин 168, 197.
Кузмин Максимка 81, 91.
Кузнецов 238.
Кулаков 208.
Кулишер И. 13.
Курирянов 171.
Курц В. 84, 103.
- Лазарев 74, 78, 127, 146, 200, 206, 236, 237, 238.
Ламздорф 194.
- Лаппо Г. 4.
Лаппо-Даннлевский А. 101.
Латынин 98, 145.
Леброн 12.
Левассер Э. 203.
Леденбург К. 128, 129, 133, 139.
Лепехин И. 82, 84.
Лепешкин 59.
Лиман 163.
Лион 79.
Лодыженский К. 14.
Лоцманов А. 236.
Лугинин 171, 199.
- Маврин 173.
Максимов 185.
Малевинский 197.
Малин 174.
Мальцев 75, 121, 131.
Маркс К. 166.
Марселле П. 6, 18, 83, 84, 126, 166.
Матов 186.
Махотин 236.
Мертваго 186.
Мещерский 171.
Минеев 170.
Михаил, святи. 177, 178, 179, 181, 199.
Михаил Федорович 6, 11, 103.
Мишо 38.
Мингалеев 194.
Мозель X. 83, 90, 99, 103, 128, 135, 138, 145.
Мордвинов Н., гр. 236.
Морозов 91, 164.
Моторин 221.
Мясников 196, 197.
- Нарышкин Л. 84, 126.
Недопекин 162.
Неклюдов 204.
Николай I Павлович 37, 45, 76, 123, 132, 147, 211, 213, 215, 229.
Нисселович Л. 61, 151, 202, 203.
- Обросимов 147, 219.
Озерский 35.
Окулова 45.
Олиц, полк. 167.
Оловяшников 47.
Осипов 196.
Осокин 42, 74, 78, 115, 146, 163, 168, 175, 206.
- Павел Петрович 14, 21, 41, 66, 113, 172, 194.
Паллас П. 56, 90, 133, 134.
Палтов 172, 201.
Панков 60, 79.
Патоков 30.
Пашков 197.
Петров 186, 220.
Петров Я. 126.
Петровский 234.
Петр I Алексеевич 6, 7, 11—15, 18, 19, 27, 41, 48, 61, 71, 72, 81, 85, 104, 110, 114, 136, 140, 151, 171, 202, 204.
Петр III Федорович 168.
Планер 202.

- Полторацкая 174, 224.
 Полуярославцев 161.
 Поносов П. 237, 238.
 Попов 10, 196.
 Порецкий 37, 38.
 Порозов 188, 189.
 Посошков И, 13.
 Походяшин 169.
 Пранге 100.
 Пугачев Емельян 86, 111, 154, 166, 170, 172,
 199, 202, 206.
 Путилов А. 238.
 Пушкин А. 201, 202.
 Пыляев М. 5, 10, 107.
 Радинг 163.
 Расторгуев 162, 175, 198.
 Ребров 60.
 Реймерс Г. 104, 107, 111, 112.
 Реннин 171.
 Риттер 129, 134.
 Родионов 30.
 Руперт 38.
 Рыкачев А. 117, 118.
 Рылеев К. 237, 238.
 Рычков П. 172.
 Рязанов 10, 158, 196, 197.
 Саввиных 159.
 Салаутин 172, 201.
 Сапелькин 119.
 Сведен 11.
 Севергин 126.
 Селезнева 49.
 Семевский В. 10, 37, 40, 133, 154, 159, 201,
 202.
 Семенов 13.
 Серебрянников 138.
 Скальковский К. 72, 134.
 Скуратов 59.
 Соймонов П. 21, 22, 26.
 Соловьев С. 201.
 Сосулин 197.
 Спасский Г. 151.
 Строгонов 99, 181, 183.
 Сурич 184.
 Сухово-Кобылин 45, 79.
 Сухозанет, ген. 156, 165, 193.
 Тараканов 184, 185, 198.
 Тарбет 11.
 Татищев В. 18, 28, 35, 55, 91, 136, 140, 152,
 205.
 Твердышев 35.
 Толкачов 197.
 Толь, гр. 147, 214, 228, 229.
 Томилов 68.
 Тройников 186.
 Туган-Барановский М. 13, 16, 42, 59, 61, 73,
 115, 130, 202, 224.
 Тулинов 174.
 Турчавинов 53.
 Угличанов 47, 58.
 Ульянова 192.
 Фалькенберг 38, 70.
 Фальк 83.
 Фантеев 120.
 Федоров 177.
 Федосеев Ивашка 126.
 Фейгин 113, 114.
 Феодор 219.
 Фибих 100.
 Фиоравенти А. 5.
 Фирсов Н. 199, 201.
 Флетчер. Дж. 122.
 Фонвизин 65, 81, 91.
 Фризе 137.
 Хлебников 22, 23, 24.
 Хлопуша А. 170.
 Цедергоф 137.
 Чевкин К. 35.
 Черепанов 196.
 Чернышев 53, 168, 170.
 Чупин Н. 99, 139, 160.
 Швецов С. 63.
 Шебалов А. 4.
 Шеледев 186.
 Шилов А. 4.
 Шняпов 149.
 Шниц 236.
 Шторх Г. 104, 106, 123.
 Шувалов 22, 168.
 Юсупов 74.
 Яковлев 42, 54, 74, 78.
 Ясинский П. 81.
 Эгансон 176, 185.
 Эсене 109.

Топологический указатель.

- Авгорский завод 193.
 Авзено-Петровский зав. 19, 126, 167, 169, 170, 173.
 Азов 113.
 Азовское море 228.
 Алапаевский зав. 145, 168.
 Алевзинский уезд 84.
 Александровский зав. 28.
 Александровский прииск 197.
 Алексинский уезд 126.
 Алешки, село 228.
 Алтай 22, 23, 27, 28, 64—66, 68, 72, 83, 89—91, 96, 128, 139, 159.
 Алтайский округ 10, 17, 20, 34, 35, 57, 62, 63, 88, 145.
 Алтайские заводы 56, 57, 62, 71, 113, 139, 143, 145, 146, 153, 156, 157, 194, 205, 222.
 Америка 8.
 Амстердам 12, 83.
 Англия 8, 11, 12, 59, 203.
 Апенский зав. 19, 55, 168.
 Апраксина фабрика 100.
 Арзамас 81.
 Архангелородская губ. 102, 104.
 Архангельск 220, 227.
 Архангельская губ. 27.
 Асташева прииски 197.
 Астрахань 219, 230, 231, 232.
 Астраханские озера 11.
 Атинский зав. 185.
 Ачинск 30.
 Ачинский округ 196.
 Балтийское море 76.
 Барневская слобода 153, 168.
 Баташева фабрика 174, 175.
 Башкирия 19, 35, 167.
 Бежевский уезд 171.
 Белое море 76.
 Белорусский край 16.
 Велосток 77.
 Березовские промыслы 66—68, 185, 194, 195, 201.
 Бириккуль, река 10.
 Висерский зав. 191.
 Бобруйск 183.
 Богословский зав. 36, 64, 98, 146, 175, 192.
 Богословский округ 32, 88.
 Бовдари село 173.
 Боренский зав. 171.
 Борисовского фабрика 120, 121.
 Боскова прииск 196.
 Браушвейг 6.
 Бровинных фабрика 187.
 Брынский зав. 167.
 Вага, река 6.
 Варгунина фабрика 119, 149.
 Варюхина, деревня 195.
 Варюхинская волость 194.
 Васильевский зав. 71.
 Верхнеисетский зав. 168, 174, 236.
 Верхнеудинский округ 10.
 Верхотурский уезд 7.
 Верхотурье 89, 166.
 Витебская губ. 51, 212.
 Владимирская губ. 15, 16, 75, 121, 149, 175.
 Вознесенский завод 167, 192, 201.
 Вознесенская фабрика 131.
 Вологда 104, 220.
 Вологодская губ. 5, 11, 176, 185.
 Воронеж 172.
 Воронежская губ. 15, 58.
 Воронцова завод 162.
 Воскресенский прииск 196.
 Воткинский зав. 154, 168, 169, 172, 223.
 Волга, река 214, 219, 228, 229.
 Всеволодблагодатские промыслы 197.
 Выборг 111.
 Выйский зав. 172.
 Вышегородская вол. 18.
 Вятка 233.
 Вятская губ. 9, 25, 28, 39, 50, 126, 233.
 Гагарина фабрика 177, 198, 199.
 Ганешинных фабрика 120, 121.
 Гарденина фабрика 173.
 Германия 12.
 Голландия 6, 12.
 Голубкова фабрика 197.
 Гора, село 199.
 Гороблагодатские зав. 27, 64, 69, 86, 95, 168, 174, 185.
 Гороблагодатский округ 169.
 Григорьевский рудник 85.
 Гродненская губ. 15.
 Груздева фабрика 186, 201.
 Гусевская фабрика 54, 75, 121, 131.
 Гусевский завод 75, 131, 200.

- Дедилов, гор. 5.
 Динабург 183.
 Дмитровский уезд 115, 131.
 Днепр, река 228.
 Донец, река 11.
 Донецкий бассейн 11.
 Дугнинский зав. 167.
 Духанинский зав. 11.
 Екатеринбург 7, 126, 136, 166, 175, 176, 185, 188.
 Екатеринбургские заводы 64, 67.
 Екатеринбургский округ 7, 62.
 Екатеринославская губ. 60, 79.
 Енисейская губ. 39, 70, 129, 137, 138.
 Енисейский округ 10, 133, 197.
 Жиздринский уезд 55.
 Забайкалье 197.
 Забайкальский край 10.
 Закожухские приiski 196.
 Замосковский округ 17, 36, 92.
 Замосковский зав. 92.
 Зеледеевское, село 195.
 Златоустовские заводы 187.
 Змеиногорск 57.
 Змеиногорский край 58.
 Змеиногорские рудники 72, 133.
 Зотова приiski 197.
 Ибердецкий зав. 36.
 Иваново-Вознесенск 122, 130, 149, 215.
 Иваново Вознесенский район 100, 125.
 Измайловское село 11.
 Илецкая Защита 11, 31, 32.
 Ильинский острожек 166.
 Ильинское, село 168.
 Ирбинский зав. 30, 31, 137.
 Иркутск 20.
 Иркутская фабрика 28, 175.
 Иркутский зав. 11.
 Исет, река 7.
 Истинский завод 6.
 Истна, река 6.
 Базань 115, 163, 170, 173, 175.
 Казанская фабрика 161.
 Казанская губ. 11, 25, 104, 125, 126.
 Казанский уезд. 19.
 Калуга 50, 125, 221.
 Калужская губ. 6, 15, 16, 55, 121, 167.
 Кама, река 10.
 Камско-Вотгинский зав. 62, 63, 64, 87.
 Камско-Ижевский зав. 27, 86, 116, 154, 168, 169, 172, 223.
 Камчатка 160, 161.
 Камышлов 167.
 Канский зав. 138.
 Каслинский зав. 162, 175.
 Катаевский зав. 100, 184.
 Каширский уезд 44, 126.
 Кедрозерский зав. 6.
 Кизи, село 194.
 Кия, река 10.
 Киевская губ. 15, 16.
 Киргизские степи 10.
 Киргизский зав. 172, 175.
 Кислинский зав. 168.
 Клин 186.
 Клинский уезд 186.
 Кознова фабрика 174, 206.
 Козьминский зав. 106, 171.
 Колпенский зав. 31.
 Колывано-Воскресенский завод 20, 22, 27, 59, 62, 65, 66, 128, 137, 139, 141, 142, 195.
 Кострома 6.
 Кострома, река 6.
 Костромская губ. 11, 15, 16.
 Костромской уезд 221.
 Красильникова приiski 197.
 Красное, село 121.
 Краснослободск. 199.
 Красносельская фаб. 74, 174, 201, 223.
 Краснояр, дер. 191.
 Красноярск 72, 90.
 Красноярский округ 10.
 Красный Кут 79.
 Кренгольмская фабр. 149, 165.
 Крестовоздвиженские промыслы 192.
 Крошингат 183, 227, 231.
 Крымские озера 11.
 Крюкова фабрика 120.
 Кузьмина приiski 197.
 Кузьянские копи 11.
 Кунгур 166.
 Кунгурский край 168.
 Кундусунольский ключ 16.
 Кунавинская фабрика 74, 130, 146, 187, 206, 207.
 Курган 199.
 Курляндия 83.
 Курская губ. 15, 16.
 Кушвинский зав. 146.
 Кыштымский зав. 134, 162, 168, 172, 175.
 Лазарева завод 74, 78, 127, 206, 237, 238.
 Лицевый зав. 28, 76, 166, 171, 172.
 Лицевая вол. 126.
 Литейный двор 27.
 Лифляндская губ. 15.
 Лондон 106, 123.
 Луга 197.
 Луганский зав. 22, 28, 29, 36, 126, 207.
 Луганский округ 35.
 Лысково 219, 220.
 Малевинский прииск 197.
 Мална фабрика 174.
 Мальцева завод 121.
 Маринский прииск 197.
 Масленский острог 153, 168.
 Минский завод 184.
 Минусинский округ 10.
 Могилевская губ. 27, 212.
 Морозова завод 91.
 Москва 5, 6, 11, 16, 18, 49, 53, 59, 75, 78, 80, 83, 90, 91, 100 — 103, 109, 110, 114 — 119, 122, 123, 149, 152, 164, 170,

- 172, 179, 180, 183, 192, 193, 204, 213—
218, 220, 221, 235, 236.
- Московская губ. 15, 16, 79, 103, 104, 114, 216.
- Московская фабр. 111, 171.
- Мотовилхинский завод 71, 87, 98.
- Мста, река 102.
- Мясникова прииск 196, 097.
- Нарва 111.
- Нарова, река 118.
- Невьянская слобода 168.
- Невьянский завод 7, 56, 171, 200.
- Неглинная, река 6.
- Нейвепский зав. 56.
- Нерчинский завод 22, 27, 28, 194.
- Нерчинский округ 35, 36, 192.
- Нижегородская губ. 11, 15, 39, 91, 194, 219.
- Нижегудинский округ 138.
- Нижний Новгород 221.
- Николаевский прииск 138.
- Никополь 238.
- Ница, река 6, 85.
- Ницинский зав. 6.
- Ничинский зав. 31.
- Новгородская губ. 5, 11.
- Новороссийский край 227.
- Нытвинский завод 145.
- Одесса 235.
- Ока, река 221.
- Окулова фабрика 45.
- Оса, гор. 199.
- Олекминский окр. 10.
- Олонецкая губ. 5, 6, 95.
- Олонецкие заводы 22, 24, 27, 66, 95, 99, 126,
128, 157, 166, 194, 201.
- Олонецкий округ 6, 17, 34—36, 223.
- Омск 28.
- Онежское озеро 7.
- Оренбург 31, 170.
- Оренбургская губ. 11, 16, 19, 25, 173, 184,
193, 197.
- Орлов 232.
- Орловская губ. 15.
- Осокина фабрика 74, 78, 115, 162, 168, 175,
206.
- Ояшиская вол. 194, 195.
- Павловская фабрика 111.
- Панькова фабрика 79.
- Париж 12, 123.
- Пашкова прииски 197.
- Пензенская губ. 33, 146.
- Переяславль-Залесский 110, 120, 121.
- Перь 87, 98, 192.
- Пермская губ. 7, 15, 16, 25, 28, 50, 62, 83,
89, 90, 93, 97, 99, 113, 126, 127, 128,
134, 137, 146, 174, 175, 185, 197, 198,
236.
- Пермский завод 27, 50, 64, 67, 87, 88, 98.
- Петербург 12, 16, 26—28, 48, 49, 60, 77,
81, 100—106, 108, 109, 111, 112, 114,
117, 118, 119, 123, 132, 133, 149, 174,
178, 180, 181—183, 198, 213, 215, 218,
223.
- Петербургская губ. 15, 16, 114, 174, 218.
- Петербургский округ 6.
- Петербурго-Олонецкий район 91.
- Петрозаводск 7.
- Петропавловский завод 168.
- Плещево село 129.
- Повенец 7.
- Подольская губ. 15.
- Подмосковный округ 172, 205.
- Полтавская фабрика 161.
- Польша 6, 15, 237.
- Поморье 221.
- Попова прииски 196.
- Походяшина завод 170.
- Починки, село 129.
- Починковские станы 81.
- Пранге фабрика 100.
- Пруссия 8, 12, 203.
- Псковская губ. 11.
- Пушкарский приказ 84.
- Пыскорнь 10.
- Пыскорский завод 71.
- Расторгуева завод 198.
- Ребольский погост 166.
- Ревдинский завод 168, 176, 187, 188, 190,
191, 192, 200.
- Ревель 111.
- Ржев 232.
- Рига 104.
- Ромодановская вол. 167.
- Россия 3, 5—7, 10, 12, 14, 15, 19, 28, 36,
37, 39, 40, 58, 59, 63, 78, 82, 85, 90,
101, 104, 122, 164, 202, —204, 216,
226, 236, 237.
- Ростов 179, 180.
- Ростовский монастырь 180.
- Рыбинская пристань 184.
- Рязанова прииски 197.
- Рязанская губ. 36, 172, 172, 175.
- Саксония 6.
- Салаир 57.
- Салаирский край 58, 145, 157.
- Самара 219.
- Сапелкина фабрика 119.
- Сарапуль, гор. 232.
- Саратов 170.
- Саратовская губ. 15.
- Сатинские зав. 139, 170.
- Сергинские заводы 145, 175, 180, 185.
- Сереговский завод 11.
- Сестрорецкий завод 72, 77, 91, 92, 116, 136,
139, 140.
- Сибирь 9, 10, 16, 19, 20, 28—32, 34, 35—
39, 69, 87, 89, 90, 128, 158, 166, 167,
176, 181, 182, 185, 187, 191, 193, 197,
214, 229, 238.
- Сибирская губ. 104.
- Сибирские заводы 28.
- Симбирская губ. 146, 192.
- Симские заводы 99.
- Славянские заводы 11.
- Слободский, гор. 232.
- Смоленская губ. 51, 104.

Соликамск 6, 85, 87, 90, 151.
Соликамский уезд 168, 169.
Соломенская волость 18.
Сольвычегодский уезд 5.
Сосулина прииски 197.
Строганова завод 93.
Суксунский завод 23.
Сухона, река 220.
Сысертский зав. 145.

Тагильский (Нишне) зав. 50, 56, 69, 143, 168,
172, 200.

Талаюльские прииски 196.
Тальская фабрика 192.
Тамбовская губ. 15, 16, 36, 166, 173, 174.
Твердышевский зав. 172.
Тверь 233.
Тверская губ. 15, 233.
Тельминская фабрика 29.
Тобольская губ. 9, 25, 26.
Толкачева прииски 197.
Томск 72, 194, 195.
Томская губ. 10, 38, 39, 76.
Томский зав. 157.
Торжок 233.
Тотьма 220.
Тула 5, 6, 140, 141.
Тулинова фабрика 174.
Тульская губ. 15, 16, 187.
Тульский зав. 73, 77, 81, 84, 91, 134, 141,
Тульский округ 6,
Тульский уезд 224.
Туринск 193.
Тюмень 199

Угоцкий зав. 18.
Ужженский зав. 186.
Ураинский зав. 172.
Урал 6—10, 17, 20, 27, 32, 34—36, 55, 61,
66, 68, 69, 83, 84—86, 89—92, 95,
97, 98, 111, 126, 128, 146, 151, 159,
168, 170, 171, 187, 194, 205, 223.
Уральская область 192.
Уральский завод 28, 35, 61, 62, 63, 66, 69,
84, 92, 113, 139, 152.
Уральский округ 6, 17, 25, 36, 65, 142.
Уральский хребет 22, 27, 57, 86, 206.
Усторецкий завод 6.

Устюг 220.
Устюжна Железнопольская 5.
Уфа 184.

Фибиха фабрика 100.
Франция 8, 12, 59, 203.
Фряновская фабрика 54, 115, 130, 172.

Харьковская губ. 11, 15, 16.
Херсонская губ. 15.
Херсон 28.

Чаусская вол. 194.
Челябинск 172.
Чепцовский завод 126.
Чердынь 90.
Чердынский уезд 90, 108, 169.
Череповецкий завод 36.
Чернышева завод 162.
Черниговская губ. 15.
Чусовая, река 10.

Шадринский уезд 20.
Швеция 6, 8, 74.
Шексна, река 6.
Шипова завод 149.
Широгорская фабрика 176, 186.
Шлиссельбург 111.
Шуваловский завод 168.
Шуя, гор. 131.

Эриванская губ. 11.
Эстляндская губ. 15.

Юговские заводы 55, 87, 98, 127, 146.
Юрезань-Ивановские зав. 184.
Юрюзанские заводы 100, 139, 156, 193.

Ягузинского завод 71.
Яйва, река 10.
Яковлева фабрика 74, 73, 199, 200.
Ярославль 54, 58, 177—181.
Ярославская губ. 11, 15, 181, 183.
Ярославская фаб. 130, 206.
Ярославский уезд 221.
Ярское, сел. 195.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Очерк развития крупной промышленности	5
„ II. Состав и численность рабочего класса	16
„ III. Женский и детский труд	52
„ IV. Рабочий день	61
„ V. Зарботная плата в связи со стоимостью жизни	80
„ VI. Жилищные условия	125
„ VII. Санитарные условия и обеспечение при потери трудоспособности	133
„ VIII. Рабочая дисциплина	150
„ IX. Рабочие волнения	165
„ X. Законодательство о труде	202
„ XI. Рабочие организации	219
Указатели	239

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ

Проф. К. А. ПАЖИТНОВЪ.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ.

ТОМ ВТОРОЙ.

ПЕРИОД 1861—1905 г.г.

Д. О. Заславский и Вл. А. Канторович.

ХРОНИКА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Т. I. Февраль—Май 1917 г.

Проф. Б. В. ТИТЛИНОВ.

ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ.

С. МСТИСЛАВСКИЙ.

ДЕНИКИНЦЫ НА УКРАИНЕ.

П Е Ч А Т А Е Т С Я .

Проф. К. А. Пажитнов.

Развитие социалистических идей в России.

Т. I. От Пестеля до группы „Освобождение Труда“.

2-ое дополненное издание.

О Г Л А В Л Е Н И Е :

Предисловия к первому и второму изданию.

Введение. Определение социализма и классификация социалистических систем.

Глава I. П. И. Пестель.

Глава II. Кружок Герцена и Огарева. Эволюция социально-политических взглядов Белинского. В. Майков и В. Милютин.

Глава III. М. В. Петрашевский и его кружок.

Глава IV. А. Гакстгаузен и значение его книги о путешествии по России.

Глава V. А. И. Герцен.

Глава VI. Н. Г. Чернышевский.

Глава VII. Умственное движение шестидесятых годов. Позиция „Колокола“. Прокламация „К молодому поколению“. „Молодая Россия“. Листки „Великорусса“. Общество „Земля и Воля“. Д. Каракозов и кружок „Ад“. С. Г. Нечаев и его общество „Народной Расправы“.

Глава VIII. Разработка идеи о рабочих ассоциациях в произведениях Чернышевского. Книга А. Корсака „О формах промышленности и о значении домашнего производства в Западной Европе и России“. В. В. Берви (Н. Флеровский).

Глава IX. М. А. Бакунин.

Глава X. П. Л. Лавров. „Вперед“. Русская секция Интернационала. „Народное Дело“.

Глава XI. Движение в народ. П. Н. Ткачев и его „Набат“. Общество „Земля и Воля“. „Черный Передел“. „Народная Воля“. „Северный союз русских рабочих“.

Глава XII. Н. К. Михайловский. В. В. (В. Воронцов). Николай—он. Прогноз о судьбах капитализма в России. Письмо К. Маркса к Михайловскому. Дальнейшая эволюция взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о ходе экономического развития России.

Глава XIII. Зарождение марксизма. Группа „Освобождение труда“. Г. В. Плеханов. Его „Социализм и политическая борьба“ и „Наши разногласия“. Проект программы русских социал-демократов.